

Без них мы не победили бы

Воспоминания
женщин-участниц
Октябрьской
революции,
гражданской
войны
и социалистического
строительства



Политиздат

Без них мы не победили бы

Воспоминания
женщин-участниц
Октябрьской
революции,
гражданской
войны
и социалистического
строительства

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1975

Составители:

М. О. ЛЕВКОВИЧ, А. И. НУХРАТ, О. Н. ПЕТРОВСКАЯ, К. К. КОЖИНА, Л. Е. КАРАСЕВА.

Б39 **Без них мы не победили бы.** Воспоминания женщин-участниц Октябрьской революции, гражданской войны и соц. строительства. М., Политиздат, 1975. 447 с.

Это книга воспоминаний советских женщин — участниц великой битвы за обновление нашей страны, за перестройку ее на социалистических началах. Авторами книги выступают женщины — участницы Октябрьской революции, гражданской войны, партийные, советские и хозяйственные работники, деятели науки и культуры.

Б $\frac{10604-287}{079(02)-75}$ 217—76

9(С)2 + 32С6

© ПОЛИТИЗДАТ, 1975 г.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

Ко мне пришли составители книги воспоминаний большевичек, названием которой они взяли замечательные слова Ленина: «Без них мы не победили бы». В руках у моих посетительниц красные гвоздики и папки с рукописями уже в окончательном варианте. Раскрыв их, они показали мне и фотографии женщин, написавших эти воспоминания. Некоторые из фотографий сделаны в их далекие молодые годы. И, глядя на фотографии и на алые гвоздики, я как-то особенно ощутил тесную органическую связь цветка гвоздики с необыкновенной стойкостью, которая дала силу этим скромным женщинам, красивым не только красотой молодости, но и непреходящей одухотворенной красотой души, сильным волей, вести борьбу за осуществление извечной мечты человечества.

Листаю рукопись, слушаю пояснения, кое-что прочитываю. И улавливаю необыкновенные, захватывающие дух события, несравнимые по силе и достоверности с фантастикой... Воспоминания о них драгоценнее алмазов, рубинов, да... рубинов, так как все, чего мы достигли, завоевывалось кровью, ценой величайших жертв. В числе революционеров, в числе энтузиастов социалистического строительства было немало героинь-женщин. И среди них — авторы этой книги воспоминаний. Они не только совершили подвиги на фронтах борьбы с белогвардейцами и на фронтах труда, они еще и отдавали великому делу революции всю теплоту своих женских сердец, свою материнскую нежность.

И вспомнились мне далекие, далекие годы моего очень короткого детства, ласковые, горячие руки моей больной матери. Мне пошел только седьмой год, когда я лишился матери, умершей от туберкулеза легких. Семья наша: отец, мать и я — жила, как и другие рабочие семьи, в темной сырой землянке, выкопанной на склоне холма в Печерском районе города Киева. Позже, когда я стал большевиком и читал работы Ленина, я часто думал о том, что его слова —

«капиталист получает возможность совершенно задавить рабочего, загнать его до смерти на каторжной работе, да и не его одного, а также и его жену и его детей» — полностью относились и к нашей семье. Со смертью мамы все заботы обо мне легли на отца. Оба мы тосковали по моей ласковой матери.

Воспоминания захватили меня, и я задумался над тем, каких огромных достижений мы добились менее чем за шесть десятилетий Советской власти. Прошлое женщины-работницы, крестьянки, ее положение в семье кажутся кошмарным сном. Как мало еще рассказано об этом! Сейчас, когда мы должны передать опыт героической борьбы нашего народа за социализм международному коммунистическому и рабочему движению, народам всего мира, борющимся за свое освобождение, особенно важен выпуск воспоминаний о тех годах, когда трудящиеся нашей страны боролись за установление Советской власти, за ликвидацию капиталистического строя, за построение социализма.

Вот в этом и заключается ценность предлагаемой вниманию читателей книги.

Я уверен, что рассказы о женской доле тех, кто отдал свою молодость, годы и десятилетия борьбе, помогут больше ценить настоящее и правильнее понимать будущее, чтобы продолжать работу по завоеванию мечты человечества — коммунизма.

Ф. Н. ПЕТРОВ,
член КПСС с 1896 года,
дважды Герой Социалистического Труда

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ¹

...В 1917 году в январе в Цюрихе (в Швейцарии) было очень много революционной молодежи из разных стран, которая понимала, что война, которая идет, это война грабительская, война империалистическая. С самого начала войны Ленин старался как можно ярче вскрыть этот грабительский характер войны, показать, из-за чего война. Он написал книжку об империализме ², собрал данные, которые особенно вскрывали суть колониальной политики империалистических стран, и, начиная с момента, когда разразилась война, он все время говорил о необходимости поднять знамя борьбы против этой империалистической войны. Я помню, как после того, как разразилась война, мы жили в Швейцарии. Жили как эмигранты. Снимали комнату у сапожника, маленькую комнату, окна которой выходили во двор, куда выходили также окна колбасной. Было совершенно невозможно открыть окошко. Я боялась, что Ильич захворает. Хозяева были очень хорошие люди. Они сдавали комнаты. В их квартире жили люди разных национальностей. Там жили и немцы, и французы, и мы — русские — жили. Конечно, квартира была бедновата и жили мы бедновато. Приходилось стряпать. Собирались все на кухне. Там была такая газовая плитка, и около этой газовой плитки мы, женщины, обыкновенно обсуждали все интернациональные вопросы. Хозяйка, жена сапожника, страшно негодовала на эту войну и раз сказала: «Надо, чтобы солдаты обратили оружие против своих правительств». Владимиру Ильичу, которому я об этом рассказала, так это понравилось, что он после этого ни за что не хотел выезжать из этой квартиры.

¹ Из речи Н. К. Крупской, произнесенной 11 ноября 1934 года на собрании студентов и преподавателей Коммунистического университета трудящихся Востока (опубликована в газете «Известия» 20 января 1960 года). Выступление дается с сокращениями.— *Ред.*

² Имеется в виду книга В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (Полн. собр. соч., т. 27, стр. 299—426).— *Ред.*

...В феврале разразилась Февральская революция. Я помню, как мы узнали о Февральской революции. Только что пообедали. Я мыла посуду. Потом мы собирались идти в библиотеку. Вдруг приходит один польский товарищ¹ и говорит:

— Что же вы сидите, ведь в России революция!

Мы, конечно, забыли обо всем другом думать и побежали на берег Цюрихского озера, где под навесом выставлялись всякие телеграммы. Читаем: действительно, революция. Ну, конечно, эта революция была еще революцией буржуазной. Царя сбросили, а власть помещиков и капиталистов еще осталась. И вот Владимир Ильич тогда писал товарищам: надо сейчас шире идти в массы, будить сознание масс, указывать, что на этом нельзя останавливаться, а надо бороться дальше.

Не сразу, прошло некоторое время, прежде чем удалось через швейцарских товарищей добиться, чтобы нас пропустили через Германию. О том, что делается в России, мы, конечно, знали из телеграмм, но Владимир Ильич и все мы не представляли себе еще конкретно всех деталей того переворота, который произошел в России. Рядом с Временным правительством существовал Совет рабочих и солдатских депутатов. Правда, этот Совет рабочих и солдатских депутатов не стоял еще на большевистской точке зрения, не считал себя властью, но все-таки ясно было, как влиял он на массы, в какую силу мог развернуться. Был громадный революционный подъем.

...Когда приехал Ильич в Питер, увидел он, что встречают приехавших революционные войска, устроили почетный караул, вся площадь залита народом. В этот момент Ильич почувствовал, что его заветная мечта о социальной революции близка к воплощению. Его поставили на грузовик, и он, обращаясь к массам, говорил:

— Да здравствует социалистическая революция!

...Вот с этого времени началась подготовка к Октябрю. Ленин очень внимательно вглядывался в то, что делается кругом. Он прислушивался к тому, что говорят массы. А ведь это было такое время, когда днем и ночью на улицах обсуждались все вопросы: вопрос войны, вопрос революции.

...Массы жили всем этим. Это был момент революционного подъема масс. Но тогда Ленин отмечал, что массы еще не понимают, что надо захватить власть. И когда через три

¹ М. Г. Бронский.— Ред.

недели собралась партийная конференция¹, Ленин говорил, что главная задача сейчас — это вести разъяснительную работу. Он говорил, что надо как можно шире использовать вот этот революционный подъем масс для того, чтобы массам сделалось понятным, за что борются большевики, сделалось понятным, что большевики борются за мир. Этот лозунг — борьба за мир — был таким лозунгом, который объединял всех трудящихся. Этот лозунг захватил и деревню, потому что солдаты ведь, главным образом, были из деревни. И вот эти солдаты, которые заполняли все улицы Петрограда, горячо стояли за то, чтобы был мир. Но, говорил Ленин, надо объяснить, как мы сумеем это провести, как мы хотим этого добиться. Когда ведешь пропаганду среди масс, писал Ленин в то время, надо быть всегда очень конкретным, надо говорить не общими лозунгами, а разъяснять, давать простые и правдивые ответы на все вопросы. Одной из характерных черт Ленина было то, что он умел очень конкретно подходить к массам. Он никогда не обещал ничего, не давал никаких обещаний, а говорил только то, что он сам думает. И рабочие говорили про Ленина: «Он с нами говорит всерьез...»

Ленин знал, как тяжело было положение крестьян. И вот вместе с призывом к миру он говорил о необходимости выдвинуть другой лозунг — лозунг о том, чтобы земля стала общественной собственностью, говорил о том, чтобы отнять землю у помещиков.

...Наконец, вопрос о власти, о том, что надо взять власть. Этот вопрос требовал большого разъяснения. И вот Ленин говорил о необходимости вести эту разъяснительную работу. Разъяснительная работа, которую повели большевики, имела большой успех, потому что лозунги были выбраны такие, которые особо волновали массы... Тогда во всех домах; повсюду говорили уже о том, что надо прогнать министров-капиталистов; и даже маленькие ребята слушали то, что говорили взрослые. Мальчик лет шести играет во дворе. Поставил десять камушков, бросается в них и приговаривает: «Долой десять министров-капиталистов!»

...Помню июльские дни... Ленину после июльских дней пришлось скрываться, так как повсюду старались его поймать, выследить. Он скрывался одно время опять-таки на Выборгской стороне, потом скрывался у тов. Аллилуева, а

¹ Апрельская Всероссийская конференция РСДРП(б), состоявшаяся 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 года. — *Ред.*

потом его решили увезти подальше от Петрограда, в Разлив (по Финляндской ж. д.). Там жила семья тов. Емельянова — нашего старого партийца, который был еще в боевой организации 1905 года, и хотя ребят у него было много всех возрастов, но ребята были выучены конспирации, так что никто из них не мог проговориться, что тут живут какие-то неизвестные люди.

Конец лета, осень Ленин прожил в Разливе. Летом их все принимали за рабочих: косят что-то, сено сгребают,— казалось естественным. А зимой надо было куда-то перебираться. И вот один финский товарищ перевез Владимира Ильича на паровозе в Финляндию, в Гельсингфорс¹.

...Я работала в это время в Выборгском районе²... Когда Владимира Ильича перевезли в Финляндию, где он скрывался, он сносился через Выборгский район, передавал записки через финских товарищей. Первое время мы решили, что я не поеду в Финляндию, а останусь тут, буду наблюдать и потом рассказывать Владимиру Ильичу. Наконец я получила от него химическое письмо, т. е. письмо, где между строк было написано химически то, что надо было написать. Он давал там свой адрес, чтобы я могла, никого не спрашивая, к нему приехать, и рассказывал, как, под какой фамилией он там живет, у каких товарищей. Беда только в том, что, когда я стала нагревать это письмо, немножко обгорел уголь, так что я не могла прочитать, как надо пройти. Емельяновы устроили мне переход через границу. Дастали мне паспорт Атамановой, старухи 65 лет. Я надела платок, стража на границе не обратила внимания, пропустила меня. Доехала до Гельсингфорса. Там побродила. Еле-еле нашла, но никого не спрашивала. Поговорили обо всем...

Через две недели после своей первой поездки, уже в сентябре, я опять поехала тем же путем, с тем же паспортом Атамановой, в солдатском вагоне. Только на этот раз в вагоне были совсем другие разговоры. Входит, например, в вагон солдат и рассказывает о том, как они в Выборге офицеров посбросали с моста. Там же сидел какой-то господин с портфелем, так он сейчас же на первой же станции вышел. Всю дорогу солдаты говорили о том, как надо брать власть. Подходишь к окну вагона, газетчик продает кадетскую газе-

¹ Речь идет о машинисте Г. Э. Ялава. Переезд состоялся 9(22) августа 1917 года. — *Ред.*

² Н. К. Крупская была членом Выборгского райкома РСДРП(б). — *Ред.*

ту «Речь», и надо было видеть, с каким презрением к буржуазной, кадетской газете солдат говорит газетчику: «Я из этой бутылки не пью».

Когда приехала, я рассказала Ильичу о настроениях солдат, о настроениях Выборгских рабочих, передала все то, что товарищи хотели ему рассказать. И вот, знаете, видно было, как он весь ушел в мысль о том, что уже приближается время, когда надо не прозевать момент, когда надо устраивать восстание...

К этому времени, к сентябрю, относится его статья «Удержат ли большевики государственную власть?»¹. Это замечательная статья. Она написана необыкновенно горячо. Там излагаются основы Советской власти...

А затем он написал письмо в ЦК, где говорил: сейчас момент такой, что надо брать власть, что сейчас капиталисты Германии хотят заключить с Англией сепаратный мир, Временное правительство хочет сдать Петроград, не хочет отстаивать революционный город, и сейчас надо не пропустить момент. Затем Ильич решил переехать в Петроград. Он стал перебираться поближе. Из Гельсингфорса переехал в Выборг и оттуда написал в ЦК письмо², где излагал свою точку зрения... Те долгие годы эмиграции, когда он изучал, как происходили революции в других странах, дали ему чрезвычайно много. Ленин, например, много раз читал и перечитывал, что говорил Маркс о восстании. Он знал опыт Великой французской революции, опыт Парижской Коммуны. Поэтому в письме ЦК он дал конкретные указания: играть с восстанием нельзя, уж если решились на восстание, так надо идти до конца. Он говорил, какие пункты надо захватить, какие мосты захватить, телеграф, телефон, как связаться с войсками, как захватить правительство, давал подробную картину того, как надо организовать революцию... В прежнее время у нас революционеры думали: «Восстанет народ — и падет произвол», все как-то стихийно произойдет, а сила большевиков была в том, что они говорили и проводили восстание по определенному плану, строго продуманному.

Одновременно с этим письмом Владимир Ильич написал мне химическую записку, чтобы я нашла ему квартиру. Такую квартиру я ему нашла. У одного из наших Выборгских товарищей — тов. Фофановой была удобная квартира, она

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 287—339.— *Ред.*

² «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239—247).— *Ред.*

была в доме, где жили рабочие, в квартире никто не жил, кроме Фофановой. Она могла выполнять все поручения Ильича. Эту квартиру мы могли законспирировать. Владимир Ильич всегда обращал внимание на то, чтобы никогда не забывать старых конспиративных навыков. И в революции 1917 года, в подготовке к Октябрю он использовал все старые навыки. И химические записки были одним из таких старых приемов. Квартиру приготовили. Финские товарищи перевезли его в Петроград... Собрался ЦК. Владимир Ильич поставил вопрос о необходимости вооруженного восстания, революции. Громадное большинство ЦК было за...

Дело в том, что уже к этому времени Советы встали на сторону большевиков, они были уже достаточно распропагандированы. Советы были уже за восстание. Это был тоже один из моментов, который показывал, что время для восстания уже наступило. 10-го было собрание, а 15-го собрались в Смольном представители от всех районов, от парторганизаций... Нас от Выборгского района было восемь человек. Все представители единогласно голосовали за восстание. Большинство других районов было также за восстание... Все петроградские партийные организации были за восстание.

На другой день было расширенное заседание ЦК совместно с профсоюзами. На этом заседании уже был обсужден весь план восстания, был выбран Военно-революционный комитет¹, который должен был все подготовить, и в первую очередь должен был подготовить к восстанию войска... И вот получилась такая картина: есть Временное правительство, а все войска решили, что они слушаются только Военно-революционного комитета, который был при Петроградском Совете. Конечно, положение становилось все острее и острее. Временное правительство решило... арестовать Военно-революционный комитет (а туда входили члены нашего ЦК), развести мосты, чтобы разъединить районы. Затем стали стягивать юнкеров, которые остались верными Временному правительству, к Зимнему дворцу. В Зимнем дворце сосредоточилось правительство. Одним словом, ясно было, что наступил момент, когда нужно или отстоять Советскую власть, или же быть разгромленными.

Владимир Ильич сидел в квартире Фофановой. Один только тов. Рахья приходил к нему и осведомлял, да я при-

¹ Согласно протоколу ЦК № 26 от 16 октября 1917 года, расширенное заседание ЦК избрало Военно-революционный центр, который был включен в состав Петроградского ВРК — штаба восстания.— Ред.

ходила. Квартира была так законспирирована, что даже члены ЦК не знали, где это Ильич скрывается...

Ночью я думала: «Что же делает Ильич, неужели он сидит все на квартире у Фофановой?» Пошла ночью к Фофановой. Она сказала, что Ильич ушел. К нему пришел Рахья. Рассказал, что разводят мосты... И решили они с Рахья, что Ильич пойдет. Он был загримирован. Ему повязали на голову какой-то платок. Очень неуклюже все это было сделано. Дорбгой Ильич потерял шапку... Словом, еле-еле прошли они в Смольный. Пришел Ильич и стал принимать непосредственное участие в руководстве восстанием. А я не знала. Пришла на квартиру к Фофановой, постучала условным стуком. Она сказала, что Ильич ушел. Тогда мы с секретарем района, с Женей Егоровой, прицепились к какому-то грузовику и поехали в Смольный. Тогда настолько захватывающим было впечатление восстания, что я не помню — видела я там Ильича или не видела. О восстании думала...

Благодаря такой подготовленности, продуманности взятие власти прошло без больших жертв. Было арестовано Временное правительство¹. Керенский бежал. Надо сказать, что все были тогда еще очень добродушны. Наши красногвардейцы рассуждали иногда так: «Ну что же, он член Временного правительства, но его можно пропустить, он не активный».

Вот и Керенского прозевали как-то, а он потом через несколько дней стал наступать на Петроград. Правда, у него ничего не вышло из этого, но все же уже начиналась гражданская война.

...Все это происходило одновременно со II съездом Советов. И вот я помню выступление Ильича по вопросу о земле². Неподалеку от меня сидел один революционер. Он был одет в тулуп, по-крестьянски. И когда он слушал речь Ленина, у него как-то особенно светилось лицо. Видно было, что он видит осуществление того заветного, о чем думал многие годы и за что боролся. Вообще II съезд Советов прошел с большим подъемом...

Я переселилась к Ильичу в Смольный. Там нам отвели комнату. Это был раньше Институт благородных девиц, и

¹ В два часа ночи с 25 на 26 октября 1917 года, то есть спустя 14 часов после того, как Петроградский ВРК объявил о переходе власти в свои руки.— Ред.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 23—27.

нам отвели комнату одной классной дамы. Наверху был кабинет Владимира Ильича. Он был уже выбран Председателем Совета Народных Комиссаров на II съезде. Напротив его кабинета была приемная комната. И вот приходишь, смотришь. Комната такая маленькая. Сесть негде. Ильич стоит к окошку спиной, оперевшись на стену или на окно. А тут приезжают солдаты с фронта, делегации за делегацией, и Ильич ведет большую разъяснительную работу с этими делегатами.

Надо сказать, что Ленина тогда никто не знал в лицо. Вечером мы обыкновенно выходили из Смольного, гуляли вокруг Смольного, и никогда никто его не узнавал, потому что тогда портретов не было.

...После Октября пришлось партии вести очень большую, широкую пропаганду за власть Советов. Пришлось вести большую организационную работу. Тогда Ленин говорил, что надо весь уклад изменить... Установки Октября были по всем вопросам, но их пришлось долго проводить в жизнь. Ленину пришлось, главным образом, работать в годы «военного коммунизма». Он только указал, как, он думает, должна дальше идти работа, а проводить ее партии пришлось уже без него...

Наша Октябрьская революция никогда не могла бы иметь места, если бы мы не учли опыта предыдущих революционных войн. Октябрьская революция — это победа не только русского пролетариата, это интернациональная победа, как и та работа, которая сейчас идет, работа по социалистической стройке...

«МЫ ПОСТРОИМ РЕСПУБЛИКУ ТРУДА»

Осенью 1916 года я приехала в Петроград, поступив учиться в Психоневрологический институт.

Северная столица с ее холодной, суровой красотой произвела на меня неизгладимое впечатление.

В институте действовали представители разных политических партий. Вместе со мной на семинарах и лекциях бывала красивая веселая девушка из Новочеркасска — Мария Аристарховна Авилова. Мы скоро подружились, и она под секретом сказала мне, что является членом партии большевиков и связана с петроградским подпольем. Разговоры с ней оказали на меня большое влияние.

Постепенно я втягивалась в общественную жизнь института. Вступила в философско-экономический кружок. В кружке помимо теоретических докладов горячо обсуждались злободневные политические вопросы. Меня привлекли к организации библиотеки при кооперативе «Объединение» на Васильевском острове (Большой проспект, 88). В эту библиотеку я принесла несколько внушительных пачек книг — художественную, политическую литературу, популярны естественнаучные брошюры.

Не надо было обладать чрезмерной зоркостью или большим жизненным опытом, чтобы догадаться: помещение кооператива используется для нелегальной партийной работы. Здесь я познакомилась с несколькими выдающимися рабочими-большевиками. Я узнала людей бескорыстного, самоотверженного служения общественному делу, высокой революционной доблести. На всю жизнь я сохранила к ним чувство глубочайшего уважения.

Петроград жил как на вулкане. Война принесла неслыханные бедствия. Из-за бездарного корыстного командования солдатская масса терпела неопишуемые лишения и страдания. Щупальца голода и разрухи охватывали столицу, и это в то время, когда взяточничество, казнокрадство, спекуляция в невиданных размерах разъедали «верхи» общества.

Недовольство накапливалось в массе петроградского пролетариата. До нас доходили слухи о стачках на фабриках и заводах, об антивоенных выступлениях. И мы, студенты, в ноябре 1916 года приняли участие в забастовке протеста против суда над 96 кронштадтскими матросами.

В институте готовились к празднованию Международного женского дня (23 февраля 1917 года по старому стилю). Студенты распространяли листовки. Я тоже была привлечена к этому делу. Повезла листовки на Путиловский завод, где вручила их работнице страхкасы большевичке Кате Марченко.

Женский день 1917 года стал первым днем Февральской революции.

23 февраля начались стачки на многих фабриках и заводах. Женщины были настроены очень воинственно. И не только фабричные работницы, но и массы женщин, стоявших в «хвостах» за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, шествия к городской думе с требованием хлеба. Останавливали трамваи; являлись на фабрики и заводы, снимая работавших. На улицу вышли многотысячные массы петроградских пролетариев. Вместе с другими революционно настроенными студентами и мы участвовали в этой грандиозной демонстрации питерского пролетариата.

Рабочие, и в особенности работницы, кричали, обращаясь к солдатам и казакам, высланным царским правительством для разгона демонстрации: «Не стреляйте в нас! Пожалейте своих матерей! Идите вместе с народом! Долой войну!»

И действительно, солдаты присоединились к восставшим. Участь монархии была решена.

В один из первых дней Февральской революции мы с Марией Авиловой и другими друзьями пошли в Таврический дворец.

Стиснутая со всех сторон, я слушала манифест об отречении Николая II в пользу своего брата Михаила. Своды дворца сотрясали солдатские крики: «К черту! Не надо нам никаких царей! Теперь нас не обманешь!» Представителя Временного правительства, принесшего «радостную весть», почти силой согнали с трибуны.

Мы в тесном солдатском кругу. Авилова разъясняет провокационный, антинародный характер «монаршего отречения». Солдаты, правда беззлобно, прерывают ее. Это для них и так ясно. Они просят рассказать, как живет народ в Петрограде, а «особливо матушка-работница». Как с хле-

бушком, как ребятишки, небось раздеты-разуты. Один солдат, помнится, говорил:

— Работницы врывались в казармы. Они так кричали, аж души нам перевернули. Мы тоже не звери... И у нас в деревне намучились, столько лет бабы одни, порушилось все хозяйство!

Долго велся неторопливый солдатский разговор. Толковали о том, что «теперь скоро по домам, конец войне».

...Мы идем по несколько поутихшим коридорам Таврического дворца. Из одной комнаты выходит вместе с товарищами частый посетитель библиотеки на Васильевском острове Яков Кубышкин с Трубочного завода.

— А, здравствуйте, товарищ студентка,— пожимает мне руку, как старой знакомой.

Рабочие настроены празднично. Кубышкин весело говорит:

— Вот приедет наш вождь товарищ Ленин, тогда дело пойдет по-настоящему.

Я стесняюсь его о чем-либо спрашивать, но бесконечно счастлива, что моя жизнь влилась в могучий революционный поток.

Мария Аристарховна Авилова стала работать в райкоме партии большевиков Петроградской стороны. Скоро он сделался и моим родным домом.

Во время I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 года Авилова вручила мне гостевой билет и сказала: «Пойди, там будет выступать товарищ Ленин». Так на заседании 4 июня я впервые услышала Ленина.

На съезд приехало свыше 1000 делегатов, большевики были в меньшинстве — имели только 105 мандатов. «Собирались, заседали, говорили и курили» — так остроумно высмеивали петроградские рабочие парламент соглашателей — меньшевиков и эсеров.

Перед началом заседания в просторных, светлых коридорах кадетского корпуса на Васильевском острове, где проходил съезд, шумно, оживленно. Толпа окружает большевистских делегатов. Многие, особенно солдаты, еще плохо знают программу большевиков. Ведь сколько небылиц, грязных побасенок распространяют о нашей партии меньшевистско-эсеровские и прочие писаки! Терпеливо, обстоятельно отвечают большевики на вопросы.

Звонок сзывает делегатов в зал. Обсуждается основной вопрос повестки дня: об отношении к Временному правительству. Выступает лидер меньшевиков Церетели. Он рисует картину развала на фронте и в тылу. Министр-согласитель не скупится на угрозы, явные и скрытые, против большевиков. Он заявляет, что в настоящий момент в России нет политической партии, которая согласилась бы одна взять всю полноту власти в свои руки.

И вдруг в напряженной тишине раздается сильный, молодой голос Ленина: «Есть такая партия!»

Всех точно всколыхнула могучая волна. «Ленин! Ленин! Большевики!» — несется по рядам. Заволновался зал, многие делегаты привстают, чтобы лучше разглядеть Ленина. В президиуме замешательство.

Быстрой, легкой походкой взошел Ленин на трибуну. Необычайная тишина водворилась в зале: всех покорила спокойный, уверенный голос Владимира Ильича.

Путем глубокого и всестороннего анализа Ленин показал, что хищническое хозяйничанье буржуазии и помещиков, которых безоговорочно поддерживают меньшевики и эсеры, поставило страну на край гибели. Ленин без колебаний заявил, что наша партия каждую минуту готова взять власть целиком.

Это заявление Ленина встретило живое одобрение, аплодисменты одних, смешки на скамьях меньшевистско-эсеровских согласителей. Но Ленин ответил им с презрением: «Вы можете смеяться, сколько угодно...»¹

Несмотря на сопротивление президиума, время для продолжения речи Владимиру Ильичу было продлено, и он изложил программу большевистской партии по вопросу о власти, войне и мире.

В газетном отчете о речи Ленина сказано: «Аплодисменты части собрания». Но что это были за аплодисменты! Часть делегатов не только вскочила со своих мест, но даже встала на стулья, чтобы приветствовать Ленина, который стремительным шагом уходил с трибуны в ту часть зала, где сидели делегаты-большевики.

Раздавались возгласы солдат: «Правильно, правильно говорите!»

Чтобы ослабить впечатление от речи Ленина, меньшевистско-эсеровские лидеры прибегают к помощи слывшего

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 267.

среди них прекрасным оратором Керенского, главы Временного правительства.

Одетый в полувоенный костюм, он то становился на носки, то раскачивался всем телом и, казалось, вот-вот упадет. А голос его то поднимался до истерического крика, то опускался до полупшепота.

После Ленина, поразившего всех не только гениальной смелостью мысли, но и благородной простотой, Керенский показался фигурой пародийной.

В последующие годы мне много раз выпадало счастье слышать Ленина. Но воспоминание об этом выступлении не тускнело.

В летние месяцы 1917 года, в студенческие каникулы, я приехала в Ригу повидаться с матерью. Нашла дорогу в редакцию большевистской военной газеты «Окопная правда» и стала в ней литсотрудником.

Мои функции были многообразны. На первом месте — обработка поступавших в большом количестве солдатских писем. Даже прочитать иное письмо было нелегко. Несмотря на многократные просьбы писать чернилами, письма сплошь и рядом были написаны на каких-то обрывках бумаги серо-пепельного цвета, почти стертým карандашом. Корявые закорючки, немыслимые сокращения слов, фантастические орфографические ошибки...

Большинство писем я переписывала от руки, иначе никакой наборщик не смог бы их разобрать. Когда редакторы познакомились со мной поближе, я несколько раз выступила в газете и как автор.

В редакции с утра до позднего вечера полно солдат. Стульев мало, сидят на подоконниках, нередко даже на полу. Идет разговор с редакторами. Солдаты слушают, не прерывая, курят одну козью ножку за другой; быстро, деловито засовывают в вещевые мешки и в карманы брошюры, газеты. По неписаному закону — это знали все — «Окопную правду» не раскуривали, ничего в нее не завертывали. Тщательно прочитав от корки до корки, солдат норовил отправить газету в далекую провинцию, к себе домой. Тоска по дому была неумная. Не раз какой-нибудь пожилой солдат подсаживался к маленькому столу, где размещалась моя «канцелярия». Смотрит, смотрит, а потом скажет:

— Ты, дочка, вижу, мастак по письменной части. Напиши-ка мне письмо домой.

И следовало послание «дражайшей супруге» со множеством поклонов близким и дальним «сродственникам». Но была все же новая нота в солдатском письме: уверенность, что война кончается, обещание скорого возвращения домой.

В ночь с 21 на 22 июля редакция «Окопной правды» была разгромлена.

Безмерное возмущение охватило солдатскую массу. Солдаты единодушно требовали объявить бойкот буржуазным газетам и «без промедления» издавать «Окопную правду». И действительно, 23 июля вышел родной брат, вернее, родной сын поверженной, но не раздавленной «Окопной правды» — газета «Окопный набат». Керенский издал специальный приказ, грозивший жесточайшими карами за чтение и тем более за распространение «Окопного набата». Над приказом посмеивались... В редакцию стало приходиться еще больше писем и денежных поступлений — святы солдатские копейки!

Из крепости Больдераа солдатам запретили выезжать в Ригу, но не оставлять же их без газеты...

В военной организации работал студент-медик К. Римша. Студенческая куртка, студенческая фуражка придавали ему вполне респектабельный вид. Я надела свое лучшее летнее платье, в длинные косы заплела красивые ленты. В руках пузатый коричневый чемоданчик, с каким обычно буржуазные дамы ездили на взморье.

Под видом прогулки мы отправились в крепость Больдераа. В укромном местечке нас уже ждали; с величайшей радостью и благодарностью приняли кипу привезенной нами родной окопной газеты...

После событий 3—4 июля контрреволюция подняла голову и торжествовала. Но это была пиррова победа. Как и повсюду в стране, в солдатской массе шел стремительный процесс большевизации.

На общегарнизонном митинге 18 июля выступил один из редакторов «Окопной правды», впоследствии известный герой гражданской войны Рудольф Сиверс. В горячей речи он сказал: «Пусть бесится реакция, пусть она брызжет ядовитой слюной. Солдаты знают, что Ленин — их верный друг и вождь».

Эти слова были покрыты аплодисментами огромного собрания. Офицеры, бывшие на митинге, смотрели зверьем, но выступить против Сиверса не решились.

Имя Ленина, идеи Ленина с каждым днем все глубже и глубже входили в сознание народных масс.

И вот я снова на родной Петроградской стороне. В райкоме партии с интересом слушали мои рассказы о работе в «Окопной правде», о солдатских настроениях.

Жизнь в райкоме не прекращалась ни на минуту. Редко когда уходили даже ночевать домой. Разложишь газеты на полу, одну, другую пачку газет — под голову, вот и готова постель. Несколько часов отдыха, а с самого раннего утра — вновь множество разнообразнейших дел.

Я была тогда совсем молодым членом партии, но товарищи оказали мне большое доверие. В начале сентября 1917 года на общем собрании большевиков я была избрана членом районного комитета. Отвечала за агитационную и политико-просветительную работу. Была у меня еще одна нагрузка. По почину А. М. Коллонтай при Петроградском комитете партии была организована инициативная группа по созыву общегородской конференции работниц. В инициативную группу входили представители районных комитетов партии, профсоюзов, фабрик и заводов с преимущественным применением женского труда. Я представляла от нашего райкома, но выполняла поручения и по другим районам.

В архиве А. М. Коллонтай есть пометки в связи с организацией выборов на конференцию: на зав. Эриксон (Выборгского р.), Васильевский остров, кожевенное производство — к Осипову — Роза Ковнатор.

Ленин был тогда в подполье, но продолжал руководить партией. С глубочайшим вниманием мы читали каждую его строчку, появляющуюся в печати.

17—18 октября проходило собрание актива партийных работников районов Петрограда, на котором присутствовало человек сто пятьдесят — двести. Вместе с другими членами райкома довелось и мне быть там.

Собрание было посвящено вопросу о подготовке вооруженного восстания в свете письма Ленина и решения ЦК партии.

Докладчиком от ЦК выступил Я. М. Свердлов. Н. И. Подвойский рассказал о серьезных резервах, которыми будет располагать вооруженное восстание.

Прошло более полувека, но не померкло и никогда не померкнет воспоминание об этом дне. Казалось, сама Исто-

рия вошла в эту небольшую, тускло освещенную комнату, чтобы во имя Правды и Справедливости вершить человеческие судьбы. Наступал смертный час старого мира. И большевики, старые и молодые, искушенные политические деятели, и мы, юные революционеры, полные энтузиазма, готовы были, не щадя жизни, бороться под знаменем великой ленинской партии.

В эти незабываемые торжественные дни я вновь имела счастье видеть и слышать Ленина.

...25 октября 1917 года. Утром на улицах Петрограда расклеено обращение Военно-революционного комитета «К гражданам России!» о том, что Временное правительство низложено.

Члены районного комитета Авилова, Жигирев и я имеем гостевые билеты на II съезд Советов, который должен открыться вечером в Смольном. Но мы едем туда на заседание Петроградского Совета, назначенное на 2 часа 35 минут дня. Мы несколько опоздали, спешим в актовъй зал. Пока идем по бесконечному коридору, слышим точно нарастающий морской прибой, все усиливающиеся рукоплескания.

На трибуне Ленин. Это первое его выступление перед петроградскими рабочими после нескольких месяцев пребывания в подполье. Его встречают долго не утихающей овацией.

Стоим как завороженные; мы слышим вещи, исторические слова: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Вестъ о том, что Ленин в Смольном, разнесшаяся с молниеносной быстротой, вселяет во всех чувство уверенности и бесконечной радости.

Ленин не был на первом заседании съезда, он пришел только на второе заседание. 26 октября Ленин сделал доклады о мире и о земле; съезд с величайшим единодушием принимает зачитанные им проекты декретов. Все собрание, как один человек, на ногах. Поет «Интернационал». Ленин поет вместе со всеми.

Огромное собрание смотрит на него, взволнованного, счастливого, и, желая выразить свои чувства любви и восхищения, в восторге кричит: «Ленин! Ленин! Да здравствует Ленин!»

Большевиков Петрограда крайне взволновал дезорганизаторский акт некоторых народных комиссаров, покинув-

ших свои посты и вышедших из состава рабоче-крестьянского правительства. Были взбудоражены и массы, задавали нам, районным агитаторам, вопросы, а мы толком ничего не могли объяснить. Поэтому очень обрадовались, когда получили извещение, что 4 ноября в Смольном состоится экстренная общегородская конференция Петроградской организации РСДРП(б), на которой выступит Ленин.

...Конференция проходит в небольшой комнате на третьем этаже. Почти все в пальто, в шапках. Холодно, неуютно; настроение тревожное. Ленин сидит озабоченный. Он внимательно слушает ораторов, что-то записывает. В комнате тесновато, мы сидим на расстоянии двух-трех шагов от Ленина и неотрывно следим за каждым его движением.

Вот Ленин берет слово. Голос его строгий, суровый, он резко осуждает и высмеивает капитулянтов и дезертиров. Владимир Ильич сделал энергичный и быстрый жест рукой и, обращаясь непосредственно к собранию, на котором абсолютное большинство составляли районные работники, ежедневно, ежечасно встречавшиеся с трудящимися, как-то особенно душевно сказал:

— Работайте энергично, уверенно, дружно. Надо понять и запомнить раз навсегда, что победит и удержит власть тот, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества. Жалкая «буря в стакане воды», поднятая несколькими интеллигентами, не имеет опоры в партии, основания в народе. Скажите всем трудящимся, пусть они будут спокойны и тверды. Пусть они знают, что наша партия никогда и никому не даст запугать себя. Наше дело справедливое. Наша победа обеспечена. Мы построим республику труда.

Речь Ленина окончена. Мы дружно, бурно аплодируем. Все сомнения разрешены.

И хотя председатель не объявил об окончании собрания, оно как-то стихийно, само собой завершилось. Все вскочили с мест, окружили Ленина.

Начало 1918 года. Германский империализм наступил на горло молодой Советской республике и навязал ей, по выражению Ленина, архитяжкий, похабный Брестский мир. Вопреки авантюристической, предательской политике Троцкого и «левых коммунистов», заменивших реальный анализ международной и внутренней обстановки трескучими псевдореволюционными фразами, Ленин решительно настаивал

на подписании мира. Во время передышки, говорил он, упрочится Советская власть; народ соберет силы для строительства новой жизни, для защиты завоеваний Октябрьской социалистической революции.

Вопрос о мире волновал всех большевиков и рабочих Петрограда.

В эти дни мне пришлось слышать выступления Ленина: 23 февраля на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, на котором присутствовали активные работники районных организаций, а затем в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года — на заседании ВЦИК, где поминутным голосованием было принято решение о подписании Брестского мира. Никогда не забыть этих драматических минут, бесконечно усталого, измученного бессонницей лица Ленина...

Центральный Комитет объявил о созыве экстренного, VII съезда. Была опубликована повестка дня: отчет ЦК; вопрос о войне и мире; пересмотр программы и наименования партии; организационные вопросы; выборы ЦК.

Я была счастлива, когда узнала, что буду работать в секретариате съезда. На каждом заседании помимо стенографисток вели протокольные записи секретари (по два человека поочередно).

В Центральном партийном архиве сохранилась папка этих секретарских записей.

В 1960 году сотрудники Института марксизма-ленинизма собрали оставшихся в живых работников секретариата VII съезда. С невыразимым волнением разглядывали мы узкие листы бумаги, большей частью в линейку. Писали тогда простым карандашом, но написанное, к удивлению, хорошо сохранилось. Почти все записи легко читаются. Как это было давно! Еще не было реформы правописания (она прошла позднее, осенью 1918 года), и протоколы написаны через букву «ять» и твердый знак. В углу первого листа протокольной записи ставилась фамилия и имя секретаря.

Съезд открылся 6 марта 1918 года. Он проходил в Таврическом дворце. Стол, за которым сидели стенографистки и секретари, стоял у входа на сцену, где заседал президиум, под трибуной, так что мы все видели и слышали отчетливо и ясно.

Первым на съезде был заслушан отчет Я. М. Свердлова об организационной деятельности ЦК.

Приводимые им данные свидетельствовали о росте наших организаций, о размахе партийной работы на местах.

Ленин выступил с политическим отчетом ЦК, в котором всесторонне осветил вопрос о войне и мире.

Ленин очень волновался, нервно, однако не суетливо ходил по сцене во время речи. В нескольких местах он повторял сказанное, желая подчеркнуть важность своей мысли и стремясь, чтобы она дошла до каждого делегата.

Ленин дал исчерпывающий анализ противоречий в лагере империалистических коалиций, в лагере «двух гигантских групп хищников»; противоречий, которыми могла воспользоваться и воспользовалась наша революция.

Все слушали его с громадным вниманием. С иронией и укоризной Ленин сказал, обращаясь к «левым коммунистам»: «У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий... Массы миллионные,— а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика,— миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают,— если брать не отдельных лиц, а настоящую массу,— что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес»¹.

По мере того как говорил Ленин, изменялось настроение на съезде. Некоторые делегаты, получившие от своих организаций наказ голосовать против заключения мира, после выступления Ленина стали его горячими сторонниками.

Речь Ленина, при всей объективной тяжести положения, была проникнута величайшим историческим оптимизмом.

Он говорил о том, что перелом в народном сознании зреет, но для этого понадобится немало времени. А сейчас нужно подписать во что бы то ни стало мирный договор.

В заключительном слове, полемизируя с «левыми коммунистами», Ленин сказал: «Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней». Тут Владимир Ильич обернулся к нашему столу и, сделав решительный жест, сказал: «Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 16—17.

² Там же, стр. 32.

На вечернем заседании 7 марта (это было третье заседание съезда) начались прения по политическому отчету ЦК, сделанному Лениным. Как следует из тетради секретарей, я вела протокольные записи некоторых выступлений. Протоколы мы сдавали старшему по секретариату. Наши записи использовались для отчетов в газетах.

8 марта — последний день работы съезда. Я была одним из секретарей пятого вечернего заседания. Сделала протокольную запись доклада Ленина «О пересмотре программы и изменении названия партии». Запротоколировала краткие выступления в прениях, выборы в программную комиссию и в Центральный Комитет.

Некоторые разделы речи Владимира Ильича, как, например, о необходимости сохранения в новой программе теоретической части старой программы, характеристика Советской власти как формы диктатуры пролетариата, опирающейся на всемирно-исторический опыт Коммуны, записаны мной довольно подробно.

Ленин говорил о необходимости учитывать опыт народной жизни, вовлекать массы в социалистическое строительство Советской республики.

В моей секретарской записи мысль Ленина о привлечении масс записана так: «Важно, чтобы трудящиеся массы были привлечены поголовно к управлению», причем слово «поголовно» подчеркнуто жирной чертой. Это не было с моей стороны произволом. Это означает, что данное слово, выражающее центральную мысль, было повторено Лениным несколько раз и усилено его характерным жестом.

Вопрос об изменении названия партии не вызвал особых прений. Ленин доказал необходимость переименования партии, доказал, что название коммунистическая партия является единственно научно правильным.

Владимир Ильич считал нужным оставить в скобках слова «большевиков». «Это добавление,— говорил он,— мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе...»¹.

Заседание было полно острых моментов. Ленин горячо выступил против предложения Бухарина внести в программу пункт об отмирании государства. Ленин убедительно доказал, что «мы сейчас стоим безусловно за государство»; «заранее провозглашать отмирание государства будет нару-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 43.

шением исторической перспективы». Если мы будем выдвигать положения и требования нереалистические, то это лишь ослабит «обаятельную силу нашей программы»¹, говорил Владимир Ильич.

Точно так же резко возражал Ленин против левацкого, «чисто анархического» отрицания буржуазного парламентаризма. Горечью и негодованием было проникнуто выступление Ленина против «левых коммунистов», отказавшихся баллотироваться в члены ЦК и тем самым ставивших под удар единство партии.

Съезд единодушно избрал Ленина в состав Центрального Комитета и в комиссию по окончательной выработке программы партии.

Наша партия стала называться Коммунистической. Я никогда не смогу забыть, что присутствовала при этом великом событии...

Среди реликвий незабываемой поры юности мне особенно дорога маленькая серая карточка с небольшим овальным портретом Карла Маркса в углу. Это — билет делегата (с совещательным голосом) IX съезда РКП(б).

В конце марта — начале апреля 1920 года состоялся IX съезд партии. Одновременно проходило II Всероссийское совещание по работе среди женщин. В составе делегации от Смоленской губернии на женском совещании были З. Булычева, Ф. Лебедева и я. Булычева и Лебедева имели на съезд мандаты с решающим голосом.

Приехав в 1919 году на Смоленщину с путевкой ПУРа (Политическое управление Реввоенсовета республики), я одно время работала агитатором в смоленском гарнизоне, затем секретарем укома партии в Ельне. Но вот меня затребовал губженотдел. Полагали, что я имею «завидный» опыт: под этим подразумевалось мое участие в Петроградской конференции работниц, в бюро по созыву I Всероссийского съезда работниц и крестьянок, в секретариате журнала «Работница».

Так началась моя работа по организации, агитации, пропаганде среди широких трудящихся женских масс.

II Всероссийское совещание должно было обсудить ряд назревших практических вопросов. Женотдельская работа стала важной частью общепартийной деятельности; IX съезд сказал об этом свое авторитетное слово.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 65, 66.

К началу 1920 года Красная Армия одержала решающие победы над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. Гражданская война, полыхавшая на необозримых пространствах России, победоносно завершалась. Молодая республика, завоевав мирную передышку, приступала к войне другого рода — на хозяйственном фронте. Именно в это время в центральной и местной прессе появился отдел под заголовком «На бескровном фронте».

В Москве — настоящая весна. Еще всюду горы неубранного снега — он черный, тает, большущие лужи. Однако это не производит гнетущего впечатления. Все полно предчувствия возрождения.

Уже на вокзале, а потом и в городе мы видим огромные плакаты, извещающие о том, что в Москве создана МЧСК — Московская чрезвычайная санитарная комиссия. Специальное объявление сообщает о начале «банной недели»: «Московская чрезвычайная санитарная комиссия предлагает всему населению Москвы *бесплатно* (так в подлиннике. — Р. К.) помыться в бане. Каждый получит кусок мыла...»

Потрясающее решение! Шутка сказать, помыть население столицы, и это в условиях топливного кризиса, нехватки электроэнергии и мыла! Позже мы узнали, что постановление о создании МЧСК на заседании СНК редактировал Ленин.

Это часть общегосударственного вопроса о санитарном состоянии столицы. Уже тогда, когда страна находилась в тисках разрухи и нищеты, Ленин прозорливо сказал, что Москва, очищенная от «грязи и запущенности», станет образцовым городом, примером для всей страны¹.

Наконец наступает самый торжественный момент. Мы присутствуем при открытии IX съезда партии, видим и слышим Ленина. Съезд восторженно встречает своего вождя. Ленин в свою очередь от имени Центрального Комитета партии приветствует делегатов и в их лице всех коммунистов.

С трудом удается Ленину начать свой доклад.

Чехословацкий коммунист Богумир Шмераль, присутствовавший на съезде в качестве гостя, оставил очень красноречивое его описание:

«Здесь самые различные люди со всей России — от Сибири до западной границы. Высокие белые меховые шапки, военные гимнастерки, черные кожаные куртки, твердые с

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 199.

резкими чертами лица городских рабочих, головки девушек, кажущиеся еще полудетскими. Все лица недвижно устремлены к Ленину, к его глазам — один большой скульптурный, отлитый из металла барельеф».

Съезд открылся в Большом театре, но потом заседания его проходили в Кремле, в небольшом, названном впоследствии Свердловским, зале. Здесь уютно, никакой пышности. Президиум не отгорожен от зала — размещается за простым столом, покрытым красной материей. Небольшая дощатая трибуна. Весеннее солнце щедро заглядывает в окна. Кажется, что Ленин говорит не только с данным собранием, но и со всей страной, с трудящимися всего мира. Ленин объясняет, как произошло «историческое чудо»: слабая, разоренная, экономически отсталая страна победила сильнейшие страны. Речь Ленина звучит гимном партии, ее организаторскому гению, ее умению сплотить и вести за собой массы.

Мысль Ленина устремлена вперед. Сейчас, когда мы одержали решающие победы на решающих фронтах гражданской войны, говорит он, мы должны сосредоточить главное внимание на задачах мирного хозяйственного строительства.

Ленин, как всегда, говорил без внешней театральности, без аффектации, но столько подлинной страстности было в его речи, так грандиозны и вдохновенны были нарисованные им перспективы нашего мирного развития, что все собрание, покоренное могучей логикой и силой его слов, сидело, затаив дыхание.

5 апреля 1920 года IX съезд партии завершает свою работу. Делегаты, однако, не расходятся. Г. И. Петровский объявляет, что в связи с приближающимся в этом месяце пятидесятилетием со дня рождения Ленина есть предложение чествовать своего учителя и вождя. Пение «Интернационала», восторженные здравицы — весь съезд на ногах...

Наконец-то мы дома, в Смоленске. Выполняя постановление IX съезда партии: в соответствии с великой очередной задачей социалистической революции — превратить международный пролетарский праздник 1 Мая, выпадающий в этом году на субботу, в грандиозный всероссийский субботник, коммунисты нашего города готовятся к этому необычному субботнику. Смоленский губком проводит «неделю трудового фронта». Воодушевление царит в каждом ра-

бочем коллективе — люди буквально изголодались по труду. Рьяно, не жалея сил, работают женщины.

Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко в статье «Женщина и эпидемия» сообщил, что практически эпидемия сыпняка сломлена, в этом героическом подвиге огромную роль сыграли женщины.

Делегатки-активистки входили в комиссии чистоты на предприятиях, в домкомах, в госпиталях, детских учреждениях, столовых, школах. Женщины не гнушались ничем — скребли, чистили, мыли, убирали, стирали, штопали, чинили.

14 апреля на общем собрании коммунистов городского района Смоленска делегат съезда старейший коммунист Семен Варфоломеевич Иванов сделал обстоятельный доклад о съезде. В. И. Ленину была послана телеграмма с выражением бесконечной любви и уважения.

Прошло больше полувека. Давно ушли в легенду 20-е годы.

Советский Союз теперь — несокрушимый могучий утес, величайшая держава, социалистическая республика труда, как об этом мечтал, как это предсказывал Ленин.

Бессмертное имя ЛЕНИН звучит над планетой как символ свободы, надежды и дружбы раскрепощенных народов.

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Революционные события начала 1917 года захватили весь народ, в том числе студенческую молодежь и наш 1-й женский медицинский институт в Петрограде, на Архирейской улице (ныне улица Льва Толстого). Мы, выпускницы, несли дежурство на медицинском пункте Таврического дворца. Бывали в Большом зале думских заседаний, ставшем наиболее популярным местом митингов революционного народа.

Вокруг дворца образовался настоящий военный лагерь из прибывших с фронта революционных частей. На первом этаже здания расположился питательный пункт, и сюда непрерывно подвозились на грузовиках продукты.

Конфискованные личные машины петербургской знати временно содержались на дворе нашего института. Здесь тоже происходили митинги, на которых выступали представители всех партий.

Наступил апрель. Получено известие, что из-за границы возвращается в Россию Владимир Ильич Ленин. Революционные рабочие Петрограда, узнав, что поезд, на котором едет Ленин, прибудет на Финляндский вокзал 3 апреля, устроили такую торжественную встречу, какой еще не видел Питер. Шли и шли тысячи рабочих с красными флагами и боевыми призывами. Шли студенты и мы — медички. Не только вокзальная площадь, но и все прилегающие улицы, переулки, проезды были заполнены народом. Люди на крышах, заборах, в воротах, в окнах домов. Манифестация в честь Владимира Ильича была грандиозной. Мы не могли слышать его речь с броневика на площади у вокзала, но его боевой призыв к социалистической революции, обращенный к российскому пролетариату, перекатывался по рядам демонстрантов.

Близко видеть Владимира Ильича мне довелось еще не раз во время его выступлений перед рабочими, солдатами, матросами на Петроградской стороне, с балкона бывшего особняка Кшесинской. В этом небольшом, но роскошном зда-

нии располагались тогда ЦК и ПК большевиков. Запечатлелись в памяти незабываемые минуты, когда многотысячная толпа народа в полной тишине смотрела на Ильича и слушала его убедительные, ясные, простые, горячие слова о неизбежности перерастания русской буржуазно-демократической революции в социалистическую, о боевых задачах рабочего класса России на данном этапе революции.

Особенно памятны мне встречи с Лениным в дни VII Всероссийской конференции большевиков. Эта конференция должна была обсудить ленинский курс на переход от буржуазно-демократической к социалистической революции, сделать его общепартийным курсом.

Стало известно, что многие учреждения отказали большевикам в помещении для конференции. Оргкомитет конференции обратился и в социал-демократическую группу нашего 1-го женского медицинского института с просьбой предоставить конференц-зал для заседаний. Я была тогда, как и все годы учебы, членом студенческого совета старост и членом социал-демократической группы студентов. Мы пошли в совет профессоров, где ученым секретарем тогда был профессор Лихачев, а директором — профессор Верховский, оба кадеты. Они, конечно, тоже отказались предоставить институтское помещение большевикам. Тогда наш студенческий совет старост явочным порядком занял все первое здание института. Мы выставили оттуда ливрейного швейцара и установили свое дежурство у входных дверей, с улицы и со двора, у телефона, у ящиков с корреспонденцией и в раздевалке первого этажа. 24 апреля в актовом зале на втором этаже открылась конференция большевиков.

Зал был большой, двухсветный. В него вели три двери — из коридора и из физической и минералогической лабораторий — наполовину застекленные.

Можно себе представить, с каким волнением мы следили за собиравшимися делегатами и особенно боялись пропустить приход Владимира Ильича. Легко и быстро он почти вбежал на второй этаж, оставив пальто в нашей раздевалке.

С разрешения делегатов мы, студентки, несколько раз по очереди, подставив скамейки к дверям, смотрели в зал и видели на трибуне Владимира Ильича Ленина.

Мы кормили делегатов конференции в нашей студенческой столовой, расположенной внутри двора-скверика первого здания. В часы обеда и ужина мы освобождали столовую от всех посторонних лиц и представляли ее только делегатам. И вот тут мы встретились с товарищем Лениным. Вла-

дими́р Ильи́ч заинтересовался, почему у нас мясные обеды из трех блюд стоят так дешево — 15—18 копеек с хлебом, который ставился в корзиночках на всех столах. А всюду за границей, в частности в Швейцарии, рассказывал нам Владимир Ильич, к обеду подается два тоненьких, с кленовый листок, ломтика хлеба, если же хочется еще, то надо платить за каждый дополнительный ломтик.

Мы сначала стеснялись подробно рассказывать об организации питания в нашей студенческой столовой, хозяином которой был наш совет старост. Но Владимир Ильич заинтересовался и попросил познакомить его «с этим полезным общественным делом», как он сказал. Узнав, что у нас полное самообслуживание, ибо нет подавальщиц, и что мы, сто студенток-добровольцев, так называемая «столовая комиссия», посменно группами работаем на кухне — готовим пищу под руководством шеф-повара — и что у нас занято не более двух-трех наемных технических работниц, Владимир Ильич во время ужина пошел к окну выдачи блюд и, получив сам еду, сел за стол. Его примеру последовали все делегаты.

Владимир Ильич узнал от нас, как совет старост нашего института создал свою столовую в 1913 году, как нам, студенткам, до этого было плохо без нее, как мы бегали в рабочую столовую завода Нобель на Выборгскую сторону и как у богача керосинщика мы выпросили денег на постройку и оборудование нашей столовой после того, как его дочь поступила к нам учиться.

— Пожертвовал он нам от своих колоссальных капиталов 40 тысяч на это дело, — говорили мы.

Помню, как, улыбаясь своими прищуренными глазами, Владимир Ильич одобрил наше «коллективное творчество». Он сказал:

— И прекрасно, что содрали с миллионщика хоть те рубли, которые служат тысячам студентов для их учебы.

На Апрельской конференции под руководством Владимира Ильича Ленина решались величайшего значения вопросы русской революции и судьбы всего народа. А Владимир Ильич при своей колоссальной загруженности работой сумел уделить минуты внимания и нам, студенткам, которые тоже горели желанием быть полезными революции.

Прощаясь с нами, Владимир Ильич крепко пожал нам руки и поблагодарил за хорошую заботу о делегатах конференции. Эти слова запомнились на всю жизнь.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ

В период непосредственной подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания мне посчастливилось жить и работать в Петрограде. События тех дней запечатлелись в моей памяти необыкновенно ярко.

Я работала тогда в культпросветотделе Выборгской районной управы, которым руководила Н. К. Крупская. А 21 октября по совместительству с этой основной работой я была послана Выборгским райкомом партии в редакцию газеты «Рабочий путь» (так называлась тогда «Правда») в качестве сотрудника редакции.

Нас, сотрудников газеты, 24 октября очень беспокоил вопрос о судьбе готовившегося очередного номера газеты. Дело в том, что ранним утром этого дня типография «Рабочего пути» была разгромлена юнкерами Керенского. Но надо было видеть тогда ответственного секретаря редакции, Марию Ильиничну Ульянову, верного соратника Ленина. У нее ни на минуту не появилось и тени растерянности. Она была уверена, что вылазка Керенского будет быстро отбита, что перевес сил революции над силами контрреволюции настолько велик, что наша победа обеспечена. Мария Ильинична давала всем нам необходимые задания, добиваясь, чтобы номер был готов к выпуску. И он к вечеру 24 октября действительно был готов. А как и где его печатать, никто не знал.

Но вот на рассвете 25 октября из Смольного пришло сообщение, что Петроградский военно-революционный комитет реквизирует типографию газеты банковских дельцов «Русская воля» и что наша газета будет печататься в ней.

Крупнейшая типография Петрограда, помещавшаяся на Ивановской улице, рядом с Невским проспектом, стала типографией центрального органа нашей партии.

В новую типографию срочно выехала Мария Ильинична Ульянова и дежурный редактор Савельев. Я осталась в ре-

дакции выполнять текущие дела, а закончив их, отправилась в Выборгский райком партии, куда каждый из нас стремился, как только выдавалась свободная минута.

В райкоме я узнала, что Ленин с вечера 24 октября в Смольном и лично руководит восстанием. Он возглавляет руководство Петроградского ВРК. Эта весть придавала всем нам уверенность в том, что победа революции совсем близка. Еще более укрепились мы в своем убеждении, когда к райкому партии подъехал грузовик с большими тюками плакатов-листовок. На этих плакатах крупным шрифтом было написано:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета...»

Заканчивалось это обращение словами: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» Подпись — «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов». В левом углу плаката стояла дата этого исторического документа: «25-го октября 1917 г., 10 ч. утра».

Что это значит? Почему на плакате указаны часы? Никогда раньше на политических документах мы этого не видели!

В условиях бурного развития революции, когда исчезла грань, отделявшая ночь от дня, когда каждый час приносил новые и новые факты наступления сил революции, невозможно было вести счет в рамках обычного календаря. Обозначение часа в официальном политическом документе свидетельствовало об его чрезвычайности. Обращение Петроградского ВРК «К гражданам России!» возвещало скачок от старой эпохи к новой, советской. Первый документ победившего пролетариата вызвал у всех бурю радости. В настоящее время широко известно, что этот исторический документ ранним утром 25 октября был написан Лениным. А тогда мы только могли догадываться, что это по инициативе Ленина Временное правительство объявлено низложенным, когда оно еще не арестовано и продолжает заседать в Зимнем дворце, штурм которого еще не начался.

Все присутствовавшие в райкоме, прочитав листовку-плакат «К гражданам России!», горячо поздравляли друг друга с победой.

В течение нескольких минут тюки с листовками-плакатами были разобраны. Всем хотелось как можно скорее пе-

редать их на заводы, фабрики, в воинские части. Мы читали это обращение вслуж, разъясняли его политическое значение, расклеивали по району на видных местах.

Вернувшись в райком, я стала просить секретаря райкома Женю Егорову дать мне какое-нибудь поручение в Смольный. Очень уж хотелось увидеть Ленина. А она, улыбаясь, сказала мне: «Поезжай в распоряжение ВРК. Мы сейчас направляем туда группу товарищей».

Вместе с другими товарищами на грузовике помчались мы в Смольный. К бортам грузовика кто-то прикрепил кумачовое полотнище со словами: «Временное правительство низложено! Государственная власть перешла в руки Петроградского военно-революционного комитета».

Приехали в Смольный. Я поднялась на третий этаж, где помещался Петроградский военно-революционный комитет. Феодосия Ильинична Драбкина привела меня в приемную ВРК и сразу усадила за работу. Спустя несколько часов я уже знала, что всех, кто спрашивал Владимира Ильича Ленина, надо предварительно направлять к Якову Михайловичу Свердлову, который сидел в комнате рядом с приемной ВРК. Знала, куда надо направлять с записками Ленина и других членов ВРК за резервными красногвардейскими отрядами, а также для получения оружия и мотоциклов.

25 октября в 2 часа 35 минут в актовом зале Смольного состоялось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором с краткой речью выступил Ленин.

Об этом выступлении сохранился лишь газетный отчет.

К концу заседания была оглашена написанная Лениным резолюция, которая была принята с большим энтузиазмом.

В первых строках этой резолюции звучали ленинские слова торжества, утверждавшие великую силу партии, рабочего класса:

«Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании»¹.

Со второй половины 25 октября более двух суток, днем и ночью, работая в приемной Петроградского ВРК, я видела, как по всем важнейшим вопросам нити революции вели к Ленину. Всем, близко соприкасавшимся тогда с оперативной работой ВРК, было ясно, что Владимир Ильич не только

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 4.

идейно направлял работу Военно-революционного комитета, но являлся и его активнейшим членом, непосредственным руководителем.

В те дни, когда мне пришлось работать в приемной ВРК, было немало документов, на которых значилась подпись Владимира Ильича Ленина как члена ВРК и даже как председателя ВРК.

По договоренности с Ф. И. Драбкиной меня отпустили с дежурства в приемной ВРК на первое заседание II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, которое проходило в актовом зале Смольного. Это была та историческая ночь, когда штурмом был взят Зимний дворец и в 2 часа ночи арестовано контрреволюционное Временное правительство.

Я была живым свидетелем попыток меньшевиков и правых эсеров устроить obstruction съезду. Но преобладание на съезде делегатов-большевиков определило направление его работы и характер решений. Многие из делегатов были комиссарами ВРК, начальниками боевых отрядов, агитаторами на фабриках и заводах, в казармах солдат. Все это создавало подлинно ленинский накал съезда. Владимира Ильича на первом заседании съезда не было, он руководил подготовкой и проведением штурма Зимнего. Заседание закончилось уже на рассвете 26 октября принятием воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!», которое гласило: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». Этим самым съезд полностью одобрил ленинскую программу действий партии по взятию власти, успешно реализованную еще накануне открытия II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Во втором заседании этого съезда, 26 октября, Ленин принимал активное участие: выступал с докладами о мире и о земле. Съезд принял написанные Лениным Декрет о мире, Декрет о земле и постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства. Оглашая Декрет о мире, Владимир Ильич сказал о том, что революция совершилась 24—25 октября.

Так на века в Декрете о мире, в этом бессмертном историческом документе, осталась память о двух исторических днях: 24—25 октября, днях Великой Октябрьской социалистической революции.

ПЕРЕЖИТОЕ

Сормово. Здесь прошло мое детство... Собственно, было ли оно у меня? Оставшись в двенадцать лет в семье старшей после смерти матери, стала уже хозяйкой. В эти годы большевики, товарищи отца по революционной борьбе, доверяли мне быть их связной, поручали распространять листовки. В шестнадцать я — член Коммунистической партии. А это уже зрелость, возмужание...

Потом тюрьмы — Нижегородская и Владимирская, ссылки. После архангельской ссылки вернулась в Сормово. Повзрослевшая и, я бы сказала, поумневшая, ведь тюрьмы и ссылки для нас были суровой школой, проверкой на политическую зрелость. Но жить в Сормове мне не разрешили, и я перебралась в Вязники, чтобы не терять связи со своей организацией. А вскоре уехала в Москву. Наряду с работой в Сокольнических оружейных мастерских стала, по совету Розалии Самойловны Землячки, учиться на курсах сестер милосердия. Как это потом пригодилось мне при выполнении заданий партии!

...1914 год. Началась война. Я работаю в госпитале. Мое партийное поручение номер один — разъяснять позицию партии по отношению к войне. И я это делала. Войдешь, бывало, в палату, присядешь на краешек чьей-нибудь койки, а вокруг уже собираются раненые: кто сам приковывается, кому товарищи помогут. Слово за слово, и прояснится для них картина, за что они пролили свою кровь, кому нужна эта война, поймут, что к чему.

Сразу же после Февральской революции партия направила меня на работу в Московское областное бюро РСДРП. Здесь и встретилась с замечательным большевиком-ленинцем Михаилом Янышевым. Встретилась, чтобы до самой последней минуты его жизни быть рядом с ним. Вместе в памятные дни октябрьских боев в Москве сражались с юнке-

¹ Литературная запись А. Л. Будкевич.

рами. А бои были жаркими. Каждая улица бралась штурмом.

Укрепившись в храме Христа-Спасителя, юнкера вели по нашим цепям непрерывный пулеметный огонь. Простреливались Остоженка, Пречистенка, Пречистенский бульвар. Красногвардейский отряд, в котором я была, наступал со стороны бульвара.

— Что будем делать, комиссар? — обратился ко мне командир отряда.

— Братъ! — ответила коротко и... бросилась вперед.

Только раз, на мгновение, оглянулась назад. Вижу, все, как один, с открытыми в крике ртами, с винтовками наперевес, бегут вперед, обгоняя друг друга.

Сопrotивлялись юнкера, надо сказать, отчаянно. Отстреливаясь, они все выше, ступень за ступенью, отступали вверх, к колокольне. За ними по пятам мы. Им достать нас, учитывая, что лестница винтовая, было труднее. Наши выстрелы вверх чаще попадали в цель.

Много раз бывала я возле этого храма, любясь творением рук человеческих, но никогда не думала, что наверх придется взбираться в такой необыкновенной ситуации, а главное, с таким трудом. На звоннице юнкера сложили оружие. С трудом переводя дыхание после стремительного подъема, оглядываюсь по сторонам. Москва передо мной как на ладони. Виден Кремль — в те дни цитадель контрреволюции.

Какая собралась против нас сила? Что требуется, чтобы сломить ее? — этого никто из нас не знал. А знать было надо, необходимо.

— Разрешите идти на разведку, — обратилась я к нашему командиру, — мне как сестре милосердия сделать это легче, чем другим.

Получив удостоверение на имя студентки медицинского института Рудневой, отправляюсь в гостиницу «Метрополь» — штаб и опорный пункт контрреволюции. На мне одежда медицинской сестры, на лице приветливая улыбка. Всякое встречается на пути разведчицы. Дело не обошлось без «взаимных симпатий», без «глазок», заглядывающих в самую душу молоденьких офицеров. Благо, что опыт в этом у меня кое-какой уже имелся: еще в девятьсот десятом году не раз приходилось «пленять» полицейских чинов, уводя их подальше от места собраний большевиков.

Добытые у офицеров сведения о численности и вооружении врага по приказанию командования отряда я передавала

в Военно-революционный комитет, который располагался на площади Скобелева в здании Моссовета.

После Октябрьской революции партия поручила мне возглавить политотдел штаба Московской Красной гвардии. С кем только не встречалась я на этом посту, в каких только переделках не приходилось бывать!

В бессильной злобе против всего нового, молодого контр-революционеры шли на все: нападали на советских работников, устраивали погромы, срывали каждое начатое нами дело. Как-то стало известно от наших разведчиков, что в глухом переулке, возле Сухаревки, в квартире некой Марии Федоровны, свила себе гнездо группа офицеров.

— Братъ пойду сама, — сказала я товарищам.

Взяла небольшой отряд красногвардейцев и отправилась к нужному дому. Вот и черный провал подъезда. Оставив товарищей до поры до времени на улице, быстро избегаю вверх по лестнице и начинаю стучать в дверь.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Это я, Мария Федоровна, откройте скорее, время не ждет!

Приняв, видно, меня за свою и не разобравшись, в чем дело, женщина впустила меня в прихожую. Секунду оглядываюсь и вижу ворох каких-то вещей, прикрытых газетами. Приоткрываю, а там оружие — винтовки, гранаты. Не успела хозяйка рта открыть, как я уже в комнате, лицом к лицу с офицером.

— Руки вверх! — кричу, держа гранату над головой, — сопротивление бесполезно! За мной — отряд!

А отряд и действительно тут как тут. Банда была обезврежена.

«Посмотреть на тебя, — подшучивали, бывало, надо мной товарищи, — сама от горшка три вершка, а силища в тебе — мужская!»

Летом 1919 года, во время наступления Юденича, когда вспыхнул мятеж на фортах Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев, и над Петроградом нависла непосредственная опасность, в числе других коммунистов Москвы нас с Янышевым направили в город на Неве. Наш отряд влился в ряды революционных моряков и питерских коммунистов, дравшихся за Красную Горку на суше. В ночь с 15 на 16 июня Красная Горка вновь стала нашей.

По поручению товарищей я выехала в Москву с докладом. Ехала на паровозе. Ранним утром, не заходя домой, отправилась прямо к секретарю Московского комитета партии

В. М. Загорскому. А оттуда вместе с ним — к Владимиру Ильичу Ленину.

Когда мы с Загорским прибыли в Кремль, к Ильичу, он, несмотря на ранний час, уже работал. Встретили нас и Владимир Ильич, и Надежда Константиновна, и Мария Ильинична тепло, радушно. Выслушав мое сообщение о боях за Красную Горку и о настроении питерских рабочих, Владимир Ильич сказал:

— А теперь, товарищ Шура, пойдите умойтесь.

Я взглянула в зеркало и ахнула: все лицо, волосы были в угольной пыли.

— А теперь и позавтракаем,— сказал Владимир Ильич, когда я привела себя в порядок,— чай-то у нас сегодня с молоком!

От завтрака мы с Загорским долго отказывались. Знали — Ильич тоже на строгом пайке. Но он настоял и повел нас в кухню. Хлеб нарезал сам, на равные части, поровну, расколол щипцами сахар...

Гражданская война продолжалась. От коммунистов требовалось все больше и больше усилий, напряжение всех сил. Угроза нависла над Москвой. Главным врагом был Деникин, а Южный фронт стал решающим. И вновь мы с Янышевым на переднем крае. Он — комиссар 15-й Инзенской стрелковой дивизии, я — начальник политотдела этой же дивизии. Мы сражаемся в низовьях Дона, тесним врага в Донбассе, деремся за Ростов. Чудеса храбрости показывают наши бойцы в кубанском походе.

Деникин разбит. Теперь главным стал врангелевский фронт. Бой, равного которому я еще не знала, разгорелся в районе Большого Токмака. Инзенцы мужественно дрались, чтобы овладеть немецкой колонией Гохгейм, расположенной на холме и превращенной врангелевцами в важный опорный пункт. Вражеские пулеметы не давали нам поднять головы. Одна атака захлебывалась за другой. А высоту во что бы то ни стало нужно было взять. И тогда первым поднялся комиссар Янышев. Мы — за ним. В штыки. Белогвардейский опорный пункт взяли штурмом. Но в рукопашном бою был смертельно ранен комиссар.

Сказать, что эти минуты были для меня трудными, все равно что не сказать ничего. Впервые бойцы видели слезы на моем лице...

Гроб с телом комиссара отправили в Москву. Похоронили М. П. Янышева у Кремлевской стены. После похорон Надежда Константиновна Крупская увезла меня к себе на кварти-

ру в Кремль. Никогда не забыть мне ласки, внимания, тепла, которыми я была окружена в семье Ильича.

— Сделайте все,— сказал Владимир Ильич Надежде Константиновне и сестре,— чтобы помочь Шура справиться со своим горем.

Сам Владимир Ильич тяжело перенес гибель Янышева.

— Как же не уберегли такого комиссара,— говорил он с горечью,— ведь таких Янышевых у нас немного.

Присев рядом, он взял мою руку в свои:

— Что же делать, товарищ Шура, нам, коммунистам, предаваться унынию нельзя. Впереди у нас еще много жертв, надо уметь встречать их сильными.

Через три дня я снова уезжала на фронт. Врангель, осев на Крымском полуострове, сделал его неприступным со стороны суши. Красной Армии, в том числе и нашей Инзенской дивизии, предстояло выбить его оттуда.

Командующим Южным фронтом в сентябре 1920 года был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Он приехал с группой товарищей.

— А вам, Шура, посылочка,— обратился ко мне один из них.

— От кого? — спрашиваю, а они молчат, усмеваются. Разворачиваю небольшой сверточек, а там три пачки папирос, теплые носки, варежки, пакетик леденцов и записочка от Надежды Константиновны. Хоть Владимир Ильич, писала она, и не любит курящих женщин, но ты уж ладно, раз куришь, так закури, когда будет тяжело.

Крымский перешеек взять было трудно. Перед нами Гнилое море — Сиваш. Обо всем командующий фронтом сообщил Ленину.

«...Изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»¹, — писал Владимир Ильич в ответной телеграмме на имя М. В. Фрунзе.

В штаб вызвали местного крестьянина Оленчука.

— Надо провести наш коммунистический отряд вброд через Сиваш,— объяснили ему задачу,— берешься провести?

— С пути не советесь? — спросил Фрунзе.

— Такое допустить, — ответил Оленчук, — всю жизнь каяться будешь, внукам в глаза от стыда не посмотришь...

Утро 7 ноября выдалось морозное. Весь советский народ праздновал в этот день третью годовщину Октября. Провели торжественный митинг и мы на берегу Сиваша.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 307.

— Смерть Врангелю, свободу Красному Крыму! — клялись бойцы.

Первым, с длинным шестом, вошел в воду Оленчук. В косматой шапке, в поддевке, подпоясанной красным кушаком, он походил на сказочного богатыря. Впрочем, таким виделся мне потом, а тогда было не до сравнений. За Оленчуком вошли комиссар 133-го полка Петров, помощник командира этого же полка Карпов и я. Вслед за пешими бойцами тронулись конники-связисты. Путь штурмового коммунистического отряда отмечался вешками-заметками для полков и дивизий, которые должны были тронуться за нами.

А вода в Сиваше холодная. По телу побежали мурашки. Вода обожгла колени, дошла до пояса, подходит к груди... Вначале, у берега, дно было твердым, а потом, шаг за шагом, слабее, стало расползаться под ногами. Особенно трудно приходилось, когда на пути попадались ямы. Ноги так и засасывало, так и затягивало. Кое-кто уже скрылся под водой. Но ни звука, ни стопа, ни слова о помощи... «Если умирать, то только молча», — пообещали мы друг другу еще на твердой земле.

— И не курить, а кому невоготу будет, — я протянула мешочек с леденцами, — сосите. Это поможет.

У противоположного берега вновь стало твердеть. Бойцы оживились. Но тут Сиваш осветили прожекторы, хлестнула пулеметная очередь. Падают раненые. Падают убитые. Но ничто уже не могло остановить красных бойцов.

За переход Сиваша многие из наших инзенцев получили награды Родины. Орден Красного Знамени был вручен и мне...

Красная Армия очистила от врангелевцев Крым. Пал последний оплот белогвардейщины. Все мы радовались победе. А мое сердце наполнялось особой гордостью. В те дни я все время вспоминала слова Владимира Ильича, сказанные мне накануне моего отъезда в Крым: «Приезжайте с победой!»

И я была счастлива, что мы выполнили наказ вождя.

...Довольно часто я бываю сейчас в квартире Ленина в Кремле — с молодежью, с экскурсантами, приезжающими к нам из-за рубежа. Трудно выразить, что испытываю при этом. Сколько раз видела я Ильича сидящим за этим столом, слышала его голос. Бывало, только раздадутся торопливые шаги, уже знаешь, что это он, Ильич, идет. И как бы ни был он занят, какие бы заботы ни тревожили его, всегда приветлив, всегда найдет нужное в эту минуту слово...

Но помню я и другое.

Январь 1924 года. Я работала тогда заведующей орготделом Николаевского окружкома партии.

Вспоминать, говорить о тех днях трудно. Да и какие найдешь слова, чтобы в полной мере выразить то, что пережито было нашим народом, трудящимися, прогрессивными людьми всего мира? Дни ленинского призыва стали днями роста партийных рядов. Готовность восполнить собой, своей жизнью хоть малую толику великой потери было стремлением миллионов. Не в силах сдерживать слезы, да и не стыдясь их, я записывала в партию людей с такими же заплаканными глазами, а на память приходили минуты, проведенные рядом с Ильичем. И я рассказывала о жизни вождя, о его неукротимости в работе, о его человеческих качествах, главное из которых — железная требовательность к самому себе. Говорила, чувствуя, что каждое слово об Ильиче доходит до самого сердца слушателей, тревожа и волнуя их.

...С того дня, как стала я носить фамилию Янышева, прошли десятилетия. Не было тогда у меня фаты, не было обручального кольца. Плечи прикрывала кожаная куртка, на боку маузер. Но день тот запомнился навсегда. И сейчас, когда вижу, как невеста об руку с женихом идут вдоль Кремлевской стены поклониться священным могилам, в душе благодарна им за то, что хранят они память о днях, вписанных в историю золотыми буквами, о людях, чьи имена не померкнут в веках.

С каждым новым днем все больше отдаляемся мы от времени, которое было самым трудным, но и самым насыщенным для меня и моих сверстников. Не вспоминать о нем, не переживать горечь утрат и радость побед мы не можем. Не имеем права.

ТРИ СЕСТРЫ

Я и мои сестры Дарья и Евдокия родились в деревне Гнилицы Новинской волости Тверской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Чтобы прокормить тринадцать детей, отец отправлялся на отхожие промыслы, бурлачил на Волге, работал грузчиком на вагонном заводе в Твери.

До революции Тверь была городом текстильщиков. На фабриках трудились десятки тысяч рабочих, преобладал женский труд.

Нас, девочек, с восьми лет отдавали «в люди» — няньками в рабочие семьи текстильщиков, чтобы затем с их помощью устроить на фабрику. Я нянчила детей у рабочего Сытина, получая сорок, а потом пятьдесят копеек в месяц.

Большинство текстильщиков жили в рабочих казармах — теснота, грязь. В одной комнате ютились по две-три семьи, отделенные одна от другой ситцевыми занавесками. Над кроватями люльки, под кроватями — грязное белье, картошка, корыто — больше их некуда было положить. Стол на две семьи — одна семья обедает, другая выходит в коридор. Днем и ночью смрад, духота, донимали клопы, тараканы. Мясо самых дешевых сортов покупали раз в месяц. Чаще варили пустые щи или готовили «мурцовку» — воду с накрошенными в нее хлебом и луком. Изредка ели пшеничную кашу с льняным маслом, о сливочном не имели понятия. Молоко покупали только детям, одну чашку, которая стоила копейку, на два дня. По пятницам была баня, — тогда устраивали настоящий «праздник», покупали селедку и ситный. По воскресеньям пекли пироги из самой дешевой муки с пшеничной кашей, кислой капустой или картошкой.

Развлечений не было никаких. Играли в самодельные карты из бумаги, подобранной на фабрике. По субботам ходили в церковь ко всенощной.

Несмотря на такие ужасающие условия, рабочие дорожили казармой. Не приходилось заботиться о топливе, имелись центральное отопление, общая кухня с огромной русской

печь, где в любое время можно было приготовить пищу. Работницы, уходя на фабрику, оставляли на столе котелок с картошкой или щами. Кухарка ставила их в печь, за это каждая семья платила ей по гривеннику в месяц.

Тяжелой была и работа на фабрике: длинный рабочий день, пыль, жара, никаких отпусков, женщины иногда рожали прямо у станка. Из-за изнурительного труда и плохого питания женщины часто болели, рано умирали. Работницы редко жили дольше сорока лет. Умерла от чахотки и моя первая хозяйка.

Двенадцати лет я поступила на Залогинскую фабрику. Работала вместе с другими девочками в сыром, темном подвале на сортировке рвани и угаров, получала три рубля в месяц. С пятнадцати лет меня поставили на обучение к станку, и к шестнадцати годам я стала ткачихой. Ткачихи на Залогинской фабрике получали восемь-девять рублей в месяц. Когда работницы жаловались директору на малый заработок, он отвечал:

— Было бы болото, лягушки наскачут.— Дескать была бы работа, а желающих наняться хоть пруд пруди.

Накопив первый опыт, я перешла на фабрику Берга, где, работая на трех станках, получала уже по двенадцати-тринадцати рублей в месяц.

Скоро я стала замечать, что подмастерья не ко всем работницам относятся одинаково. Одним ткачихам они быстро заправляют основу, других обходят, получается простой. Однажды мой станок простоял несколько часов. Это меня возмутило, и я пошла с жалобой к мастеру Голубеву. Меня поддержали работница Настя Семенова и ткачи Арсений Мельниковский и Орлов. Этот инцидент не прошел мимо внимания большевиков, работавших на фабрике. Как-то ко мне подошел Егор Макаров, большевик, как я узнала потом, мы поговорили, а вскоре он предложил пойти вместе на Волгу покататься на лодке. Он просил меня прийти с кем-либо из подруг.

В назначенное время мы — Настя Семенова, Даша Баранова и я — пришли на берег Волги. Макаров познакомил нас со Степаном Красновым, который в то время возглавлял подпольную большевистскую организацию фабрики Берга (конечно, об этом нам стало известно позже). Впервые от него мы услышали «о хитрой механике» эксплуатации человека человеком, об огромных прибылях, которые приносит наш труд хозяевам. Через некоторое время Макаров пригласил нас на собрание, которое проходило в лесу. Шла

империалистическая война, и в тот раз мы, также впервые, узнали из выступления Степана Краснова, что она ведется в интересах капиталистов и задача рабочих — подготовить революцию для свержения царизма и капитализма.

Весной 1915 года я вступила в большевистскую партию, в это же время стала членом партии и моя старшая сестра Даша. Младшая Дуся стала коммунисткой позже. Вот как это получилось. Однажды большевистская организация поручила Даше спрятать красный флаг. Она зарыла его в песок на чердаке. Дуся пошла туда развешивать белье и нашла флаг. Она рассказала об этом соседке — работнице Кате Зверьковой, муж которой, революционер, отбывал заключение в тюрьме. Катя взяла у Дуси флаг и велела молчать о находке. Об этом Дусином поступке Зверькова рассказала лишь нам. Мы с Дашей сообщили об этой истории Макарову. Он и раньше присматривался к сестре, а теперь сказал: «Дуся — девчонка боевая, нужно вовлечь ее в партию». Он стал с ней беседовать, и скоро сестру приняли в партию. Так мы, три сестры, стали в 1915 году членами большевистской партии.

Вскоре по предложению Макарова был создан политический кружок из работниц фабрик Берга и Морозова, в него вошла и я с сестрами. Пропагандистом в кружке была Лена Троицкая (подпольная кличка Варя). Тверская партийная организация в годы первой мировой войны стояла на большевистских, ленинских позициях. На занятиях кружка давалась оценка войне как империалистической, разъяснялись ленинские лозунги о превращении войны империалистической в гражданскую.

Кроме занятий в кружке мы тайно распространяли листовки. Дуся ходила на вокзал и по установленному паролю встречала товарищей, приезжавших из Петрограда, отводила их на конспиративную квартиру.

Жили мы недалеко от Морозовской фабрики, в доме № 9 по Краснослободской улице, в районе, носившем название Птюшкино болото. Здесь один к одному лепились маленькие невзрачные домишки, улицы были грязные, немощеные. Вышка (мезонин) в нашем доме, которую мы, сестры, занимали, стала конспиративной квартирой. Здесь проводились занятия кружка, порой скрывались нелегально проживавшие товарищи Егор Макаров, Павел Куликов, Воробьев, сюда приходили пропагандисты Андрей Жданов (впоследствии секретарь ЦК ВКП(б)), Михаил Константинов, Лена Троицкая.

Весной 1916 года под руководством Тверского комитета большевиков проводилась кампания против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. Помню, у нас на вышке собрались большевики с фабрики Берга, человек десять. Беседовал с нами член Тверского комитета Андрей Жданов. Он разъяснял позицию большевиков по вопросу о войне, тактику партии по отношению к военно-промышленным комитетам. На другой встрече в лесу неподалеку от Волоколамского шоссе присутствовало уже около тридцати человек. На этот раз пришли и рабочие Морозовской фабрики. Жданов снова выступал против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. В следующие дни мы провели немало бесед с рабочими на эту тему и вскоре с удовлетворением узнали, что тверские пролетарии отказались участвовать в военно-промышленных комитетах. Их представители, огласив заявление от имени рабочих, покинули заседание губернского военно-промышленного комитета.

Не порывали мы и связей с деревней. В 1916 году в праздник вознесения с группой рабочих-большевиков Даша, Дуся и я отправились в село Пречистый Бор, куда на ярмарку съезжались крестьяне со всей округи. Было много молодежи. Решили провести митинг. Макарову поручили выступить с речью, а мне поднять красный флаг с надписью: «Долой войну, долой самодержавие!» Флаг был у меня спрятан в зонтике.

Но митинг не состоялся, полиция заподозрила неладное и разогнала толпу. Ограничились выкриками: «Долой войну, долой самодержавие!»

Удачнее получилось в нашей деревне Гнилицы. Здесь на праздник троицы собралось человек пятьдесят молодежи. Макаров выступил с горячей речью. Крестьяне слушали сочувственно.

Война принесла дороговизну, лишения, гибель близких. Росло недовольство трудящихся; несмотря на суровые условия военного времени, усиливалось стачечное движение рабочих. В октябре 1915 года вспыхнула забастовка на фабрике Берга. Рабочие требовали увеличения зарплаты, снижения цен на продукты в фабричной лавке, введения восьмичасового рабочего дня. Мы с Дашей останавливали станки, призывали работниц стойко держаться. Три дня рабочие не уходили с фабрики. Забастовка прошла успешно. Были повышены расценки, снижены цены в лавке. По требованию работниц уволены наиболее ненавистные надзиратели в цехах Копейкин и Сироткин.

Новая крупная забастовка, начавшаяся в октябре 1916 года, получила название «сахарной», так как поводом для нее послужило прекращение продажи сахара. Требования рабочих составлялись на квартире у Даши. Активное участие в забастовке приняла и младшая сестра Дуся, которая остановила станки сначала в своем комплекте, а потом на всем третьем этаже фабрики Берга; я делала то же самое на втором этаже. В донесении губернатора говорилось: «Забастовка эта хотя и возникла на почве продовольственной неурядицы и рабочими были предъявлены экономические требования, однако, несомненно, имела политический характер и была продиктована извне». Власти не без оснований считали, что забастовкой руководили большевики.

После забастовки были уволены многие рабочие, мне тоже грозило увольнение. Не дожидаясь его, я взяла расчет и уехала в Петроград, где поступила ткачихой на фабрику Гука. По данной мне явке сразу же связалась с большевистской организацией на фабрике и вскоре получила первое поручение — распространять листовки среди ткачей.

Ночь накануне спала плохо, встала чуть свет. И задолго до начала работы пришла на фабрику. Попросила сторожа пропустить: живу, мол, далеко, долго шла, озябла...

До прихода работниц я успела разложить листовки на станки, а потом читала их вместе с ткачихами и, так же как они, удивлялась, откуда они могли здесь появиться.

В дни Февральской революции я участвовала в разоружении полицейских и жандармов, вела агитацию среди солдат, выступала на митингах. В мае 1917 года вернулась в Тверь.

В Тверь, как мне рассказали сестры, известие о свержении царя пришло 28 февраля. На заседании Тверского комитета большевиков, на котором присутствовала и Евдокия, решили провести демонстрацию. Дусе поручили остановить Залогинскую фабрику и вывести рабочих на улицу. 1 марта по пути на фабрику, проходя мимо воинских казарм на Желтиковском поле, Дуся рассказывала встречным солдатам о том, что в Петрограде началась революция, агитировала их поддерживать выступление рабочих. На фабрику ей удалось пройти, так как раньше она здесь работала и ее знали. По ее призыву рабочие остановили станки, столпились в проходах. Дуся уже собралась начать речь, когда подмастерье Иван Собакин и табельщик Крючков оттеснили ее к выходу и передали уряднику, который ее и арестовал. Рабочие покинули фабрику, началась забастовка. Под арестом

Дусю продержали до шести часов вечера. А в это время к полицейскому участку подошла многотысячная демонстрация рабочих фабрик Берга и Морозова, и рабочие делегаты потребовали освободить сестру. В рядах участников демонстрации шли активные члены Тверской большевистской организации Г. И. Макаров, И. А. Трусов, М. М. Константинов, С. М. Трифонов, П. Н. Пospelов, Ф. Е. Шибаев, А. В. Соколов и другие.

Дусю освободили.

2 марта огромные массы рабочих устремились на Желтиковское поле к казармам. К рабочим присоединились солдаты. Мощная демонстрация, впереди которой несли знамя с лозунгом «Да здравствует революция! Долой войну!», направилась в центр города. Дуся участвовала в захвате оружейного склада, в освобождении политических из тюрьмы, разоружении полицейских.

Большевики вышли из подполья. Тверской комитет обосновался в доме против ворот Морозовской фабрики. В этом же доме открылся партийный клуб, который стал центром большевистской агитации и пропаганды. Здесь читались лекции и доклады, отсюда посылались докладчики на митинги и собрания. В партийный комитет и клуб потянулась рабочая молодежь, приходили солдаты из расположенных поблизости казарм. Привлекала организованная при клубе библиотека, возможность почитать газеты «Правда» и «Социал-демократ», послушать доклады. При клубе была организована художественная самодеятельность. Меня выбрали членом правления клуба. Сестры также стали активными членами его.

На предприятиях города проходили многочисленные бурные митинги и собрания. Большевики на них разоблачали предательскую роль меньшевиков и эсеров, убеждали массы в том, что только Советы рабочих депутатов обеспечат подлинную победу революции. Я и мои сестры вместе с другими молодыми рабочими активно разъясняли, кто такие меньшевики и эсеры, споры порой доходили чуть не до рукопашной.

Летом 1917 года, по поручению партийного комитета, вместе с молодыми коммунистками Настей Кирсановой, Машей Калининой, Аней Михеевой, Нюрой Алексеевой мы участвовали в организации профсоюза текстильщиков, агитировали рабочих вступать в союз, оформляли их прием в члены профсоюза. В июльские дни 1917 года мы вместе с членами клуба несли охрану партийного комитета.

Я и Дуся одними из первых вступили в Красную гвардию. Мне довелось участвовать в организации отряда Красной гвардии на фабрике Берга. Помню, когда я пришла в рабочую казарму этой фабрики, чтобы провести запись рабочих в Красную гвардию, к моему столу сразу же выстроилась длинная очередь. Первым записался семнадцатилетний Петя Петухов, впоследствии боевой комсомолец, участник гражданской войны.

В октябрьские дни 1917 года переход власти в руки Совета рабочих депутатов произошел в Твери без вооруженной борьбы: у нас имелась боевая рабочая Красная гвардия, солдаты воинских частей поддерживали большевиков, а буржуазия не располагала вооруженной силой. Неясной была только позиция юнкеров из местного военного училища. Руководитель тверских большевиков А. П. Вагжанов поручил группе девушек — мне, Дусе Соколовой, Ане Михеевой и Алле Потаповой — разведать настроения и планы юнкеров. Для встречи с молодыми людьми у нас не оказалось подходящих платьев и обуви, пришлось попросить у подруг. Смущало и то, что мы не были искусны в танцах. И Вагжанов дал задание срочно разучить танцы...

Встреча прошла как нельзя лучше — молодым людям пришлось по душе скромность и миловидность «барышень», а те в свою очередь узнали, что настроения юнкеров колеблющиеся. Их готовят к отправке в Москву 29 октября, оружие погрузят в четвертый вагон. Вагжанов был очень доволен этими сведениями и на заседании партийного комитета от души поблагодарил девушек.

Нужно было действовать без промедления. В юнкерское училище была направлена делегация большевиков во главе с членом ревкома Коровиным. В результате переговоров начальство юнкерского училища дало обязательство из Твери не выступать.

30 октября поступило сообщение, что с Западного фронта в Тверь прибывают эшелоны с солдатами 12-й армии, следующие в Москву на подмогу контрреволюции. Остановить и разоружить эти части было поручено члену ревкома Коровину. С отрядом красногвардейцев, в числе которых была и я, Коровин явился на станцию. Железнодорожники отцепили и угнали паровоз. Начальника эшелона и командный состав воинских частей пригласили в комнату начальника станции, где представитель ревкома заявил, что эшелон окружен вооруженными рабочими, и потребовал сдать оружие. Офицеры вынуждены были принять ультиматум.

Октябрьская революция победила. Мы принимали участие в организации отрядов Красной гвардии в селах Васильевской и Новинской волостей, выступали на митингах, разъясняли крестьянам ленинский декрет о земле. Однажды меня и работницу Морозовской фабрики Кустову послали в село Медное, расположенное в двадцати пяти верстах от города. Собралось много народу. Я говорила о борьбе рабочих отрядов против контрреволюционных сил, о том, что дает крестьянам Советская власть, за что борются большевики. Я, работница-ткачиха, сама выходец из беднейшего крестьянства, выступала с большим подъемом, говорила искренне, убедительно, и собрание приняло резолюцию в поддержку всех мероприятий Советской власти.

Летом 1918 года я активно участвовала в организации комитетов бедноты в деревнях Первитинской и Васильевской волостей. Помню, в августе 1918 года мы с ткачихой Морозовской фабрики Рихтер приехали в деревню Погорельцы Первитинской волости. Крестьяне жали рожь. Мы были голодные и решили помочь в уборке хлеба, чтобы нас за это покормили. Я показала Рихтер, как надо жать и вязать снопы, и мы начали работу. Ночевали мы под стогом сена.

Утром встретили в Погорельцах коммунистку из Твери В. А. Луговскую, и она пригласила нас к учительнице села Первитино Дарье Степановне Константиновой. Сыновья учительницы Николай и Михаил были активными членами Тверской большевистской организации. Нам удалось организовать в волости комитет бедноты и детские ясли...

Партия большевиков уделяла большое внимание развертыванию работы среди женщин. Тверской комитет РКП(б) образовал бюро по организации женщин. Я вошла в его состав, а несколько позднее в нем стала работать и моя сестра Даша.

Вместе с работницами Домашей Кустовой и Нюрой Жуковой мы проводили выборы женделегаток, помогали им работать в качестве практиканток в советских учреждениях, создавали детские ясли и сады. Время было трудное, голодное, но первый кусок хлеба и первую кружку молока Советская власть отдавала детям. Руководствуясь ленинским декретом о бесплатном питании для детей, мы организовали в Твери в 1919 году детскую столовую.

Руководить столовой Морозовской фабрики доверили моей старшей сестре Дарье Андреевне. Новая заведующая вкладывала в свою работу всю душу, а вот своих четырех детей ей не удалось уберечь. Они были настолько истощены

от недоедания, что, заболев свирепствовавшей тогда испанкой, умерли. Позднее Дарья Андреевна заведовала отделом охраны материнства и младенчества Тверского губздравотдела и, по отзывам товарищей, показала себя способным руководителем, принципиальным, чутким человеком. В последующие годы сестра работала в контрольных комиссиях Тверского, Воронежского губернских комитетов партии, была на руководящей работе в Воронежском областном отделе здравоохранения. Умерла она в 1945 году.

Моя младшая сестра Евдокия Андреевна еще в декабре 1917 года была направлена на работу в Тверскую губернскую чрезвычайную комиссию, в отдел по борьбе со спекуляцией. Участвовала в массовых обысках и облавах, в комиссиях по конфискации имущества буржуазии. Потом работала в военном госпитале, была женорганизатором на фабрике, заведовала совпартшколой в местечке Раек, близ Торжка, принимала активное участие в коллективизации сельского хозяйства. Тяжелая болезнь безвременно оборвала ее жизнь в 1935 году.

Мне после Октябрьской революции довелось работать инструктором женотдела Тверского губернского комитета РКП(б), быть членом губернского правления профсоюза текстильщиков, членом контрольной комиссии губкома партии. В 1929 году была направлена в Высшую школу профдвижения. Избиралась членом президиума Московского областного отдела профсоюза текстильщиков, заведовала в нем жилищно-бытовым отделом. В 1933 году поступила учиться на курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). В 1936 году ввиду тяжелой болезни ушла на пенсию. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на болезнь, я по мере сил помогала в обороне страны.

Так мы, три сестры-большевички, простые работницы, боролись за победу революции, укрепляли нашу родную Советскую власть. Пройденный нами путь — обычный для женщин-работниц того времени. Наши судьбы типичны для судеб многих работниц, поднявшихся из нужды и забитости, ставших коммунистками, активными строителями социализма.

БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЕМКИН»

Петроград в последние дни февраля 1917 года. По призыву большевиков забастовочное движение охватило большинство предприятий столицы. Выборгский комитет партии поручил группе товарищей, в которую входила и я, остановить движение городского транспорта.

Помню, как, подняв руку, я встала между рельсами. Из-за поворота показался трамвай. Не сбавляя скорости, отчаянно захлебываясь, звонит, мчится прямо на меня. Истошно кричит какая-то женщина. Я заставляю себя стоять на месте. Подойдя ко мне вплотную, вагон замедлил ход и остановился.

Какую-то долю секунды мне было плохо, но тут же, овладев собой, я вскакиваю на подножку, поднимаюсь к вагоновожатому и сердито говорю:

— Прекратите немедленно движение! Разве вы не знаете, что в городе забастовка? Отдайте сейчас же ключ!

Вагоновожатый, пожилой плечистый мужчина, глядя на меня с едва заметной теплинкой в глазах, осторожно, совсем тихо сказал:

— А ты борись, борись! Соображаешь?

Я «набросилась» на вагоновожатого и с «трудом» отняла ключ.

Вскоре на Выборгской остановились все трамваи. Я прикнула к большой группе работниц, направлявшихся к Невскому проспекту. У Гостиного двора нам преградил путь отряд вооруженных солдат, направив на женщин острия стальных штыков. А мы запели «Смело, товарищи, в ногу...» и двинулись на солдат. Вот один солдат опустил ружье, второй, третий... Так с песней мы и прошли сквозь солдатские ряды.

К тому времени народ прорвался к центру. Клич «Долой самодержавие!» зазвучал на всех улицах и проспектах Петрограда. В конце Сампсоньевского проспекта за высокой каменной стеной расположились Московские казармы. Здесь

в огромных оружейных складах засели белые офицеры и юнкера. В эти же казармы направлялись и прибывавшие с фронта воинские части. Обросшие, худые, в потрепанных шинелях, солдаты выглядели изнуренными.

Рабочие завода «Новый Промет», связавшись с солдатами Московских казарм, предложили им совместными усилиями ликвидировать вражескую цитадель в оружейных складах. Рабочие и солдаты пошли к складам. Юнкера притаились и молчали. Кто-то из рабочих крикнул: «Сдавайтесь!» В ответ — пулеметная очередь, ружейный залп. Рядом со мной, обливаясь кровью, упал рабочий. На мгновение охватило чувство страха. Но тут же вместе с другими женщинами я бросилась оказывать помощь раненым. Рабочие и солдаты усилили натиск, и вскоре вражеское гнездо было ликвидировано.

В тот же день рабочие освобождали заключенных из страшной тюрьмы «Кресты». Заключенные выходили на улицу в тюремных куртках, легких пиджаках, а стояла еще зима... Работницы подумали: они же замерзнут. Тут же приняли решение. Ближайший магазин готовой одежды оказался закрытым. Аккуратно открыв двери, рабочие, солдаты и бывшие узники вошли в магазин. Отобрав все необходимое из верхней одежды, обувь и шапки, составили список и приложили записку: «Мы, революционеры, восставшие во имя народа, взяли все это для освобожденных политических заключенных». Около магазина выставили охрану, но это, пожалуй, было излишним. Несмотря на голод, на то, что повсюду у продовольственных магазинов выстраивались огромные очереди, ни краж, ни мародерства в городе не было...

Прошло немногим более месяца. 3 апреля 1917 года Выборгский райком партии, членом которого я была, получил извещение, что вечером из эмиграции в Петроград приезжает Ленин. Выбрали делегатов для встречи. Среди многих и меня. Мы забеспокоились: как оповестить рабочих о приезде Ленина? Ведь день нерабочий, пасхальный, все дома...

Решение приняли быстро. Принесли простыни, разрезали их на полосы и крупно написали: «СЕГОДНЯ ПРИЕЗЖАЕТ ЛЕНИН». Полотнища прикрепили к палкам, и рабочие понесли транспаранты по улицам Выборгского района.

Вечером у Финляндского вокзала собрались многие тысячи людей... Вдруг вся привокзальная площадь озарилась ярким светом. Об этом позаботились солдаты прожекторной команды Петропавловской крепости. Поток лучей вырвал

из темноты толпу людей и громаду броневика у входа в вокзал. На перроне — строй солдат, сводный отряд матросов Балтийского флота — почетный караул, многочисленные делегаты районов Петрограда.

Замедляя ход, к вокзалу подошел поезд. Из вагона вышли Ленин, Крупская и другие товарищи. В скромном пальто, прищурясь под светом прожекторов, Ленин прошел мимо рядов почетного караула и делегатов. Его окружили, поздравляя с возвращением на родину.

На вокзале Иван Чугурин, представитель нашего Выборгского райкома РСДРП(б), вручил Владимиру Ильичу партийный билет за № 600. Ильич благодарил делегатов и с каждым обменялся рукопожатием. Пожал он и мою руку.

Спустя несколько дней Ильич приехал к нам на Выборгскую сторону¹. Партийный комитет помещался тогда на втором этаже какой-то столовой. В тщательно убранной комнате собрались все члены комитета. Мы с Женей Егоровой поминутно выбегали на улицу встречать Ленина, но его все не было. И вдруг мы увидели Владимира Ильича, скромно идущего в окружении рабочих. Оказывается, Ильич пришел пешком. Заметив нас, он приветливо замахал рукой:

— Сейчас, сейчас приду, вот только с товарищами закончу разговор.

Поднявшись в помещение райкома, Владимир Ильич долго беседовал со всеми. Расспрашивал о настроениях рабочих, о снабжении продовольствием, топливом, о том, как работает райком партии. Что-то записывал в блокнот и иногда как бы про себя повторял:

— Это очень важно, очень...

Случилось так, что вскоре после этой встречи родители прислали мне посылку: два куска сала, две банки меда и сдобные домашние пряники. Мы с мужем, Кириллом Ивановичем Шутко², очень обрадовались: в Петрограде было голодно. Решили непременно передать часть продуктов Ульяновым, которые, как мы знали, нуждались, как все. Надежда Константиновна часто приезжала на Выборгскую сторону в райком партии, и я решила с ней встретиться. Но как только я заикнулась о посылке, Крупская запротестовала:

— Что вы, Нина, Владимир Ильич ни в коем случае не согласится принять такой подарок, да и я не возьму.

¹ По-видимому, автор ошибается в датировке этого факта. В. И. Ленин посетил Выборгский райком партии в мае 1917 года. См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4. М., 1973, стр. 207.— *Ред.*

² Член Петербургского комитета РСДРП(б).— *Ред.*

— И вовсе это не подарок,— не отступала я,— а проявление заботы о товарище Ленине. Мы все должны заботиться о нем, а вас мы просим, поддержите нас!

Вероятно, я говорила так горячо, что в конце концов Надежда Константиновна сдалась. На следующий день она, улыбаясь, сказала:

— Владимиру Ильичу очень понравились пряники, говорит, что никогда в жизни не доводилось таких есть, да и другим товарищам они понравились. Спасибо!

Октябрьская революция победила! В Петрограде было создано первое Советское правительство. Партия послала меня на пост управляющего делами Народного комиссариата труда. Поначалу было трудно, дело новое, незнакомое. Приходилось работать в условиях скрытого саботажа, а порой и прямого неподчинения старых служащих. Но трудностей я не боялась. А когда столицей молодого Советского государства стала Москва, я переехала туда вместе со своим наркоматом.

...Разгорелась гражданская война, повсюду гремели сражения с интервентами и белогвардейцами. Большое число коммунистов Московская партийная организация направила в Красную Армию и в занятые врагом районы страны.

Летом 1918 года К. И. Шутко был послан в Новороссийск для проведения в жизнь директивы Совнаркома о потоплении Черноморского флота. Вместе с ним выехала и я.

В Новороссийске под видом курортников мы поселились у моря, в домике портового рабочего Очеретяного. Его жена Наташа встретила постояльцев приветливо. «Курортники» ни у кого не вызвали подозрения, в летнее время это было в порядке вещей.

В конце августа советские войска оставили Новороссийск. Город заполнили озверевшие деникинцы. Они организовали повальные обыски в поисках коммунистов. С утра до поздней ночи не прекращались разбой и грабежи. По ночам не смолкала стрельба. На Сунджукской косе шли расстрелы. Убитых бросали в море. Волны выбрасывали трупы на берег. Жители города ночью пробирались на косу и тайно уносили тела погибших...

В Новороссийске начало действовать большевистское подполье, но в первое время у нас связи с ним не было. Оставалось одно — выждать время.

У нас было оружие. В случае прихода деникинцев решили защищаться до конца, последние пули оставили себе. Ночами мы с К. И. Шутко поочередно дежурили у окна. Лампы не зажигали, сидели при свете лампадки. Хозяева квартиры тоже не спали, было слышно, как они шептались за стеной. К хозяйке приходила ее мать Татьяна Гавриловна, она жила в доме через улицу, и просиживала у дочери до утра. Кто были эти люди, нам не было ясно.

Жизнь с каждым днем становилась тяжелее и опаснее. Мы решили спрятать оружие в скалах у моря. Поздней ночью, когда все вокруг погрузилось в сон, осторожно вышли из дому. Было темно и тихо. Стали спускаться к морю. Вдруг совсем рядом раздался шорох, метнулась какая-то тень. Кто-то притаился, прижавшись к каменной глыбе. Осторожно приблизившись, узнали хозяина квартиры Очеретяного. Он прятал оружие.

— Вы тоже? — только и могла прошептать я.

Тот молча кивнул.

С той ночи мы перестали таиться друг от друга.

...Однажды в белогвардейской газете появилась заметка о том, что в Новороссийске скрывается известный коммунист Шутко — член Реввоенсовета... Надо было уходить. В ту же ночь Шутко покинул Новороссийск, а Очеретяный отплыл на рыбацкой лодке к партизанам.

Меня приняли в кооперативную столовую бухгалтером. Я стала искать связь с подпольем.

Однажды в столовую в поисках работы пришла девушка. Кооператоры, пожалев, оставили ее у себя. Мы быстро сблизились. Мария Романова — так звали новенькую — познакомилась со товарищами, приехавшими из Баку под видом комиссионеров. От них я получила партийное поручение — спрятать понадежнее важные документы. Поздно вечером с Наташей, хозяйкой квартиры, выкопали в огороде яму и уложили туда завернутые в клеенку бумаги. Мне было известно, что многие официантки столовой поддерживают связь со своими мужьями и братьями — партизанами, скрывавшимися в горах и лесах около Геленджика. Не раскрывая полностью, кто я такая, решила установить с ними более тесные отношения.

Однажды взволнованная Наташа прибежала ко мне на работу и сообщила, что деникинцы готовят на следующий день облаву на партизан. Надо было успеть предупредить их.

Через короткое время, увидев одну из официанток, я словно между прочим сказала ей, что на следующее утро бе-

лые собираются прочесывать лес и горы, кого-то будут вылавливать. Девушка побледнела и вскоре исчезла. За нею незаметно ушли еще двое. Я успокоилась. Подумала: хоть одна из троих сумеет предупредить товарищей об опасности.

На другой день карательный отряд действительно направился в горы. Партизаны дали возможность белогвардейцам углубиться в ущелье и там напали на них. Бой продолжался несколько часов и затих только к вечеру. В город вернулись лишь жалкие остатки деникинского отряда.

К началу 1919 года я уже входила в группу коммунистов-подпольщиков. Мы собирали сведения о продвижении деникинских частей, их численности, снаряжении, о моральном состоянии белогвардейских войск. Добытую информацию переправляли в Ростов в Донской подпольный комитет РКП(б) и в партизанские отряды.

В начале лета 1919 года из Ростова в Новороссийск прибыл представитель подпольного Донского областного комитета партии. Он привез мне вызов в Ростов. Тяжело было покидать своих друзей в это трудное время. Тепло простившись с Наташей, ее матерью, с Машей Романовой и всеми товарищами по подполью, я выехала в областной центр.

Ростов был наводнен деникинцами, шли аресты. Арестованных подвергали нечеловеческим пыткам, зверски убивали. Во всем требовалась строжайшая конспирация.

Я устроилась на жительство в семье Козельковых, с которыми была знакома еще с дореволюционного времени по ссылке в Великом Устюге. Донской комитет назначил меня пропагандистом в Железнодорожный район.

После освобождения Ростова Красной Армией в начале января 1920 года областной Комитет направил меня с докладом в Москву.

В марте 1920 года ЦК партии послал меня на работу в Смоленск ответственным секретарем Военно-революционного комитета Белоруссии. В феврале 1921 года я возвратилась в Москву и была направлена на работу в полпредство РСФСР в Чехословакии, где находилась до 1922 года. Затем два года проработала в Коминтерне...

В моей душе постепенно зрело страстное желание заняться творческой деятельностью. Очень хотелось рассказать средствами киноискусства о том, что совершил за годы революции советский народ на своей земле. Я стала сценаристкой.

Все пережитое ожило в памяти, не заговорило, а закричало тысячью голосов...

13 февраля 1925 года на экранах московских кинотеатров появился фильм «В тылу у белых», поставленный по первому моему сценарию режиссерами Борисом Чайковским и Ольгой Рахмановой.

Картина повествовала о героической борьбе большевиков на Черноморском побережье в годы гражданской войны. В ней было показано, как с помощью провокатора белым удалось арестовать большую часть подпольной организации, как бесстрашно встречали смерть коммунисты и как оставшиеся в живых подпольщики вместе с партизанами помогли наступающим частям буденновцев освободить город от белых.

Зрители встретили картину восторженно. Первый успех окрылил меня, и, когда юбилейная комиссия ЦК партии поручила мне написать сценарий «1905 год», я с радостью приступила к выполнению этого задания. Фильм был задуман как широкое эпическое полотно, охватывавшее различные моменты первой русской революции. Тогда я познакомилась с кинорежиссером Сергеем Михайловичем Эйзенштейном, который должен был осуществить постановку фильма.

Мы сразу же с головой окунулись в творческую работу. Сценарные записи быстро заполнялись все новыми и новыми эпизодами. 22 декабря 1925 года состоялся просмотр фильма «Броненосец «Потемкин»». Впервые он демонстрировался в Большом театре на торжественном заседании, посвященном двадцатилетию первой русской революции.

Успех был необычайным. В газетах много и восторженно писали о фильме как о выдающемся событии советской и мировой кинематографии, как о величайшем произведении, открывшем новую эру в истории кино. Говорилось, что авторам удалось показать мощь народа, спаянного единством революционных действий, народа, творящего историю...

«Броненосец «Потемкин»» скоро с огромным успехом обошел экраны многих стран мира...

КОМАНДИР БРОНЕПОЕЗДА

Есть люди, встречи с которыми оставляют неизгладимый след на всю жизнь. Таким человеком была Людмила Мокиевская-Зубок, с которой судьба свела меня в 1910 году.

Она отличалась необычайной простотой и скромностью не только в поступках, действиях, но и внешне. Одевалась Люда в недорогие платья, а чаще всего — в синюю сатиновую юбку и кофточку-матроску из той же материи или белую блузку. Карие пытливые глаза, озаренные каким-то внутренним светом, внимательно и спокойно глядели на людей. Люда была старше меня на три года и имела на меня большое влияние. От моей сестры, с которой она вместе училась, я знала, что отец Люды — революционер и с семьей не живет.

Дом, в котором жили Люда и ее мать Глафира Тимофеевна, казался мне мрачным и таинственным, даже сад, густой и весь заросший, не привлекал в свою тень. Дом их стоял на одной из окраинных улиц Чернигова — Лесковице. Из сада вела тропинка на озеро Млиновице. Мы часто проводили здесь свободное время, катаясь на лодке по озеру или по тихой Десне. Люда прекрасно гребла и плавала. На противоположной стороне Десны манили к себе поросший кустарником песчаный берег и раскинувшиеся дальше душистые луга.

Люда была одной из лучших учениц черниговской частной гимназии Кузнецовой. В казенную гимназию ее не приняли как «незаконнорожденную». Она была очень способной, много читала и во время задеснянских прогулок любила порассуждать о том, как несправедливо устроен мир.

Образованные черниговские обыватели сторонились Мокиевских, и Глафира Тимофеевна и Люда платили им тем же. Одиночество матери Люды бросалось в глаза. Глафира Тимофеевна всегда была одна, закутавшись в плед, сидела в кресле и читала. Книг и журналов у них было очень много, и мать привила дочери любовь к чтению.

Их образ жизни и отношение окружающих уже с ранней юности вызывали у Люды внутренний протест, чувство негодования. И помнится, это чувство у нее как-то по-детски наивно однажды проявилось. Случилось это в 1911 году, когда Чернигов посетил царь Николай II.

Стояло жаркое лето. На Соборной площади были выстроены все учащиеся города. Среди них и Люда. Зачем-то она взяла с собой булавки и предупредила меня, что они нам понадобятся.

Когда кортеж царя приблизился и все внимание собравшихся на площади было обращено на царя и его свиту, Люда, не теряя времени, стала скалывать булавками один с другим банты на белых передниках учениц своего класса.

Вот уже царский поезд на Соборной площади. Встречающие быстро двинулись вперед. Но тут среди гимназисток произошло замешательство: несколько учениц оказались соединенными друг с другом. У начальницы не было сомнений в том, чья это «работа», и Люда была тут же отправлена в гимназию и вскоре исключена из нее. Лишь после долгих хлопот Глафиры Тимофеевны ее дочери дали возможность закончить учебу, и то только потому, что она была одной из лучших учениц.

В 1912 году Люда уехала в Петербург и поступила в Психоневрологический институт, студенты которого отличались вольнодумством, а профессура — своими прогрессивными взглядами.

В институте Люда Мокиевская оказалась в гуще передового студенчества. В марксистском кружке она жадно изучает революционную литературу, страстно выступает на собраниях, диспутах. Неудивительно, что уже в 1914 году пристав шлиссельбургского полицейского участка обращался с запросом в институт: «Сообщите, в возможно скорейшем времени, состоит ли в числе слушательниц института Мокиевская-Зубок Людмила, а также ее сословное звание, вероисповедание и лета».

В 1916 и начале 1917 года Люда снова в Чернигове в связи с тяжелой болезнью матери. В конце лета мать умерла. Ее смерть Люда очень тяжело переживала. Но нужно было возвращаться в Петроград продолжать учебу. Больше ничто уже не связывало ее с Черниговом.

Люда спешит в бурлящий Петроград. Революционная борьба сразу захватывает ее. В октябрьские дни 1917 года она отправляется в штаб революции — Смольный, где организуется оборона только что родившейся Советской респуб-

лики. Мокиевская вступает в отряд Красной гвардии и снова учится — теперь уже военному делу.

В трудные дни декабря 1917 года народный комиссар по военным делам Николай Ильич Подвойский вручает Людмиле Мокиевской мандат как комиссару по продовольствию, направляющемуся в Екатеринослав. Работа очень важная и ответственная. Хлеб необходим для голодающих рабочих революционного Петрограда.

В городах и селах Украины хозяйничали гайдамаки. В Екатеринославе готовилось восстание рабочих с целью свержения власти Центральной рады и установления Советской власти. Прибывшие в Харьков представители екатеринославских большевиков, в том числе Людмила Мокиевская, вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко разработали план восстания, которое намечалось на 28 декабря 1917 года. К этому времени сюда должны были подойти из Синельникова петроградские и московские красногвардейцы под командованием П. В. Егорова. Однако события разыгрались раньше назначенного срока...

Провокационные действия гайдамаков вызвали выступление рабочих Брянского завода. Дать сигнал к началу выступления (а таким сигналом служил колокольный звон) было поручено Людмиле Мокиевской.

В ночь на 26 декабря 1917 года рабочие-красногвардейцы захватили и привели на завод гайдамацкий броневик. Гайдамаки на следующий день предъявили Екатеринославскому Совету ультиматум, требуя выдачи броневика и разоружения рабочих Брянского завода. В ответ на отказ они начали артиллерийский обстрел завода.

Рабочие отчаянно сопротивлялись, но положение их становилось критическим. В это время подошли красногвардейские отряды Егорова. Ударом в тыл гайдамакам красногвардейцы захватили их артиллерию. Участь сражения была решена. На следующий день в Екатеринославе была провозглашена Советская власть.

В январе 1918 года рабочие Брянского завода начали строить бронепоезд. Энергичная и решительная девушка, комиссар по продовольствию Мокиевская стала одним из организаторов этой работы. И когда бронепоезд был готов, Людмилу назначили его командиром. Сбылась ее мечта, теперь она может в бою разить врагов революции...

Товарищ Антонов-Овсеенко, вспоминая этот период, писал: «С февраля 1918 года Мокиевская — командир бронепоезда. Ее бронепоезд в течение всего лета 1918 года не вы-

ходил из боев. Он участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле, в обороне Царицына, в боях против гайдамаков, немецких оккупантов и петлюровцев на Украине».

В районе Гадяч — Ромны, а затем у Ромодана бронепоезд Мокиевской прикрывал отход наших частей на Полтаву. В. А. Антонов-Овсеенко писал об этих боях: «Во время эвакуации ст. Ромодан штабной поезд двинулся по направлению Миргорода под прикрытием бронепоезда доблестной т. Мокиевской, до последнего момента задерживавшей натиск германцев».

Наши части, успешно сражавшиеся на харьковском направлении, оказались отрезанными от основных сил Красной Армии. Тогда бронепоезд Мокиевской прорвался к Харькову и вывел из окружения штаб и оборонявшие город советские отряды.

Людмила отличалась хладнокровием в боях, самоотверженностью и героизмом. Она была прекрасным примером для всей команды бронепоезда. Она умела находить верные пути к сердцам бойцов. Ее выступления перед ними всегда отличались революционной страстностью и убежденностью. Слова Людмилы Мокиевской были искренни, правдивы, и потому бойцы так были преданы ей, революционному делу, за которое они боролись, и потому так высока была дисциплина на бронепоезде.

Летом 1918 года мне довелось встретить Людмилу в Москве, куда она была командирована по служебным делам. Людю хорошо знали военные руководители Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко, и порученные ей дела удалось выполнить быстро. Кроме того, Мокиевская должна была приобрести литературу и музыкальные инструменты для своей команды. Набралось много имущества, и она попросила меня проводить ее на вокзал. Я в тот день уезжала в оккупированный немцами Чернигов, поэтому проводила Людмилу моя сестра, которая в то время работала в редакции красноармейской газеты.

Бронепоезд Мокиевской продолжал громить врага. К осени 1918 года он оказался настолько потрепан в боевых схватках, что его пришлось отправить на ремонт в Нижний Новгород, на Сормовский завод. Ремонт затянулся, и Мокиевская настояла, чтобы ей дали другой бронепоезд. По данным, сохранившимся в Центральном государственном архиве Советской Армии, она получила бронепоезд № 3, называвшийся «Власть Советам». В. А. Антонов-Овсеенко

писал в Центробронь¹ об этом периоде работы Люды: «Тов. Мокиевская, командуя бронепоездом № 3, проявила выдающиеся боевые качества, постоянно держала команду в строгом порядке, все боевые распоряжения выполняла неукоснительно с полным самообладанием».

Там же, в архиве, хранится приказ о назначении Мокиевской не только командиром бронепоезда, но и одновременно комиссаром его. Это не случайно. Ее личный героизм, умение воспитывать бойцов в духе сознательной революционной дисциплины, добиваться постоянного боевого совершенствования команды — все это было основанием для того, чтобы доверить Людмиле высокую комиссарскую должность.

По прибытии бронепоезда в начале 1919 года на Украину его направили в распоряжение командующего 13-й армией товарища Кожевникова. Уже несколько месяцев шли ожесточенные бои в Донбассе. Деникинская армия рвалась к Луганску. Обстановка была весьма напряженная, требовала сосредоточения всех революционных сил. Туда и был переброшен бронепоезд № 3 «Власть Советам», экипаж которого отличался смелостью и бесстрашием.

Особенно жестокие бои разгорелись за узловую станцию Дебальцево, которая несколько раз переходила из рук в руки. Все новые и новые полчища белых перебрасывались в Дебальцево, но наши части под прикрытием бронепоезда № 3 стойко защищали важный опорный пункт.

В решающий момент одного из боев из замаскированного укрытия был выпущен вражеский снаряд. Он ударил в будку машиниста бронепоезда, где в это время была Людмила. Командир бронепоезда был убит. Смерть Людмилы Мокиевской огромной болью отдалась в сердцах бойцов, которыми она командовала. Они поклялись жестоко отомстить врагу за смерть любимого командира.

Тело Мокиевской перевезли в Купянск, где находился в то время штаб армии. Похоронили Люду со всеми воинскими почестями на площади, которую потом трудящиеся Купянска засадили деревьями. Теперь там разбит городской парк, носящий имя Людмилы Мокиевской.

Люда прожила недолгую, но яркую жизнь. Образ бесстрашной и мужественной девушки с окраины Чернигова, павшей в борьбе за счастье народа, зажигает сердца нашей молодежи, учит жить и работать во славу Родины.

¹ Центральное управление броневых частей Красной Армии.— Ред.

ЖЕСТОКИЙ БОЙ

Мне было четырнадцать лет, когда я начала работать на ремонте железнодорожных путей на станции Оренбург. Труд был тяжелый: носили песок, кирпичи, шпалы, передвигали рельсы. Работали по тринадцати-четырнадцати часов в день, а получали гроши, едва на хлеб хватало. Питались скудно; мясо покупали лишь по большим праздникам.

В конце февраля 1917 года с поезда, следовавшего из Центральной России в сторону Ташкента, кто-то сбросил на пути листки, которые спешно стали подбирать жандармы и казаки из сотни, расквартированной в казарме у вокзала. Пронесся слух, что еще три дня назад в столице скинули царя, но местный губернатор и военные власти скрывают это от народа.

Потом начались митинги, где говорили о свободе, конце войны, о партиях большевиков и эсеров, об анархистах. Появились новые, революционные песни, которые пели рабочие. После июльских событий в Петрограде военные власти Оренбурга усилили преследование рабочих, которые объявили забастовку. К забастовке присоединились и мы — путейские рабочие.

В ночь с 14(27) на 15(28) ноября 1917 года, спустя двадцать дней после того, как в Петрограде победило вооруженное восстание, атаман Дутов в Оренбурге объявил себя диктатором и ввел в городе военное положение. На улицах появились конные и пешие патрули — казаки, белые офицеры. Были арестованы руководители большевистской организации и большевики — члены Совета. Сколотив белоказачью армию, Дутов пытался распространить свою власть на весь Урал и рассчитывал, соединившись с силами контрреволюции Дона, Кубани, Сибири, двинуться на Москву.

12 декабря тридцать два большевика во главе с Александром Коростелевым бежали из тюрьмы. Дутовцы бросились их ловить. Помню, как зимней ночью к нам в барак ворвались восемь казаков. Мать и нас, пятерых детей, под-

няли с постели, с руганью потребовали сказать, где скрывается наш отец, где находятся большевики. Не знаю, чем бы все кончилось, но тут с криком «нашли, нашли!» вбежали солдаты, и все выскочили из барака.

Кого уж они там нашли, нам так и осталось неизвестным, поскольку бежавшие из тюрьмы руководители большевиков сумели скрыться и возглавили борьбу трудящихся за освобождение Оренбурга от мятежников.

По заданию Ленина на фронт против дутовских банд был направлен сводный отряд балтийских моряков и солдат во главе с героем разгрома мятежа Керенского — Краснова под Петроградом мичманом С. Д. Павловым. Руководство боевыми действиями было поручено старому большевику — подпольщику Петру Алексеевичу Кобозеву, назначенному чрезвычайным комиссаром в Западную Сибирь и Среднюю Азию. Павлов и Кобозев с двухтысячным отрядом рабочих и моряков двинулись на освобождение Оренбурга. Одновременно в Оренбурге в глубоком подполье создавались отряды Красной гвардии. Против Дутова поднялась казачья беднота.

На подступах к Оренбургу развернулись тяжелые бои. Благодаря героическому натиску революционных отрядов со стороны Бузулука, а также восставших рабочих Оренбурга дутовские войска были разгромлены, и 18(31) января 1918 года Оренбург был освобожден.

Но недолго просуществовала Советская власть в Оренбурге. Начавшийся в конце мая мятеж чехословацкого корпуса активизировал действия контрреволюции. Под давлением превосходящих белогвардейских сил плохо вооруженные рабочие отряды вынуждены были в начале июля оставить город. Вновь в Оренбурге воцарилась белоказачья власть атамана Дутова. Снова началась полоса белогвардейского террора, длившаяся несколько месяцев.

Из отступивших в направлении Актюбинска революционных отрядов была создана Туркестанская армия, которая в конце 1918 года развернула стремительное наступление на Оренбург. Одновременно со стороны Самары на город наступали части 1-й армии. Несмотря на яростное сопротивление белогвардейцев, 22 января 1919 года революционные войска освободили Оренбург. На этот раз навсегда.

Еще до оставления Оренбурга летом 1918 года, готовясь к вооруженным схваткам с силами контрреволюции, формируя рабочие отряды, партийная организация вовлекала в подготовку к борьбе и нас, рабочую молодежь. Так, моло-

дым работницам была поручена организация санитарных отрядов. В такой отряд вступила и я. Меня направили в приемный покой госпиталя на станции Оренбург, где я училась делать перевязки, оказывать первую помощь раненым.

С освобождением Оренбурга от белогвардейцев нас, молодых санитарок, распределили в части 1-й армии. Приказом от 17 февраля 1919 года я была направлена в военный госпиталь сестрой милосердия.

Госпиталь, находившийся неподалеку от вокзала, размещался в нескольких больших бараках, огороженных высоким забором. Рассчитан он был на тысячу коек, но фактически к весне 1919 года в нем находилось на лечении значительно больше раненых и больных красноармейцев. Под госпиталь были заняты не только бараки, но и близлежащие подсобные помещения, куда поставили железные кровати с досками вместо сеток, деревянные топчаны, а кое-где сделали просто нары. Постельного белья, матрацев и подушек не хватало. Нередко раненых клали на топчаны, покрытые только солдатскими одеялами или шинелями.

Очень мало было медицинских работников. Многие врачи, фельдшера, сестры милосердия бежали с белогвардейцами, оставшиеся в городе открыто саботировали. Саботажники злорадствовали, что у нас мало врачей, говорили: «Подохнете все».

Нам приходилось работать едва ли не круглые сутки, и по многу дней мы буквально не выходили из госпиталя.

Почти не было медикаментов, марлевых бинтов, повязки приходилось делать из старых простыней, часто вместо ваты использовали паклю, которую доставали у паровозных машинистов. Белогвардейцы при отступлении разграбили госпиталь и увезли все хирургические инструменты. Грязную вату, паклю и бинты после перевязок мы собирали, тщательно стирали, сушили и снова пускали в дело.

Так как не было необходимых лекарств, мы не могли дать раненым успокаивающих и болеутоляющих средств. Приходилось просиживать с ранеными целые ночи и, стремясь как-то облегчить их невыносимую боль, прикладывать к голове мокрые тряпочки или просто держать за руки, чтобы они, чувствуя нашу заботу, могли хотя бы ненадолго забытьяся...

Так мы работали в Оренбургском военном госпитале до начала апреля 1919 года, когда белогвардейское кольцо стало снова сжиматься вокруг города.

Рабочие все, как один, встали на защиту Оренбурга. На заводах и фабриках, в депо и железнодорожных мастерских прошла волна митингов и собраний. Рабочие говорили о своей решимости не сдавать город врагу, защищаться до последнего человека. Опять формировались рабочие полки. Крестьяне, особенно молодежь окрестных сел, приходили в город, записывались добровольцами в Красную Армию. Положение оставалось угрожающим, и 8 апреля 1919 года Оренбургский ревком ввел осадное положение.

В тот же день комиссар военно-санитарной части Оренбурга В. И. Мананников издал приказ по военному госпиталю подготовить раненых и больных к отправке в Бузулук в госпиталь 1-й армии. С одним из поездов в середине апреля 1919 года сопровождать раненых командировали и меня.

Поезда ходили медленно, никакого расписания движения не было, многие мосты были взорваны, и на месте их стояли временные, сделанные из деревянных брусьев и шпал. С большими перебоями работала телеграфная связь (белогвардейцы спиливали телеграфные столбы, рвали провода), и поэтому на тех станциях, где стояли красноармейские отряды, к нашему эшелону подходили командиры и бойцы узнавать новости о положении на фронте.

В Бузулуке на перроне эшелон встречал прославленный начальник 25-й дивизии Василий Иванович Чапаев с группой командиров. С каждым из нас Чапаев здоровался за руку, расспрашивал о положении в Оренбурге. Среди раненых оказались бойцы Чапаевской дивизии. С какой отеческой любовью приветствовал он их, справлялся о здоровье, о тех или иных товарищах! Чапаев подходил к носилкам тяжелораненых бойцов, говорил ободряющие слова о близкой победе над белогвардейцами. В его словах слышалась твердая убежденность, что белые будут скоро разбиты...

Таким запомнился мне Чапаев в эту встречу.

Мы вернулись обратно в Оренбург. Белогвардейские банды предпринимали яростные атаки, чтобы вновь овладеть городом. Стоявшие на близком расстоянии орудия белых каждый день обстреливали город. В станицах, селах и деревнях, захваченных белоказаками, свирепствовал дикий террор, шли повальные аресты по малейшему подозрению, производились массовые порки жителей плетьюми и шомполами. Мужчин и женщин рубили пашками, били прикладами, расстреливали без суда и следствия. Озверевшие белобандиты сжигали села, деревни. Каждую ночь из города то с одной, то с другой стороны было видно зарево пожаров.

Притаившаяся в городе буржуазия старалась вызвать панику среди населения. В буржуазных семьях готовились торжественно встретить белогвардейцев. Среди мещан-обывателей шли разговоры, что наступает конец Советской власти, что скоро придут белые и всех коммунистов и рабочих перевешают.

В связи с надвинувшейся опасностью военный госпиталь был полностью эвакуирован из Оренбурга в Самару и Бузулук, а медицинский персонал переведен на санитарные поезда и санитарные летучки. Я попала на санитарную летучку № 2. Летучка состояла из одного классного и двух-трех товарных вагонов, оборудованных нарами. Работали в ней фельдшер, одна-две сестры милосердия и один-два санитары. Последние одновременно составляли и охрану летучки. Врачей не было. У большинства из нас имелось оружие: у кого винтовки, у некоторых револьверы.

На вокзале в Оренбурге был развернут походный госпиталь. Здесь также в помещении устроили нары. Постелей и лекарств походный госпиталь имел ничтожное количество. Было лишь небольшое количество йода да кое-какой перевязочный материал. Здесь же, на вокзале, находился и эвакуационный пункт.

Наша санитарная летучка почти не выходила из боев. Раненым мы оказывали первую помощь, доставляли их в походный госпиталь на вокзале, затем отправляли в Самару. К месту боев приходилось выезжать не только в санитарной летучке. В удаленные от железных дорог места добирались на подводах, а то и пешком. Все мы, медицинский персонал, полностью находились на военном положении, не имели права никуда отлучаться без разрешения командования.

Еще весной 1919 года, работая в военном госпитале, я и мои товарищи вступили в комсомол. Но разгоревшиеся вскоре бои за Оренбург не позволили нам тогда оформить городскую комсомольскую организацию. Это было сделано позже. В те дни состоялось лишь первое собрание пролетарской молодежи города в клубе имени Карла Маркса. Многие пришли прямо после боя, с оружием. Участники собрания представляли собой настоящий интернационал: здесь были русские и украинцы, татары и башкиры, казахи и молдаване... И среди них — много девушек. Мы поклялись отстоять родной город или погибнуть. С собрания многие из нас пошли в бой. Мне было тогда восемнадцать лет.

В дни обороны Оренбурга я принимала участие в нескольких десятках боев и стычек с белогвардейцами, в том

числе в двух крупных боях, вывезла и вынесла на себе сотни раненых. Мы старались не оставить на поле боя ни одного раненого бойца, ибо если они попадали в руки белогвардейцев, то подвергались зверским пыткам и издевательствам. Никто из раненых, попавших в плен, не оставался в живых.

Один из крупных боев, в котором мне довелось участвовать, состоялся 8 мая 1919 года недалеко от города за рекой Урал. Накануне поздно вечером в санитарную летучку пришел наш комиссар В. И. Мананников и предупредил, что утром предстоит бой. Ночью летучка двинулась к мосту через Урал вслед за наступающими бойцами. Вначале красные отряды потеснили белых. Но враг, получив подкрепление, усилил натиск, и наши части вынуждены были отступить обратно. Мы вывезли с поля боя более ста раненых. Измученные, усталые, мы обрабатывали раны, поили воинов водой. Накормить их помогли жены рабочих, работавшие вместе с нами, не зная устали. На следующий день санитарным поездом отправили всех раненых в Самару.

Вспоминаю другой большой бой, разыгравшийся 13 мая в пятнадцати-шестнадцати километрах от Оренбурга возле хутора Белого. В два часа ночи мы выехали по железной дороге в сторону Орска. Санитарный поезд шел медленно. Вдруг мы почувствовали сильный толчок, все, что было на полках, попадало на пол. Оказалось, белые разобрали путь, и паровоз сошел с рельсов. Начинало светать. Невдалеке на холме показалась вражеская конница.

Мы четверо — врач Остросаблина, машинист паровоза, один красноармеец из поездной охраны и я — отстреливаясь из винтовок, отходили оврагом к хутору Белому. Здесь находился наш санитарный пункт, где из медицинского персонала был только один военный фельдшер. Он очень обрадовался нашему приходу. Бой разгорался, число раненых росло. Вскоре нам пришлось обратиться за помощью к крестьянкам с хутора. А еще часа через два командир послал меня к месту боя.

Мне пришлось ползком добираться до раненых, оказывать им первую помощь, оттаскивать в укрытие. В этом бою я оказала помощь не меньше чем ста двадцати раненым.

Из этого боя помню такой эпизод. Вдруг замолк наш пулемет; стало ясно, что пулеметчик убит или ранен. Подползла ближе и вижу: пулеметчик ранен, а с другой стороны к пулемету ползет боец. Он стал помогать мне перевязывать раненого, но вдруг уткнулся в землю: пуля попала ему в висок. Стало понятно, что место пристреляно.

Я прижалась к земле, оттащила раненого, потом сумку с пулеметными лентами, а затем и сам пулемет, который подхватили подоспевшие бойцы.

На поле стояли два стога сена; около них разместились наши командный и наблюдательный пункты. Сюда же подносили раненых, а затем переправляли на хутор. Весь день я выносила раненых. Под вечер меня ранило в обе ноги осколком снаряда и контузило. Я сама доползла до хутора и попросила отвезти раненых на подводах к санитарному поезду, стоявшему на железнодорожном пути в полутора-двух километрах. В Оренбург мы прибыли поздно вечером. Не выгружая раненых, наш поезд повез их в Самару. Рано утром приехали в Самару. На вокзале нас встречал член Реввоенсовета В. В. Куйбышев. Он подробно расспрашивал прибывших о бое 13 мая. Ведь это был самый тяжелый бой за все время обороны города. Я рассказала ему о том, что видела, о том, что белых удалось отогнать.

Мои раны оказались не тяжелыми, и скоро я снова вернулась в строй. И опять каждый день в боях, в непрерывных стычках с белогвардейцами.

Часто врачу Остросаблиной и мне приходилось дежурить в санитарной части Оренбургской губчека, которая помещалась в одном из домов на Хлебной площади. Мы готовы были в любую минуту оказать помощь нашим чекистам, отправлявшимся на опасные операции. Рискуя жизнью, они вылавливали проникавших в город вражеских лазутчиков, диверсантов, бандитов. И когда кто-либо из чекистов получал ранения, мы первыми приходили им на помощь. Нередко нам приходилось оказывать медицинскую помощь раненым рабочим — бойцам революционных отрядов, которые после госпиталя некоторое время долечивались дома.

Работая в санитарной части Оренбурга, я не раз выполняла разведывательные задания командования, приходилось также участвовать в операциях губернской ЧК. Меня тогда так и называли: Анка — сестра милосердия, Анка-разведчица.

Выросла я на окраине города, с раннего детства знала все подходы к городу и выходы из него, мне хорошо были знакомы все окрестные овраги, где можно было пройти незаметно. И все же нелегко быть разведчицей, порой жутко было пробираться по местности, занятой врагом. Я понимала, что, если попадусь белогвардейцам, на пощаду рассчитывать не придется. Но, несмотря ни на что, задания нужно было выполнять. Однажды меня и еще двух бойцов послали в разведку. Задание мы выполнили и возвращались в Орен-

бург. Мы находились километрах в семидесяти от города. Шли опушкой леса. Впереди протекала небольшая речка, за ней виднелся хутор. Кем занят хутор, мы не знали. Соблюдая меры предосторожности, пошли врозь, чтобы в случае появления белоказаков они не всех сразу заметили. Я была уже совсем близко от реки, когда увидела человек семь-восемь казаков, идущих по мосту в мою сторону. Они тоже меня заметили. Я метнулась в кусты. Белогвардейцы, бросившись за мной бегом к крутому берегу, кричали: «Стой!» Мои товарищи, ничего не подозревая, шли в стороне от меня. На раздумья не было времени, все решали секунды, а звать на помощь было нельзя: белогвардейцы могли перестрелять всех.

Враги уже нагоняли меня. И вот, остановившись, я бросила в них гранату. Одновременно это было также сигналом об опасности для моих товарищей. Отбежав еще на несколько шагов, я бросила вторую гранату. Удачно. Кто-то был убит, кого-то ранило. Белогвардейцы, оставшиеся в живых, залегли и повели огонь. Но, очевидно, они еще не пришли в себя от замешательства, вызванного взрывами гранат, поэтому их выстрелы были не прицельными, и я успела скрыться в лесу. Вскоре мы с товарищами встретились и ночью возвратились в свой штаб, доставив ценные сведения.

В августе 1919 года в Оренбург приехал командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. Кто-то рассказал ему о случае, который произошел со мной в разведке. Михаил Васильевич пригласил меня к себе и поблагодарил за успешное выполнение заданий, за проявленную находчивость. Он сказал одному из приехавших с ним помощников, чтобы мне вручили письменный приказ с благодарностью. М. В. Фрунзе расспрашивал меня о семье, советовал обязательно учиться. На прощание он крепко пожал мне руку.

В Оренбургской губернской чека наряду с закаленными в боях коммунистами, рабочими работало много молодежи. Было и несколько девушек: Мария Кожанова, я и моя сестра Анастасия, племянницы начальника подпольного штаба Красной гвардии Елизавета и Глафира Котовы, Галина Филоненко, Наталья Кладнева и другие. Все мы готовы были отдать свою жизнь за дело революции, за победу нашей рабочей власти.

...В 1920 году выдавали красные подарки защитникам Оренбурга от белогвардейских банд Дутова и Колчака. Красный подарок получила и я. Приняла его с чистой совестью, с сознанием выполненного перед революцией долга.

Шла империалистическая война, когда меня назначили учительницей в деревенскую школу, в которой учились дети русских, марийцев, удмуртов и татар. Это было в Малмыжском уезде Вятской губернии. Школа стояла на краю деревни недалеко от леса. Снежные вьюги заметали дорогу. Из леса ночью забегали волки за добычей и тоскливо выли.

Каждый вечер в школу ко мне заходили неграмотные крестьянки. Они приносили письма солдат с фронта. Я писала для солдатских жен ответные письма, в которых рассказывала о переживаниях крестьянок, проклинающих несправедливый порядок, бедность, нищету и войну.

Однажды в школу нагрянул из волости урядник с задержанными цензурой моими письмами, грозил арестом.

В следующем учебном году я уехала в Илек Уральского области. Там я получила место учительницы рисования и чистописания в городском и русско-киргизском училищах (преподавателей не хватало). Илек, захолустный городок, удаленный от железной дороги и промышленных центров, находился в степях между Оренбургом и Уральском.

Это были исторические места, по которым в давние времена проходил народный вожак Емельян Пугачев, поднявший крестьян и мастеровых против царской и господской власти. Я заинтересовалась историей «пугачевского бунта», много читала, мечтала отдать свои силы борьбе за народное дело.

Наступил февраль 1917 года. Какую радость и восторг вызвало падение царского самодержавия! На демонстрации в Илеке я несла красное знамя. Все, кто знал слова или мотив, пели «Марсельезу». Но зажиточные казаки отнеслись к февральскому перевороту с неодобрением, а Октябрьскую революцию встретили враждебно. В марте 1918 года они учинили кровавую расправу над организаторами Советской власти в Илеке. 10 марта белоказаки на конях промчались

с пиками и шашками наголо по улицам городка, изрубив пеший красногвардейский отряд, присланный нам на помощь рабочими Оренбурга.

Нескольких товарищей из казаков-фронтовиков и учителей, в том числе и меня, тех, кто активно участвовал в установлении Советской власти, белобандиты наметили расстрелять. Об этом по секрету рассказали мне ученики, слышавшие разговоры своих родителей. Нам помог спастись местный казак-фронтвик, сочувствовавший большевикам. Он переправил нас в Уральск, где в то время готовился созыв I областного съезда Советов.

Наряду с Советом в Уральске еще действовало казачье войсковое правление.

Областной съезд Советов принял решение о роспуске контрреволюционного войскового правительства, избрал исполком Совета. Но как только делегаты съезда разъехались на места, белоказаки стянули силы к Уральску, арестовали членов исполкома и 29 марта совершили контрреволюционный переворот.

Уцелевшие большевики ушли в подполье и в партизанские отряды, продолжая упорную борьбу. В степном краю полыхал огонь гражданской войны. С Поволжья на помощь большевикам шли красногвардейские отряды. Легендарный Чапаев организовывал силы для освобождения Уральска от контрреволюции. С ним и его героическими сподвижниками уральские большевики держали связь. Мне доводилось бывать связной, ходить в разведку... Я научилась верховой езде.

В начале 1919 года чапаевцы под командованием бесстрашного комбрига И. М. Плясункова готовились взять Уральск. 20 января подпольный комитет поручил мне доставить срочное донесение в штаб бригады. Уже вечерело, когда я верхом на коне тронулась в путь. Из-за туч появилась луна. В степи тишина. Впереди темнела Ханская роща, которую нужно было миновать, чтобы прибыть к месту расположения чапаевцев. Вдруг позади я услышала конский топот. Оглянулась и увидела мчавшегося за мной казака с винтовкой наизготове. В это время набежавшая туча закрыла луну. Стало темно. Ханская роща словно приблизилась. Мой конь мчался как на крыльях. Теперь уже до заставы красноармейцев рукой подать. Вдруг раздался голос: «Говори пароль!» Я спрыгнула с седла, взяла коня в повод и, подойдя к дежурившим в секрете, произнесла пароль... Пакет был доставлен по назначению.

А 24 января 1919 года чапаевцы под командованием бригады И. М. Плясункова прорвали вражеское кольцо белоказаков и ворвались в Уральск...

Красноармейцы полков имени Пугачева и Разина, впоследствии бойцы Чапаевской дивизии, стали заниматься в гарнизонном клубе в школе ликбеза. Наряду с другими учительницами проводила занятия и я.

В феврале 1919 года в Уральск прибыл назначенный командующим 4-й армией М. В. Фрунзе. Я впервые увидела его, когда он пришел в гарнизонный клуб. Заметив меня, Фрунзе удивленно спросил:

— А вы что тут делаете, девушка?

У меня в руках была тетрадь и пачка исписанных страниц.

— Я учительница, обучаю неграмотных бойцов по указанию комитета партии и отдела народного образования.

— Вот это хорошо. Спасибо, спасибо! — произнес он, пожав мне руку, быстро прошел в зал, заполненный командирами и бойцами, где его с нетерпением ждали.

М. В. Фрунзе выступил на этом собрании не только как командарм, а прежде всего как коммунист, представитель партии Ленина. Его страстная, горячая речь отрезвляюще подействовала на некоторых политически еще не вполне зрелых чапаевских героев, склонных к партизанщине.

Спустя несколько дней Фрунзе зашел в госпиталь, где находился на излечении раненый комбриг Плясунков. Коммунистки и комсомолки помогали медицинским работникам, проявляли всяческую заботу о раненых. Я как раз дежурила в тот день. Увидев меня, Михаил Васильевич приветливо спросил:

— Вы и здесь?

— А как же, мы, женщины, тоже служим своему народу и делаем все возможное, чтобы ускорить победу над врагами революции, — отчеканила я.

— Молодцы, товарищи женщины!..

В апреле белоказачьи банды усилили натиск на осажденный Уральск. Их налеты терроризировали жителей. Коммунисты и комсомольцы — бойцы ЧОН (части особого назначения) с оружием в руках вместе с красными бойцами самоотверженно защищали город. В дни обороны Уральска настоящий героизм проявили женщины. Им приходилось выполнять самые различные поручения.

Начальник Уральского укрепленного района старый большевик латыш Струппе поручил мне, латышке Алиде Паэгле и Вере Борисовой отправиться в разведку до станции Переметной, выяснить расположение частей противника. Мы переоделись казачками, взяли с собой мешочки с подсолнечными семечками и, тщательно обдумав план действий, двинулись в путь.

Пробирались по вражеским тылам, где поездом, где пешком, заходили в селения, ночевали в хатах какого-нибудь заброшенного хутора и снова шли дальше. Разведали, разузнали все, что нужно было, и, довольные, что выполнили порученное задание, уже собирались возвращаться.

Мы сидели на платформе станции и пощелкивали семечки, как вдруг показался белоказачий дозор. Нас задержали. Допрашивавший есаул почему-то сразу заподозрил в нас разведчиц и, не желая слушать наши объяснения, приказал: «Расстрелять за курганом красных дьяволиц...»

Шестеро солдат выстроили нас гуськом, а сзади встал седьмой. Наступал вечер. Солнце скрылось за горизонтом. Перед нами расстилалась широкая, густо покрытая ароматными травами летняя степь. Солдаты вели нас молча. Лица их были хмуры. У меня мелькнула мысль: а вдруг удастся разжалобить конвоиров, уговорить их отпустить нас? И я заговорила слегка дрогнувшим голбсом:

— Вот шли мы, девчонки, к родственникам на престольный праздник, мешочки семечек несли, а попали на свои похороны. Пожалели бы вы, братцы-воители, хоть бы мою сестренку...— и указала на Веру Борисову.— Глядите, она будто ангел небесный— волосики беленькие, глазки голубые, младшенькая наша... По дороге нам попадались солдаты из красных, они даже хлебом угощали. Сразу видно, наш, простой народ, а вот господа белые образованными зовутся, а ни за что ни про что расстрелять приказали...

— Ишь ты, больно речиста, помалкивай иди! — одернул меня солдат слева.

— Пуцай побалакает, в смертный час дозволено, небось еще девчонки— птахи безгрешные,— степенно сказал солдат постарше, шагавший справа от меня.

— Спасибо, дяденька, видно и у белых попадаются хорошие люди нашего, простого сословия...

— Слышь, девка, а чего говорят в городе насчет замирения? Скоро ли замирятся да солдат землю пахать отпустят, небось чего-нибудь слыхала, а? — заговорил громко солдат, на изможденном лице которого выделялся шрам.

Я заметила, что другие солдаты будто ждут, что я скажу...

И тогда я заговорила о красных казаках-фронтовиках, которые слышали Ленина и рассказывали о том, что единственная его забота — сделать счастливой жизнь трудового народа.

Вдруг пожилой солдат крикнул: «Перекур!»

Солдаты уселись на обочине дороги, скручивая козы ножки. Они курили и тихо о чем-то переговаривались. Мы трое стояли в стороне, глядя в землю, а недалеко впереди уже маячил курган.

Солдаты поднялись. Старший сказал:

— Тут недалеко селение, а от него есть ближняя дорога к городу. Ведите нас, дочки, до красных, ежели они и впрямь борются за счастье народное... Мы ведь мобилизованные, не добровольцы...

Пошли дальше. Немного пройдя, старший вдруг скомандовал: «Пли!»

Мы вздрогнули. Шесть выстрелов в воздух разнеслись по степи глухим эхом. Это было за курганом, где есаул приказал расстрелять нас.

Так, успешно выполнив поручение разведки укрепрайона, мы вернулись в город, приведя с собой небольшое пополнение в осажденный гарнизон Уральска.

На пятидесятый день героической обороны Уральска, 16 июня 1919 года, Ленин прислал Фрунзе и Элиаве телеграмму такого содержания: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом.

Предсовобороны Ленин»¹.

С каким воодушевлением встретили мы приветствие вождя! Настроение было боевое. Все коммунисты города считали себя мобилизованными в Красную Армию, выполняющие любые поручения военного характера.

А 11 июля 1919 года командарм Фрунзе отправил телеграфное донесение товарищу Ленину: «...сегодня в 12 часов снята блокада Уральска. Наши части вошли в город...»

Жители, измученные осадой, горячо встретили своих освободителей — чапаевцев. Хорошо помню тот наполненный ликованием день. Белоказаки еще находились на противо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 351.

положном берегу реки Чаган, еще палили по городу, а на улицах и площадях Уральска развевались красные знамена, звучали на митингах торжественные слова речей. На лицах людей было выражение радости, многие не могли сдержать слез. Немало тяжелых испытаний пришлось пережить в дни осады — голод, сыпняк, гибель верных товарищей...

Стройный, подтянутый начдив Чапаев пришел на митинг с боевыми соратниками. Окинув взглядом собравшихся защитников города Уральска, стремительным движением вскинул руку и заговорил:

— Бойцы моей дивизии дали слово взять Уральск в осьмнадцать ден, а вот дошли и взяли в пятнадцать ден.

Собравшиеся кричали: «Ура-а-а, ура-а-а, ура-а-а!..»

Вскоре по заданию городского комитета партии я явилась в штаб 25-й дивизии договориться с начальником политотдела об организации в гарнизонном клубе митинга для чапаевцев с докладом по текущему моменту.

Рядом с комнатой, где помещался политотдел, на длинной скамье сидели бойцы, и среди них сам Василий Иванович Чапаевцы, дымя цигарками, о чем-то беседовали. Начальника политотдела не было, и в ожидании его прихода я встала около двери поодаль от бойцов. Чапаев бросил на меня недоверчивый взгляд. В это время появился начальник политотдела Тронин, и я прошла к нему. Василий Иванович последовал за мной. Я передала Тронину записку из горкома. Прочитав ее, он сказал:

— А я только что оттуда. Мне уже сказали, что митинг поручено подготовить вам.

Мы обсудили, как лучше организовать митинг. Чапаев прислушивался к нашему разговору. Потом он произнес:

— Что-то ноне я, Чапаев, сплеховал, подумал, что «барышня» тутошняя с хитрецей какой пожаловала до чапаевцев. А вот, на тебе, она коммунистка, деловая, по заданию горкома партии... Ну, прошу прощения, товарищ, — он встал со стула и протянул мне свою крепкую руку.

Серьезный Тронин улыбнулся:

— А между прочим, Василий Иванович, некоторые чапаевцы ликвидировали неграмотность, занимаясь в ее группе здесь, в гарнизонном клубе.

— Вот оно какое дело-то. Ну, брат, скажу прямо, пришла бы в гимнастерочке, я и не подумал бы плохого, а то явилась в жакете...

Немало славных страниц вписали женщины в летопись революционной борьбы.

Хочется вспомнить безвестную героиню, погибшую под Уральском, дочь крестьянина Бузулукского уезда бывшей Самарской губернии. Она под именем Ивана Пенькова сражалась в рядах Красной Армии в степях Приуралья. У поселка Хорьковского под Актюбинском, когда под натиском превосходящих сил противника бойцы дрогнули и еще немного и начали бы отходить, девушка бросилась вперед, крикнув: «Мы победим, братцы, товарищи!» Отряд поднялся в атаку вслед за Пеньковым, и враг был разбит. А под Уральском эта девушка приняла участие в своем последнем бою. Врагам удалось окружить бесстрашную пулеметчицу. Расстреляв последнюю ленту патронов, она отбросила далеко в заросли пулеметный замок и упала, зарубленная белоказаками...

После окончания гражданской войны в Приуралье, перенеся тяжелый сыпной тиф, с разрешения Уральского комитета РКП(б) я поехала к матери в город Уржум Вятской губернии.

Уржумский комитет партии поручил мне организовать уездную газету «Красный пахарь», назначив меня и редактором, и секретарем: работников не было. Между выпусками номеров газеты приходилось выезжать в окрестные деревни, знакомиться с жизнью крестьян, писать об этом в газете.

Однажды я делала доклад о продрозверстке на крестьянском собрании в Новотарьяльской волости. Прослышав, что я собираюсь пригласить на беседу женщин-крестьянок, ко мне подошел бородатый крестьянин в добротной дубленой шубе и, сверля сердитым взглядом, спросил:

— Против бога и против мужа аль еще про чего агитировать баб хочешь?

Очевидно, он заметил на мне под пальто красноармейскую гимнастерку, оставшуюся от военного времени, да и стриженные волосы тоже пришлись ему не «по нраву». Я еще не успела ему ничего ответить, а он, подняв кулак, пригрозил:

— Никаких собраньев для баб, поезжай обратно, пока жива.

И ушел. Поодаль стояли крестьянки, видевшие всю эту сцену. Одна из них громко сказала:

— Я солдатка, муж погиб в гражданской, брата банда степановская растерзала. Я ничего и никого не боюсь, соберу у себя надежных баб. Пошли ко мне,—пригласила она.

При свете керосиновой лампы-коптилки крестьянки внимательно слушали меня. Я напомнила им ленинские слова, призывающие работниц и крестьянок к широкой деятельности, к строительству новой жизни. Прочитала им напечатанные в газете «Красный пахарь» свои стихи: «Октябрь», «Три года», «К учительству», «К безграмотным», «Неизжитая беда». Они попросили у меня на память газету, хотя были неграмотными. А потом все провожали меня, стоя в белой метели, кружившей на дороге.

После того как вышли несколько номеров газеты «Красный пахарь», заведующий уездным отделом народного образования поставил на заседании Уржумского бюро укома РКП(б) вопрос о назначении меня как бывшей учительницы, имеющей опыт партийной работы, своей заместительницей, с тем чтобы поручить мне самый ответственный участок работы — социальное воспитание детей (СОЦВОС).

Послевоенный голод и разруха, неурожай в Поволжье, появление множества детей-сирот, темнота и безграмотность крестьян — все требовало укрепить этот участок квалифицированными работниками. Мы организовывали детские дома, приемники, перестраивали работу общеобразовательных школ. Женский актив — делегатки помогали в борьбе с беспризорностью детей.

В 1921 году я была делегатом Вятской губернской партийной конференции, после окончания которой поехала в Наркомпрос к Н. К. Крупской, чтобы получить указания, как строить дело народного образования в деревне. В Наркомпросе меня радушно приняла Н. С. Курская и провела к Надежде Константиновне.

С живейшим интересом расспрашивала Крупская о том, как живут крестьяне, как работают учителя. Ее интересовало все. Я, стараясь рассказывать о самом главном, внимательно выслушивала ее советы. Я показала Надежде Константиновне газету «Красный пахарь», которую выпускала. Она одобрительно отозвалась о напечатанных в ней моих стихах.

В тот же вечер я отправилась на вокзал. Предстояла длинная дорога: поездом до Вятки, а оттуда до Уржума на перекладных по белой зимней вьюге. В поезде я раскрыла блокнот и записала мысли Крупской о школе и о воспитании. Надежда Константиновна говорила, что задача нашей школы — не только дать определенную сумму знаний, но и научить, как эти знания применять в жизни. Много ценных советов дала Крупская и по вопросу о работе среди женщин.

По возвращении в Уржум я собрала совещание работников народного образования и подробно рассказала о поездке в Москву и беседе с Крупской.

Вскоре Вятский комитет партии направил меня на инструкторскую работу в губернский женотдел. Заведующей отделом была З. А. Прищепчик, ранее работавшая секретарем губкома партии в Воронеже, где с юных лет включилась в революционную борьбу. Она отличалась острым, живым умом, большими организаторскими способностями, была прекрасным оратором. Перед моим мысленным взором явственно встает ее облик: подстриженные волосы спадают на высокий лоб, она их откидывает; карие красивые глаза блестят, она улыбается, разговаривая с людьми. Одевалась просто, как все работницы женотдела. Зина Прищепчик (тогда мы все называли друг друга просто по имени, без отчества) не умела заботиться о себе, была целиком и полностью поглощена работой.

Позднее З. А. Прищепчик работала в женотделе ЦК РКП(б), заведовала женотделом ЦК партии Узбекистана и входила в состав ЦК партии Узбекистана, была секретарем Егорьевского уездного комитета партии и членом Московского комитета РКП(б). У всех, кто ее знал по работе и в личной жизни, сохранилась о ней светлая память.

Следуя указаниям Ленина, партия все шире и глубже развертывала работу среди женщин, вовлекая их во все отрасли народного хозяйства.

Женотдел вел систематическую печатную пропаганду. В газете «Вятская правда» была страничка женщины-работницы, выпускать которую поручили мне. В городе и на селе у нас появились свои корреспондентки. Трудящиеся женщины потянулись к учебе, стали приобретать производственные специальности. Огромную роль сыграли женотделы в организации пионерского движения в Вятском крае.

В 1924 году с путевкой Вятского губкома РКП(б) я приехала в Москву на учебу в Государственный институт журналистики. Учеба в ГИЖе шла у меня неплохо, вечерами я успевала еще посещать литературный факультет Московского университета. Здесь в МГУ я встретила с Ксенией Быковой. При Советской власти она выросла в видного журналиста и была сотрудницей редакции журнала «Работница» до конца своей жизни.

Среди студентов ГИЖа было немало женщин, ранее трудившихся на фабриках и заводах, занятых в сельском хозяйстве. Вспоминаются ленинградка Егорова, закончившая

рабфак; Озерцовская с Глуховской текстильной мануфактуры, Эпштейн с Гомельской спичечной фабрики, Тася Красных (Постникова) с Урала, Варя Работница (Петрова) из Вятской губернии, селькоры Ямова и Орехова, крестьянки с Рязанщины, тулячка Анурова, Фролова (позднее окончившая Институт красной профессуры). Были среди представительницы многих национальностей нашей Родины, например татарка Зейнаб Баширова, грузинка Нина Сагарашвили, осетинка Коцова и другие.

Учась в Институте журналистики, я сотрудничала в «Рабочей газете», в «Бедноте», в «Крестьянской газете». По направлению Московского комитета партии руководила секцией печати делегатского собрания Сокольнического района, помогала женщинам-работницам стать рабочими корреспондентками.

Журнал «Делегатка», орган женотдела Московского комитета РКП(б), уделял большое внимание рабкоровскому движению среди работниц. Я была тесно связана с его редакцией. В памяти остались имена женщин, отдававших все силы и знания работе в этом журнале. Это — М. А. Мехоношина, Е. И. Коган-Писманник, А. П. Серегина.

Окончив Институт журналистики, я получила назначение на работу в агитационно-пропагандистский отдел Центрального Комитета партии, стала секретарем редакции журнала «Коммунистическая революция». В 1927—1929 годах избиралась членом партийного бюро ячейки при Секретариате ЦК ВКП(б), редактировала стенгазету «Массовка», была членом агиткомиссии и женкомиссии.

Интересно отметить рост числа женщин в рабселькоровском движении. В конце 1928 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание рабоче-крестьянских корреспондентов, которым руководила Мария Ильинична Ульянова, тогда ответственный секретарь газеты «Правда». В совещании приняло участие более шестисот человек, в том числе сто восемь женщин-корреспонденток тридцати трех национальностей.

В 1938 году ЦК ВКП(б) назначил меня редактором журнала «Работница», который выходил в то время три раза в месяц. Редколлегия журнала состояла из трех человек. Кроме меня членами редколлегии были К. И. Николаева и М. А. Шабурова. Кстати сказать, после ликвидации женотделов М. А. Шабурова работала заведующей женсектором в аппарате ЦК ВКП(б) и ответственным редактором журнала «Работница», а позже — заместителем заведующего

отделом агитационно-массовой работы Центрального Комитета партии. Эта обладавшая живым умом, принципиальная женщина стала незаурядным политическим деятелем. Впоследствии она являлась министром социального обеспечения РСФСР, депутатом Верховного Совета РСФСР.

В бытность мою редактором и членом редколлегии журнала «Работница» передо мной прошли многие женщины самых различных биографий и судеб. Редакция была в постоянном общении с массами работниц, систематически устраивала встречи с ними. Работницы обращались в свой журнал и по личным вопросам, встречая всегда нужную поддержку и помощь.

Из корреспондентов, объединившихся в созданный при редакции литературный кружок, выросло немало одаренных женщин — литераторов, поэтесс. Наиболее памятны мне из них Мария Ершова, Елена Чернышова и Анна Рождественская. Рождественская печаталась в «Крестьянке» и «Работнице» под псевдонимом А. Заемная. Ее «Песня о Фрунзе» переложена на музыку. Работницы охотно посещали наш литературный кружок. У нас бывали известные писательницы Анна Караваева, Лидия Сейфуллина, Мариэтта Шагинян.

Многое сделали для журнала «Работница» ветераны его редакции — К. В. Быкова, А. Я. Подсоцкая, А. А. Ашмарина, А. А. Чистова.

Мне посчастливилось работать вместе с Клавдией Ивановной Николаевой — замечательной коммунисткой, человеком большого сердца и ума. Питерская работница, член большевистской партии с 1909 года, член Центрального Комитета партии с 1934 года до конца своей жизни. Она заведовала отделом по работе среди женщин и агитационно-массовым отделом ЦК партии, была секретарем Западно-Сибирского краевого комитета и Ивановского обкома партии, членом Президиума Верховного Совета СССР и секретарем ВЦСПС.

Впервые я встретилась с ней в 1924 году в женотделе ЦК РКП(б). Когда я вошла к ней, она внимательно оглядела меня и сказала: «Пора, товарищ, сменить вашу гимнастерку и кожаную тужурку гражданской войны на женскую одежду...» Я не смолчала и ответила: «Я теперь студентка, донашиваю, что имею...»

В дальнейшем, на протяжении многих лет мне приходилось встречаться с Клавдией Ивановной. Это был замечательный человек, прямой, строгий, справедливый. В каждом

ее выступлении на совещаниях, в личной беседе, в каждой реплике проявлялась незаурядная личность.

В годы Великой Отечественной войны Клавдия Ивановна Николаева не раз выезжала на передовые позиции и выступала перед воинами. По ее почину была создана в Доме союзов выставка о женщинах — участницах Отечественной войны. Образ К. И. Николаевой останется примером высокого горения духа, великой любви к людям и труду.

Мне довелось неоднократно видеть и слышать Надежду Константиновну Крупскую. Об одной такой особенно теплой встрече напоминает мой рисунок, сделанный в санатории в Архангельском, где Н. К. Крупская была на отдыхе вместе с К. И. Николаевой. Тогда Надежда Константиновна, улыбаясь, спросила: «Клавдия Ивановна, а вы видели у товарища Карасевой рисунок, сделанный на заседании в культпропе ЦК, где она изобразила меня?» Николаева ответила: «Да, я ее просила захватить с собой тот рисунок и стихи».

Я достала из папки портрет и стихи. Надежда Константиновна, с улыбкой рассматривая портрет, попросила прочесть стихи, посвященные ей. Я прочитала. Она долго смотрела на меня, потом встала и поцеловала в голову. Это была незабываемая встреча. Она особенно дорога мне еще и потому, что Крупская — лучший друг трудящихся женщин всего мира, организатор и вдохновитель журнала «Работница» с самого начала его существования (1914 год).

Вспоминая Н. К. Крупскую, К. И. Николаеву и других женщин-коммунисток, самоотверженно служивших делу партии, делу социализма, хочу сказать, что всю жизнь старалась следовать их примеру.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЮНОСТЬ

Это было в суровые годы гражданской войны. Тогда, в начале осени 1918 года, в степях Семиречья тринадцать селений от Антоновки до Глиновки, протянувшихся цепочкой от старого тракта почти до самой границы с Китаем, составили партизанский район с центром в селе Черкасском. Красный бастион Черкасской обороны сковал крупные силы колчаковцев, не дав им соединиться с семиреченской контрреволюцией. На протяжении полутора лет повстанцы не раз жестоко били банды кровавого атамана Анненкова и других белогвардейских генералов. В село Черкасское эвакуировалось население Лепсинского уезда, твердо стоявшее на стороне Советской власти. Сюда стекалась беднота и батраки из многих селений и казачьих станиц.

...Много дорог пролегло на красный партизанский островок. Скрипели повозки, наполненные перепуганными ребятишками, шли пешие с детьми на руках. На одной повозке ехала семья Христофора Ивановича Мамаева: сам, тяжело больной, жена и семеро ребятишек. Мамаев, происходивший из семьи крепостного крестьянина, бежавшего когда-то от притеснения помещика в Сибирь, земельного надела не имел, но зато был мастером на все руки. Всей семьей перебывались ремеслом: столярным, слесарным, вили веревки, ткали волосяные сита. Грамоте Христофор Иванович научился самоучкой, сам же обучил грамоте детей.

Рискуя ежеминутно натолкнуться на казачьи разъезды, каким-то чудом Мамаевы добрались в район Черкасской обороны. Там на советском «пяточке» в течение полутора лет делили они с красными партизанами их тяжелую, опасную и героическую судьбу. Христофор Иванович стал работать в оружейной команде.

Партизанам не хватало оружия, и его ковали кустарным способом. На копыта шли железные вилы, дети собирали всякую железную, медную, чугунную утварь, годную на литье. Мешками таскали пустые гильзы. Наладили производство

пороха, отливку пуль. Ими заново заряжали стреляные гильзы. Умельцы кузнецы смастерили даже две самодельные пушки, которые стреляли самодельными же снарядами, начиненными всякими осколками и даже камнями. Сейчас макеты этих пушек экспонируются как почетные реликвии в Центральном государственном музее Казахстана в Алма-Ате. На местах боев сохранились следы трех линий укреплений, с ходами сообщения, бойницами, крытыми блиндажами.

Женщины-старушки, знающие лекарственные травы и другие средства народной медицины, оказывали большую помощь немногочисленным партизанским врачам и фельдшерам.

Ане Мамаевой было шестнадцать лет, когда семья приехала в Черкасское. Ее еще не окрепшие девичьи руки копали окопы, аккуратно выкладывали кирпичные бойницы. Молодежная дружина, почти вся состоявшая из девчат, доставляла материалы для строительства укреплений. Учились перевязывать раны. На плечи молодежи легла и другая забота — убирать хлеб. Это было делом не только нелегким, но и небезопасным. В поле выезжали с серпами и ружьями. Аня брала с собой сумку с самодельными бинтами из чистого тряпья, кипяченую воду, промытые, свежие листья подорожника, чтобы в нужную минуту стать санитаркой.

В ноябре, когда усилились холода и стали иссякать и без того скудные запасы продовольствия, Черкасское начали разгружать от раненых, больных, женщин и детей. Их отправляли на подводах в тыловые села. Ане поручили сопровождать один из таких обозов. По пути в село Андреевское налетели белые. Все, кто мог держать оружие, заняли оборону. Разгорелся бой. Девушки стали подбирать раненых. И вот худенькая, ослабевшая от постоянного недоедания шестнадцатилетняя девушка вынесла с поля боя крепкого, тяжелого мужчину, раненного в обе ноги, и положила в укрытие.

Много лет спустя Анна Христофоровна вспоминала:

— В 1935 году я неожиданно встретила на улице «своего» раненого, Михаила Петрова. Присмотревшись, он узнал меня. Когда пришли к нему домой, Петров вдруг закричал на весь дом:

— Это же моя спасительница, сестрица Анюта! Что же вы стоите? — обратился он к жене и дочери. — Наташка, Марийка!

Все семейство бросилось обнимать и целовать меня...

В Герасимовке, куда наконец прибыл обоз, выздоравливавших и легкораненых распределили по избам, тяжело-раненых поместили в партизанский госпиталь.

С весны 1919 года белобандиты Анненкова возобновили ожесточенный натиск по всей линии партизанского фронта: Не добившись успеха в лобовых атаках, они пошли в обход и ударили с тыла. 16 июля 1919 года добровольческая офицерская рота при поддержке местных кулаков ворвалась в Герасимовку. Началась дикая расправа. Рубили шашками, расстреливали в упор, топтали ногами, грабили. Схватили и Анну вместе с группой таких же подростков-девчонок и на площади перед церковью дали всем по двадцати пяти шомполов, а затем отдали в батрачки к кулакам.

Осенью анненковским головорезам удалось наконец разгромить отряды плохо вооруженных, отрезанных от всего внешнего мира, не имевших продовольствия защитников Черкасского партизанского района. Лишь небольшой группе красных повстанцев удалось уйти в горы.

...Двести сорок дней длилась неволя. Двести сорок дней батрачила Аня у кулаков. Но в тылу колчаковцев готовилось новое восстание. Шла на помощь Красная Армия, освобождая земли Восточного Казахстана. Восстание началось в ночь с 13 на 14 марта 1920 года. Повстанцы смело вступили в бой с белогвардейцами. В разгар боя с гор спустилась группа партизан, в которой был и отец Мамаевой. Получив трофейную винтовку и санитарную сумку, Аня стала бойцом повстанческой группы самообороны. Повстанцы и партизаны разгромили белых, выбили их из села Герасимовки. Группа самообороны, в которой была и Аня, очищала чердаки, погреб, сеновалы, где прятались не успевшие бежать белобандиты.

Над всем селом ветер раздувал красные флаги. Не хватало кумача, и в дело пошли цветные полущалки, одеяла...

Пришла Красная Армия. Советское командование приняло от партизан оружие, повстанческие отряды были расформированы. Семья Мамаевых оказалась в городе Верном, а оттуда переехала на жительство в Талгар. Там же, в Талгаре, Анна вступила в Коммунистическую партию.

Анна Христофоровна начала работать в сельскохозяйственной коммуне «III Интернационал». В декабре 1920 года ее послали делегатом на волостную партийную конференцию в станицу Иссык. На конференции ее избрали в волостной партийный комитет и назначили инструктором по работе среди женщин. Пришлось переехать жить в станицу Иссык. Квартиру Анне отвели на втором этаже в доме бежав-

шего местного богатея. Мужчин в доме не было, нижний этаж занимали две хозяйки дома. Но по ночам снизу часто слышались мужские голоса. Анна начала догадываться, что происходит что-то неладное. Как-то, убираясь в доме, она нашла под кроватью хозяйки три огромные глиняные корчаги с топленным маслом. Корчаги были очень тяжелые. Анна едва смогла сдвинуть их с места. Тонкой камышинкой проткнула слой масла и под ним обнаружила порох. Подозрительной показалась и кровать с двумя перинами: уж очень высоки перины. Под ними оказался ящик с винтовками. Сомнений не оставалось: в доме хранилось оружие белогвардейской банды, по-видимому замышлявшей контрреволюционный мятеж. А возможно, и ее штаб. Вот кем хотели прикрыться враги! Мол, «женотделку» из волостного комитета большевиков подозревать и обыскивать не будут!

Обо всем Анна сообщила в ЧК. С ее помощью удалось захватить врасплох и арестовать белогвардейский штаб, а потом и уничтожить всю банду в двести сабель. Остатки банды бежали через китайскую границу в Сынцзянь.

...Двенадцатитысячная армия под командованием генерала Бакина, известного главаря семиреченской контрреволюции, сообщника кровавого атамана Анненкова, готовилась вторгнуться на территорию Советского Туркестана. Отовсюду к Бакину потянулись кулаки и недобитые белогвардейцы.

В Верном областной ЧК и облисполкомом были сформированы два отряда по борьбе с контрреволюцией, направлявшиеся в Лепсинский уезд, который еще недавно был районом, где сражались бойцы героической Черкасской обороны. В один из отрядов была зачислена и Анна Христофорова Мамаева. Почти два месяца боевым кавалерийским рейдом шел отряд по бескрайним прибалхашским степям, очищая советскую землю от белых банд, ликвидируя очаги контрреволюции.

Затем последовало новое задание: Мамаеву включили в особую «пятерку», которая посылалась в распоряжение вторгнувшейся на советскую территорию армии Бакина. Но и с этим поручением, когда на каждом шагу подстерегала смертельная опасность, «пятерка» справилась отлично. Командование высоко оценило подвиг героев и наградило всех ценными подарками.

В ночь на 24 мая 1921 года наши части перешли в наступление против белогвардейцев Бакина. Накануне «пятерка», в которую входила Мамаева, была отозвана в пограничное селение Бахту. Девятнадцатилетняя Анна Мамаева была

назначена комендантом пограничного укрепления и лагеря пленных белогвардейцев. В ее распоряжении находился небольшой гарнизон численностью сорок бойцов. Молодому коменданту предстояла большая работа. Каждого пленного нужно было допросить, составить протокол допроса и другие документы. Между тем ни комендант, ни кто другой в гарнизоне не умел печатать на машинке.

Что предпринять? Анна Христофоровна решила обратиться за помощью к начальнику лагеря для пленных. Пускала к нему.

— Начальник искренне хотел помочь. Думал, соображал, что можно сделать,— вспоминала Анна Христофоровна.— Он то сдвигал на лоб свою папаху с красной лентой, то заламывал ее на затылок. Вдруг громко воскликнул:

— Стой, стой, нашел! Дам тебе одну зубру. Контра махровая! Но сделает тебе все, что надо. Только гляди за ним в оба! Упустишь — сама сядешь за него и будешь отвечать по всем статьям. Пиши расписку: получила такого-то под залог своей собственной головы. Все!

Ну и задача! Взять под залог собственной головы махрового белогвардейского контрразведчика, а потом стать к стенке, если он сбежит? Или не выполнить приказ? Решила — будь что будет, возьму! Написала расписку и увезла с собой контрразведчика. Печатал он на машинке виртуозно, а за его спиной неотступно находились три бойца: один подавал бумагу, другой забирал напечатанное, третий — просто начеку. Ноги «контры» на всякий случай обмотали конскими железными путами.

Однажды ночью штаб обстреляли налетевшие на Бахту белогвардейцы. Белый пленник сразу наострил уши, вскочил на ноги. Но бойцы не растерялись — немедленно скрутили руки, в рот сунули кляп. Налет был отбит.

Работы не убывало. Шесть тысяч пленных прошли через комендатуру Мамаевой. Их опрашивали, обыскивали, распределяли «по рангам и заслугам». Среди пленных оказался и генерал Ярушин, командовавший бригадой при наступлении белых на Черкасскую оборону.

— Не позволю учинять мне обыск! — кричал он, — я генерал. Мне положен особый конвой! Я буду разговаривать только с комендантом!

Каково же было его удивление и возмущение, когда перед ним предстал комендант — молодая женщина в галифе, сапогах, в белоснежной блузке, с толстой косой через плечо. Довольно необычный вид для коменданта!

Стоявший рядом с генералом полковник воскликнул трагическим тоном:

— Какая злая ирония судьбы! Мы оказались во власти девчонки! Она приказывает генералу!

Но подчиниться пришлось. Генерала обыскали и препроводили в собор, где содержались особо опасные контрреволюционеры.

Работа в этом лагере стала хорошим экзаменом для Мамаевой. Она его выдержала. Приказ был выполнен. Вернувшиеся с фронта командиры одобрили действия коменданта, в том числе и рискованный шаг с привлечением контрразведчика. Пленный контрразведчик был водворен назад в лагерь. Мамаева была награждена ценными подарками — гитарой, инкрустированной перламутром, и часами с надписью «За верную службу».

Летом 1921 года Анна переведена в Верный, где работала в оперативном отделе Семиреченской области и в Ревтрибунале, затем была в отряде особого назначения ВЧК.

В 1922 году Анна Христофоровна демобилизовалась. Решила разыскать свою семью.

В Талгаре родных не застала, как оказалось, они выехали в Майкоп.

Нелегким оказался путь из Семиречья в Майкоп! Все было в пути: чуть не утонула в бурном Нарыне, сто двадцать верст ехала Голодной степью, в дороге заболела тифом. И все-таки добралась, нашла семью в станице Куторской, под Майкопом. Но отца уже не было в живых, мать с младшими детьми жила в шалаше — в балке. Семья голодала, кормилась травой, не отказываясь и от подавания. Прямо у шалаша Анна свалилась в тифозном бреде, но привезенные ею продукты спасли семью.

Брат Анны, ныне полковник в отставке, Василий Христофорович Мамаев, до сих пор хорошо помнит те горькие дни «балочной жизни» в станице Куторской. Он прослужил в Советской Армии более тридцати лет, воевал на Халхин-Голе, прошел всю Отечественную войну, закончил ее на Эльбе. За боевые заслуги удостоен почти двадцати правительственных наград.

После демобилизации Анна Христофоровна училась, долгое время работала на селе, в 30-е годы окончила Высшую колхозную школу, была оставлена в аспирантуре научно-исследовательского института. Из института ее мобилизовали на работу в политотдел МТС. В дальнейшем она редактировала районную газету в Уджарах (в Азербайджане), заведо-

вала Домом партийного просвещения. Неоднократно избиралась членом окружка, обкома партии. Она с честью прошла путь, которым шли коммунисты ее времени.

Майор в отставке, пенсионер, Анна Христофоровна Мамаева, будучи уже тяжело больной, до самой смерти в 1968 году не складывала оружия. В последние годы жизни ее оружием было перо исследователя. Вынужденная большую часть времени проводить в постели, она написала исторический труд о героической Черкасской обороне, которая была ее первым Коммунистическим университетом.

Изо дня в день Анна Христофоровна принимала участие в патриотическом воспитании молодежи. При школе имени Зои Космодемьянской в селе Герасимовке, где Мамаева сражалась в дни Черкасской обороны, создан музей, туда шли письма из Москвы, нередко адресованные еще живущим защитникам села Герасимовки. Посылала фотографии, письма с описанием личных примет героев обороны.

От Мамаевой в Герасимовку приходили книги, журналы для школьной библиотеки, поздравления с революционными праздниками. Анне Христофоровне часто писали школьники, и в каждом письме фраза: «Пишите письма чаще». Пионеры Герасимовки сообщали:

«Все ваши письма хранятся у нас в дружке как символ нашей дружбы со старшим поколением. От имени и по поручению 350 учеников Герасимовской школы благодарим вас за заботу о нас. Большое вам спасибо. Обещаем лучше учиться, работать, повышать свои знания, чтобы не уронить честь и славу своей школы, своего героического села, чести своих дедов, отцов! Будем им достойной сменой...»

А вот ее последнее письмо, наказ-завещание комсомольцам Андреевского района Алма-Атинской области, того самого района, на территории которого была Черкасская оборона. Анна Христофоровна завещала всегда заботиться о старых большевиках, ветеранах революции и гражданской войны. Хранить как святыню памятники революции, воздвигать новые. Отыскивать постоянно новые документы и исторические экспонаты. Их много — весь район является историческим памятником...

Письмо было обсуждено на бюро райкома комсомола с участием директоров школ. И вот уже в Николаевской школе собраны средства на новый памятник погибшим героям; старые памятники реставрированы. Вокруг посажены деревья, кустарник, разбиты цветники. Издали виден стенд:

«Они сражались за наше счастливое детство».

СИБИРЯЧКИ В ПОДПОЛЬЕ

За годы гражданской войны в Сибири я прошла долгий и трудный путь подпольщицы. Работала в екатеринбургском подполье, была арестована вместе со своим восьмимесячным сыном Костей и выслана из города. Затем — томская подпольная организация. Была заключена в Новониколаевскую тюрьму, откуда бежала и работала в иркутском подполье до полной ликвидации колчаковщины.

За время подпольной деятельности я встретила и узнала много замечательных женщин, бесстрашных борцов революции. Мне вспоминается Екатеринбург в самые страшные дни разгула белогвардейщины и скромная беспартийная женщина по фамилии Баранова. Она — хозяйка явочной квартиры, каждую минуту подвергает себя смертельной опасности, но всегда спокойно, аккуратно выполняет задания партии. А рядом с ней борется подпольщица Соня Морозова, совсем юная большевичка, расстрелянная колчаковцами в 1919 году.

Новониколаевск. Здесь, на улице Державина, 24, — подпольная квартира Тани Черных, тоже беспартийной. Необычайное мужество в борьбе с белогвардейцами проявила член Новониколаевского подпольного комитета партии Елена Бердникова — героиня Сибири.

Много замечательных женщин-подпольщиц было в Томске: Анна Андреевна Иванова, стойкая большевичка, член партии с 1911 года, прошедшая царские тюрьмы и ссылки; сестры Григорьевы — Таня, Нюра и Ольга и многие другие.

Богато славными именами женщин-героинь иркутское подполье. Это — Зина Шахматова, Дора Жиркова, Лиза Герасимович. Все эти бесстрашные сибирячки достойны того, чтобы о них были написаны книги.

Сегодня мне хочется рассказать об одной боевой подпольщице из Томска — Марусе Никифоровой. Прошло уже более полувека, а в моей памяти не стерся прекрасный образ молодой, жизнерадостной, смелой девушки Маруси. Всего девят-

надцать лет было ей отмерено жизни на земле. Короткая жизнь и большая трагическая биография.

Маруся родилась в Екатеринбурге в 1900 году в семье рабочего. Брат Маруси Николай Никифоров работал на конфектной фабрике Афонина. Условия работы там были ужасающие, рабочий день длился по двенадцати — четырнадцати часов, заработная плата низкая. Одним словом, это была самая настоящая «сладкая» каторга.

Николай рано примкнул к революционному движению. Впервые был арестован в шестнадцать лет за участие в забастовке. В 1906 году его снова арестовали и приговорили к каторге, которую заменили вечной ссылкой с лишением всех прав.

Во время суда над Николаем его мать находилась в родильном доме. Маруся рассказывала, как она в это время пришла с теткой навестить мать. Мать спросила о суде и, когда услышала, что прокурор требует для Николая смертной казни, вдруг вскочила на ноги, сделала шаг и упала замертво. Все это произошло на глазах маленькой Маруси и на всю жизнь осталось в ее памяти.

Николая отправили в ссылку, а Марусю и новорожденного Борю взял на воспитание родственник — машинист железной дороги Старков. Маруся воспитывалась в рабочей семье и с детства хорошо узнала, что такое лишения, хотя приемные родители ее любили и старались делать все, чтобы заменить ей мать и отца.

В 1910 году я приехала в Екатеринбург, чтобы взять к себе Борю, которому было четыре года, а Марусе исполнилось десять лет. Она была хрупкой, но очень живой, впечатлительной девочкой, хорошо читала стихи. Маруся сказала мне тогда по секрету: «Скажи Коле, когда я вырасту, буду вместе с ним бороться с буржуями».

...1917 год, Февральская революция. Для Маруси началась новая жизнь. Она с головой ушла в революционную работу. Была секретарем завкома, секретарствовала на всех рабочих собраниях в Верхисетском районе. Разносила большевистские газеты, расклеивала листовки.

Летом 1918 года, когда на Урале и в Сибири разгорелись ожесточенные бои с белогвардейцами и интервентами, Никифорова вступила в красногвардейский отряд и вместе с рабочими ушла на фронт. На фронте была ранена в ногу и вынуждена оставить отряд. После этого Маруся уехала в Ишим к моей матери, чтобы сначала поправиться, а уж потом искать своих. Мама уговаривала ее поехать в деревню пере-

ждать там, как она выражалась, горячее время. Но Маруся и слышать ничего не хотела.

— Я должна найти своих, я должна бороться с врагами революции, подло скрываться, когда гибнут товарищи,— упрямо твердила она.

В июле 1918 года после отступления советских войск из Омска я оказалась в Тюмени, а оттуда партийная организация направила меня вместе с Вениамином Тверитиным в Екатеринбург для подпольной работы в тылу у белых. Но 30 июля, после прихода в город белочехов, Вениамин был арестован, а в августе была арестована и я с маленьким сыном. О моем аресте товарищи по подполью узнали сразу же, не успели предупредить только одного из моих близких друзей — Аргентова (Кешу Григорьева). Тот, ничего не подозревая, явился ко мне на квартиру, где была оставлена засада, и тоже был схвачен белочешской контрразведкой.

Арестовывали многих людей — по малейшему подозрению, по доносам хозяев, просто так. Все места заключения были переполнены. И нас с Аргентовым посадили не в тюрьму, а в здание Купеческого или Дворянского собрания. Причем сюда сажали вместе — и мужчин и женщин. Тут мы и встретились с Кешей.

По тому, как нас допрашивали, мы видели, что у белочехов нет никаких данных о нашем участии в подполье, и они должны нас выпустить. Так оно и случилось. Сначала выпустили Аргентова, а вскоре и меня с сыном. Белочехи предложили нам немедленно выехать из прифронтовой полосы. Я забрала с собой жену Вениамина Тверитина Женю, мою подругу по университету Шанявского. Женя тоже была с ребенком. Мы отправились в Томск, где в это время находился центр руководства партийной работой в Сибири.

В Томск ехали через Ишим, а там у моей мамы находились двое других моих детей — дочери Галя и Вера. Так хотелось узнать, как они там, и я решила заглянуть к матери.

Приехали мы в Ишим рано утром, дети еще спали. Мама, хотя и очень обрадовалась, в то же время сильно встревожилась. Обстановка в городе была очень напряженной. Особенно трудно приходилось тем семьям, где были коммунисты. Шли повальные аресты. Мать уже несколько раз вызывали в контрразведку и требовали сообщить, где я нахожусь. Поэтому она настаивала, чтобы я поскорее уехала. Но проснулись ребятишки, начались шумные восторги по поводу моего появления, и я задержалась дома часа на два.

Положение моей матери осложнялось еще тем, что у нее нелегально жила Маруся Никифорова.

Я помнила Марусю маленькой, бледной девочкой, а теперь передо мной стояла высокая, красивая девушка с пышными темно-каштановыми волосами и смелыми серыми глазами. Маруся попросила меня взять ее с собой. Мать поддержала ее просьбу, боясь, что здесь Марусю арестуют, могут арестовать и ее, а с кем тогда ребята останутся?! И так, было решено: Маруся уезжает со мной. Быстро и радостно собралась она в дорогу.

Мы с Марусей и с моим маленьким Костей отправились в Томск. С нами поехала и жена Тверитина с сыном.

В Томске мы все впятером заявили на квартиру к сестре Аргентова Тане, проживавшей тогда в доме № 5 по Зотевскому переулку.

Таня хранила у себя склад оружия. Другая Кешина сестра — Нюра, пятнадцати лет, — тоже активная подпольщица, серьезная, не по летам суровая девушка. Все привыкли, что любое задание Нюра выполняла точно, аккуратно и с большой осторожностью, как настоящий конспиратор.

Обе сестры после провала томского подполья ушли в партизанские отряды. Нюра оказалась в партизанском отряде Лубкова. При выполнении боевого задания ее схватили белогвардейцы, судили и приговорили к расстрелу, но она бежала из-под стражи и снова продолжала работать в подполье.

Таня и брат ее Григорий были направлены партийной организацией в Красноярск. Оттуда Таню послали связной в партизанский отряд Щетинкина в Минусинский уезд, где она находилась до полного разгрома колчаковщины. Другой брат Кеши — Петр при отступлении из Красноярска в июле 1918 года был ранен в бою, исколот штыками, брошен белыми в лесу и там погиб. Григорий сражался в партизанском отряде. Позднее вступил в Красную Армию и воевал на многих фронтах гражданской войны, впоследствии был на партийной работе.

После Екатеринбургa, где людей бросали в тюрьму без разбора, в Томске на первых порах нам жилось легче. Здесь заседала Сибирская областная дума, изображавшая из себя защитницу демократии. На заборах еще болтались обрывки лозунгов об Учредительном собрании. Но вскоре обстановка стала меняться. Белогвардейское военное командование постепенно забирало власть в свои руки. Даже дума казалась белогвардейцам слишком революционной. 21 сентября она бы-

ла распущена и начались аресты ее членов. Усилились преследования рабочих. В октябре начался разгром профсоюзов. 15 октября был арестован и расстрелян Франц Суховерхов (М. И. Сычев), один из руководителей подполья, член партии с 1904 года. 25 октября из Томской тюрьмы увезли и зверски убили на станции Кольчугино старого большевика, члена Центросибири Аркадия Федоровича Иванова. В ночь на 1 ноября восстала Томская тюрьма, и там начались массовые расстрелы политических заключенных. 18 ноября в Омске «верховным главнокомандующим и верховным правителем» России был провозглашен адмирал Колчак, которого к концу 1918 года признали все главари российской контрреволюции.

Зверства колчаковских властей усиливались буквально с каждым днем, работать в подполье становилось все сложнее, требовалась большая конспирация.

Когда мы приехали в Томск, в подполье я встретила многих своих старых товарищей. С одним из них — Карлом Ильмером, членом партии с 1908 года, мы вместе работали в Омске, встречались на нелегальной работе в Екатеринбургe. В Томске он был одним из руководителей подполья. Здесь же находилась и бывший член Омского Совета Германа Ульман, жена Ильмера, член партии с 1914 года. Оба они были оставлены Сибсовдепом для работы в тылу врага. Встретила я в Томске своего старого друга Константина Молотова. С ним мы познакомились в Омске, где он работал в редакции газеты, а я в городском продкоме. Теперь Константин Михайлович был тоже одним из руководителей томского подполья.

В сентябре нам с Марусей удалось подыскать себе довольно сносное с точки зрения конспирации жилье — мы обосновались на квартире у судьи, известного черносотенца, и вскоре начали принимать активное участие в партийной работе.

Помню, в те редкие вечера, когда нам удавалось собраться всем вместе, мы мечтали о будущем, о том, что будем делать после разгрома Колчака. Маруся хотела поехать в Москву учиться на врача и, закончив учебу, вернуться работать в Сибирь. Кешинной мечтой было окончить художественное училище. Но и в мечтах мы всегда сходились на том, что каждый из нас будет работать там, куда пошлет партия. Это было неизбежным, самым главным выводом для всех нас — работать там, куда пошлет партия, там, где мы всего нужнее. Иногда наши мечты устремлялись и в более далекое будущее. Как мы будем жить при социализме? Ка-

ким тогда станет положение женщины? Как будут воспитывать детей и т. д. У Маруси был хороший голос, и, когда не было хозяев, она вполголоса запевала народную песню «Отпусти меня, родная» или революционные песни, а мы потихоньку подпевали. Нет, в наших мечтах никогда не было никакой грусти, потому что мы твердо верили в нашу победу над колчаковщиной, над всеми врагами.

...Шла подготовка ко II Сибирской партийной конференции, и в связи с этим возникало много всяких дел. Нужно было составить проекты резолюций, решить некоторые организационные вопросы. Как это ни покажется странным современному читателю, но хорошо помню, что мы спорили о том, кого считать членом партии. Хотя это давно было решено партией, но в условиях подполья мы хотели еще больше повысить требования к членам партии.

Вопрос о членстве в партии был обсужден конференцией, и она решила: все члены Коммунистической партии в Сибири, не работающие в нелегальных организациях, считаются исключенными из партии.

Много было споров на конференции о вооруженном восстании. Все мы приходили к одному выводу: для дела революции, для победы Советской власти принести в жертву все. Речь шла о том, когда проводить восстание? Когда близко подойдет Красная Армия или же не дожидаясь ее подхода, если на месте сложится соответствующая обстановка? Иначе говоря, допустимы ли местные восстания? Решение II Сибирской конференции по этому вопросу было таким: «Партия должна руководить всеми выступлениями рабочих и крестьян, в том числе и местными».

Мы считали, что даже неудавшееся местное восстание оттягивает с фронта значительные военные силы и этим облегчает положение Красной Армии на фронте. Так было позднее, в декабре 1918 года, с неудавшимся восстанием в Омске, когда белогвардейцы вынуждены были направить с фронта значительные силы для наведения «порядка» в «столице» Колчака.

Конечно, сейчас, спустя более полувека, можно с большей определенностью сказать, какое решение было бы правильнее, а тогда, когда Красная Армия истекала кровью в борьбе с белогвардейцами и интервентами, мы должны были немедленно принимать все меры помощи ей. Велико было и политическое значение восстаний — они потрясли основы колчаковской власти, вызывали растерянность, а это ослабляло белогвардейцев и усиливало Красную Армию. Мы жили

в те далекие годы подполья одной мыслью, горели одним желанием: надо отдать все, если потребуется, и жизнь, но обеспечить победу Красной Армии. О цене мы не думали. Для нас это был действительно последний и решительный бой.

В те горячие дни Маруся активно участвовала во всей трудной и опасной работе подполья. Ее постоянно использовали как связную. Вместе с ней Кеша Григорьев ходил в белогвардейские казармы к «родственникам», а на самом деле они там вели агитацию среди солдат. Во время конференции, проходившей в конце ноября, Маруся кого-то сопровождала, с кем-то «гуляла», чтобы показать приезжим подпольщикам конспиративную квартиру, делала многое другое.

С товарищами по подполью Маруся и я чаще всего встречались у нас на квартире. Там было безопасней. Несмотря на то что наш квартирный хозяин был отъявленным контрреволюционером, мы ухитрились находить способы хранить в доме документы и даже оружие. Маруся часто приносила домой свертки с листовками и подпольной литературой, и все это прятала у хозяйки в кладовке в большом ларе.

Два события особенно потрясли всю подпольную организацию Томска. Первое — о нем я уже упоминала — это расстрел арестованного белогвардейцами и содержавшегося в Томской тюрьме большевика Аркадия Федоровича Иванова. Особенно были взбудоражены политические заключенные. Они требовали от партийной организации ускорить восстание. «Иначе нас всех перестреляют», — говорили они. А вскоре мы узнали, что в ту же ночь на 25 октября были увезены из Красноярской тюрьмы и расстреляны бывшие руководители Советской власти в Сибири Я. Ф. Дубровинский, Г. С. Вейнбаум, Н. Н. Яковлев, И. И. Белопольский.

Второе событие — это восстание в Томской тюрьме в ночь на 1 ноября. Хотя партийной организации было известно, что восстание готовится, мы не думали, что оно произойдет так неожиданно и без согласования с подпольным комитетом. Из тюрьмы ушло более трехсот товарищей. Но тотчас же начались расстрелы тех, кому не удалось вырваться на свободу. Один из подпольщиков, Карпов, который жил на окраине города, недалеко от тюрьмы, видел, как шла расправа с заключенными. Их выводили на пустырь около тюрьмы и расстреливали.

Наш квартирный хозяин, судья, на следующий день рассказывал, что расстреляли не всех политических: тех из

них, кто остался в живых, грузили в «эшелоны смерти» и отправляли на Дальний Восток к атаману Семенову, а там их ждала неминуемая гибель.

Еще до II Сибирской партийной конференции областной комитет РКП(б) решил направить меня на работу в барнаульскую подпольную организацию. Вместе со мной ехала Маруся. В Барнауле нам заранее подобрали конспиративную квартиру, роль хозяйки которой должна была играть зубной врач Канатчикова, жена старого большевика Семена Канатчикова. Мне поручили руководить подпольной работой вместо Макса, отозванного в Центр.

Все было продумано и предусмотрено, и даже легальная работа в Барнауле мне была обеспечена. Томский союз кооперативов официально направлял меня в Барнаульский союз в качестве инструктора по кооперации (Барнаул административно тогда был подчинен Томску).

Мы выехали в Барнаул в конце ноября, после II Сибирской партийной конференции, решившей вопрос о вооруженном восстании. Руководство подготовкой восстания было одной из главных возложенных на меня задач. Меня снабдили решениями подпольного комитета и конференции, деньгами, сообщили явки и пароли. Все нелегальные документы, отпечатанные на папиросной бумаге, я зашила в муфту и шапку.

Накануне отъезда я еще раз говорила с Марусей и Кешей о том, что, может быть, Марусе не ездить со мной, так как видела, как трудно было им расставаться. У них была нежная, трогательная любовь, а я опасалась, что в случае моего провала погибнет и Маруся.

Наконец мы отправились на вокзал и сели в вагон поезда. Без особых приключений доехали до станции Тайга. Здесь нужно было сделать пересадку на Новониколаевск. До Тайги нас провожали Кеша Григорьев и его друг подпольщик Федор Соколов.

Здесь, на станции Тайга, произошел случай, который едва не стоил нам жизни. Вот как это было. Когда все мы, то есть Кеша, Федор, Маруся и я с ребенком, шагали по перрону, навстречу нам попался офицер в белом дубленом полушубке с кортиком на боку. Офицер как-то особенно пристально посмотрел на меня. Я узнала его. Так и есть, это Симон. В недолгие месяцы Советской власти он работал в Омском продкоме, а я была продкомиссаром. Потом, когда начались военные действия, он переметнулся к белым и скоро у них выслужился, завоевав репутацию жестокого карателя.

Узнали его и мои спутники. Кеша взволнованно зашептал:

— Ксения, на тебя смотрит начальник карательного отряда Симон.

Я так же тихо ему ответила:

— Немедленно уходите.

Можно представить мое смятение: ведь арест грозил не только мне, но и двум членам подпольного комитета.

Кешу и Федора как ветром сдуло с перрона.

Едва успели они исчезнуть, как Симон подошел ко мне: «Здравствуйте, Ксения Павловна». Я в ответ: «Здравствуйте, господин поручик Симон». «Что это вы испугались?» — говорит он. Я, стараясь быть внешне спокойной, отвечаю: «А чего мне бояться. Вы работали в продкоме, и я работала там, так что мы с вами в одинаковом положении». Тогда он заявляет: «Ну, положим. Вот вы делаете храбрый вид, а у самой, наверное, поджилки трясутся. Пойдемте в таком случае в ресторан, выпьем на вокзале водочки, вы успокоитесь, поговорим». Я отвечаю: «Я водки не пью».

Зашли в ресторан вокзала. Нам подали водки и красного вина. Он налил себе водки и говорит: «А вот я сейчас пью только водку, иначе нельзя». И дальше мне пришлось выслушивать его излияния о том, что он не зверь и ему меня жалко, хотя я и очень вредный для нынешней власти человек. «Но с женщинами, а тем более с детьми, я не воюю, так что поезжайте себе на здоровье». Его кто-то отозвал, и мы благополучно сели в поезд.

Вполне понятно, что Кеша и Федор ко мне больше не подошли. Они поспешили поскорее оставить эту злополучную станцию. Как потом выяснилось, они в тот же день сообщили в Барнаул, что я арестована. Произошел большой переполох. Шутка ли, попала в лапы контрразведки со всеми явками и резолюциями подпольного Сибирского комитета и партийной конференции.

В дороге я радовалась, что счастливо отделалась от этого белогвардейца. Мне вспомнилось, как моя подруга бесстрашная большевичка Елена Усиевич после отступления советских войск из Омска вынуждена была скрываться от белой контрразведки у сторожики горпродкома и как в ее комнату несколько раз заходил Симон (Елену он не видел, она была спрятана в небольшой темной каморке) и хвастливо говорил: «А сегодня мы опять прикокнули большевика, вот если бы поймать нашу комиссаршу, тогда бы мы потешились». И теперь мне как-то даже не верилось, чтобы

такой зверь мог меня отпустить. Я не знала, что и подумать...

Маруся и я вместе с сыном продолжали свой путь на Барнаул. Маруся очень тревожилась за Кешу, а я ее успокаивала, говорила, что все будет хорошо. Всю дорогу мы находились в страшном напряжении и особенно волновались, когда мимо проходили военные. На каждой станции нам казалось, что вот-вот за нами придут и арестуют. Лишь подъезжая к Новониколаевску, мы более или менее успокоились. Но злой рок буквально подстерегал нас. На станции Новониколаевск объявили, что поезд дальше не пойдет, так как впереди снежные заносы. Перспектива была не из радостных. Предстояло сутки, а то и двое просидеть на станции в ожидании, пока расчистят пути. А кругом военные, военные без конца. И все они наши враги.

Ночь мы провели в Новониколаевске у знакомых. Нас накормили и дали возможность хорошо поспать. Утром мы снова вернулись на станцию, и нам пришлось просидеть там еще целые сутки. На рассвете следующего дня ко мне подошел солдат и потребовал предъявить документы. Я поняла, что это неспроста, но сделала вид, что возмущена, и начала громко говорить: «Да что же это такое, меня, порядочную женщину с ребенком на руках, проверяют... Ни у кого документов не спрашивают, а вот ко мне привязались... За что такое мучение мы терпим?» Некоторые из окружающих, сочувствуя мне, тоже начали возмущаться.

— Натё вам документы, — сказала я, протягивая их солдату. Документы, хотя и подложные, были сделаны хорошо, выглядели почти как настоящие, и я была более или менее спокойна за них.

Солдат казался смущенным, проверять не стал и ушел. Я воспользовалась этим, и мы с Марусей быстро прошли в туалет. Там мы поменялись шапками и муфтами, в которых находились партийные документы. Сделано это было из предосторожности. У меня возникло подозрение, что за мною следят и, возможно, это каратель Симон распорядился арестовать меня. Марусе я наказала поскорее возвращаться в Томск, сообщить о том, что со мной, и сдать документы Кеше.

Когда при мне не стало партийных документов, спокойствие как-то сразу вернулось ко мне. Я взяла себя в руки и стала ждать дальнейшего развития событий. Спящего Костю я держала на руках. Маруся отошла от меня и села поодаль, временами грустно поглядывая на меня. Где-то в

глубине души теплилась надежда, что, возможно, все обойдется, что проверка могла быть случайной и мне удастся добраться до Барнаула. Но я была готова и к аресту. Надежда на благополучный исход не оправдалась, и вскоре ко мне подошел офицер-чех, судя по всему сотрудник контрразведки. Он приказал мне следовать за ним. Проходя мимо Маруси, я видела, что в глазах ее стояли слезы.

В чешской комендатуре я пыталась убедить задержавшего меня офицера, что мой арест чистая случайность: «Посмотрите на моего ребенка, скажите, разве я могу заниматься какой-то политикой с таким малюткой на руках». Показала свои студенческие документы, удостоверение о том, что я направляюсь на работу в Барнаульский союз кооперативов. Все это, видимо, убеждало чеха в том, что я говорю правду. Одета я была хорошо и всеми силами пыталась произвести на контрразведчика благоприятное впечатление. Во всяком случае, чех уже начал проявлять ко мне знаки расположения и даже стал жаловаться на русских, которые, мол, указывают на тех или иных людей как на большевиков, а потом часто получается, что это совсем не большевики.

Еще немного времени, и я была бы освобождена, но тут в комнату вошел высокий рябой белогвардейский офицер и, обращаясь к чеху, сказал:

— Зря вы ее слушаете, никакой ошибки нет. Я утверждаю, что эта женщина — комиссар продовольствия города Омска Ксения Никифорова. Она бежала из Омска и теперь ведет свою большевистскую агитацию. Вот и вас она убедила, что ни в чем не виновата.

Оказывается, во время моего разговора с контрразведчиком офицер находился в соседней комнате за тонкой перегородкой и все слышал. Я, конечно, стала и его убеждать, что он ошибается, но все было напрасно. Раньше вежливо разговаривавший со мной офицер-чех расовирепел и начал на меня кричать, грозить расстрелом, потому что я большевичка, а ребенок у меня чужой. Тут уж я не на шутку перепугалась, что у меня могут забрать моего Костю. Но опознавший меня белогвардеец подтвердил, что ребенок действительно мой.

Когда я сидела в комендатуре, то заметила, как Маруся несколько раз прошла мимо окна. Наверное, ей хотелось еще хотя бы раз взглянуть на меня и на Костю.

Этот мой арест описала Л. Н. Сейфуллина в своей повести «Четыре главы». Кроме того, она рассказала в повести,

как я сидела в страшной Новониколаевской тюрьме, где чуть не погиб мой ребенок, как удалось мне потом бежать из тюрьмы, как я болела тифом, как скрывалась в Новониколаевске у замечательной женщины Татьяны Черных. Правда, мое настоящее имя писательница заменила в повести на Анну, а Марусю назвала Татьяной. Л. Н. Сейфуллина описала также, как товарищи увезли меня в деревню и как потом я уехала на станцию Тайга, откуда сумела с эшелоном белочехов добраться до Иркутска, а там снова включилась в подпольную работу¹.

С Марусей с момента моего ареста на вокзале в Новониколаевске мы расстались навсегда. Только потом, уже со слов Тани Грингоф и других товарищей, я узнала ее трагедию.

...По приезде в Томск Маруся пришла на квартиру Тани. Сразу отдала ей документы, и та их тотчас же спрятала. Маруся подробно рассказала Кеше и Тане о моем аресте. Кеша пошел сообщить товарищам обо всем случившемся и о том, что все партийные документы целы.

В этот же день вечером на квартиру Тани нагрянули колчаковские контрразведчики. Они стали расспрашивать о Марусе, о том, кто она такая. Таня отвечала, что это ее сестра, но присутствовавшая при обыске хозяйка квартиры заявила: «Это не сестра, сестра блондинка, а эта — темная».

Этот разговор происходил на кухне. Там топилась печь, и Маруся незаметно вытащила из-за пазухи свой нелегальный паспорт. Улучив минуту, когда контрразведчики отвернулись, она быстро бросила его в печку. Но охранники все же заметили, полуобгорелый паспорт был извлечен из печи, а Марусю арестовали.

Почему колчаковцы так скоро дознались о возвращении Маруси и в тот же день явились с обыском на конспира-

¹ Интересны обстоятельства появления этого произведения. Вот как это было. Шел 1922 год. В Новониколаевске создавался журнал «Сибирские огни». Для первого номера Л. Н. Сейфуллиной поручили написать художественный очерк о подпольщиках. Времени до выпуска номера оставалось мало, всего две или три недели. Лидия Николаевна согласилась, но даже еще не представляла, о чем она будет писать. Емельян Ярославский, работавший тогда в Сиббюро ЦК РКП(б), посоветовал писательнице поговорить со мной. Я рассказала Сейфуллиной некоторые эпизоды из своей жизни, связанные с Новониколаевском — об аресте, пребывании в тюрьме и о побеге из нее. Они и легли в основу повести «Четыре главы». Конечно, не все в «Четырех главах» описано точно, но в основном в повести отражены подлинные события, кусочек моей настоящей жизни.

тивную квартиру? По-видимому, в подпольную организацию проник провокатор и он слышал сообщение Кеша о том, что Маруся вернулась, привезя в целости все документы, а меня арестовали в Новониколаевске. И, очевидно, он немедленно донес об этом в охранку. Нагрянув сразу же на квартиру Тани, контрразведка рассчитывала захватить документы, которые привезла Маруся Никифорова.

В феврале 1919 года, уже после того как мне удалось бежать из Новониколаевской тюрьмы, я встретилась с Михаилом Рабиновичем, одним из организаторов большевистского подполья в Западной Сибири. Он рассказал мне об аресте Маруси. Я сильно разволновалась, считая себя повинной в этом. Кроме того, я опасалась, как бы по неопытности она не наделала в тюрьме ошибок, не раскрыла подпольную организацию. Но Михаил меня успокоил, сказав, что Никифорова держится на допросах стойко и бесстрашно, как и подобает настоящему революционеру. «Мы уверены,— сказал он мне тогда,— что ей удастся выкрутиться, хотя это будет и нелегко. Маруся категорически отрицает принадлежность к подпольной организации и всячески высмеивает колчаковцев за эти выдумки». О Кеше Михаил сказал, что тот много работает, но, конечно, сильно беспокоится за судьбу Маруси; однако и Кеша считает, что подпольщикам удастся вырвать Марусю из тюрьмы. Очевидно, говоря это, Рабинович имел в виду готовившееся подпольной боевой организацией вооруженное восстание в Томске.

Вскоре после этой встречи меня послали на подпольную работу в Иркутск, и долгое время я ничего не знала о Марусе.

Как потом мне рассказали, Маруся, находясь в тюрьме, имела связь с подпольщиками в городе, знала о том, что происходит на воле, знала и о подготовке вооруженного восстания и верила в его победу. Она надеялась на скорое освобождение.

Однако восстание, назначенное на 2 марта, не удалось. 4 марта 1919 года был арестован Томский подпольный партийный комитет во главе с его секретарем Иннокентием Григорьевым. Все члены комитета вскоре были расстреляны. А. Чернов в книге «Борцы за власть Советов», изданной в 1957 году Томским издательством, так описывает этот арест:

«Во дворе и у ворот явочной квартиры поставлены посты. Первым пришел секретарь комитета Иннокентий Григорьев, как всегда веселый и жизнерадостный. Восстание не удалось, но основные силы находятся в полной боевой готовно-

сти. Кеша уверен, что следующее выступление будет удачным. Вслед за ним пришли старые большевики — руководители подполья: Карл Ильмер и Ян Бредис. Вскоре явился Федор Соколов, бывший сапер, подрывник, необычайно смелый и волевой человек...

Никто не знал, что дом Якимовича был окружен конной и пешей милицией. Колчаковцы арестовали всех участников совещания. 12 марта военно-полевой суд приговорил их к расстрелу. В ночь с 26 на 27 марта они были зверски казнены — полуживыми закопаны в землю.

Почти одновременно с судом над членами подпольного комитета состоялся суд над Марусей Никифоровой, который приговорил ее к смертной казни. Маруся была беременна, и приведение приговора в исполнение было отложено «из гуманных соображений» до рождения ребенка.

После того как Никифоровой был объявлен приговор, к ней в камеру пришел священник и предложил принести покаяние перед смертью. Маруся и сидевшая с ней в одной камере другая подпольщица, тоже приговоренная к расстрелу, с возмущением отвергли это предложение.

В конце августа 1919 года Марусю вместе с другими заключенными неожиданно погрузили в товарный вагон изпод извести и отправили на восток к атаману Семенову. Это был «эшелон смерти». В грязном вагоне на полу Маруся родила сына. Новорожденного завернули в чью-то кофту. Маруся сняла с себя верхнюю одежду и, как могла, закутала его. Но дул сильный ветер, лили дожди... Ребенок умер... А Маруся так мечтала, что ее и Кеша сын будет жить и что он увидит победу дела, за которое отдали жизнь его отец и мать. Но этой мечте не суждено было сбыться...

После смерти ребенка Марусю расстреляли.

Так погибла в борьбе за дело революции замечательная, совсем еще юная женщина. Погибла, не успев еще многого сделать...

НА ВОЕННЫХ ДОРОГАХ

Киев, август 1919 года. С юга наступает Деникин. С каждым днем все напряженнее становится обстановка, все более серьезная опасность грозит городу. Губком партии намечает «в случае чего» оставить меня в Киеве на работе в большевистском подполье. Но вскоре это решение отменяется и меня командируют с ответственным поручением в ЦК партии в Москву.

Еду с последним эшелонам. Путь нелегкий и долгий — то банды, то не хватает топлива и, остановившись в лесу, приходится заготавливать дрова для паровоза. И все же к концу сентября я благополучно, по тем временам, добирюсь до Москвы. Заканчиваю здесь дела, и меня по моей просьбе переправляют к родственникам на Смоленщину, в город Сычевку. Нужно поправляться после недавно перенесенного тифа.

Но вот со здоровьем стало совсем хорошо, а моя передышка что-то затянулась. Тревожила мысль: не забыли ли обо мне товарищи на Украине?

Наконец во второй половине ноября приехал товарищ с Украины и привез мне вызов на политработу в Красной Армии.

Итак, в путь! Едем с попутными воинскими эшелонами на Киев. У меня на руках мандат за подписью начальника политотдела 44-й дивизии 12-й армии М. А. Кручинского, свидетельствующий, что я, Мария Заремба¹, являюсь «ответственным работником политотдела дивизии» и мне предлагается срочно прибыть в часть. Далее предписывается «воинским частям Красной Армии оказывать содействие по пути следования к месту назначения».

Прибыла в Винницу, где находились штаб и политотдел 44-й дивизии. На фронте тихо, идут лишь отдельные стычки с мелкими бандами да с просочившимися кое-где отря-

¹ Мой партийный псевдоним — М. Б.

дами белополяков. Знакомлюсь с довольно сложной и многообразной работой политотдела дивизии, выполняю отдельные поручения. Наконец определено постоянное место моей работы — в крестьянской секции. На фронте затишье, в селах и местечках мы восстанавливаем и укрепляем Советскую власть.

Красная Армия оказывает большую помощь местным работникам. Ежедневно в села посылаются агитаторы — работники крестьянской секции политотдела. Они терпеливо разъясняют крестьянам земельную и национальную политику Советской власти, с кем и за что борется Красная Армия. Политотдел дивизии выпускает много листовок и воззваний к населению. У меня вдруг обнаружили неплохие «писательские» способности. Я с увлечением занимаюсь составлением этих листовок и воззваний.

Вскоре штаб и политотдел 44-й дивизии переводятся в город Бердичев. Мне предлагают заняться преподаванием политграмоты на курсах политруков, организуемых при политотделе. Курсанты набраны. Наводится порядок в отведенных под курсы помещениях, разыскивается все необходимое для занятий... Коменданта курсов Берговенко, несмотря на то что в боях он потерял ногу, можно встретить буквально всюду: вот он шумит в политотделе, требует чего-то для курсов, вот он в доме через улицу в хозчасти дивизии разносит начгоза за какие-то упущения, вот он в городе прямо на улице мобилизует «нетрудовой элемент», преимущественно женщин, для мытья полов и уборки помещений.

Курсы открылись. Изучаем программу партии большевиков. Вхожу, как говорится, во вкус работы, но вдруг вызов к начальнику политотдела дивизии М. А. Кручинскому. Иду и думаю: видно, что-то не так получается у меня на курсах. У товарища Кручинского в кабинете комиссар дивизии Оскар Берзин. После коротких приветствий мне предлагают срочно собраться и выехать на новую работу — в Чуднов-Волынский, где находятся штаб и политотдел 1-й Галицийской бригады. Я несколько растерялась, стою в недоумении. Товарищи понимают мое состояние и говорят, что в галицийских войсках нужны политработники-большевики, политически грамотные и хорошо знающие украинский язык.

М. А. Кручинский продолжает:

— Поедешь на должность начальника политотдела бригады. Политотдел весь укомплектован галичанами, кото-

рые всего месяц-полтора назад вступили в нашу партию. Бывший начальник — из галичан — отозван, так как он только мешал работе.

Ну что же, надо так надо.

А Кручинский подбодрил:

— Не робей, товарищ Маруся, справишься.

Итак, в дорогу, а там на месте разберусь.

Узнаю, что в этот день в Чуднов отправляется эшелон с санчастью 1-й Галицийской бригады. Решаю выехать с этим эшелоном.

Разыскиваю Петю Щекотихина, который числится моим ординарем. Это юноша семнадцати лет, сын многосемейного крестьянина-бедняка из-под Гомеля. Совсем еще недавно он партизанил на Черниговщине, был ранен. У него перебита ключица и плохо двигается левая рука. Будучи всей душой и мыслями предан революции, он накрепко понял и усвоил такие истины: надо бить буржуев, до конца уничтожать «гидру мировой контрреволюции»; власть повсюду должна быть у рабочих и крестьян, а большевики — самые лучшие люди в мире. Поэтому и после ранения Петр отказался демобилизоваться из армии и попросил оставить его в комендантской службе.

Идем на квартиру, укладываем наше немудреное хозяйство и сразу на вокзал. Нужный нам поезд стоит на путях. В нем один штабной вагон третьего класса, в котором разместился начальник санчасти, остальные — теплушки. Петр идет к начальнику в классный вагон и просит отвести в его вагоне место женщине-комиссару, которая направлена в 1-ю Галицийскую бригаду. Начальник — военный врач грубо отказывает. Иду сама. Предъявляю мандат. Военврач вертит его, смотрит на меня удивленно и неприязненно. Затем безапелляционным тоном заявляет: «Таких должностей в нашей бригаде нет, и в нашей армии женщинам быть не положено». Я объясняю ему, что теперь «ваша бригада» — это часть Красной Армии и придется привыкать к новым порядкам. Вижу, начальник взбешен. В повышенном тоне отвечает мне: «Я могу даже не разрешить ехать вам в своем эшелоне, как постороннему человеку, а тех, чьи подписи стоят в вашем мандате, не знаю и подчиняюсь только командиру дивизии — полковнику Бизанцу».

Ну, думаю, связываться с ним бесполезно, приедем в бригаду — разберемся. Спокойно выхожу. Петр, ожидавший меня у вагона, сразу по выражению моего лица понял, что и меня постигла неудача. Он по-мальчишески кипит, а

просит меня: «Дайте я возьму винтовку и пугану эту контору». Я смеюсь и утешаю его: «Ничего, Петя, доедем вместе с солдатами, еще веселее будет».

Наконец поехали. Петро быстро осваивается в теплушке и начинает расхваливать солдатам-галичанам Красную Армию, ведет импровизированные беседы о том, что несет беднякам Советская власть и, конечно, всячески рекомендует меня — комиссара. Солдаты смотрят на меня с любопытством и удивлением — женщина в армии! Приходится и мне говорить с ними.

В пути на каком-то перегоне между станциями маленькое происшествие и задержка. Вдруг налетел польский самолет и начал кружить над составом. Поезд остановился посреди поля. Пришлось всем выбраться «на всякий случай» из вагонов. Самолет сбросил бомбочку, в поезд не попал, немного покружил и улетел восвояси. Снова по вагонам.

Еще не успели занять свои места, вдруг видим: по путям навстречу поезду бежит человек в солдатской шинели. На погоне красный лоскуток. Бежит мимо теплушек и раздает солдатам листовки. Беру одну и я, читаю — махровая антисоветчина. В конце на украинском и русском языках призыв: «Переходите в польскую и петлюровскую армию, листовка — пропуск». Прошу Петра и двух бойцов-галичан задержать и привести к нам этого «красноармейца». Спрашиваю:

— Где ты взял листовки?

— Самолет сбросил, а я подобрал несколько штучек; что там написано, не знаю, неграмотный. — Глаза пугливо бегают, сам пятится к двери.

В это время бойцы подходят к нему и извлекают у него из-за пазухи аккуратно сложенную пачку листовок. Все ясно.

Обыскали, отобрали револьвер и под бдительной охраной препроводили этого распространителя вражеских листовок в штабной вагон. По вагонам разнеслась весть: «Поймали польского лазутчика».

К вечеру добрались до Чуднова. Направляюсь в политотдел представиться комиссару бригады Бондаренко, в недавнем прошлом комиссару Таращанской бригады. У него застаю и недавно назначенного командира Галицийской бригады Михаила Барана, старого коммуниста-галичанина, с которым была знакома раньше. Оказывается, им по телефону уже сообщили из 44-й дивизии о моем назначении. Решено:

на другой день с утра меня представляют командирам штаба, а пока отправляюсь на отведенную квартиру отдыхать...

Утром обстоятельства в бригаде сложились так, что командир, начальник штаба и комиссар должны были выехать в полки. Решаю одна в первый раз в штаб бригады не идти.

Между тем о моем приезде и назначении стало известно в бригаде, и эта весть была воспринята командирами штаба как «потрясающая» новость: прислали в бригаду женщину-комиссара, большевика... Как позднее нам рассказывали, они, бывшие офицеры австро-венгерской армии, гадали, как я могу выглядеть, в чем одета и прочее. Одни утверждали, что все большевички — страшные, стриженные, обязательно курят, пьют водку и неприлично ругаются; другие добавляли, что они еще и никогда не умываются и вообще больше похожи на неопрятных мужчин.

Пошла в политотдел, который находился неподалеку в одной из школ. Как мне и говорили, все работники политотдела — галичане, в основном интеллигенты, некоторые окончили Львовский университет. Хотя они еще весьма «сырые», эти члены партии большевиков, но в общем произвели неплохое впечатление. Особенно выделялся большой политической зрелостью и искренностью писатель Андрей Бабюк (Мирослав Ирчан), назначенный ответственным секретарем политотдела бригады. Мне, конечно, хотелось узнать, что это за бригада.

Вот что мне рассказали тогда.

В 1918 году с распадом Австро-Венгерской империи образовалась «Западноукраинская народная республика», сокращенно ЗУНР, по существу, буржуазно-помещичье, националистическое государство. Правительство этой республики создало украинскую Галицийскую армию, ядром которой послужила часть, сформированная из жителей Западной Украины еще в начале первой мировой войны. Эта часть носила название «Легион украинских сичовых стрельцов».

Летом 1919 года белопольские войска захватили Галицию, Западную Вольнь, часть Полесья. ЗУНР перестала существовать. Сильно потрепанная украинская Галицийская армия в составе трех корпусов отступила на Украину, заключив соглашение с петлюровцами.

В январе 1919 года на Украине установилась Советская власть. С юга наступал Деникин. И командование Галицийской армии пошло на переговоры с ним. Галицийским войскам было разрешено остаться в Подолии.

Деникин разгромлен на Украине, и перед Галицийской армией встает выбор: либо податься в Румынию, либо соединиться с Красной Армией. Вопреки намерениям командования увести Галицийскую армию в Румынию, по требованию солдатских масс и прогрессивно настроенной части офицерства, УГА в январе 1920 года пошла на объединение с Красной Армией. Приказом Реввоенсовета республики украинская Галицийская армия была включена в состав Юго-Западного фронта. Из трех корпусов потрепанной в боях и поредевшей армии были сформированы три бригады: 1-я Галицийская бригада, костяком которой явился бывший «Легион украинских сичовых стрельцов» (она вошла в 44-ю дивизию 12-й армии); 2-я и 3-я бригады, которые вошли в другие дивизии 12-й армии.

Вот в эту-то 1-ю Галицийскую бригаду 44-й дивизии и была назначена я. Надо все хорошенько обдумать: работа для нас, коммунистов, предстоит не из легких, в условиях, сильно отличающихся от привычных.

Однако уже в первый день мне пришлось встретиться со штабистами. Ко мне на квартиру явился посыльный из штаба и известил, что ровно в двенадцать обед. Командиры штаба по традиции, принятой в их бывшей армии, питались вместе в особой столовой, а теперь к ним должны были присоединиться еще и руководители политотдела. Я слышала, что стол у них накрывался «по-европейски»: ножи, вилки, тарелки для трех блюд, даже салфетки у приборов. В эту столовую я и должна пойти обедать. По правде говоря, немножечко волновалась: ведь встреча предстояла необычная, не с товарищами по революционной борьбе, по партии, с которыми мне до сих пор приходилось общаться, а с людьми, которые много лет верой и правдой служили Австро-Венгерской империи. Ну, думаю, была не была — иду!

А у командиров штаба шла, оказывается, своя подготовка к встрече со мной. Как мне позднее рассказывал заместитель начальника штаба Г. Кох, ему надлежало в этой встрече играть первую роль, так как он неплохо изъяснялся по-русски. Штабисты между собой договорились также, что они будут спокойно, как подобает культурным людям, наблюдать, как я начну хватать руками пиццу, зажимать пальцами в рот. Они всерьез были убеждены, что именно так принимают пиццу русские большевики, которые, мол, не имеют понятия о применении ножей и вилок...

Место мне было оставлено рядом с замначштаба, который должен вести со мной «беседу», задавать вопросы и

переводить на немецкий мои «несуразные» ответы. Предполагалось, что потом они над всем этим вволю посмеются...

Вот и столовая. На мне хорошо сшитое черное платье. Я не стриженная, а с косами, уложенными на голове. На ногах — ладные сапожки. Кожаная куртка и вязаная белая шапочка с красной звездой дополняли мой костюм.

Раздеваюсь, вхожу в столовую. Вижу на лицах штабистов не то недоумение, не то растерянность. Я довольно сносно понимала и значительно слабее говорила по-немецки. Но как-то интуитивно решила пока не обнаруживать своего знания немецкого языка. Говорю по-украински: «Разрешите представиться, начальник политотдела бригады Заремба Мария». Украинский язык большинство немного понимают. И вот медленно, но все, как один, встают. Что ж, для первого знакомства неплохо! Прошу садиться и иду на свободное место в центре стола. Начинают подавать обед. Вижу, взоры всех обращены на меня. Немножечко догадываюсь, в чем дело, улыбаюсь и принимаюсь за еду. А бедный замначштаба начинает беседу со мной. Я же, узнав, что он прилично говорит по-русски, беру инициативу в свои руки: ведь мне так много надо узнать. У нас идет оживленная беседа вдвоем.

Вдруг один из командиров довольно резко обращается к замначштаба по-немецки: «Почему не переводишь, что она там тебе говорит? Забыл?...» А замначштаба смущенно отвечает тоже по-немецки: «Она задает мне такие вопросы, что я все время должен очень напряженно думать, чтобы ответить. С ней говорить нелегко, она совсем не такая, как мы предполагали».

С трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться и не обнаружить, что полностью поняла диалог на немецком языке.

Да, вот такими представляли нас, большевиков, эти люди, черпавшие свои познания о нашей революции, о нашей партии из буржуазной прессы, не скупившейся на злобные, порой до смешного нелепые, клеветнические вымыслы в адрес большевиков.

Обед окончен, и я снова в политотделе. Обдумываю план работы. Ведь налаживать работу надо в части, которая совсем недавно вошла в 44-ю дивизию, а до этого состояла в армии противника. Вся обстановка требовала от коммунистов напряженного труда, бдительности, величайшего такта. А нас, коммунистов, присланных в бригаду, всего четверо — трое мужчин и одна женщина. Командир бригады, член пар-

тии с 1915 года, товарищ Баран, комиссар бригады Бондаренко, комиссар штаба Евгеньев и я, начальник политотдела. И всем нам надо работать, работать.

Ежедневно проводим беседы на политические темы. Строго разработанной программы занятий у нас еще нет. Темы бесед выбираем, так сказать, «по потребности», а руководитель старается провести занятие как можно лучше, в меру своих знаний и способностей.

Пытались наладить политическую учебу для работников штаба и политотдела. Инициатором и руководителем этого семинара «на высшем уровне» был командир бригады Михаил Баран. Помню, первое занятие посвятили «простой» теме — первому тому «Капитала» К. Маркса. Товарищ Баран старательно излагал теорию стоимости Маркса. Однако книга была одна на всех, никаких других пособий не было, готовиться же к обсуждению только по записям объяснений руководителя семинара было трудно. Поэтому в изучении «Капитала» мы далеко не продвинулись. Прошло два-три занятия, и политическая учеба в бригаде прервалась. Да и фронтовая обстановка не благоприятствовала занятиям.

Но все же можно было сказать, что в жизни бригады произошли заметные сдвиги. Изменилось и отношение ко мне в штабе. Довольно быстро эти лоцанные бывшие австро-венгерские офицеры привыкли к женщине-комиссару, стали во всем считаться со мной. Я ежедневно бывала в штабе, знакомилась по карте с положением на передовой, так как стычки с белополяками происходили в те дни постоянно. Уже всерьез, без тени иронии дежурный по штабу обстоятельно докладывал мне обстановку. В свою очередь меня просили рассказывать политические новости.

И все же штаб бригады требовал особого внимания и подхода. Изучали каждого... Вскоре уяснили, что самой авторитетной фигурой не только среди бывших офицеров, но и среди солдат является теперешний начальник штаба бывший полковник австро-венгерской армии Бизанц, командир дивизии в Галицийской армии. Это человек в возрасте, уже за сорок лет, помещик из-под Львова. Руководствуясь, как он говорил, принципом «где мои солдаты, там должен быть и я», Бизанц с 1914 года участвовал со своим соединением в империалистической войне, командовал дивизией, когда Галицийская армия воевала с Польшей, наконец, не оставил ее и тогда, когда 1-я Галицийская бригада вошла в состав Красной Армии.

Для штабистов бригады слово Бизанца было «истиной в последней инстанции», которая не требует ни раздумья, ни сомнений. Популярен он был и среди солдатской массы.

Конечно, рассчитывать на превращение всех этих бывших офицеров во вполне искренних сторонников Советской власти было бы авантюрой; ведь некоторые из них были выходцами из семей капиталистов. Был, к примеру, поручик — сын владельца крупных текстильных предприятий в Вене. Кавалерист, он за свой счет содержал для себя породистых скакунов. На мой вопрос, как же он очутился в Красной Армии, бывший поручик ответил: «Я спортсмен. Война для меня спорт. А кто с кем воюет, меня не интересует».

Итак, начштаба Бизанц... Надо сказать, что это был умный, культурный человек. И хотя он был кадровым старшим офицером буржуазной армии, в нем, по существу, не чувствовалось духа кастового солдафонства. Естественно, что мы с комиссаром, уяснив, как многое может зависеть в трудную минуту от Бизанца, решили уделить ему особое внимание. И, кажется, не ошиблись.

Я не раз приглашала Бизанца в политотдел посмотреть, чем мы занимаемся, побеседовать. Знакомила с инструкциями политотдела 44-й дивизии и с нашими указаниями комиссарам и политработникам частей о том, как и в каком направлении вести работу среди рядовых бойцов. В беседах, как бы между прочим, нет-нет да и переводила разговор на политику партии большевиков и Советской власти, рассказывала о программе партии, ее целях. Как-то незаметно вошло в обычай, что ежедневно в определенный час, перед обедом, полковник Бизанц появлялся в политотделе. Мы выписывали журнал «III Интернационал» на немецком языке, который он с интересом прочитывал.

В один из вечеров мы с комиссаром бригады Бондаренко (он был моим мужем) пригласили Бизанца к себе на квартиру поиграть в шахматы. Комиссар был любитель шахмат и всегда возил их с собой, а полковник тоже был шахматист.

И вот здесь в непринужденной беседе Бизанц узнал, что у меня на далекой Смоленщине остался годовалый ребенок и что я в 1918 году при германских оккупантах работала в большевистском подполье в Киеве, а затем добровольно вступила в Красную Армию. Показала ему фотографию своей маленькой дочурки, упомянула, что меня беспокоит отсутствие вестей о ней.

Бизанц и виду не подал, какое все это произвело на него впечатление. А оказалось, как узнали мы потом, что этот

как будто бы малозначительный факт буквально потряс его. Придя в штаб, он дал волю своим чувствам. Присутствовавшим там штабистам он заявил: «А вы знаете, наш комиссар Заремба — мать! Вы понимаете, мать! У нее есть маленькая дочка, а она пошла добровольно в армию. Ну, если матери бросают детей и идут воевать за Советскую власть, то большевиков никто не победит. Да, да, это так!»

...В бригаде большое событие. К нам приехал член Реввоенсовета 12-й армии, старый большевик Н. И. Муралов. Вместе объезжаем полки, где член Реввоенсовета выступает на митингах. Я предварительно коротко рассказываю собравшимся его биографию, разъясняю бойцам, что это за органы — реввоенсоветы и какова их роль в Красной Армии, при этом не забываю сказать, что созданы они по инициативе великого вождя нашей революции Ленина.

Н. И. Муралов предельно просто и с большой страстью убеждал галичан, что только с помощью Красной Армии они добьются освобождения своей родины из-под гнета панской Польши, что беднота получит землю и в Западной Украине, когда там будет установлена подлинно народная власть... И хотя он говорил по-русски, бойцы понимали... Надо было видеть, с каким напряженным вниманием слушали бывшие «украинские сичовые стрельцы» представителя Советской власти и как светились надеждой их лица. А я стояла и думала: все поняли, значит, наша политическая работа приносит плоды...

Близился май 1920 года, не за горами посевная... Получили указание политотдела 44-й дивизии: в честь международного праздника пролетариев 1 Мая провести своеобразное братание галичан с украинской беднотой. С этой целью из всех частей предложили выделить, не нарушая воинского порядка, определенное количество лошадей и галичан-пахарей и обработать под посевы в близлежащих селах земли бедняцких семей. Согласовали задание со штабом бригады и направили соответствующие распоряжения по полкам и ротам.

Этот факт помощи украинской бедноте со стороны Красной Армии сыграл немаловажную роль в подъеме политического сознания бойцов-галичан нашей бригады. Они воочию убеждались, что большевики, Советская власть не только обещают, но и действительно наделяют бедняков землей и даже оказывают им помощь в обработке земли.

А в это время буржуазно-помещичья Польша в створе с правящими кругами Антанты решила внезапным ударом на-

чать наступление по всему фронту и разгромить Красную Армию. Особенно коварные замыслы вынашивало польское командование по отношению к участку фронта, занятому нашей 12-й армией. Хочу напомнить, что 44-я дивизия находилась между 45-й и 58-й дивизиями, в которых также было по одной бригаде галичан. На то, что галицийские бригады не окажут сопротивления, и рассчитывали стратеги из армии Пилсудского.

Эти расчеты были далеко не беспочвенными. Командование 2-й и 3-й Галицийских бригад в большинстве своем состояло из затаившихся врагов Советской власти — петлюровцев. А Петлюра, как известно, вступил в союз с буржуазно-помещичьей Польшей. И вот по сигналу польского военного руководства во 2-й и 3-й бригадах были «свергнуты» большевики-комиссары и фронт был открыт. В эти «окна» устремились части Пилсудского. 44-я дивизия оказалась в тяжелом положении. Начались бои.

В этот трудный час перед штабом 44-й дивизии встал острый и неотложный вопрос: как быть с 1-й Галицийской бригадой? Разоружить? Но она занимает довольно протяженный участок передовых позиций, на котором еще относительно спокойно! Может быть, отвести бригаду и заменить ее другой, более надежной частью? А если галицийцы окажут вооруженное сопротивление? Произойдет заварушка — а она только на руку врагу... В такой обстановке командование принимает решение немедленно вызвать коммунистов — ответственных работников в штаб дивизии, послушать их мнение...

Последние дни апреля 1920 года были у нас в Чуднове беспокойными, хотя боевые действия на участке 1-й бригады еще не начались. У всех тревожное настроение. Получены известия, что белополяки наступают на широком фронте. А из штаба дивизии почему-то все еще нет никаких распоряжений.

Наконец к вечеру, когда уже начало темнеть, прибыл на автомобиле с охраной начальник политотдела дивизии М. А. Кручинский. Зашел в политотдел бригады, в штаб, спокойно побеседовал о делах, настроении, кратко проинформировал о начавшемся наступлении белополяков. А затем, когда мы, коммунисты, группой все вместе вышли из помещения штаба, как-то по-особому официально объявил, что командиру бригады Барану, комиссару Бондаренко, комиссару штаба Евгеньеву, начполитотдела Зарембе нужно срочно секретно посоветоваться по весьма важному вопросу.

Но где? Раздумывали недолго. Ближайшей была моя квартира, туда и двинулись. Идем, молчим. Чувствуем, случилось что-то серьезное. У всех на лицах тревога. Что же? Что?

И вот наконец мы услышали страшную весть — 2-я и 3-я Галицийские бригады перешли на сторону врага, открыли фронт. Кручинский в упор ставит перед нами вопрос: «А как у вас, товарищи? Какие настроения в бригаде? Нужно ли разоружать ее и обсуждался ли в штабе этот вопрос?» Всех как будто обухом по голове ударило. Минута тягостного молчания... Кручинский требует ответа. И вот мы трое, не сговариваясь, в один голос заверяем, что у нас измены нет и не может быть, что бригада будет драться, а разоружение приведет к тому, что свои будут биться друг с другом. «А штаб?» — задает вопрос Кручинский. Говорим ему о роли и авторитете начальника штаба полковника Бизанца в бригаде. Считаем необходимым добиться от него поручительства, что в штабе все будет в порядке.

Вызываем Бизанца. Он, не медля ни минуты, принял наше предложение. Итак, мы имеем авторитетного единомышленника, союзника.

В ту же ночь в Бердичев, в штаб дивизии, вместе с Кручинским выехали на машинах командир и комиссар бригады и вместе с ними начальник штаба Бизанц. Меня оставили замещать комиссара бригады, поручив тщательно проверить настроения работников политотдела, мобилизовать их в случае каких-либо осложнений в полках на ликвидацию опасности, бдительно наблюдать за штабом. Я получила указания, как поступать в случае начала наступления белополяков; мне назвали пункт, где укрепиться штабу, если придется отступить, и т. д.

Кроме меня в бригаде остался комиссар штаба Евгеньев, который не верил, что бригада останется верной Советской власти и не перейдет на сторону врага.

Настал серьезный, ответственный момент. Требуется очень большая выдержка. Иду в политотдел, там все спокойно. Решаю пока никому не сообщать об измене 2-й и 3-й бригад, не поднимать тревогу, а к утру, думаю, вернутся товарищи. Прошу дежурного политотдела в случае вызова из Бердичева немедленно прислать за мной. Захожу в штаб — там тоже как будто спокойно. На передовой тихо. Рекомендую проверить, как охраняется мост через реку Тетерев и железнодорожная станция.

Наступает тревожное утро. В шесть часов я в политотделе. На всякий случай привожу в порядок и складываю от-

дельно секретные бумаги. В 7 часов приходят сотрудники политотдела. Первый, с кем решила побеседовать и кому больше всего доверяю,—ответственный секретарь политотдела писатель Андрей Бабюк. Плотно закрываю дверь кабинета и начинаю разговор по душам:

— Так вот, товарищ Андрей, наступил момент, когда нужно держать экзамен — являетесь ли вы действительно твердым коммунистом. Предстоит очень тяжелое испытание... Две бригады галичан изменили Красной Армии, открыли фронт врагу.

Выдерживаю паузу. Пристально смотрю в глаза собеседника:

— Волнуетесь? Что вы думаете по поводу этого? Как вы намереваетесь поступать дальше? Как будете держать себя, если и у нас в бригаде приключится такое?..

Бабюк без всяких колебаний дает твердый и ясный ответ:

— Партии не изменю. Я коммунист и останусь им, клянусь! Изменников считаю своими врагами, они обманули солдат и втянули их в новую авантюру.

Вызываю к себе по одному других коммунистов-галичан. Опрошенных оставляю в кабинете. Большинство сразу твердо заявляет, что останутся при всех условиях коммунистами, будут до конца бороться вместе с Красной Армией, другие охают и ахают, задают встречные вопросы — вроде таких: что же, мол, будет теперь с нами?.. Но потом и они заверяют, что преданы делу революции, Советской власти. Все, кроме одного, который почувствовал, что происходит неладное, и куда-то сбежал.

Я пожала всем руки и предложила приступить к работе. Требовалось срочно связаться с частями бригады, выяснить положение. Загудели полевые провода, в политотделе только и слышны были телефонные переговоры.

Наконец поступила шифровка на мое имя из Бердичева: «Бригаду разоружать не будут». Оказалось, что не только все представители командования 1-й Галицийской бригады, но и член Реввоенсовета 12-й армии Муралов, который незадолго до этого знакомился с нашими частями, поручился за бригаду и выступил против ее разоружения.

Не успела обрадоваться этому сообщению, как в политотдел примчался до крайности взволнованный комиссар штаба Евгеньев, кстати сказать успевший нацепить маузер, который болтался у него сбоку чуть не до земли. Бурей ворвался в мой кабинет и кричит:

— Ты о чем тут думаешь?.. Вот-вот будет восстание! Штабисты уже договорились... Я приготовил для нас лошадей. Нужно скорее уезжать...

Пытаюсь успокоить его, показываю шифровку из политотдела дивизии, ругаю, что разводит панику. Ничто не помогает.

С криком «Ты же сумасшедшая!» Евгений убегает.

Чувствую и я, что в штабе действительно что-то неладно. Не успела обдумать, что же следует предпринять, как в дверях кабинета появился комендант штаба и решительно заявил, что в штабе требуют, чтобы я немедленно прибыла туда. Внутренне волнуясь, но понимаю — нужна выдержка и еще раз выдержка. Собираю всю свою волю и спокойно говорю коменданту: «Доложите, как только закончу дела, сразу же приду».

А сама сижу и думаю: что же может быть, что ждет меня в штабе? Решаю: что будет — то будет, а главное, ни при каких обстоятельствах не показать своей слабости. Ведь я коммунист, большевик!

Иду в штаб. В комнате заседаний собрались все работники штаба, сидят за длинным столом. На председательском месте заместитель начальника штаба. Здравуюсь. Встают как-то вроде нерешительно, на лицах не вижу прежней приветливости...

Подхожу к стене, где висят карты, и становлюсь ко всем лицом. Отсюда вижу всех, и я видна всем. Спрашиваю: зачем позвали, что от меня хотят? Вопрос мне задает замначштаба: «Что происходит?» Я начинаю обстоятельно рассказывать о наступлении противника на других участках фронта, о тревожном положении в районе расположения частей 44-й дивизии...

Вдруг вскакивает один из штабистов и истерическим голосом кричит: «Что вы нам сказки рассказываете! — Грохает кулаком по столу: — Отвечайте, где полковник Бизанц, куда вы его дели?!» Все вскакивают, и я слышу: «Да, да, отвечайте!» А у меня почему-то легче на душе стало, хотя я не знаю, что с Бизанцем, как он ведет себя в штабе дивизии.

Решаю идти в наступление: «Почему крик? Это недостойно военного! А почему вы меня не спрашиваете, где командир бригады товарищ Баран, где комиссар Бондаренко? Их ведь тоже нет». И дальше продолжаю: «Вы — кадровые военные, вам ведь известно положение на фронте. А когда назревают серьезные события на фронте, проводятся совещания на высшем уровне. Такое совещание идет сейчас в Бер-

дичеве, куда срочно вызваны командир, начштаба и комиссар бригады. Так вот, разрешите заявить — ничего чрезвычайного не произошло. А теперь поставим вопрос так: голова Бизанца там, в Бердичеве, а моя голова — у вас. Не так ли? Вам известно, что комиссар бригады — мой муж. Разве товарищи оставили бы меня здесь, если бы мне грозила опасность... Мы верим в вашу честность, а еще больше — вашему полковнику Бизанцу. Все!»

Вижу, настроение начинает меняться.

И вдруг замначштаба, обращаясь ко мне, говорит: «Один только вопрос. Если ничего не произошло, объясните, что происходит с комиссаром штаба?» — и показывает рукой в сторону двери. А комиссар стоит у двери с лицом бледнее мела и дрожит. Наступила напряженная тишина. Вижу, что опять мой ответ может решить все. На раздумья нет времени, мысль обостренно работает. И я говорю: «Разве вы не знаете, что в сложной, тревожной обстановке разные люди ведут себя по-разному. На фронте идут бои, вот-вот начнутся они и у нас... У меня, например, сегодня со страху куда-то сбежал один сотрудник политотдела, а комиссар раньше времени вооружился и «немножко» волнуется, да и у вас оказался не на высоте один офицер, который не сумел спокойно задать мне вопрос, а поднял визг... Не так ли?» Заулыбались... Вот теперь уже, кажется, все; обстановка разрядилась окончательно. Я тоже улыбаюсь и говорю: «Будем воевать, товарищи!» И получаю дружный утвердительный ответ. С этим мы мирно расстаемся...

Комиссару штаба я строго наказала, чтобы он больше не показывался ни в штабе, ни в политотделе. Да он и сам это понял. Больше я его не видела, он уехал в Бердичев.

А через какой-то час поступило донесение из частей, что и на нашем участке началось наступление противника. Белопольяки двинулись на нас во много раз превосходящими силами. Бригада приняла бой. Геройски дрались полки 1-й Галицийской бригады. Но слишком велико было превосходство врага в численности людей и вооружении. И бригада вынуждена была отступить. Над Чудновом закружили польские самолеты, бомбят железнодорожный мост через Тетев, склады.

Вот уже близко слышен гул артиллерии. Вражеские снаряды ложатся где-то недалеко от Чуднова. По согласованию со штабом бригады даем частям приказ отходить. Бойцы грузятся в теплушки. Вот уже один эшелон ушел в Бердичев. В нем больные и раненые, военное имущество.

Потянулись проселочными дорогами подводы со штабным и политотдельским имуществом. Работники политотдела идут походным порядком. Все вооружены. С нами — комендантская сотня. Отступаем.

К вечеру прибыли в село Бабушки, где было заранее намечено закрепиться в случае отступления из Чуднова. Работники штаба докладывают, что, хотя наши части героически обороняются, слишком неравны силы. Галицийская бригада несет большие потери.

Я заменяю комиссара бригады, штабу нужно знать мое мнение. Опять передо мной вопрос: как быть? Минута колебания и раздумья: остаться — неизбежен полный разгром бригады. Нет! Нет! Подаю голос — будем отступать к Бердичеву...

По сводкам, поступившим к утру следующего дня, наши потери действительно велики, а среди командного состава они составляют почти половину его численности. Скоро Бердичев, но снова тревога: командир кавалерийского дивизиона сообщает, что, по донесению разведки, вдали появилась многочисленная кавалерия противника. Решаем как можно быстрее двигаться к Бердичеву...

Вот мы и в Бердичеве. Здесь все в движении. С трудом пробираемся к штабу и политотделу. Узнаем — 44-я дивизия в очень тяжелом положении. Части белополяков стремительно рванулись вперед, обходя дивизию. Справа и слева противник. Идут упорные бои. 44-я дивизия и другие части Красной Армии, находившиеся под Бердичевом и в городе, оказались в клещах, фактически почти окружены. Надо прорываться, отступать, выравнять фронт.

В Бердичеве командование 44-й дивизии решает отправить меня в Киев «на отдых» после тяжелого изнурительного отступления. Тяжело получать подобное «назначение» в такой момент. Я долго отказываюсь, но товарищи настаивают, и я сдаюсь.

В Киев едем поездом Реввоенсовета 12-й армии. Оказывается, раньше это был личный поезд одного из членов бывшей царской фамилии. Выглядит внушительно: два пульмановских вагона, вагон-салон, вагон-кухня, вагон-электростанция... к ним прицеплено несколько товарных вагонов с имуществом штаба 44-й дивизии.

В поезде едут в основном работники политотдела и штабисты, которых отправляют в Киев, — всего человек двадцать. Нам с товарищем Анной из культпросветкомиссии политотдела дивизии отвели роскошное двухместное купе в пульманов-

ском вагоне. Пассажиры поезда собираются в салон-вагоне — побеседовать, обменяться новостями. А мне после бессонных ночей и длинного нашего перехода только бы поскорее лечь и поспать. Укладываюсь. Анна, несмотря на мое сопротивление, стягивает с меня сапоги и тоже уходит. Вот уже становится совсем темно. Проходит какое-то время, и поезд наконец тронулся. Я сразу заснула.

Проснулась от страшного толчка. В первый момент не соображаю: где я, почему лежу на полу, почему откуда-то на меня падают тяжелые предметы, чем-то больно бьет по голове... Но вот застрочил пулемет, слышно, как застучали пули по обшивке вагона. Ясно: либо банда, либо белополяки. Надо выбираться из вагона. Пробую встать, ищу дверь купе и тут делаю для себя открытие, что она где-то внизу. Значит — крушение?! Сползаю к двери. Пробую открыть, но не тут-то было — заклинило. Обламывая ногти, чуть-чуть отодвигаю низ двери. Кричу, но в вагоне нет никого. И вдруг... голос моего ординарца Петра: «Товарищ Маруся, вы живы, отзовитесь!» Мой верный юноша прибежал ко мне на помощь. От него узнаю, что путь взорван, поезд сошел с рельсов. Те, кто был в салон-вагоне, остались живы, отделались лишь ушибами. Все они сразу двинулись вперед по шпалам. Потом их подобрал наш бронепоезд.

И вот мы вдвоем с Петром, действуя с двух сторон, оттянули побольше дверь, и я выбралась из купе, а затем и из вагона, который лежал на боку. Кругом стрельба. Тьма крошечная. Бежим вдоль поезда к хвостовым вагонам. И вдруг куда-то пропал мой Петр. Зову — не отзывается. Вдали, у хвоста эшелона, на миг вдруг стало светло, и я увидела пугливую будку: туда, туда! И почему-то в голове одна мысль: если ранят, пусть только не в ноги, иначе — плен.

Будка. Забегаю во дворик, огороженный шпалами. И здесь стреляют. Присаживаюсь у стены будки, неподалеку сидят двое с винтовками. Темно. Кто эти двое — спрашивать опасно. Но вот их осветило: рядом со мной польские легионеры, меня, видимо, приняли за своего.

Медлить нельзя, подальше от этого места, пока меня не разглядели, иначе страшный для меня плен. За двориком виден лесок. Бросаюсь туда. За калиткой, прижавшись к шпалам забора, стоит будочник. Шепчет: «С поезда? Вас окружили поляки. Поезд взорвали, путь заминировали еще засветло... Наскочила польская кавалерия... Спасайтесь». Спрашиваю, где мы и где нет белополяков. Отвечает, что поезд взорван на пятнадцатой версте от Казатина. Называет

деревню, в которую надо пробираться: «Через лес, прямо посреди леса пруд, от него влево».

Итак, в лес, прямо. Вижу между деревьями две фигуры. Одна в длинной-предлинной шинели, уж очень похожа на политработника из 1-й Галицийской бригады, которого с нашим поездом отправляли в тыл. Осторожно окликаю: «Струхманчук!» Человек остановился, стал прислушиваться. Второй раз кричу его фамилию, а затем свою. Так и есть, Струхманчук со своим ординарцем. Вот мелькнули еще две тени. Подошли поближе, оказались — два красноармейца из охраны поезда. Надо выбираться из леса в деревеньку, которую указал нам железнодорожник. Но в темноте не так-то легко определить направление. Кружили, кружили и только к утру выбрались из леса. Неподалеку село. Тишина, вражеских солдат, как видно, нет. Из крайней хаты вышла женщина и направилась к колодцу. Мы к ней. Женщина повела нас в хату, напоила, накормила, в дорогу дала мне полбуханки хлеба.

Отдохнув, двинулись в нелегкий путь, не ведая, какие еще невзгоды ждут нас впереди. Шли днем и ночью, держа путь на Белую Церковь, где надеялись встретить своих. Но неожиданно чуть не напоролась на какую-то петлюровскую банду, которая грабила большое село. К счастью, бандиты нас не заметили. Пришлось повернуть на Фастов.

Мне особенно трудно идти: я босиком, левая нога плохо слушается (я была контужена во время крушения поезда). В одном из сел добрые люди дали мне костыль-самоделку. Но и он не помог, и скоро я совсем выбилась из сил. Решили заночевать, передохнуть. Остановились в одном из сел. Наутро выяснилось, что дальше двигаться я не могу, сильно разболелась нога. Товарищи отправились в путь — не пропадать же всем. Я с разрешения старика хозяина осталась «ждать у моря погоды».

Настроение невеселое... Сажу на лавке с ногами, не знаю, что меня ждет. И вдруг в сених стук и громкие голоса, обращенные к старику: «А где здесь комиссарша Красной Армии?» Слышу, хозяин что-то сердито бурчит в ответ. У меня душа ушла в пятки. Ну, думаю, это за мной из банды явились, сейчас поведут на расправу. Открывается дверь. И тут у меня дух захватило от радости: на пороге два красноармейца с винтовками и с красными лентами на папах. Я готова была броситься им на шею, но нога, моя нога... А они приветливо: «Это вы из 44-й дивизии? Мы за вами». Оказалось, верстах в двух от села мои спутники встретили прод-

отряд 58-й дивизии. Отряд хорошо вооружен, продвигался в Фастов на подводах. Товарищи рассказали, что в селе пришлось оставить у крестьянина контуженную женщину-комиссара из 44-й дивизии, и отряд решил остановиться. Отрядили четырех красноармейцев в село за мной, и те, буквально на руках, донесли меня до стоянки отряда. Вот какие случаи бывали на военных дорогах!

В Фастове мы встретились с 1-й Московской бригадой, прибывшей на фронт. Ночью меня отправили с товарным эшелоном в Киев.

В Киеве тревожно. Фронт близок. Все учреждения эвакуированы. На одной из явочных квартир меня накормили и в тот же день с последним пароходом отправили в Кременчуг. Дальше — Харьков. После лечения — демобилизация, и снова я на партийной работе в Киеве. Так кончились мои военные дороги.

Спросите: а что же случилось с 1-й Галицийской бригадой? Вот ответ. Много пришлось претерпеть ей на своем боевом пути: окружение под Казатином частями Пилсудского, измена тяжелого артиллерийского дивизиона, окружение петлюровскими бандитами... Однако те, кто перешел на сторону противника, оказались жестоко обмануты своими националистически настроенными командирами — бывшими офицерами. Белополяки сразу разоружили их и отправили в концентрационные лагеря. Что касается большинства бойцов бригады, то они стойко дрались с белополяками и петлюровцами. Не обманул нас и полковник Бизанц, на которого мы так полагались. Мы не ошиблись в нем.

СЕКРЕТНАЯ «ДОЛЖНОСТЬ»

24 июля 1973 года по поручению ЦК ВЛКСМ я участвовала в торжественном вручении переходящего Красного знамени областной организации комсомола Крыма.

С утра начался праздник в Симферополе. К десяти часам стройные колонны молодежи, растянувшись бесконечной лентой, направились к памятнику Ленину. Шествие открывали первый секретарь обкома ВЛКСМ И. П. Ступицкий и я — почетная комсомолка Крыма. Лучшие рабочие, бригадиры, победители социалистического соревнования вместе с членами обкома комсомола возлагали цветы к памятнику Ленину.

Вечером состоялось торжественное собрание. Пламенные речи молодых ораторов навели на меня воспоминания о тех годах, когда и я в совсем еще юном возрасте — четырнадцати лет от роду — здесь, в Крыму, состояла в подпольной комсомольской организации, а в пятнадцать лет была принята в подпольную большевистскую организацию.

Вот как это было.

...Шел август 1919 года. Шумно на вокзале Симферополя. Нарядные дамы под руку с белыми офицерами пришли посмотреть на русских «солдатиков», которые прибывают из далеких заморских стран. Тут же простые бабы с корзинами в руках торгуют семечками — непременно угощением южных городов. Медленно подходит к вокзалу состав теплушек. Двери открыты. Солдаты с любопытством рассматривают публику. Бойкие торговки и подростки бросились к поезду:

— Купите пирожки!

— Семечки!

— Да откуда у нас деньги? Везут нас из далеких стран, — сказал один из солдат.

— Ах, родимые, — жалостливо затараторили бабы, — да вы же наши, русские, намайлись, видать. Берите так, задаром. Угощайтесь...

— А ты, дяденька, не русский? — обратилась молодая девушка к одному из солдат. — Все одеты по-нашему, а ты в коротких штанах.

— Я прямо из Африки, а там очень жарко и все так ходят.

— А другие откуда?

— Из Франции, — охотно пояснил солдат.

— «Африканцы» и «французы» приехали! — задорно выкрикнула девушка и быстро исчезла в группе торговков.

Съев пирожки и высыпав семечки в карманы, солдаты обратили внимание на слова, написанные жирным шрифтом на бумажках, оставшихся в их руках: «Областной комитет партии большевиков».

«Товарищи солдаты! — было написано на них. — Вас посылают убивать ваших же братьев рабочих и крестьян России, которые борются за Советскую власть в рядах Красной Армии. Советская власть отняла у помещиков земли и отдала крестьянам, отняла у капиталистов фабрики, заводы, и теперь ими управляют рабочие. Товарищи солдаты! Переходите в ряды Красной Армии бороться за свою рабоче-крестьянскую власть!»

Грамотные солдаты на ходу читали неграмотным. Это были листовки большевиков, просто и понятно написанные.

В 1917 году солдаты русского экспедиционного корпуса, посланного царским правительством в 1916 году на помощь союзникам-французам, узнали, что царь в России свергнут, и потребовали отправить их на родину. Но французское правительство объявило солдат бунтовщиками и выслало в концентрационные лагеря в Алжир. Новости из России туда почти не доходили, и солдаты не подозревали, что их везут на родину, чтобы заставить воевать в рядах белой армии. Листовки большевиков разъясняли им все. Распространение листовок подпольщиками, принявшими вид торговков, было применено впервые, и никому из офицеров и белогвардейского железнодорожного начальства не пришло в голову подозревать в них большевиков.

Перед построившимися на площади солдатами выступил белый офицер с пышной речью, призывая прибывших к войне за «единую, неделимую Россию», за прежние «добрые» порядки, которые существовали столетиями. Ответом на призыв было молчание. Вторично раздались призывы. И вдруг из дальних рядов тихо, но внятно начал нарастать ропот. Он катился по рядам все ближе и ближе к оратору:

— Не пойдем! Не пойдем убивать своих братьев!

Офицеры растерялись.

Юнкера Алексеевского училища окружили солдат и погна-ли в казармы. Деникинцы присылали к солдатам своих агитаторов, клеветавших на Советскую власть, на больше-виков, но их речи не возымели действия.

А в казармах среди солдат началось брожение. Собира-лись пятерками, десятками, обсуждали, как захватить обрат-но отобранное оружие и поднять восстание. Об этом стало известно подпольному областному комитету большевиков, и там решили, что надо связаться с солдатами. Но как про-никнуть в хорошо охраняемые казармы? И вновь на помощь пришли женщины — члены подпольной организации желез-нодорожников Мария Черная, Надежда Бочарова и другие.

— Господин офицер, пропустите нас к солдатикам. Прач-ки мы, хотим им белье постирать.

— Проходите мимо!

— А нам грошей не надо. Солдатки мы. Наши мужья на фронте. Вот и сочувствуем.

— Говорю, не надоедайте!

— Солдатики обовшивели. А вошь — это болезнь. Господ-ин офицер, жалко нам их. Грошей нам не надо.

— Уж больно вы жалостливые. Уходите!

Но однажды женщины услышали в ответ: «Ладно, жди-те, сейчас вам вынесут белье».

Собрались женщины из подпольного Красного Креста, подпольщицы Железнодорожного района, девушки-комсо-молки и через несколько дней принесли первую партию хо-рошо выстиранного, починенного и отутюженного белья. Увидев старание женщин, дежурные по караулу подобрали, стали разрешать переброситься словом с теми, кто давал в стирку белье. Так через женщин и начала налаживаться связь с солдатами.

...Жаркий сентябрьский полдень 1919 года в Симферопо-ле. По улице идут два солдата. На углу стоит молодая де-вушка, автор этих строк. Легкий ветерок треплет косынку на ее голове. Солдаты остановились.

— Послушай, — обратился ко мне один из них. — А ведь я тебя видел у поезда с этими листками.

— С какими листками?

— Ну, с семечками. Подавились ими тогда наши офи-церы. До сих пор успокоиться не могут! А мы с трудом выр-вались из казармы, сказали, что идем к доктору. Может, еще новые листки есть?

— Нет у меня ничего. Ну, а если бы нашлись такие листки, то как я их вам передам? — в свою очередь спросила я.

— Действительно, вот задача! — огорченно вздохнул солдат. — Алексеевские юнкера покоя не дают, хотя некоторые женщины к нам приходят белье в стирку брать.

— Ну вот за бельем, может быть, и я как-нибудь приду.

— Заходи, только поскорее, а то случится так, что и в казармах нас не найдешь. Уходить мы собрались с товарищем в горы.

— Плохо в горах. Погибнете от голода, или изловят белые каратели.

— Неужели там никого нет?

— Почему нет? Есть зеленые дезертиры.

— А где они, не знаешь?

— Откуда мне знать! — А про себя подумала: нужно срочно сообщить о настроении солдат в казармах Николаю¹.

Так состоялась моя встреча с солдатами экспедиционного корпуса Иваном Валиковым и Матвеем Егеревым.

А вскоре члены подпольного обкома и горкома партии Антонина Федорова и Катя Григорович-Гордиенко наладили постоянную связь с казармами. Областной комитет партии в ноябре 1919 года направил в лес для организации партизанского отряда Ивана Валикова, получившего кличку Африканец, и Матвея Егерев, впоследствии известного в подполье под кличкой Мотя. Так женщины помогли обкому партии связаться с будущими организаторами одного из отрядов Крымской партизанской армии, базой действий которого стал район реки Альмы и потому получившего название Альминского.

В мае 1920 года в симферопольской подпольной организации произошли крупные провалы. Последовавшие аресты подпольщиков заставили областной комитет дать указание всем, кто был связан с оказавшимися в белогвардейских застенках товарищами, уйти из города в лес.

Однако организовать выезд из города оказалось трудным делом. Приходилось прибегать к различным ухищрениям. Так, например, нам стало известно, что члену подпольного горкома партии Асе Граковской грозит арест. И секретарь подпольного горкома Серова нашла способ вывезти ее из Симферополя вместе с малолетним сыном. Вот как произошел отъезд Аси.

¹ Николай (Бабаханян) — секретарь Крымского подпольного обкома партии. — К. К.

...По дороге на Ялту медленно тащилась мажара (крытая повозка), запряженная парой лошадей. В ней — больная женщина с перевязанным марлевой повязкой лицом и пятилетний ребенок с забинтованной ногой. Нещадно палит солнце, лошади еле движутся. Женщина и ребенок очень страдают от жары, но возница ни разу не услышал просьбы сделать остановку. Лишь к ночи добрались до Ялты. Там больная, измученная тяжелой дорогой пассажирка с трудом сошла с мажары и скрылась в лабиринте городских улиц.

Несколько слов хочется сказать о нашей бесстрашной подпольщице С. М. Серовой. К нам в Крым она прибыла в августе 1919 года из Николаева, когда деникинцы захватили этот город. Там она была оставлена для подпольной работы, но, поскольку в Николаеве многие ее хорошо знали, Софья Михайловна вынуждена была переехать в Крым. Несмотря на молодость (ей было в то время только двадцать лет), Серова сразу же показала себя умелым конспиратором. В самый трудный период подполья, когда по городу были расклеены призывы к населению выдавать большевиков за крупное вознаграждение, Софья Михайловна, обычно скромно одетая, в глубоком вдовьем трауре, спокойно появлялась всюду, где ее присутствие было необходимо. С этим обаятельным и чутким товарищем, смелым и решительным человеком мы, подпольщики, чувствовали себя как-то особенно уверенно.

В контрразведке уже имелись сведения и обо мне, были известны мои приметы и клички, хотя мое настоящее имя и место жительства ее агентам не удалось установить. Обком партии решил отправить меня в Советскую Россию, но подходящего случая не представлялось. Тогда решили, что мне нужно уйти хотя бы из Симферополя. Мне предложили присоединиться к какой-нибудь группе батраков, которых немало тогда ходило по деревням Крыма в поисках заработка, и с ними отправиться в путь. Помню, рано утром я пришла к постоялому двору, где обычно собирались батраки. Старое, заплатанное платье, на голове косынка, босяком — весь мой вид и украинский говор ничем не выдавали во мне городскую жительницу. Обратилась с просьбой к добрым людям взять меня с собой на заработки, так как здесь, в городе, невозможно найти работу. Кто-то из батраков сказал:

— Пойдем, горемычная дивчина, а там будет видно...

Уходившие на заработки приняли меня в свою среду, и с ними я миновала заставы белых, так как у батраков не про-

веряли документов. Их, этих темных, забитых людей, зарабатывавших себе на хлеб тяжелым поденным трудом у помещиков и кулаков, белогвардейцы не считали способными даже думать о борьбе за какие-то права. Мне удалось добраться до Ялты, и там я пришла на данную мне явку к Павлу Михайловичу Ословскому, руководителю местного большевистского подполья. Но здесь я узнала, что в Ялте тоже прошли аресты и мне надо немедленно покинуть город.

И вот снова по большой дороге, в группе батраков иду дальше, в Алушту. Оттуда, я знала, легче можно было переправиться в партизанскую армию, действовавшую в лесах Крыма. И действительно, вскоре я встретила Луку Емельяновича Гоя — начальника разведки 3-го Симферопольского партизанского полка. С его помощью я связалась с подпольщиками и включилась в работу алуштинской организации. Чтобы не вызывать подозрения белогвардейских властей, я нанялась батрачкой на виноградники к одному толстовцу.

В тот период, летом 1920 года, мне часто доводилось встречаться с Лукой Гоем. Под предлогом покупки постолов (род лаптей из сыромятной кожи) он приходил в Алушту и от местных подпольщиков получал сведения об обстановке в городах крымского побережья. Как-то я привела Гоя к себе на виноградник. Было на винограднике несколько батраков, которые хотели уйти к партизанам, так как им грозила мобилизация во врангелевскую армию. Лука Емельянович решил побеседовать с ними. Познакомился он и с хозяином виноградника. Мне пришлось выдать Гоя за двоюродного брата, будто бы чернорабочего из Козьмо-Демьяновского монастыря, находившегося в горах недалеко от Алушты. Тем самым хозяин получил «объяснения» моим отлучкам в леса и горы, куда на самом деле я ходила к партизанам.

Много мне пришлось в то лето заниматься отправкой партизанам в лес оружия, документов, передавать сведения о дислокации вражеских частей. Удачные операции партизан, деятельность подпольных организаций в городах Крыма вынуждали врангелевцев снимать с фронта целые полки и направлять их на прочесывание лесов. Местные крестьяне помогали повстанческо-партизанской армии, сообщали о готовящихся налетах белых, и партизанское командование вовремя принимало необходимые меры для отпора врагу. В донесениях командиров карательных частей нередко говорилось, что их отряды опасаются углубляться в леса, так как там «каждый куст стреляет».

Однако с активизацией боевых действий партийная организация все больше и больше нуждалась в средствах и вооружении. В июне в Советскую Россию был послан представитель обкома для информации и с просьбой об оказании помощи.

В августе 1920 года Крымский подпольный областной комитет большевиков созвал областную конференцию в лесу, в расположении повстанческой армии. Эта «лесная», как ее впоследствии назвали историки, конференция обсудила вопросы о подготовке органов Советской власти и о защите населения от грабежей белогвардейцев в момент их бегства из Крыма. Конференция приняла решения о работе среди крестьян. В обкоме обсуждался вопрос об организации десанта в помощь наступающей Красной Армии. С целью согласования этих вопросов с центром было решено послать в Советскую Россию секретаря обкома Бабаханяна. Вместе с ним должны были выехать три товарища, которых усиленно разыскивала контрразведка. Благодаря знанию турецкого языка Бабаханяну удалось договориться с турками — торговцами фруктами о переправке на их судах на советский берег. Секретарь обкома дал торговцам гарантию, что их не задержат на советском берегу и окажут содействие в возвращении в Турцию.

23 августа 1920 года командующий повстанческой армией секретарь подпольного областного комитета партии Бабаханян объявил следующий прощальный приказ по армии:

«Уходя с работы по непосредственному руководству повстанцами Крыма, я считаю нужным принести сердечную благодарность своим braveм соратникам и сподвижникам по работе, которая протекала в тяжелой обстановке боев, переходов, недоеданий, недосыпаний... Несмотря на все невероятные трудности и чрезвычайные препятствия, мы вышли с честью из положения; в результате имеются организованные и дисциплинированные повстанческие части... Еще раз братское спасибо всем моим боевым друзьям и товарищам!»

Бабаханян передал командование повстанческой армией А. В. Мокроусову. Он прибыл в составе десанта, посланного из Советской России в помощь партизанам и насчитывавшего одиннадцать человек. Возглавляли его А. В. Мокроусов и И. Д. Папанин. Они привезли с собой оружие и деньги. Вместе с ними вернулся и представитель обкома, который связал их со штабом партизанской армии.

На августовской партийной конференции заместителем секретаря обкома был избран Павел Михайлович Ословский, работавший в подполье под кличкой Антон. Уезжая, Бабаханян должен был передать ему печать и документы обкома. Однако Ословский в тот момент находился в Ялте и не смог немедленно прибыть. Поэтому печать была передана секретарю Симферопольского комитета партии Софье Михайловне Серовой (подпольная кличка Слава). Серова выехала в Ялту, но Ословского там уже не застала. Не имея возможности вернуться в Алушту, Серова вызвала в Ялту меня как связную обкома.

Наша встреча состоялась на набережной. Город был залит ярким солнцем, но море беспокойно. В скверик на набережной вошла изящная молодая женщина в черном английском костюме, большая черная вуаль закрывала не только ее лицо, но и плечи. Это была Слава. Хотелось броситься к ней и обнять ее, но... на это могли обратить внимание агенты контрразведки. Слава спокойно села рядом со мной на скамейку, и постороннему наблюдателю могло показаться, что это встретились старые знакомые, совсем недавно видевшиеся друг с другом. Но наше спокойствие было только внешним. На самом деле наша встреча была настолько радостной, что мы обе на какое-то время забыли обо всех тревогах и ужасах, которые пришлось пережить в последние месяцы.

— Милая наша девочка, мы так о тебе беспокоились, — наконец заговорила Серова. — У меня к тебе очень важное задание. Нужно передать печать Антону в Алушту. Но прежде всего пойдем обедать.

Мы направились к ресторану тут же на набережной. Однако изнутри слышалась музыка, и офицеры пьяными голосами орали слова песни: «Марш вперед, белые гусары!» Пришлось пойти в кафе. Здесь было тихо и малоллюдно. Заняв столик поудобнее и заказав кофе с булками, начали обсуждать, как мне безопаснее добраться до Алушты. Лучше всего, конечно, было бы ехать на катере, так как на шоссе кроме угрозы встречи с заградительными отрядами белых еще и грабят уголовники. Пешком одной идти нельзя ни в коем случае. Решили подождать следующего дня.

Кафе начало наполняться военными и хорошо одетыми штатскими. Рядом с нами заняли столик офицеры-кутеповцы с нашивками в виде черепа и скрещенных костей на рукавах. Это были подручные генерала Кутепова, снискавшего зловещую славу своими дикими расправами над мирным на-

селением, жестокими пытками арестованных. Дольше оставаться становилось опасно, и, расплатившись, мы вышли из кафе и сразу же расстались.

На другой день, сменив городской костюм на поношенную одежду батрачки и хорошенько спрятав печать на себе, я отправилась на рынок искать попутную подводку до Алушты. Выбрала хозяина постарше и попроще и попросила подвезти до плантации, где я работаю. Мы сразу столковались. Наконец дед продал весь свой нехитрый товар, набрал достаточное количество пассажиров, и повозка со скрипом и грохотом покатила по мостовым Ялты в сторону к Алуште.

— Дид, а бандитов не боишься? — крикнул кто-то вслед.

— До ночи доберемся, — бодро ответил возница.

Старик посадил меня рядом с собой. Благополучно обогнули мы Медведь-гору, вот уже Костель-гора с ее крутыми поворотами, как вдруг из придорожных кустов показались с десяток дюжих парней. Один остановил лошадь, остальные окружили телегу.

— А ну, слезайте. Торговали на базаре, давайте деньги! Бандиты перерыли убогий багаж злополучных путников и, не найдя ничего ценного, стали допрашивать, куда и за чем едут.

— А ты чья, дивчина?

— Как чья? Божья! — ответила я.

— Живешь где?

— На плантациях, у Алексея Павловича.

— А кто такой Алексей Павлович?

— Да как же вы его не знаете? Весь Крым его знает!

— Кто же он?

— Толстовец. Это значит, что он злу не сопротивляется, а потому и на войну не идет ни с белыми, ни с красными.

— Как же он злу не сопротивляется? А если его будут бить, то он будет терпеть? Или скот будет топтать его урожай?

Вопрос этот заинтересовал всех, разговор стал общим.

Вдруг послышался конский топот, и бандиты со словами: «Езжайте, голодранцы! Помните, что никого не видали!» — скрылись в лесу.

Повозку нагнали конные стражники, но они так старательно нахлестывали лошадей, что не обратили никакого внимания на деда и его пассажиров. Пассажиры, решив, что я родственница деда, хвалили меня за находчивость.

Вечерело, становилось холодно, все продрогли. Наконец и Алушта. Я спрыгнула с возка, поблагодарила деда и побе-

жала в гору к Павлу Михайловичу. «Путешествие» окончилось благополучно.

Как связной мне часто приходилось проделывать путь между Алуштой и Ялтой, Ялтой и Севастополем, Алуштой и Симферополем, бывать у партизан в лесу. Иногда на утлом катере с чемоданом, в котором листовки, другой раз пешком с инструкциями обкома партии на тонкой папиросной бумаге.

Наступила осень 1920 года, самый тяжелый и напряженный период подполья. Белогвардейцы, понимая свой близкий конец, арестовывали и без суда и следствия расстреливали подпольщиков. Часто погибали люди, никак не связанные с подпольем,— контрразведка хватала их лишь по малейшему подозрению в сочувствии большевикам. В лесу было тоже тяжело. В последние месяцы врангелевщины погибло много партизан, в том числе начальник штаба повстанческой армии Васильев, Лука Емельянович Гой, Васильченко и многие другие.

Центром работы обкома стала Алушта,— в этом небольшом городке было меньше белогвардейцев. Став руководителем партийного подполья в Крыму, неутомимый организатор и опытный конспиратор Павел Михайлович Ословский жил в Алуште. С ним работала кооптированная в обком партии Софья Михайловна Серова, и по-прежнему разведчиком и связной была я, принятая к этому времени в члены партии.

Ословский запретил мне при выполнении заданий ездить и ходить по шоссеиным дорогам, где было много белогвардейцев, которые расстреливали на месте каждого, кого подозревали в связях с партизанами. Большею частью теперь приходилось пользоваться морским транспортом. Иногда во время затяжных штормов нужно было выжидать по нескольку дней, пока пойдет катер, чтобы отвезти партию оружия или боеприпасов. Случалось, что катер, выйдя в море, обогнув Аю-Даг, попадал в шквал. Палубу заливало, пассажиры страдали от морской болезни. Но именно при такой погоде было больше шансов успешно выполнить задание.

Подчас приходилось нарушать запрет Ословского, и я отправлялась передавать донесение по тропкам побережья, хорошо мне известным. Проходя мимо высоких стен Артековской дачи, не раз думала, что настанет такое время, ко-

гда красоты этого берега будут доступны для всего народа, когда не будет хозяина-помещика, которому сейчас одному принадлежит этот замечательный уголок природы. В Гурзуфе я глядела на ярко освещенные окна в доме художника Константина Коровина, и порой мне хотелось войти в этот дом или хотя бы постоять на его пороге, помечтать о тех днях, когда искусство будет радовать и вдохновлять всех людей. Но пока действительность каждый раз возвращала меня к мысли о грозящих нам опасностях, к горьким думам о погибших товарищах.

Трагически погибла семья Амельченко — бывшего комиссара при Советской власти имения в Суук-Су, близ Гурзуфа.

Нельзя забыть совсем юную Ольгу Череватенко из Ялты, которая бесстрашно ходила в лес к партизанам, доставляла туда оружие, продовольствие. Жестокими пытками контрразведчики не добились от нее никаких признаний, никаких сведений о товарищах. Истязания, глумления довели Ольгу до сумасшествия, но в своем безумии она замкнулась в себе. Когда судьи обращались к ней с вопросами, она странно смеялась, не отвечая им. Перед расстрелом палачи продолжали глумиться над безумной и беззащитной девушкой.

Так гибли наши товарищи. Но Красная Армия уже была близко, на подступах к Перекопу. Приказ командующего Южным фронтом Фрунзе гласил: «По крымским перешейкам ворваться в Крым и энергичным наступлением овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции».

Наконец наступило 11 ноября, когда отчетливо послышались орудийные залпы со стороны Перекопа. Бегущие в панике солдаты и офицеры врангелевских частей заполнили приморские города Крыма. Полки повстанческой армии выступили из леса и ударили в тыл бегущему противнику.

В Алуште Ословский, Серова и я с отрядом партизан приняли участие в захвате почты и телеграфа. Не успевшие бежать, испуганные телеграфисты по нашему приказанию передали в Москву и Симферополь сообщения об установлении в Алуште Советской власти. Была создана дружина во главе с подпольщиками для охраны порядка в городе. После этого мы на линейках выехали в Ялту, чтобы помочь там в установлении Советской власти и, если удастся, воспрепятствовать увозу из города ценностей.

В Ялте местные подпольщики уже организовали Военно-революционный комитет, но ввиду своей немногочисленно-

сти не могли вступить в открытый бой с белогвардейцами. Когда мы прибыли в Ялту, эвакуация врангелевцев там заканчивалась. Часть их, не успев погрузиться на пароходы, ушла в леса и горы. Павел Михайлович Ословский был назначен председателем Ялтинского военно-революционного комитета.

После установления Советской власти в Крыму С. М. Серова стала работать заведующей женотделом Ялтинского уездного комитета партии. Под ее руководством создавались детские сады, ясли, детские дома для беспризорных. Одновременно она вела большую политическую и культурно-просветительную работу среди женщин.

Напряженно работали органы Советской власти, прилагая все усилия, чтобы жизнь в городе поскорее вошла в нормальное русло.

Однако в горах скрывалось еще немало белобандитов, совершавших налеты на города и селения, грабивших и убивавших мирных жителей. Да и в городах Крыма было много недобитых белогвардейцев, уголовных преступников.

Меня назначили заместителем начальника 1-го погранично-разведывательного пункта Южного берега Крыма. Работников на пункте было мало, и поэтому каждому из нас приходилось выполнять множество самых различных обязанностей. Мой рабочий день обычно начинался с приема населения. Как местной крымской жительнице, хорошо знавшей многих белогвардейцев, мне было доверено выдавать пропуска на въезд и выезд из города. Трудная это была работа. Постоянно ловила себя на мысли, что могу ошибиться, упустить какого-либо врага. А его не всегда легко было узнать...

Особенно трудным участком был район Алупка — Симеиз. Здесь бандиты орудовали особенно нагло, грабили и увозили в горы продовольствие, различные ценности. На этом участке работала отважная девушка Мария Репинская. Однажды, когда бандитам удалось угнать в горы два обоза с продовольствием, сотрудники ЧК решили направить к ним делегацию с предложением сдать оружие и вернуться к мирной жизни, обещая амнистию. Однако бандиты зарубили делегатов. Останки погибших чекистов Кравченко, Некрасова, Комарова были перенесены в Алупкинский парк и захоронены. В парке им установлен памятник.

Огромное напряжение в работе испытывали все мы, сотрудники Ялтинской уездной ЧК,— ее начальник Чернобровый, оперативные работники Петрухин, Печалин, Чурилин

и я. Мы не знали ни сна, ни отдыха. Нередко приходилось спать по одному-два часа в сутки. Плохо было с питанием. Чем мы тогда питались? Супами из воблы, хамсы и знаменитой крупы «шрапнель».

Большие трудности представляло для нас составление описей драгоценностей, которые реквизировались во дворцах и особняках прежней знати. Чекисты, конечно, знали, что это драгоценные камни и золото, но не могли определить название и стоимость их, а следовательно, и как составить опись никто понятия не имел. В ЧК я была единственной дежурной, и почему-то считалось, что я обязательно должна знать названия камней. Тщательно описывали оперативные работники каждую мелочь, а затем складывали в мой сейф, и у двери моей комнаты постоянно дежурил часовой. В сопровождении охраны я отвозила эти ценности в бывший дворец эмира бухарского, где было устроено их хранилище.

Вскоре, учитывая мой возраст (мне тогда исполнилось лишь шестнадцать), уездный комитет партии направил меня на работу в комсомол. Секретарем уездного комитета комсомола стала приехавшая из Симферополя освобожденная из тюрьмы Наля Максимова, руководитель комсомольской подпольной группы в Ялте. Меня избрали в состав Ялтинского уездного комитета комсомола и поручили заведовать политико-просветительным отделом. Ревком выделил под рабочий клуб одну из лучших гостиниц города — «Джалита». В клубе мы проводили молодежные вечера, устраивали лекции, читки газет. Помню, на втором этаже стояла мебель, обитая белым атласом. Всем нам было как-то непривычно сидеть на ней, и комсомольцы попросили коменданта убрать ее, а взамен поставить обычные скамьи, чтобы не чувствовать себя стесненными этим «буржуйским» уютом.

...Прошло много лет с той героической поры. На многих постах мне довелось работать все эти годы. Но не раз случалось, что в жизни переплетались пути-дороги тех, с кем вместе прошла суровую школу борьбы в крымском подполье, кто работал в Крыму в первые трудные мирные годы.

Расскажу о встрече с Павлом Михайловичем Ословским.

В 30-х годах я была помощником начальника разведывательного отдела штаба военно-морских сил Дальнего Востока.

Как-то ко мне в кабинет зашел руководитель треста Дальрыба, небольшого роста пожилой человек. Я еще не успела его как следует разглядеть, как услышала хорошо знакомый голос:

— Что я вижу? Да ведь это наша Надежда! (Так меня называл Ословский в самые жестокие дни крымского подполья.)

Горячо обнявшись, мы долго беседовали, вспоминая события прошлого...

В настоящее время мы, бывшие подпольщики и партизаны Крыма, объединены в крымскую секцию Историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма. Вот уже много лет я являюсь председателем бюро этой секции, и мне особенно содействует в этой работе Иван Дмитриевич Папанин, ставший знаменитым поларником, дважды Героем Советского Союза. Он сохранил в себе все ту же молодую энергию и задор, все те же глубокие товарищеские чувства. Хорошо чувствовать локоть такого друга и как-то легче работать и жить. Он был начальником Главсевморпути, почти двадцать лет возглавлял Институт биологии внутренних вод Академии наук СССР, а сейчас является начальником отдела океанских и морских экспедиционных работ президиума Академии наук СССР, председателем московского филиала Географического общества СССР. И несмотря на большую загруженность, несмотря на свои восемьдесят лет, Иван Дмитриевич активно откликается на вопросы работы нашей секции, проявляет горячую заинтересованность в правдивом освещении исторических событий и в оказании помощи товарищам.

Софью Михайловну Серову я встретила после Отечественной войны. Долго мы беседовали у нее в квартире на Усачевке, вспоминали вместе пережитое, тех, кого уже нет среди нас. Постарела Серова, а глаза все такие же живые, только грусти прибавилось в них. Работала она тогда в Министерстве социального обеспечения заведующей отделом помощи семьям погибших в Великую Отечественную войну.

Через всю жизнь пронесли большевики глубокую и непоколебимую веру в осуществление великих идей ленинизма и в настоящее время активно участвуют в работе по коммунистическому воспитанию молодого поколения.

ШАПКИ ДОЛОЙ!

С какого же дня начать мне рассказ? Начнем его с 3 марта двадцать первого года.

Помню, мы накануне допоздна просидели над книгой Артура Арну о Парижской коммуне, готовясь к предстоящему занятию: исполнялось пятьдесят лет со дня провозглашения Коммуны, и Иван Иванович Скворцов-Степанов проводил в Коммунистическом университете имени Свердлова, в лекторской группе которого я тогда училась, несколько семинаров по истории Коммуны, ибо мы должны были выступать с докладами в дни торжественного празднования.

Хлеба утром нам не выдали, и мы отправились на семинар, попив пустого кипяточку. И вот, когда Иван Иванович говорил, в коридоре послышался шумный топот, дверь аудитории распахнулась и вбежал кто-то из наших студентов, размахивая газетой и крича: «Товарищи! Правительственное сообщение! В Кронштадте мятеж!»

Занятия семинара были, конечно, прерваны. По рукам пошел вырванный из тетради листок, на котором записывались добровольцы, желавшие ехать под Кронштадт. Появился секретарь партийной ячейки университета. Ему уже звонил секретарь райкома партии и сказал, что первая партия добровольцев отправляется через два часа. Мужчин брать всех, а женщин — только тех, кто может быть сестрами или санитарками.

Как ни коротко было отпущенное на сборы время, но сами сборы оказались еще короче.

Закинув за спины тощие вещевые мешки, мы шагали через всю Москву...

В неотапливаемых вагонах уходящего из Москвы в Петроград товарно-пассажирского поезда было темно, из щелей дуло, и холод пронизывал нас до костей. Прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться, мы то дремали, то просыпались, вздрагивая от холода и отчаянных толчков.

Не раз нам пришлось выходить из вагонов и, вооружившись лопатами, расчищать путь.

В Питере на вокзале наш эшелон встречали Михаил Иванович Калинин и член Реввоенсовета Иван Иванович Межлаук, он же был членом штаба обороны Петрограда. Здесь мы и узнали некоторые подробности того, что произошло в Кронштадте.

Первым говорил Калинин. Видно было, что он совершенно измучен. К тому же у него были сломаны очки, и дужки замотаны суровой ниткой.

Дело началось задолго до самих событий. Еще тогда, когда в Кронштадте было спокойно, в парижской буржуазной газете «Утро» появилась телеграмма от «собственных корреспондентов из Гельсингфорса», в которой описывалось восстание в Кронштадте против Советской власти. Было похоже, что заговорщики — эсеры и меньшевики — попросту выболтали планы мятежа. Они были уверены в успехе своего заговора и добивались увеличения субсидий и более активной помощи со стороны заграничной буржуазии и бело-гвардейцев.

События в Кронштадте начались двухдневным митингом на линкоре «Петропавловск», к которому присоединилась и команда стоявшего рядом на рейде линкора «Севастополь». Приняв враждебную Советской власти резолюцию, участники митинга собирались поставить ее на голосование на общегородском собрании матросов, рабочих и красноармейцев на следующий день, 1 марта. Чтобы не допустить этого, Михаил Иванович Калинин решил немедленно отправиться в Кронштадт. Добираться туда было долго и трудно. Большую часть пути прошли пешком по льду.

М. И. Калинина и Н. Н. Кузьмина, комиссара Балтфлота, встретили доброжелательно — здоровались, расступались, освобождая проход к трибуне. А когда они поднялись на трибуну, им устроили овацию, оркестр исполнил «Интернационал». Открыл митинг председатель Кронштадтского Совета старый матрос И. Васильев. Он предоставил слово Калинин, который говорил о трудном положении в стране и о том новом, что намерена в ближайшее же время провести Советская власть. Объяснил, что «волынками» и беспорядками трудности не преодолеешь, а только усугубишь. Говорить ему было нелегко, ветер относил слова, но люди слушали его внимательно.

Вдруг в толпе прошло какое-то, едва приметное, словно подводное движение. Люди, окружавшие трибуну, были от-

теснены, и на их месте уже стояли другие, в большинстве своем те, кого тогда называли «жоржиками» и «иванморамми». Кто-то крикнул Калинину: «Хватит басни разводить, ты хлеба давай!» Михаил Иванович посмотрел на горлопана и сказал: «Это говорит не рабочий и не матрос!» — и продолжал речь. А толпа уже зашумела и пришла в движение.

После Калинина выступил Кузьмин. Его все время перебывали выкриками, а когда он кончил говорить, то судовой писарь с «Петропавловска» Петриченко закричал:

— Братишки! К нам прибыли делегаты петроградских рабочих!

Оратор, назвавший себя представителем петроградских рабочих, сообщил, что Петроград охвачен всеобщим восстанием, восставшие заняли почти весь город, и в то же время он заверял, что они не против Советской власти. Они за Советы, но только «свободные», без коммунистов.

Теперь Петриченко решил, что настало время внести резолюцию, принятую на «Петропавловске». Резолюцию проголосовали не руками — глотками... Калинин еще раз потребовал слова и сказал, что сегодня кронштадтцы хоронят свое славное прошлое. «Ваши сыновья и дочери, — говорил он, — будут проклинять вас за сегодняшний день, за эту минуту, когда вы предаете рабочий класс!»

Его слушали теперь плохо, а Кузьмина и председателя Кронштадтского Совета Васильева слушать и вовсе не захотели. Поднялся шум, толпа сорвалась с места и куда-то ринулась.

М. И. Калинин вместе с товарищами обсудил создавшееся положение. Решили, что Михаил Иванович должен уехать в Питер, а Кузьмин и Васильев остаются в Кронштадте. При выезде из Кронштадта Калинин был задержан у петроградских ворот караулом мятежников. Михаил Иванович спросил у матросов, дежуривших у заставы, неужели они не видят, как торчат из-за их спин черные уши меньшевиков, эсеров, царских генералов? Матросы хмурились и отвечали: «Извините, у нас теперь начальство новое».

2 марта вечером Кузьмин, Васильев и другие коммунисты были арестованы мятежниками.

4 марта Петроградский Совет обратился с письмом «К обманутым кронштадтцам». В нем он предупреждал рядовых участников мятежа об опасности, которая ждет их, если они немедленно не порвут со своими главарями:

«Все эти генералы Козловские и Бурксеры, все эти негодяи Петриченки и Турины в последнюю минуту, конечно,

убегут в Финляндию. А вы, обманутые моряки и красноармейцы, куда денетесь?»

5 марта мятежному Кронштадту был предъявлен ультиматум от командования Красной Армии. Его подписали С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский и П. П. Лебедев: в двадцать четыре часа сдать советским властям, сложить оружие и выдать зачинщиков. Одновременно было сообщено, что это предупреждение последнее и что отдан приказ войскам Красной Армии подготовить все для разгрома мятежа вооруженной силой.

Выполнение данного приказа было возложено на вновь назначенного командующего 7-й армией Михаила Николаевича Тухачевского.

В эту ночь самолеты Красной Армии разбросали листовки с ультиматумом над фортами и Кронштадтом. Но мятежники не дали ответа на ультиматум. Он был продлен еще на двадцать четыре часа, до конца дня 7 марта, — ответа не было.

Но вернусь к делам нашего отряда. Из Петрограда нас направили в Ораниенбаум. Здесь мужчин из нашего отряда немедленно распределили по воинским частям, а девушкам — Асе Клебановой, Леле Лемковой и мне — велели идти на станцию Ораниенбаум, где формировался полевой летучий госпиталь.

В помещении госпиталя было темно, горели свечи. Выяснилось, что медикаментов и перевязочного материала почти нет, зато есть довольно много рваного, но чистого больничного белья. Нам предложили найти себе место и сесть щипать корпию. Мы принялись за дело и, занимаясь этой работой, наострив глаза и уши, старались не упустить ничего из происходящего вокруг.

Стрелки висящих на стене часов-ходиков все ближе и ближе подползают к полуночи, скоро начнется 8 марта, когда истечет второй срок ультиматума.

И тут мы услышали протяжный звук снаряда. Потом еще... Это орудия, установленные на ораниенбаумских холмах, открыли огонь по Кронштадту. Телефонный звонок. Приказ командования: врачам и санитарам-мужчинам с санитарным имуществом прибыть в штаб. Женщин не брать. Женщинам подготовить госпиталь к приему раненых. Мы возмущены. Особенно негодует Леля Лемкова. Как?! Подобное отношение к женщинам на четвертом году революции и к тому же в самый канун 8 Марта?! Но работы было много: и вымыть полы, и постелить на столах и лавках постели, и подготовить операционный инструмент.

Наша артиллерия продолжает обстрел Кронштадта. Ей начала отвечать артиллерия мятежников. Неподдалеку от станции Ораниенбаум разорвалось несколько снарядов.

В эту ночь наше командование сделало первую попытку овладеть Кронштадтом. В бой были посланы небольшие отряды красноармейцев и курсанты военных школ. Пользуясь туманом и метелью, они подошли по льду к самым стенам Кронштадта и здесь были обнаружены противником, который открыл по нашим отрядам интенсивный огонь из всех видов оружия. Но, несмотря на трудности, курсантский отряд коммуниста В. Громова ворвался в город. Вдруг перед курсантами выросла фигура человека в матросской робе. Это был член «Временного революционного комитета» мятежников Вершинин.

Размахивая руками, Вершинин закричал:

— Стой! Стой! Товарищи! Братцы! Вы рабочие — мы рабочие, вы крестьяне — мы крестьяне. Так чего ж нам бить друг друга? Не лучше ль бить жидов и коммунистов?

Курсанты набросились на провокатора, обезоружили его и взяли в плен. Он отчаянно матерился, пробовал вырваться и бежать, но был благополучно доставлен в Ораниенбаум. Первая попытка овладеть Кронштадтом оказалась неудачной. Победа требовала хорошей подготовки, иных сил и средств.

В те часы, когда происходили описываемые события, мы сидели в отведенном нам помещении и занимались своим делом.

Вдруг распахнулась дверь в нашу комнату и перед нами предстал военный человек. Потом мы узнали, что это был сам командарм М. Н. Тухачевский. Он быстрой походкой подошел к нам и спросил:

— Кто такие? Чем занимаетесь?

Мы объяснили, кто мы и откуда.

Лицо Тухачевского сразу потемнело, и мы услышали его слова, обращенные к начальнику нашего госпиталя:

— Почему вы посадили на эту работу людей, годных для политической работы в войсках?

И тут же приказал откомандировать нас в распоряжение штаба и политотдела Южной группы войск, а на щипание корпии мобилизовать женщин из местного населения.

К штабу Тухачевский шагал так быстро, что мы еле поспевали за ним. Придя в штаб, он спросил, хотим ли мы есть.

— Конечно, хотим. Но еще больше хотим помыться.

— Устройте все для товарищей женщин,— сказал Тухачевский какому-то командиру.

Часа через два нас позвали на совещание командиров и политических работников штаба Южной группы войск, на котором выступили М. Н. Тухачевский, А. И. Седякин¹ и И. И. Лепсе².

Командующий сказал, что брать крепость, а тем более крепость первоклассную,— дело нелегкое. Неудавшаяся атака показала, что овладеть Кронштадтом с налета нам не удастся. Нужно найти новые формы тактического использования частей на льду, отличные от тех, которые применяются на суше. Но нас подпирает время года — ранняя весна. От захваченного курсантами этой ночью в плен члена мятежного кронштадтского «ревкома» Вершинина мы узнали, что главари мятежников решили придерживаться оборонительной тактики, рассчитывая на то, что, пока мы подготовим штурм, лед тронется и мы не сможем наступать. Дорога каждая минута... Наступает весна, вот-вот начнется оттепель, и может тронуться лед. Тогда на рейд мятежного Кронштадта придут суда империалистических держав, которые стоят в фиордах Балтийского моря, и Кронштадт превратится в очаг гражданской войны и интервенции.

— Мы посылаем вас в воинские части в качестве санитарок,— говорил, напутствуя нас, начальник политотдела Ораниенбаумской группы войск товарищ Лепсе.— И во время боя вы будете санитарками. А пока побольше разговаривайте с красноармейцами, постарайтесь получше понять их душу, помогите им во всем разобраться.

Часть, куда я получила назначение, недавно создана из нескольких различных отрядов. Командир ее — Михаил Степанович Горячев. Разместилась она, как и все новоприбывшие в Ораниенбаум воинские части, в большой старой даче и в избах местных жителей.

Идти в новую воинскую часть девушке всегда страшно. До сих пор мне везло: куда бы я ни попадала, обязательно находился пожилой солдат, который брал меня под свою опеку. Нашелся такой и здесь. Звали его Флегонтыч. Он воевал еще в японскую войну. Спать он устроил меня в кладовушке, а для себя соорудил в коридорчике перед кладовушкой лежак. Тут же мы оборудовали медпункт, который Флегонтыч по-старому называл «околодком». Я выда-

¹ Командующий Южной группой войск.— *Ред.*

² Член Реввоенсовета 7-й армии.— *Ред.*

вала имевшиеся у меня лекарства — хину, касторку и бром, мазала кого йодом, кого вазелином и всячески старалась, что называется, «вести политическую агитацию».

Все последующие события уложились в десять дней и десять ночей. Из них девять суток подготовки и одни сутки штурма...

Перед командным составом и политическими работниками была поставлена задача: в самые сжатые сроки превратить все подразделения в боевые части, способные к действиям на льду в любую погоду.

В штабе группы войск были озабочены прогнозами погоды. Даже запросили знаменитого фенолога Кайгородова. Увы, его приметы тоже предвещали, что весна будет ранней.

Медлить с наступлением было нельзя!

Каждую ночь, а в туман и днем бойцов выводили на прибрежный лед. Сначала проводили обычные строевые занятия. Остальное время посвящалось упражнениям по преодолению разных препятствий на льду. Учились пользоваться длинными деревянными лестницами-мостками для перехода через рыхлый снег и полыньи.

Большое внимание при подготовке штурма уделялось политической работе в частях Красной Армии. Ночью к нашему расположению подкрадывались кронштадтские лазутчики и разбрасывали листовки или свою газету «Известия временного Кронштадтского ревкома».

Некоторые подработники полагали, что эти подметные листки надо молча уничтожать. Но вышестоящее начальство правильно рассудило — действовать в открытую. Листки все равно проникнут к красноармейцам. Поэтому, как только они будут появляться, подработники должны сами читать красноармейцам листки, тут же полемизировать с их авторами и разъяснять всю лживость их утверждений.

...12 марта. Дождь и туман. Красноармейцы принимают к ветру и определяют, что это вешняк, то есть теплый южный ветер, приносящий весну.

В первые же дни подготовки штурма, когда с нашей стороны начали выходить на лед разведывательные партии, они заметили людей, пробиравшихся по льду из Кронштадта в Финляндию и из Финляндии в Кронштадт.

Перебежчики из Кронштадта рассказывали, что туда чуть ли не каждый день прибывают какие-то неизвестные в иностранной форме. Некоторые не скрывают, что они — белые офицеры, находившиеся в Финляндии. Белогвардейцы, активизировавшиеся в Кронштадте с самого начала мятежа,

теперь действуют совершенно открыто. На одном из заседаний «ревкома» генерал Козловский, отстранив председательствовавшего ревкомовца, громко сказал: «Ваше время прошло. Я сам сделаю, что нужно».

В зарубежной печати промелькнули сообщения, что иностранные военные суда, которые ждут очистки Финского залива ото льда, доставят в Кронштадт десантные войска, оружие и продовольствие. Они стоят в фиордах Балтийского моря и уже готовятся разводиться пары.

Фактор времени приобрел властную силу. На одной из летучек кто-то вспомнил, как Ленин в период подготовки октябрьского штурма сказал: «Промедление смерти подобно».

И сейчас в каждом докладе, в каждом выступлении звучали эти слова: «Промедление смерти подобно!»

День и ночь, порой под артиллерийским огнем, по железной дороге, по шоссе и проселкам к Ораниенбауму двигались войска и транспорты с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Из людей, которые прибыли тогда в Ораниенбаум, мне особенно запомнились рабочие Петроградского завода, доставившие прожекторы и электроосветительные установки. Заказ на них был дан заводу уже после начала мятежа, и, чтобы выполнить его в срок, рабочие трудились без отдыха и сна...

Встречал их командующий Южной группой Седякин. Потом рабочие выступали в воинских частях, рассказывали, как живет Петроград и как работают заводы.

Мы получали постановления общих и делегатских собраний рабочих и работниц (полиграфического производства, табачной фабрики «Ява» и других) с требованием скорее подавить контрреволюционный мятеж в Кронштадте, прекратить волнения в Питере.

Выступления рабочих глубоко волновали бойцов...

Вскоре произошло новое, совершенно особенное событие, которое еще больше утвердило в частях уверенность в победе: на Кронштадтский фронт прибыли делегаты X съезда партии.

Они шли шумной гурьбой по улицам Ораниенбаума, шли посередине мостовой рядом с большим санным обозом. Накатанная снежная дорога блестела. Делегаты были одеты кто во что: кто в шинель, а кто в теплое пальто. У одних за плечами горбились солдатские вещевые мешки, другие держали под мышкой портфели. Не с бумагами, конечно, а со сменой белья и пачками махорки.

Среди них были члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и члены губкомов партии, военные комиссары дивизий и командиры бригад, начальники политических отделов армий и редакторы газет.

Они прибыли со всех концов страны — с Урала и Кавказа, из Крыма и Украины, Белоруссии и Поволжья.

Многие несли тучки с листовками, отпечатанными в Петрограде.

Делегаты партийного съезда обратились к мятежным кронштадтцам с призывом прекратить сопротивление, а к бойцам Красной Армии — разгромить мятежников.

«Что будет, если черное дело, на которое вас толкнули, одержит верх?» — спрашивали они в своем письме.

И отвечали:

«Десять шкур спустят прежние хозяева с рабочих и крестьян, если вернуться... И тогда, очнувшись, протрезвев, вы поймете, что вы были орудием врагов народа, а дети ваши и те из вас, кто останется жив, будут с проклятием вспоминать про кронштадтцев, убивших рабоче-крестьянскую республику, и тогда в истории будет написано:

«Первого марта 1921 года одураченные кронштадтцы, пойдя к возможности строить новую жизнь, вместо этого пошли против Советской власти и тем самым проложили дорогу белогвардейцам».

Но этого не будет! Вы должны одуматься!»

Увы, мятежники не одумались и на этот раз...

Делегаты X съезда пробывли в штабе недолго. Еще до прибытия на фронт они приняли решение, что под Кронштадтом будут сражаться в качестве рядовых бойцов. И сейчас потребовали, чтобы их немедленно отправили в воинские части.

Весь этот вечер в красноармейских частях прошел в беседах. Собраний не устраивали, а делегаты съезда просто ходили по избам, где размещались бойцы, по ротам и при свете коптилок и лучин разговаривали с красноармейцами, которые, растянувшись на лавках, на полу, слушали их рассказы о заседаниях партийного съезда, о докладе Ленина, о принятых съездом решениях — хранить как зеницу ока единство партии, о продналоге и отмене продразверстки.

Делегатов было не так уж много, всего около трехсот человек. Но в подготовке штурма они сыграли ту же роль, какую играет в химической реакции катализатор. Произошел какой-то вроде бы незаметный процесс, и армия стала внутренне готовой к бою.

Прежде чем перейти к дальнейшим событиям, представим себе ясно, каким должен быть этот будущий бой.

Кронштадт — первоклассная морская крепость, защищающая Петроград с моря. Основанная Петром Первым в 1703 году, она много раз укреплялась и перестраивалась, чтобы быть способной выдержать многомесячную осаду со стороны флота любой военно-морской державы того времени. Кроме крепостных сооружений на острове Котлин Кронштадтская крепость включает в себя бетонированные форты, находящиеся на мелких, частью искусственно созданных островах в фарватере Финского залива.

К моменту мятежа в Кронштадте насчитывалось более ста сорока действующих орудий, в том числе более восьмидесяти тяжелых, кроме того, у причальных стенок крепости швартовались мятежные линкоры «Петропавловск» и «Севастополь», а также ряд менее крупных военных судов. Хотя все они вмерзли в лед, но их артиллерия оставалась в действии.

Поскольку Кронштадтской крепости в годы гражданской войны особенно сильных боев вести не пришлось и она не принимала участия в крупных боевых действиях, то расход боеприпасов был незначителен, и запас снарядов и взрывчатых веществ, которым располагали мятежники, можно было считать практически неограниченным, а глубокие каменные казематы, пороховые погреба и оборонительные сооружения давали гарнизону надежное укрытие от огня.

В дни подготовки к предстоящему бою мятежники еще более усилили оборонительные сооружения со стороны Петроградских ворот, откуда они в основном ждали нашего наступления.

Вспомним еще, что крепость была окружена насквозь просматриваемой, насквозь простреливаемой ледяной равниной, по которой наши наступающие войска должны были пройти до десяти — двенадцати километров, не имея ни единого укрытия, ни клочка мертвого пространства. Вспомним, что каждый метр этой белой равнины был пристрелян артиллерией Кронштадта. Вспомним и то, что мятежникам нужно было продержаться в практически неприступной крепости лишь несколько дней, всего лишь несколько дней, пока чуть-чуть потеплеет и лед станет абсолютно непроходимым.

Вспомнив все это, мы поймем, какая совершенно необыкновенная по своей трудности задача стояла перед нашими войсками.

Наступило 16 марта, десятый день подготовки к штурму крепости.

Сводка военных действий на этот день гласила:

«День 16 марта с 14 часов прошел в ожесточенной артиллерийской перестрелке с Кронштадтом. Она не прекращалась с обеих сторон до поздней ночи...»

В ночь на 16 марта ни один коммунист не спал. Последние партийные собрания. Последние вопросы. Последние напутствия. «Интернационал», спетый как клятва. А под утро — ожидание разведчиков, возвращающихся из ночного похода. Наконец они появляются — потные, обмерзшие, улыбающиеся: лед крепкий!

По решению политотдела темой бесед с красноармейцами 16 марта было пятидесятилетие Парижской коммуны. Как любили мы Коммуну! Как восхищались ее бессмертным делом! Как преклонялись перед ее мужеством! С какой радостью давали предприятиям ее имя. И в канун ее пятидесятилетия, когда мы шли в бой, из которого многим не суждено было вернуться, свое последнее слово мы обращали к ней, к Коммуне...

Доклад я делала чуть не дословно по книге Арну и по лекциям Скворцова-Степанова. Говорила о парижанах, «штурмовавших небо». Кончила призывом: «Даешь Кронштадт!»

«Даешь Кронштадт!» — ответила мне аудитория. Даже Флегонтыч остался на этот раз мной доволен.

Едва кончилась беседа, во двор въехали розвальни, со сложенными на них высокими стопками белыми маскировочными халатами. Их тут же роздали красноармейцам. Получила халат и я. Раз привезли халаты, значит, штурм близок...

Буду откровенна и признаюсь, что первым душевным движением, которое возникло у меня, когда я получила халат и поняла, что уже в эту ночь будет бой, было желание посмотретья в зеркало.

Но своего зеркала у меня не было, и, засунув халат под шинель, я побежала квартала за три к своей подруге Леле Лемковой. Там я застала и Асю Клебанову. По очереди примерили мы халат, вертясь так и эдак, чтобы получше рассмотреть себя в крохотном карманном зеркальце. Потом посидели, поговорили. Выяснилось, что все мы за это время успели отчаянно влюбиться. Но о любви нужно говорить вполголоса, а за окном так грохотали пушки, что настоящего разговора не получилось.

Насколько я помню, за эти дни я была влюблена уже в третий раз. Как и в предыдущие — тайно, безмолвно, безнадежно, навеки.

Там, под Кронштадтом, было в кого влюбиться!

Только я вернулась, был передан приказ командарма-7 Тухачевского: «Частям быть готовыми к атаке, о начале которой последует дополнительное распоряжение».

...В этот самый час в Кронштадтскую следственную тюрьму явился заместитель председателя мятежного «ревкома» Романенко.

В тюрьме содержалось около двухсот арестованных коммунистов. Из них семьдесят — в камере смертников.

Условия были тяжелые: отвратительная пища, холод. К тому же по решению «ревкома» у арестованных были отобраны теплая одежда и обувь.

Романенко прошел в эту камеру и огласил только что вынесенный «ревкомом» приговор о расстреле двадцати трех коммунистов. При слабом свете тюремного фонаря он долго читал список этих двадцати трех, с трудом разбирая имена. Закончив чтение, добавил, что приговор будет приведен в исполнение в три часа утра 17 марта.

Когда Романенко ушел, заключенные снова принялись за прерванную его приходом работу: они готовили завтрашний номер выпускавшейся ими рукописной газеты, название которой у каждого номера было другим: «Тюремный вестник», «Тюрьма и коммунары», «Тюремный луч коммунара», но подзаголовок оставался неизменным: «Издание политузников Кронревкома».

В связи с новостью, принесенной Романенко, название номера завтрашней газеты, той, что должна была выйти 17 марта, было изменено на новое: «Красный смертник». Передовую статью для этого номера писал член Реввоенсовета Балтфлота Николай Николаевич Кузьмин. В списке приговоренных к расстрелу его имя стояло первым.

Писал он легко, быстро и закончил словами, которые были повторены в стихотворении, появившемся в этом же номере: «Грянь же над Кронштадтом, красная гроза!»

Дописав передовую, Кузьмин принял за статью о пятидесятилетию Парижской коммуны.

Эту статью он писал для того номера, который должен был выйти послезавтра, 18 марта.

Кузьмин торопился: до трех часов утра оставалось совсем немного времени, а никто из сидевших в смертной камере, кроме него, статью о Коммуне написать бы не смог...

По получении приказа командарма-7 из цейхауза, устроенного на веранде, начали таскать ящики с боеприпасами. Красноармейцам роздали ручные гранаты и ножницы, чтобы резать проволочные заграждения. Все это происходило в темноте, озаряемой отблесками пожаров.

Мы с Флегонтычем тоже сделали последние приготовления: поледенили, полив водой, полозья розвален, чтобы лучше скользили, накормили коня, погрузили перевязочный материал и медикаменты.

Темный сарай. Звездочки сигарок-самокруток. Дверь, распахнутая в огненное зарево.

Люди открывали самое сокровенное. Рассказывали про свою жизнь, со всем темным и светлым, что в ней было. Просили считать их коммунистами...

— Становись!

Мы выстроились во дворе. При свете железнодорожного фонаря, светившего в одну сторону желтым, в другую — зеленым, а в третью — красным светом, Горячев прочитал боевой приказ Тухачевского:

«В ночь с шестнадцатого на семнадцатое марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт...»

Общий замысел нашего командования состоял в быстром захвате Кронштадта атакой с трех сторон. Важнейшим фактором победы была внезапность. Сближение с неприятелем следовало осуществить в предельно короткий срок. Войска должны были идти со скоростью пять верст в час...

Но они двигались быстрее.

Было около двух часов пополуночи, когда наша часть подошла к назначенному ей исходному рубежу у кромки льда залива.

Артиллерийская перестрелка к этому времени смолкла. С запада дул сильный ветер. Спустился плотный густобелый туман.

Впереди шли созданные по приказу командования штурмовые отряды. Их задачей было устранять препятствия на пути штурмующих колонн — перебрасывать мосты через полыньи, преодолевать проволочные заграждения и другие препятствия.

За ними двигались основные колонны красноармейцев, с интервалом — розвальни с санитарями и перевязочным материалом. Пулеметы и патроны везли на ручных санках.

С того времени, когда мы подошли к берегу залива, прошло уже более часа. И вот настала минута, которой мы так долго ждали. Первая колонна вышла на лед и растворилась

в тумане. Впереди тихо. Остальные колонны спускаются на лед.

Взошла луна. Красноармейцы идут налегке, даже без вещевых мешков. Только оружие да ломоть хлеба и баночка мясных консервов в кармане.

Внезапно тишину разрывает гром! Сперва резко бьют винтовочные выстрелы. Это головные колонны 236-го Оршанского полка незаметно для противника подошли к южной батарее форта. И вот уже все наши береговые батареи и все пушки, выставленные у кромки льда, и все батареи противника одновременно открыли огонь в ночную тьму.

Триста одновременно бьющих орудий разных калибров превратили тишину в сплошной орудийный гул над Финским заливом.

Вслед за артиллерией заговорили пулеметы. Появились раненые. Лучше всего я запомнила первого, которого перевязывала. Ему оторвало руку, кровь била струей так, что залила мне лицо и халат. За первым раненым увидела второго, третьего... Еще больше их стало, когда пустили в ход морские мины и бризантные снаряды, летевшие с пронзительным визгом и разрывавшиеся в воздухе на множество разлетающихся во все стороны осколков.

Артиллерийский огонь продолжался с неубывающей силой, и все громче звучала «трель» пулеметов. Теперь били не только пулеметы противника: наши войска подошли к Кронштадту и приступили к штурму крепости.

Бой уходил вперед, оставляя позади себя развороченный лед, темнеющие проруби, мертвых, раненых и санитаров.

Мой ездовой Флегонтыч дежурил у розвален с тяжело ранеными, а я ходила по льду одна, перевязывая раненых, и мне было очень страшно. Одного раненого я узнала: это был делегат X съезда партии член донской делегации товарищ Линдемман. Я его перевязала, вместе с подошедшим Флегонтычем положили на носилки и хотели нести.

В это время в той стороне, где остались наши розвальни, послышался взрыв и поднялся высокий водяной столб. Мы бросились туда. Снаряд угодил в розвальни прямым попаданием, но разорвался, видимо, не сразу, а уже подо льдом. Поэтому на месте разрыва осталась не особенно большая круглая прорубь, а от нее по льду по всем направлениям разбежались трещины. Розвальни вместе с нашим конем Спотыкой и лежавшими на них ранеными сразу втянуло под лед. Когда вернулись к Линдемману, он уже умер. Оставшихся на льду других раненых надо было срочно доставить в

госпиталь, и Флегонтыч, подобрав где-то другие сани, повез их в Ораниенбаум.

Мятежные линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» били тяжелыми снарядами. Эти снаряды, подобно смерчу, неслись по нескольку верст, образуя воздушную волну огромной силы, а потом взрывались где-то в глубине залива. Они сметали на своем пути буквально все.

Воздушной волной задело и меня. На какое-то время я потеряла сознание, и потом мне долго казалось, что все ледяное поле от края до края качается, как палуба корабля.

Было уже светло, когда мы подошли к стенам Кронштадта. Чем ближе к Кронштадту, тем больше встречалось убитых и раненых, лежащих на льду.

Наши передовые колонны уже ворвались в крепость и вели уличный бой.

В мертвом пространстве у стены крепости собралось много раненых. Мы перевязывали их до тех пор, пока не кончился перевязочный материал. Завладев бесхозными розвальнями, уложили в них тяжелораненых и повезли их в Ораниенбаум.

Когда вошли в устроенный в помещении вокзала госпиталь, там испугались, увидев нас: мы с ног до головы были залиты кровью.

Помывшись и надев чистый халат, я решила вернуться в Кронштадт.

Еще шел уличный бой, еще продолжалась агония последних несдавшихся фортов, когда через Петроградские ворота мы въехали в Кронштадт. Первым долгом я стала разыскивать свою часть. Нашла ее быстро в караулке какой-то казармы неподалеку от тюрьмы.

Здесь было шумно, тесно, накурено. Хотя бойцы только что вышли из жестокого боя и знали, что через несколько минут им снова идти в бой, как всегда в таких случаях, уже находился повод для смеха, и все потешались.

Во время боя наши бойцы захватили много пленных и привезли их в тюрьму. Командир М. С. Горячев отдал приказание красноармейцам, куда им теперь идти и что делать дальше. Мне он задал несколько вопросов и велел отдыхать.

Я отдыхала, видимо, около часа, не больше.

М. С. Горячев увидел, что я не сплю, и спросил:

— Ну как? Отошла? Значит так, тебе поручается вот какое дело...

И он сказал мне, что я должна сделать доклад. Где, кому — этого я не поняла. Поняла только, что доклад этот о пя-

тюдесятилетия Парижской коммуны и что начать я его должна словами Артура Арну: «Шапки долой! Я буду говорить о мертвецах Коммуны!» Как я очутилась в тюремном каземате Кронштадтской крепости перед пленными матросами — активными участниками мятежа — не помню. Только увидела, что на них нет шапок, и, сбиваясь, стала говорить о Коммуне.

Лишь постепенно начала различать окружающее: темную камеру, покрытые тряпьем нары, мокрые стены, белые пятна лиц. Что и говорить, это не могло не произвести впечатления даже после всего пережитого.

Сначала я сбивалась, но потом дело пошло лучше. Разумеется, я не помню сказанных мною слов, но могу примерно представить себе, что и как я могла говорить.

— Парижская коммуна, — говорила я, — была великим выступлением авангарда рабочего класса всего мира, поднявшегося на беспощадную борьбу против буржуазии и всех эксплуататоров чужого труда, всех паразитов, привыкших жить за счет пролетариата...

Человек, на голове которого был ободок бескозырки, понимающе усмехнулся.

— Я-то думаю, что это за явления такая, — сказал он, — а это богоноса партейная, как вошь на чело приползла...

— Буржуазия лютой ненавистью ненавидела Коммуну, — продолжала я. — И когда после недели кровопролитных боев, вошедшей в историю под именем «кровой недели», парижские пролетарии потерпели поражение в неравной борьбе, версальцы предали рабочие районы города смерти и уничтожению. Свыше ста тысяч рабочих, жен и детей коммунаров отдали жизнь на баррикадах Парижа или же погибли в застенках и на каторге. Трупы валялись повсюду: на улицах, в домах, в квартирах. Воды Сены покраснели от крови. «Что бы ты ни делал, ты погиб! — так говорит об этих днях участник Парижской коммуны Артур Арну. — Если тебя возьмут с оружием в руках — смерть! Если сложишь ты оружие — смерть! Если ты умоляешь — смерть! В какую бы сторону ты ни повернул глаза — направо, налево, вперед, назад, вверх, вниз, — смерть, смерть, смерть!»

Подобная, но в тысячу раз более страшная судьба ожидала пролетариев революционного Петрограда, если бы находящийся от Петрограда на таком же расстоянии, на каком Версаль находится от Парижа, мятежный Кронштадт расчистил бы путь белогвардейцам и интервентам...

Теперь я уже хорошо видела лица людей, сидевших на-

против меня: презрительно-горделивое лицо молодого матроса у стены, искаженное животным страхом лицо мальчишки справа, непроницаемое лицо пожилого матроса, слушавшего меня опустив глаза.

Но вот пожилой поднял глаза — безысходный их взгляд полоснул меня по сердцу...

— Парижская коммуна просуществовала всего семьдесят два дня. Однако за это короткое время она провела ряд законов, которые громче всяких слов свидетельствуют о великих замыслах пролетарской власти. Именно поэтому Коммуну так ненавидит буржуазия всего мира... Именно поэтому ее ненавидел и мятежный кронштадтский «ревком»...

В первый раз за все время по застывшим на нарах фигурам пробежало какое-то движение.

— Смотрите! Вот последний номер «Известий» вашего «ревкома»! Смотрите, что здесь напечатано! Здесь напечатано объявление «ревкома» о том, что по его решению празднование пятидесятилетия Парижской коммуны отменяется. Теперь вы не можете не понять...

Но в это мгновение послышалась стрельба, дверь стремительно распахнулась, кто-то схватил меня и выволок прочь из камеры. Это был Флегонтыч. Он возвратился из Ораниенбаума, отыскал наших, узнал, что я в каземате, спустился вниз и все это время стоял под дверью, чтобы кинуться мне на выручку, если что случится. Наверху стреляли. Послышался крик: «Санитара! Санитара!» Мы бегом бросились по лестнице.

Какая-то группа мятежников пыталась прорваться через наше сторожевое охранение, чтоб выйти на лед и уйти в Финляндию. Завязалась перестрелка. У нас было трое убито и ранен в грудь навывлет командир Горячев. Я наложила первую повязку, а потом мы понесли его в Кронштадтский морской госпиталь. Из ружей и шинели соорудили носилки. Горячев усмехнулся бескровными губами: «Совсем как у атамана Чуркина». Когда мы несли его в госпиталь, мне показалось, что бой приблизился. Так и было. Мятежники, собрав все свои резервы, перешли в контратаку и потеснили наши части.

Госпиталь был переполнен. С большим трудом мы нашли для Горячева место в коридоре на полу и решили не уходить, пока не устроим его как следует. Мы провели около него всю ночь. Звуки боя то приближались, то уходили дальше. Все время вносили новых раненых. От них мы узнавали новости... Из Ораниенбаума прямо по льду прискакал

кавалерийский полк 27-й Омской дивизии. Подошел отряд петроградских рабочих... Бой идет на Песочной улице... Наши заняли Песочную улицу... Мятежники засели в здании Машинной школы... Наши выбили мятежников из Машинной школы.. Бой идет на линии канала...

О том, что происходило в эти часы, мы узнали лишь наутро. Войска Северной группы, продолжая захват фортов, ворвались в Кронштадт с северо-востока и к полуночи захватили помещение штаба крепости.

Последним оплотом мятежников были линкоры «Севастополь» и «Петропавловск». Но, оставшись одни, они продержались недолго. Первым сдался линкор «Севастополь». С самого начала боя матросы, ведя огонь, находились в казематах корабля, люки были плотно задраены. На верхней палубе, в боевой рубке, оставался лишь командный состав, передававший свои приказания вниз по телефону. Поэтому матросы ничего не знали о том, что происходило снаружи. Узнали они обо всем только поздно вечером, когда к ним явился командир линкора Христофоров и предложил покинуть корабль, чтобы взорвать его. Большинство офицеров уже сбежало, остальные собирались сделать то же самое. Взбешенные матросы арестовали офицеров и выслали парламентариев с заявлением, что они сдаются, но просят обещания, что им будет сохранена жизнь.

Примерно в это же время разведка одной из наших частей донесла, что на «Петропавловске» слышны крики и идет перестрелка. Как выяснилось потом, под влиянием старых матросов среди команды началось волнение, вылившееся в открытое выступление против офицеров. В пять утра линкор «Петропавловск» сдался, выдав своих офицеров. К моменту сдачи он был со всех сторон окружен нашими войсками, подошедшими к самым бортам корабля. Когда наши вступили на палубу корабля, один из офицеров воскликнул: «Где это видано, черт возьми, чтобы пехота брала дредноуты?!» При осмотре кораблей были обнаружены заложённые в различных местах пироксилиновые шашки: суда были подготовлены к взрыву.

В Кронштадте и на военных кораблях наши войска взяли много пленных, в том числе трех членов мятежного «ревкома». Но Петриченко среди пленных не было, не было и Романенко, не было Турина. Не было ни генерала Козловского, ни капитана Бурксена, ни пожаловавшего в Кронштадт барона Вилькена. Все они заблаговременно укрылись на крайнем кронштадтском форту и под покровом ночи

бежали в Финляндию. С ними бежала и часть матросов. В ночь на 18 марта и весь следующий день финские пограничные патрули собирали на льду брошенное беглецами оружие и подбирали замерзающих раненых мятежников.

Петриченко укрылся в форту Ино. Сдачей матросов финским военным властям руководил генерал Козловский.

Чуть ли не на следующий день началось обратное бегство обманутых матросов в Советскую Россию. К середине лета вернулось около семисот человек. Они устроили собрание, на котором приняли резолюцию: «Искупить свою вину перед Республикой на трудовом фронте и стоять на страже ее интересов от нападения внешних и внутренних врагов». Резолюция эта была принята единогласно, и чтение ее завершилось криками «ура» и пением «Интернационала».

Судьба тех, кто не вернулся, сложилась трагически: их вербовали в белые банды, в штрейкбрехеры, посылали на самые тяжелые работы на рудники. Но Советская Родина протянула им руку помощи. Исходя из того, что «разбросанные по разным странам участники Кронштадтского восстания, рабочие и крестьяне, вовлеченные в мятеж путем обмана и по своей несознательности, подвергаются эксплуатации как дешевая рабочая сила той же буржуазией, которая в свое время вовлекла их в борьбу против власти трудящихся», Президиум ВЦИК в ознаменование четвертой годовщины рабоче-крестьянской власти, то есть через полгода после подавления мятежа, объявил им полную амнистию, за исключением главарей, руководителей мятежа, и предоставил им возможность вернуться в Советскую Россию на общих основаниях с военнопленными.

Еще раз перенесемся снова в Кронштадт в день 18 марта. Когда мы с Флегонтычем уходили из госпиталя, уже сдались последние форты — Милютин, Константин, Обручев, уже завершились последние бои у батареи «Риф», прикрывавшей бегство застрельщиков мятежа в Финляндию.

Утро было ясное.

Мы вышли на Якорную площадь. Ту самую Якорную площадь, на которой восемнадцать дней тому назад собрался митинг, где выступал Калинин и где начался мятеж.

Мы увидели большую группу людей, пришедших на площадь. Они шли навстречу нам быстрым, чеканным шагом, мужественные, сильные, бесстрашные. Это были курсанты Северной группы войск. Проводив их взглядом, мы, как предлагал Флегонтыч, пошли направо и увидели беленький домик, который искали.

Переступая через спавших на полу бойцов, пробрались к печке, топившейся в глубине караулки. Боже, как тепло, как хорошо!

— Позавтракаем? — спросил Флегонтыч.

— Позавтракаем, — согласилась я.

— Мой паек, твой приварок, — как всегда, сказал Флегонтыч.

— Мой приварок, твой паек, — сказала я.

Флегонтыч достал из вещевого мешка баночку мясных консервов и стал готовить суп. Это необыкновенно вкусная штука — суп из мясных консервов!

У этого супа только один недостаток: он слишком быстро съедается. Давно ли начали, а уже доньшко котелка! Корочками хлеба мы досуха вылизали котелок и ложки.

Когда я вышла на улицу, все кругом было залито солнцем и дул вешняк — тот самый, теплый, несущий весну вешняк, которого мы так все это время боялись. Это значило, что лед вот-вот начнет таять.

Ну и пусть себе тает! — подумала я. Кронштадт наш!

Шапки долой! Сегодня пятидесятилетие Парижской коммуны!

МУЖЕСТВО МОЛОДЫХ

Я родилась в Кишиневе, в семье, где было много детей и мало хлеба. Отец не мог прокормить семью, и меня в раннем возрасте отдали в няньки за одно только питание. В восемь лет меня отдали в обучение к портному, к двенадцати годам я уже хорошо шила и прилично зарабатывала, а читать и писать не умела.

Мне очень хотелось учиться. Чтобы осуществить свою мечту, я скопила девятью копейками на железнодорожный билет до Одессы и, захватив с собой учебник для начальной школы — первую часть «Русского слова», тайком уехала в Одессу, где жили мои двоюродные сестры, имевшие высшее образование. Но мои надежды на их помощь не сбылись. Тогда я поступила на работу в «конфекцион» дамского платья на Дерибасовской улице. Это было самое крупное швейное предприятие в Одессе, в котором было занято около ста рабочих, в том числе не менее двадцати девочек и мальчиков-подростков. Среди них я оказалась наиболее квалифицированной.

Рабочий день в этой мастерской длился тринадцать — четырнадцать часов, работы было много, так как кроме заказов для «дам света» здесь шили для крупнейшего в Одессе универсального магазина «Мюр и Мерилиз». Особенно тяжело приходилось подросткам. Их заставляли прислуживать хозяину, его жене, старшим мастерам и даже подслушивать чужие разговоры. На освоение ремесла времени почти не оставалось.

Весной 1914 года рабочие мастерской решили объявить забастовку. Об этом я сказала дяде, у которого жила, а он отрезал: «Примешь участие, в дом не пуцую». Тем не менее в день забастовки я поднялась в пять часов утра и пешком от Молдаванки (район, где жила беднота) через весь город добралась до Дерибасовской. Рабочие требовали сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Могли ли подростки не поддержать это требование? Забастовка для нас

закончилась печально: лучшим мастерам повысили зарплату, а всех ребят уволили.

Я пострадала больше всех — лишилась не только работы, но и крова. Вернуться к дяде я не могла и стала ночевать в Александровском саду на голой скамейке. А когда прогоняли городовые, ложилась под скамейку на холодную землю.

Поступить на работу было очень трудно. Как только узнавали, что я «забастовщица», сразу в ответ слышала отказ. После долгих поисков я нашла работу за очень низкую плату.

Началась империалистическая война, я вернулась в Кишинев. Шила я хорошо, и поэтому мне удалось поступить на работу мастерицей в самую крупную мастерскую верхнего дамского платья. Но и отсюда вскоре была уволена за выступление на суде в защиту двух рабочих.

Найти работу стало еще труднее. Семья наша голодала, и это заставило меня согласиться на самые тяжелые условия работы в швейной мастерской госпожи Баран. Здесь меня и застала Февральская революция.

Весной и летом 1917 года в Кишиневе один за другим стали возникать профессиональные союзы. Меня выбрали членом комитета и председателем ревизионной комиссии профсоюза швейников, членом городского стачечного комитета и объединенного бюро профсоюзов.

На всех предприятиях города прошли стачки. Одну из первых забастовок мне пришлось организовать в мастерской, где я работала. Госпожа Баран имела обыкновение ежедневно дважды передвигать стрелки часов, чтобы удлинять рабочий день. Работницы поручили мне потребовать от хозяйки прекратить обман. Хозяйка посчитала недостойным для себя вступать со мной в переговоры. В ответ мы объявили забастовку. Не прошло и двух недель, как хозяйка явилась к секретарю объединенного бюро профсоюзов И. Н. Кривоукову, но он не стал с ней вести переговоры, а направил ко мне, как члену стачечного комитета. Баран сочла себя оскорбленной.

— И не подумаю вступать в переговоры с моей работницей! — воскликнула она в гневе.

Однако через десять дней все же была вынуждена обратиться ко мне. Требования работниц были полностью удовлетворены.

Другой характерный для того времени случай произошел в швейной мастерской госпожи Принц. Добиваясь улучшения

ния условий труда, работницы объявили забастовку. Лишь одна из них продолжала работать. Работницы не стали с ней церемониться, исключили из профсоюза и лишили возможности в течение двух месяцев поступить на работу в швейные мастерские. Этот случай стал широко известен в городе, и больше штрейкбрехеров у нас не было.

В 1917 году кишиневским профсоюзам приходилось бороться не только за экономические интересы рабочих. Острая борьба развернулась внутри профсоюзов с меньшевиками, которые в первые месяцы после Февральской революции оказались в руководстве профсоюзами. Мы, молодые рабочие и работницы, делали лишь первые шаги в своей политической жизни. Нередко мы не в состоянии были разобраться в тонкостях меньшевистской демагогии. Однако революционная обстановка способствовала быстрому росту классового сознания рабочих. Посещая собрания и митинги, сравнивая речи ораторов самых разных направлений, мы научились отличать большевистскую правду от лживых посулов меньшевиков и эсеров.

Хорошую школу мы прошли в Рабочем доме, который открылся в первые недели революции. Организатором и главой этого дома был секретарь объединенного бюро профсоюзов И. Н. Криворуков, большевик с 1902 года, многие годы пробывший в царских тюрьмах. Рабочий дом стал родным для каждого из нас. Там мы получали основы не только общеобразовательных, но и экономических и политических знаний.

Уже к осени 1917 года молодые рабочие сумели изгнать меньшевиков из руководства профсоюзами и сами встали во главе их.

Припоминаются некоторые эпизоды того времени.

В июне 1917 года в Кишинев по приглашению эсеров прибыла известная эсерка Брешко-Брешковская, широко разрекламированная как «бабушка русской революции». Кишиневские эсеры устроили ей шумную встречу. После торжественных речей организаторов встречи выступила сама «бабушка». Первую часть ее выступления, посвященного борьбе эсеров против царского правительства, собрание слушало внимательно. Когда же она заговорила о том, что революция в опасности и гибнет из-за «предательства» Ленина и что единственная партия, которая может спасти революцию,— это партия эсеров, среди рабочих поднялся шум, послышались возгласы «Долой!». Чем больше распалялась Брешко-Брешковская, тем сильнее росло негодование рабо-

чих. Собрание было сорвано, и проводы «бабушки русской революции» были отнюдь не торжественными.

В разгар июльских событий в Петрограде в Кишинев приезжала также группа маститых меньшевиков во главе с Даном и Абрамовичем. Митинг с их участием был созван в помещении бывшего Благородного собрания. Если в эсеровщине было разобраться сравнительно легко, то в меньшевистской фразеологии — значительно труднее. Здесь ораторы говорили о восьмичасовом рабочем дне, о буржуазии и пролетариате, о борьбе за экономические интересы трудящихся, то есть о вопросах, близких рабочим. Но когда на трибуну вышел Дан и начал на все лады порочить Ленина, с галерки раздались мощные голоса:

— Хватит болтать! Мы все поняли! Долой! Дайте слово рабочим!

Шум не прекратился, пока не дали слово рабочему, который страстно выступил против меньшевиков. Присутствовавшие в зале рабочие одобрили это выступление, в котором говорилось о решительном повороте трудящихся города в сторону большевиков.

В один из сентябрьских дней в Кишинев из Петрограда приехал студент-большевик, партийная кличка которого была Артем. В связи с его приездом решили провести митинг для рабочих, стоявших на большевистских позициях, и всех сочувствующих большевикам. Узнав об этом, меньшевики срочно организовали свой митинг, приурочив его к тому же времени, с целью сорвать митинг большевиков. Однако авторитет меньшевиков среди рабочих уже был сильно подорван, поэтому нам, молодым работницам, было нетрудно сорвать митинг меньшевиков. Узнав от нас, что на митинге большевиков выступает Артем, большая группа рабочих покинула собрание и отправилась с нами.

Так изо дня в день росло в рядах кишиневских рабочих влияние Ленина, влияние партии большевиков.

Летом и осенью 1917 года в Кишиневском губернском Совете депутатов преобладали представители меньшевиков, эсеров, бундовцев, а также молдавской буржуазной националистической партии. Как только стало известно о победе в Петрограде социалистической революции, представители этих партий спешно собрали заседание Совета для обсуждения вопроса о «захвате власти большевиками в Петрограде». Они злобно клеветали на большевиков. С особо яростными нападками обрушилась на большевиков самый сильный оратор меньшевиков Н. Гринфельд. Октябрьскую

революцию она назвала «большевистской авантюрой». «Большевистский переворот,— говорила она,— льет воду на мельницу реакции». Она утверждала, что «социалистическая революция в отсталой, разоренной стране не может развиваться и тем более победить».

Однако декреты Советской власти о мире и земле, о равенстве всех народов России, об отмене национальных ограничений и привилегий, большевистские лозунги о свободном развитии национальных меньшинств и праве наций на самоопределение оказали исключительное влияние на трудящихся. Никакие нападки на большевиков уже не могли воздействовать на рабочие умы.

Еще летом в Кишинев прибыл из Петрограда большевик Яков Денисович Мелешин. Талантливый оратор и организатор, он быстро завоевал доверие и уважение кишиневских рабочих и вскоре был избран в Совет рабочих и солдатских депутатов. От большевиков были также избраны Якир и другие. Но большевики в Совете составляли меньшинство. Это обстоятельство способствовало тому, что при обсуждении вопроса о признании декретов II съезда Советов была принята резолюция меньшевиков, осуждавшая «большевистский переворот в Петрограде».

На следующий день большевики перенесли обсуждение решения Совдепа на рабочие собрания. На митинге выступали Мелешин, Якир. Они горячо защищали Октябрьскую революцию. Митинги проводились в воинских частях гарнизона. Солдаты, как и рабочие, голосовали за власть Советов. Атмосфера была накалена до предела. Повсюду велась напряженная политическая борьба.

Бессарабские помещики и буржуазия 21 ноября создали свой контрреволюционный орган власти — «Сфатул цэрий», так называемый «Краевой совет».

В ответ на это большевики 22 ноября созвали совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов Кишинева с членами Центрального бюро профсоюзов и полковых, ротных и командных комитетов. На этом заседании к большевикам присоединились депутаты Совета от социал-демократов-интернационалистов, и резолюция о признании Советской власти была принята внушительным большинством.

Не чувствуя поддержки в народе и войсках, лидеры «Сфатул цэрия» тайно сговорились с правительствами Англии, Франции и Румынии о захвате Бессарабии Румынией.

В январе 1918 года румынские войска вторглись в Бессарабию. Все революционные силы поднялись на защиту

Кишинева. Были созданы вооруженные отряды рабочих. Начались бои. Но силы были неравные. После трехдневного героического сопротивления рабочих и красногвардейских отрядов интервентам удалось захватить город, а затем и всю правобережную часть Бессарабии. Начались повальные обыски, облавы, грабежи, массовые аресты и расправы. Оккупационные власти свирепствовали. Прежде всего они повели наступление на рабочий класс, на завоеванные им демократические свободы и политические права.

Немногочисленная группа большевиков, ушедших в подполье, невзирая на террор оккупантов, продолжала самоотверженную борьбу, мобилизуя рабочих, поднимая все население на борьбу против сил контрреволюции. Мне, как и большинству активистов и руководителей профсоюзов, тоже пришлось перейти на нелегальное положение. Так началась моя партийная работа в подполье.

Первыми организаторами подполья были Борис Шут, Виктор Якубович, Н. Богопольская, М. Дубинский, Поплавский, Понятовский и другие. Эта группа товарищей развернула большую работу по созданию подпольных коммунистических организаций, которые в сравнительно короткий срок возникли почти на всех предприятиях города. Назрела необходимость созыва партийной конференции для формирования городской организации и избрания руководящих органов.

Подобрать безопасную квартиру для проведения конференции и быть ее хозяйкой поручили мне. Это накладывало на меня огромную ответственность.

Я сняла полутемную комнату в доме Фортесса, «почтенного», с точки зрения оккупантов, человека (сын Фортесса работал в румынской полиции, и поэтому его дом был вне подозрений). Дом находился на углу Петропавловской площади и Миньковской улицы. Под видом дня моего рождения здесь собралась инициативная группа подпольщиков. На этой «вечеринке» был решен вопрос о созыве партийной конференции, определен состав ее участников, повестка дня.

Первая городская подпольная партийная конференция состоялась в конце октября 1918 года. В ее работе участвовало всего тринадцать человек, и продолжалась она несколько часов. Однако эта конференция имела важное значение, так как она организационно оформила Кишиневскую партийную организацию. Впервые были избраны городской комитет подпольной организации, ревизионная комиссия и партийное руководство профсоюзами.

Через несколько дней после конференции нам удалось выпустить и распространить первую подпольную прокламацию.

Этим был брошен первый вызов оккупантам. Прошло всего четыре месяца, и партийные организации в Бессарабии настолько выросли, что появилась необходимость создать руководящий подпольный орган всего края. Эту задачу была призвана решить областная партийная конференция.

К тому времени я снимала квартиру на Тибашевской улице у одной старушки, которой почти не бывало дома. Я могла распорядиться квартирой по своему усмотрению. Это было очень удобно, и поэтому решили совещание по подготовке конференции провести у меня. В областной конференции, которая состоялась в феврале 1919 года, приняли участие представители многих районных партийных организаций: Бендер, Оргеева, Аккермана, Измаила, Калараша, Ганчест и ряда других. Однако имена делегатов, по вполне понятным причинам, мне не были известны.

За четыре года работы в бессарабском подполье (1918—1921) мне пришлось встречаться со многими революционерами, бесстрашными и самоотверженными людьми. Большинство их нет уже в живых. Одни погибли в каторжных тюрьмах боярской Румынии, другие были расстреляны жандармами «при попытке к бегству». Расскажу о главных событиях и о некоторых из борцов-подпольщиков.

Летом 1919 года в подпольной организации Бессарабии произошел первый крупный провал. Румынские власти арестовали большое число коммунистов и решили устроить судебный процесс, который получил широкую известность под названием «процесса 108-ми».

Всех арестованных из разных районов Бессарабии привезли в Кишиневскую центральную тюрьму. Руководство обкома партии было арестовано. Оставшиеся на свободе коммунисты предпринимали героические усилия по восстановлению подпольных организаций. Как раз в это время в Кишинев из Бендер прибыл молодой человек. Никто не знал его настоящего имени. Разным лицам он представлялся под разными именами. Он стал секретарем подпольного обкома партии. Это был Яков Антипов, известный в истории бессарабского и румынского коммунистического движения как Павел Ткаченко¹.

¹ Павел Ткаченко родился в 1901 году в Бессарабии в городе Бендеры. С 1919 года — один из руководителей коммунистического движения в Бессарабии; его неоднократно арестовывали, дважды приго-

Под руководством Павла Ткаченко партийная организация Кишинева вновь развернула активную деятельность. Прежде всего нужно было установить связь с заключенными в румынских тюрьмах. С этой целью был создан целый институт «жен», «невест», «сестер», которые носили передачи и ходили на свидания с арестованными. Мне было поручено держать связь с тремя из них. К одному я ходила как сестра, к другому — как невеста, к третьему — как жена. Это было очень сложно: каждый арестованный должен был знать имя, фамилию того, кто к нему придет, и в каком «родстве» он состоит с ним. Все передачи тщательно проверялись. Приходилось применять самые хитроумные способы. Моя мама, помогая мне, научилась так тонко скатывать записки, написанные на папиросной бумаге, что просовывала записку в отверстие, проколотое в сыром яйце толстой иглой. Когда яйцо варилось, отверстие затягивалось белком. Догадаться, что в нем находится записка, никакой охранник не мог.

Но сложнее всего было наладить прерванную связь с Советской Россией. Усилился разгул реакции, и охрана границы стала строжайшей. Требовалось найти людей исключительного бесстрашия, смелости и находчивости, которые решились бы перебраться через Днестр и передать нужные сведения советским коммунистам. Одним из таких людей был поистине бесстрашный Илья Кисловский. Вот как был организован его первый переход через границу.

Однажды ко мне на квартиру явился член подпольного обкома III. Вайнберг и сообщил, что один руководящий товарищ должен дать мне очень важное и срочное поручение. Встреча должна состояться в моей конспиративной квартире на Петропавловской площади. Этим товарищем оказался Павел Ткаченко, с которым я тогда впервые познакомилась. Явился он ко мне ранним утром, поздоровался, как старый знакомый, и, не называя себя, сразу приступил к делу. Поручение было действительно ответственным. Мне нужно было немедленно отправиться в Бендеры, найти там Кисловского, передать ему секретные документы и задание перейти границу, чтобы сообщить о случившемся провале подпольной организации в Тирасполь и в закордонный отдел обкома партии в Одессе.

Прибыв в Бендеры, я остановилась по указанию П. Ткаченко у его матери, Смарагды Дмитриевны Антиповой. Это

варивали к смертной казни; в 1924 году избран членом Центрального Комитета Компартии Румынии. Убит румынской тайной полицией 5 сентября 1926 года.

была средних лет женщина с милым и добрым лицом. Ни она, ни ее три дочери ни о чем меня не спрашивали. Переночевав в их доме, я утром отправилась к Кисловскому. На пороге дома меня встретил высокий, стройный молодой человек с открытой приветливой улыбкой. Это и был Илья Кисловский. Я произнесла условленный пароль, после чего он пригласил меня в дом, где жил вместе с двумя сестрами и двумя малолетними племянницами, которых они воспитывали. Я передала Кисловскому задание и осталась ждать в Бендерах его возвращения.

Кисловский должен был вернуться в Бендеры через два дня. Но прибыл он лишь на четвертый. На следующее утро мы выехали в Кишинев. В пути вели себя как незнакомые. В поезде из разговоров попутчиков стало известно, что на кишиневском вокзале обыскивают всех приезжающих. Кисловский шепнул мне: «Я выпрыгну с поезда, увидимся в Кишиневе». И на подходе поезда к полустанку он прыгнул из вагона. Я обомлела от ужаса, но и виду не подала, что мы знакомы. В Кишиневе я рассказала обо всем Павлу Ткаченко. Он тут же послал товарищей для розыска Кисловского, но вскоре тот явился сам.

Отдыхать было некогда. Нужно срочно выполнить еще одно ответственное поручение: организовать новые пункты переправы и наладить регулярную связь с советским левобережьем Днестра. И это задание было выполнено, связь восстановлена.

О Кисловском и о его семье можно было бы многое рассказать, но я коснусь лишь отдельных эпизодов его яркой, но очень короткой жизни. То, о чем я пишу, проходило у меня на глазах, и в описываемых событиях довелось участвовать и мне.

Когда последствия провала были в общем ликвидированы и подпольная работа развернулась во всех районах Бессарабии, понадобилась постоянная хорошо законспирированная штаб-квартира в Кишиневе. Мы пришли к выводу, что такую квартиру может снять только целая семья. Но кто на это согласится? Помог опять Кисловский. Он сказал, что готов переехать из Бендер в Кишинев вместе с сестрами и детьми. Старшая сестра Кисловского, зная, что подвергает серьезной опасности не только себя, но и детей, несмотря на это, тоже сразу согласилась. Через несколько дней Кисловские были в Кишиневе.

Чтобы создать видимость солидной семьи, решили, что необходима еще и супружеская чета. Роль «жены» Кислов-

ского поручили мне. Квартиру мы сняли в Маринском переулке, тихом тупике, с выходом на другую улицу, где снимал еще одну конспиративную квартиру подпольщик товарищ Швидкий.

В нашей квартире почти всегда находился Павел Ткаченко. Здесь у него бывали многие руководящие работники бессарабского и румынского подполья. Тут же устроили тайники, в которых хранили документы, нелегальную литературу и оружие. Отсюда во все концы Бессарабии шли директивные указания партийному подполью, документы, литература. В нашей квартире останавливались во время приездов в Кишинев видные деятели румынского подполья Доброчаев, Маркович, Биби и другие. Бывали и подпольщики из Болгарии и Буковины. Неоднократно с левобережья Днестра приезжали к нам товарищи Бадеев, впоследствии секретарь Молдавского обкома КП(б)У, Старый, впоследствии председатель Совета Министров Молдавской АССР, и другие.

Долгое время благодаря строгой конспирации эта квартира оставалась вне подозрений сигуранцы¹. Вся работа проходила по ночам, а днем здесь вела размеренную жизнь «тихая благопристойная семья».

Но однажды, зимой 1920 года, в нашей штаб-квартире выдалась беспокойная ночь. Кисловский только что вернулся с левобережья, откуда привез директивы и литературу; с ним прибыла уехавшая в Советскую Россию после провала Полина Семенова. Во время переправы Полина попала в прорубь, и теперь ее мучила сильная простуда. У старшей сестры Кисловского был сердечный приступ, а младший племянник тоже чем-то болел и плакал.

В этой обстановке Ткаченко разбирал почту и готовил материал для отправки за кордон и в районы. Я же красила в черный цвет рыжую шевелюру нашего товарища Серебриера, который должен был на следующий день уезжать на конференцию в Вену. Почему-то, несмотря на то что я действовала строго по инструкции, цвет волос Серебриера получился не черный, а зеленый. Я даже заплакала от досады, да и сам рыже-зеленый Серебриер был в отчаянии. Ткаченко тоже пробовал перекрасить шевелюру товарища, но и у него ничего не получилось. Тогда решили обрить Серебриера наголо. За это дело взялся Кисловский. Серебриер уже был наполовину побрит, когда в нашем тихом переулке послы-

¹ Румынская тайная полиция.— Ред.

шался шум. Выглянув на улицу через глазок парадного входа, я убедилась: в переулке полиция!

Немедленно вся работа была свернута, все материалы запрятаны в тайник. Но что делать с полупобритым Серебриером, на след которого напала сигуранца и усиленно разыскивала? Что делать с больными, с Ткаченко после совершенного им побега из сигуранцы, с Кисловским и Семеновой, только что прибывшими из Советской России?

Ничего не оставалось, как погасить свет и ждать «гостей» с оружием в руках. Так и решили. Наше волнение трудно передать! Никто не думал о себе, каждый беспокоился за судьбу товарищей, оказавшихся в западне, за судьбу подпольной организации. К счастью, все обошлось благополучно, полицейские не заходили в наш дом. На следующий день Кисловский и Серебриер уехали, Семенову я отвела на другую квартиру. Ткаченко перестал бывать здесь, все секретные материалы мы перевезли в другое место. На старой квартире осталась лишь сестра Кисловского с детьми.

Штаб-квартиру в Маринском переулке раскрыли лишь через несколько недель. Меня дома не было, сестру Кисловского арестовали. В сигуранце ее пытали, но она не проронила ни слова. На очных ставках никого не признавала, твердила, что живет одна со своими мальчиками и никого не знает. Ее долго еще держали в застенках сигуранцы, но в конце концов вынуждены были выпустить из-за отсутствия улик. После освобождения она продолжала работать в подполье, но в декабре 1921 года снова была арестована и заключена в тюрьму...

О Павле Ткаченко много писали как о молодом талантливом руководителе бессарабского, а затем и румынского подполья. Мне, как и всем другим товарищам, которым приходилось проводить вместе долгие зимние ночи в нашей штаб-квартире в Маринском переулке, дорога память о нем и как о человеке, друге, товарище. Веселый и жизнерадостный, мягкий и чуткий к товарищам, в свои двадцать с небольшим лет он был в то же время требовательным, вдумчивым руководителем, непререкаемым авторитетом для нас всех.

Вспоминается такой факт. Однажды полиция арестовала на улице одного нашего товарища, у которого был обнаружен важный документ. Последовали аресты. Чтобы исключить в дальнейшем такие случайности, Ткаченко потребовал, чтобы все подпольщики научились глотать бумагу. Он первым смял клочок газетной бумаги, разжевал его и про-

глотил. Остальные товарищи последовали его примеру, а я давилась, меня тошнило. Но Павел был неумолим.

— Глотай! В подполье коммунист должен уметь все делать, если этого требуют обстоятельства.

Смелость и предприимчивость Ткаченко граничили подчас с дерзостью. Мне особенно запомнился один случай. Я снимала конспиративную квартиру на Рейнской улице, у старой генеральши. Комната была удобная, с черным ходом. Мы устроили там большой тайник. Эту квартиру знал только Кисловский, доставлявший сюда материалы из Советской России. Здесь же хранились и чистые бланки паспортов, различные удостоверения, этикетки и пломбы торговых фирм, которыми мы пользовались для отправки нелегальной литературы под видом мануфактуры.

В один из приездов Кисловского Ткаченко распорядился, чтобы вся привезенная им литература была отправлена в районы на следующий же день. Это была большая работа, требовавшая времени. Нужно было разобрать литературу, упаковать ее, наклеить этикетки, завязать, наложить на каждую пачку пломбу, с тем чтобы снабдить на следующий же день этой «мануфактурой» наших «коммивояжеров». Вдвоем с Кисловским мы поздно ночью закончили работу, убрали все в тайник, но одну пачку случайно забыли на диване. Безопасности ради я никогда не оставалась ночевать в этой комнате, поэтому мы заперли дверь и ушли.

На следующее утро, как было условлено, я подъехала к дому на пролетке («извозчиком» был тоже наш товарищ), чтобы вынести подготовленные к отправке пакеты. У ворот дома меня встретил сын хозяйки и сообщил, что ко мне в комнату забрался вор, которого поймали и увели в полицию.

— Замок он сломал,— сказал юноша,— но я ввинтил кольца и повесил на дверь новый замок. Вот вам ключ. Вор хотел утащить пачку мануфактуры, надорвал упаковку и, увидев, что в ней книги, оставил на месте. Он успел взять лишь какую-то мелочь. Мы его поймали и отвели в полицию.

Что-то долго там разбираются,— продолжал сын хозяйки.— Не будете ли вы так добры пойти со мной в полицию, чтобы выяснить, в чем дело. К тому же ведь вы и пострадавшая...

Снимая комнату, я выдала себя за учительницу, поэтому объяснила юноше, что в пачке действительно находились учебники, за которыми я приехала. К сожалению, не могу поехать в полицию, меня ждут в школе с учебниками. Я их отвезу, а потом заеду в полицейский участок.

Не успела я закончить разговор, как увидела приближавшуюся к дому хозяйку в сопровождении вора и полицейских. Мне предложили пройти вместе со всеми в мою комнату. Я оказалась в ловушке. Сделав незаметный знак «извозчику», чтобы подождал, я поднялась первой по полутемной лестнице. Улучив удобный момент, по-мальчишески стремительно спустилась вниз по перилам, вскочила в поджидавшую пролетку, и мы умчались.

Запутывая следы, мы некоторое время колесили по переулкам. Так я добралась до квартиры Анны Школьник, где переоделась в платье ее матери. Накинув на голову платок, закоулками и проходными дворами прошла в Маринский переулок, где застала Ткаченко. Положение было серьезным: если полицейским удастся обнаружить тайник, это грозит провалом кишиневской и местным организациям. Ткаченко тут же принял решение во что бы то ни стало очистить квартиру на Рейнской улице и вывезти оттуда нелегальные материалы.

Для этой операции подобрали группу из десяти товарищей, вооружив их пистолетами и гранатами-лимонками. Наши боевики были незаметно расставлены неподалеку от дома, в конце и начале улицы. Согласно разработанному Павлом плану я должна была одна подняться в комнату, быстро собрать документы и тихо уйти. На случай, если в доме оставлена засада и меня схватят, товарищи должны были вызволить меня, применив в случае необходимости оружие.

Однако наша разведка установила, что моя комната заперта и двери ее охраняют два жандарма. Тут же у Павла возник новый план. На первом этаже дома жили две знакомые нам служанки. К ним мы и отправили нашего разведчика Л. Лебедева, который предложил служанкам устроить вечеринку и пригласить к себе жандармов. Женщины согласились. Лебедев дал им денег. Когда наступил вечер и разведка донесла, что оба жандарма уже лыка не вяжут, мы с Кисловским отправились выполнять задание.

Через несколько минут после того, как я вошла в комнату, Кисловский тоже поднялся наверх. Вдвоем мы быстро очистили тайник, захватили оставшуюся «мануфактуру» и без помех умчались на «извозчике», ожидавшем нас за углом. Задуманная Павлом Ткаченко операция блестяще удалась.

Больше двух лет мне довелось работать в подполье под непосредственным руководством Павла Ткаченко, сразу по-

сле его появления в Кишиневской партийной организации. По его поручению я не раз ездила в Бухарест, Яссы, Черновицы и другие города. Блестящий организатор, он с первых же дней стал играть руководящую роль в организации. Простой и скромный в обращении с товарищами, он пользовался не только уважением, но и любовью всех тех, кто его знал. Именно поэтому с такой болью в сердце была воспринята всеми нами весть о его зверском убийстве осенью 1926 года «при попытке к бегству». Мотивировка, ставшая обычной в те годы в буржуазной Румынии, которой пользовались, чтобы избавиться от стойких и особо опасных для буржуазии революционеров. Такая же участь постигла и нашего отважного подпольщика Кисловского и еще многих близких мне товарищей, с которыми довелось работать в коммунистическом подполье.

ЧЕРЕЗ ДВЕ ГРАНИЦЫ

На революционный путь я вступила под влиянием старших братьев — Якова и Бориса, активных участников коммунистического подполья в Бессарабии. В частности, мой брат Борис Шут (позднее переименовавший фамилию на Борисова) в феврале 1919 года вошел в состав первого подпольного обкома партии в Кишиневе. Наш дом был явочной квартирой подпольщиков.

Весной 1919 года произошел первый крупный провал подпольной организации. Б. И. Шут был арестован на конспиративной квартире и летом 1919 года на знаменитом «процессе 108-ми», состоявшемся в Кишиневе, был приговорен к десяти годам каторжных работ. Я была в зале суда, когда оглашали приговор, и хорошо помню мужественное поведение брата и его товарищей-коммунистов.

Под влиянием роста рабочего движения в Румынии, непрекращавшегося революционного брожения в Бессарабии власти вынуждены были назначить новое судебное разбирательство в Яссах, в результате которого большинство товарищей, осужденных на «процессе 108-ми», были освобождены. В том числе вышел на свободу и мой брат. В октябре 1920 года Борис вернулся в Кишинев и сразу же окунулся в партийную работу. Он был кооптирован в состав бюро подпольного обкома и работал вместе с Павлом Ткаченко, который возглавлял обком.

В тот период я уже была членом Коммунистической партии и принимала участие в работе подполья.

Помню, в декабре 1920 года Борис сказал мне, что Ткаченко решил дать мне важное поручение, связанное с поездкой за границу, в Болгарию, и я должна готовиться: оформить получение заграничного паспорта, закончить свои дела со школой (я была ученицей седьмого класса профессиональной женской школы в Кишиневе).

О Павле Ткаченко я много слышала, несколько раз видела его на улице и на подпольном собрании; мы все знали, что летом 1920 года он совершил побег из кишиневской си-

гуранцы, и уже тогда его имя для нас, юных коммунистов, было овеяно легендами. С большим волнением я ждала встречи.

В один из последних дней декабря Борис пришел к нам домой (он не жил с нами, а постоянно находился на конспиративных квартирах) и сказал, что встреча с Ткаченко состоится сегодня. Вечером в условленном месте встретила Павла. Мы пошли рядом, немного впереди нас шел Борис. Ткаченко сказал, что подпольный комитет поручает мне отвезти секретные партийные документы в Софию Генеральному секретарю ЦК Болгарской коммунистической партии товарищу Коларову. Мне был дан строгий наказ — вручить документы лично Коларову, без свидетелей. Эти документы — два кусочка полотна с написанным на них текстом — я получу в день отъезда, о содержании их я ничего не буду знать, этого требуют законы конспирации. Закljučая беседу, Ткаченко сказал, что Коларов решит вопрос о моей дальнейшей судьбе: или поможет уехать обратно в Кишинев, если здесь не будет провалов, или же отправит в Советскую Россию. Пожелав мне благополучно переехать румынскую и болгарскую границы, где меня ожидает тщательная проверка пограничной жандармерией обеих стран, Павел крепко пожал мне руку и быстро ушел.

Здесь, думается, будет уместно сделать небольшое отступление.

Весной 1924 года, когда я была уже в Москве, я встретила Павла Ткаченко и только тогда узнала тайну загадочных полотняных документов. Оказалось, что я доставила Коларову сведения о бессарабском подполье для Балканской коммунистической федерации.

Эта федерация была создана в 1910 году, и в нее входили представители революционных социал-демократических партий Болгарии, Сербии, Румынии и Греции; первое десятилетие она называлась Балканской социал-демократической федерацией, а с 1920 года, когда она вошла в Коммунистический Интернационал, стала именоваться Балканской коммунистической федерацией. Балканская федерация много сделала для создания и укрепления компартий Балканских стран. До военно-фашистского переворота 1923 года в Болгарии руководящий центр федерации находился в Софии. Бессарабское коммунистическое подполье также действовало под руководством Балканской федерации.

Другой документ удостоверял, что я член подпольной коммунистической организации Бессарабии.

Однако вернемся к нашему рассказу о поездке в Софию. ...Через несколько дней после встречи с Павлом Ткаченко Борис принес мне эти два кусочка полотна, которые предстояло перевезти через две границы. То, что секретарь подпольного обкома назвал «партийным поручением», было для меня загадочным и романтическим предприятием. Не следует забывать, что мне тогда было семнадцать лет и стаж моей работы в подполье был еще очень небольшим. Я готова была выполнить задание, не страшась риска, не страшась никаких преград. Неужели я не перехитрю жандармов на границе? Неужели я не справлюсь с перевозкой этих тайственных полотняных документов, так тщательно запрятанных с помощью брата: один — в замок маленького чемодана, который я брала с собой, другой — в корсаж моей серой хлопчатобумажной юбки.

В самом конце декабря 1920 года я выехала из Кишинева поездом по маршруту Яссы — Бухарест — Джурджу с переправой через Дунай на противоположный болгарский берег в город Русе. Я ехала легально и в целях лучшей конспирации присоединилась к семье нашего товарища Радзивиловского. Некоторые члены его семьи уже жили в Софии, и вот мать Радзивиловского и жена его старшего брата с ребенком отправились туда же. Я поехала в Болгарию под видом невесты Радзивиловского.

На румынской границе обыск. Мой маленький чемоданчик кидали из стороны в сторону, искали крамолу и контрабанду... Значительно смягчило ситуацию то обстоятельство, что рядом со мной находились пожилая женщина и молодая женщина с ребенком. В Русе опять обыск, но менее придирчивый. Из Русе мы поехали в Софию. Сразу поразило: в поезде пассажиры громко и оживленно разговаривали, спорили о политике, не опасаясь жандармов, которых в Бессарабии можно было встретить на каждом шагу. В Болгарии в то время у власти было правительство Александра Стамболийского, прогрессивного лидера Земледельческого союза. Это правительство было свергнуто в июне 1923 года в результате военно-фашистского переворота Цанкова, а сам Стамболийский вскоре был убит.

Приехав в Софию в первых числах января 1921 года, я отправилась в Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии, предварительно достав свои полотняные сокровища и уложив их в дамскую сумочку. Компартия действовала легально. Отыскала нужную улицу и дом, поднялась в кабинет товарища Коларова. Помню, что именно там

я впервые увидела большой портрет В. И. Ленина. Коларов был не один, у него в кабинете находился какой-то человек. Коларов пригласил меня сесть, зажег лампу под зеленым абажуром у себя на столе и спросил, с чем я явилась. Помня наказ Ткаченко передать все лично Коларову, без свидетелей, я молчала. Коларов снова задал свой вопрос. Вот тогда-то я очень горячо стала говорить, что не имею права нарушать конспирацию, что о цели своего прихода могу сказать только ему одному. Но Коларов ответил, что это Георгий Димитров, его ближайший соратник по партии, руководитель профсоюзного движения Болгарии, и познакомил меня с ним.

Я отдала Коларову документы. Он их бегло просмотрел и сразу спрятал.

Коларов сказал, чтобы я зашла к нему через несколько дней. Когда я во второй раз была у него в ЦК, он выдал мне деньги — болгарские левы и поручил вести агитационную работу среди русских солдат — бывших военнопленных, оставшихся в Болгарии еще со времен первой мировой войны и находившихся в Софии.

Я была достаточно хорошо информирована о жизни в Советской стране, к тому же, прежде чем послать меня к солдатам, Коларов организовал для меня основательный инструктаж. В общем я была подготовлена к такой работе.

Я посещала казармы, беседовала с солдатами. Они слушали внимательно, очень интересовались всеми событиями, происходившими в родной стране. Рассказывала об освобожденной от капиталистов и помещиков русской земле, о трудностях разоренной империалистической и гражданской войнами стране (Коларов советовал не приукрашивать положения в Советской России, не рисовать его в розовых тонах, а говорить, как все обстоит на самом деле). Когда я еще раз пришла в ЦК Болгарской коммунистической партии, товарищ Коларов сказал, что в Бессарабии началась новая волна арестов и что возвращаться мне сейчас в свой город нельзя.

В одной из последующих бесед Коларов положительно отзывался о моей работе среди русских солдат. При этом он добавил:

— Хорошо, что вы ведете работу среди военнопленных. Ведь это простые обманутые русские крестьяне. Многие из них хотят вернуться домой.

Он сообщил, что решен вопрос о репатриации первой группы солдат в количестве четырехсот человек и что я вместе с ними тоже поеду в Советскую Россию.

Следует подчеркнуть, что В. Коларов — этот интернационалист на деле, имевший большой опыт работы в армии еще со времени Балканских войн 1912—1913 годов, стремился к тому, чтобы русские военнопленные возвращались на родину, хорошо отдавая себе отчет в том, что возвращаются в новую Россию — советскую.

Отправкой репатриантов на родину руководил доктор Калифарский (если память мне не изменяет, он был представителем Красного Креста Болгарии). С ним имелась договоренность о том, чтобы в общей массе военнопленных пропустить в Россию нескольких подпольщиков-коммунистов.

Через несколько дней после этой беседы, в конце января 1921 года, я получила мандат за подписью Коларова и деньги на дорогу. Мандат я должна была предъявить доктору Калифарскому в городе Варне. В обмен на него Калифарский выдал мне документ о том, что я — русская сестра милосердия и возвращаюсь в Россию в составе первой партии русских солдат, отбывающих на родину.

В Варну нас поехало несколько человек, в том числе два товарища, бежавших из Желавской тюрьмы в Бессарабии. Одного из них, Марковича, я знала еще по Кишиневу. По приезде в Варну мы нарушили элементарные правила конспирации. Прямо с вокзала с вещами, правда небольшими, мы все вместе отправились в рабочий клуб, вместо того чтобы отправить туда кого-либо одного узнать адреса, где мы могли бы остановиться. Это, видимо, привлекло внимание полиции, ибо иначе никак нельзя объяснить тот факт, что через несколько дней, накануне отправки парохода в Россию, я была задержана полицией.

Наше пренебрежение суровыми конспиративными правилами легко понять. Дело в том, что после Бессарабии и Румынии Болгария показалась всем нам демократическим раем. Хотя так было только на первый взгляд.

Несмотря на то, что правительство Стамболийского приступило к демократическим аграрным преобразованиям, во внешнеполитических делах стремилось проводить самостоятельный курс и даже предало суду главных виновников вступления Болгарии в первую мировую войну, тем не менее фактическими правителями страны оставались помещики и буржуазия во главе с царской камарильей. Нельзя сказать, что мы не видели этого. Так, будучи еще в Софии, я однажды оказалась на большом собрании, где выступал один из основателей Болгарской коммунистической партии Димитр Благоев. Внезапно в зале появились полицейские.

Однако Благоеву удалось вовремя скрыться. Этот факт свидетельствовал о том, что легальное существование компартии в Болгарии было весьма ограниченным и что предавать забвению правила конспирации никак нельзя.

Наряду с этим в Болгарии все же в то время было много легальных возможностей, о которых в Бессарабии и не мечтали. Во время пребывания в Софии 15 января 1921 года я принимала участие в демонстрации, посвященной памяти Р. Люксембург и К. Либкнехта, зверски убитых немецкими контрреволюционерами за два года до этого в Берлине. Демонстранты шли по центральным улицам болгарской столицы, и никто из нас не прятался.

Вернусь к прерванному рассказу о своем пребывании в Варне. Я жила на конспиративной квартире в семье одного железнодорожника. Квартира состояла из двух смежных комнат. Накануне отправки парохода в Одессу ко мне зашли два румынских товарища. Мы сидели в дальней комнате, беседовали; документы на отъезд у всех уже были оформлены. Неожиданно наша беседа была прервана стуком во входную дверь. Я вышла, в первой комнате стоял полицейский. Он вежливо попросил меня пройти с ним в ближайший участок. Под тем предлогом, что мне нужно взять документы и одеться, я вернулась во вторую комнату и сказала товарищам, что за мной пришли из полиции. Полицейский во вторую комнату не заглядывал, обыск не производил.

Полицейский участок оказался недалеко от нашей квартиры. Там меня тщательно обыскали, и начался допрос. Вел его русский врангелевский офицер. Белогвардеец уговаривал меня не ездить в «разоренную, варварскую Россию», обещал дать денег на обратную дорогу в Софию. Долго и пристрастно расспрашивал о родных, оставшихся в России, донимал вопросами, когда и при каких обстоятельствах попала в Болгарию и т. д. Во время допроса, который длился, насколько мне помнится, не менее двух часов, раздался телефонный звонок. Офицер взял трубку, и я заметила, как на лице его промелькнуло недовольство. Наконец меня отпустили, продержав в участке еще около получаса. При расставании мне было сказано: «Если завтра вас не пропустят на пароход, приходите сюда, получите деньги на дорогу в Софию».

Когда я вернулась на квартиру, мне подробно рассказали, кто и как меня выручил из полиции. Оказалось, что, как только меня увели, товарищи немедленно сообщили о моем аресте городскому голове, который был коммунистом. После этого мне стало понятно, почему телефонный звонок вызвал

недовольство офицера и почему он был вынужден меня отпустить.

Наконец настал день нашего отплытия в Одессу. Под видом репатриантов из Болгарии выезжало девять подпольщиков-коммунистов, в том числе румынские товарищи, бежавшие из Желавской тюрьмы. Никто из них не знал, или почти не знал, русского языка, и это обстоятельство всех нас тревожило. Мы опасались, что могут быть заданы вопросы во время посадки на пароход при проверке документов, но все обошлось благополучно. Меня сразу спрятали в трюм, там же вскоре оказались и остальные мои спутники. И не напрасно. Была произведена вторичная проверка документов на самом пароходе до его отплытия, но проверяющие чиновники до трюма не добрались. Уже в открытом море все мы встретились в кают-компани.

В Одессе нам устроили торжественную встречу. В порту состоялся большой митинг. Советские ораторы приветствовали возвращение на родину русских солдат, говорили о трудностях строительства новой жизни, призывали включиться в борьбу с разрухой, голодом на свободной советской земле, очищенной от белогвардейцев и интервентов.

...Спустя пятнадцать с лишним лет после моей поездки в Болгарию, осенью 1936 года, я снова встретила с товарищем Василием Коларовым, теперь уже в Москве.

Идет заседание Ученого совета исторического Института красной профессуры (в то время после окончания этого института я осталась в нем на преподавательской работе и некоторое время была исполняющей обязанности его директора). Я за столом президиума. Предоставляю слово В. Коларову, выступающему официальным оппонентом на защите диссертации на тему из истории революционного движения Болгарии.

После защиты состоялось товарищеское чаепитие. В. Коларов вспомнил меня и, к удивлению присутствующих, обращаясь ко мне, назвал меня товарищем Ткаченко. Фамилию этого мужественного революционера, погибшего в 1926 году, Коларов забыть, конечно, не мог. Помнил также, что по поручению Павла Ткаченко я ездила к нему в Болгарию в 1921 году...

И сейчас, будучи уже в пожилом возрасте, я с радостью и гордостью вспоминаю этого выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического движения, я счастлива, что была с ним знакома.

ГИМН НОВОЙ ЖИЗНИ

«Мое занятие — партийная работа», — с гордостью заявила Рома в 1926 году перед судом буржуазной Польши. Она не прекращала этой работы и за стенами тюрьмы, которая на шесть лет вырвала ее из строя борцов.

Революционная биография моей сестры Романы Вольф-Езерской началась задолго до этого, в царской России, в нелегальных кружках молодежи. А вскоре и в рядах подпольной большевистской организации, членом которой Рома стала в семнадцать лет.

Бесстрашный и самоотверженный романтик, она и после победы Октября не искала в жизни легких путей, считая себя «революцией мобилизованной и призванной». Рома прожила тридцать восемь лет, не зная и года спокойной, «мирной» жизни и работы, — она всегда рвалась на самые трудные, опасные участки, туда, где было всего нужнее для партии.

Обаятельная, жизнерадостная девушка, жизнелюб, «каждой каплей крови», как писала она, ощущающая, «как пахнет жизнь вкусно»¹, добровольно отказывается от благоустроенной жизни, учебы, личных радостей и благ. В этом не было и тени самоотречения — в беззаветной борьбе за счастье народа Рома находила великую радость жизни.

«Дорогая, любимая моя, — писала она матери тайно из тюрьмы, — не горюй обо мне! Я из тех людей, которые везде счастливы, ибо счастье в себе носят».

Партийная работа стала для Ромы делом всей ее жизни, ее призванием. Первый большевистский горком в Чернигове после Октября, нелегальная работа на оккупированной Украине и на Дону, ВЧК, Коминтерн и тринадцать лет подпольной работы в Коммунистической партии Польши, аресты, тюрьмы — вот ее путь — путь профессионального революционера, которым Рома и была, по сути дела, всю жизнь.

¹ Заголовок книги стихов А. Безыменского.

В 1920 году на своей фотокарточке сестра написала мне: «Жить — значит, взяв, с весельем жизнь отдать свою». Отдать жизнь, родная, жизнь яркую, как цветок мака, полную, как чаша до краев, — это не самоубийство.

Это радость жизни,
любовь к жизни,
гимн новой жизни».

Вот она передо мной, эта карточка. На обороте ее надпись карандашом... За пятьдесят пять лет не стерлась! И фото девушки — юное лицо, глубокие выразительные глаза, мальчишеская стрижка. А за плечами у Ромы уже денкинское подполье, фронт...

Мысли уносят меня в те далекие незабываемые годы. Сколько раз я бережно перелистывала страницы памяти, страдая от того, что немного в ней уцелело из жизни единственной любимой сестры, товарища, друга. И все же... как много еще воспоминаний, фактов, прекрасных в своей мужественности писем на волю из тюремных застенков, и как трудно отбирать из них немного. Яркий, полный революционной страсти образ Ромы, ее романтическую биографию, в которой волнующих событий и поворотов хватило бы на многосерийный фильм, я с трудом пытаюсь уложить в очерковые рамки.

Романа Давыдовна Вольф-Езерская родилась на рубеже нынешнего века — в декабре 1899 года в Варшаве, в прогрессивной интеллигентной семье. Мать, Б. Узданьска, также родом из Варшавы, и родным языком в семье был польский. Дети — две дочери и сын — жили дружно.

Часть Польши с ее столицей Варшавой входила тогда в Российскую империю и находилась под пятой царизма. Гимназия, в которой училась Рома, где подавлялась всякая живая мысль, вызывала в ней неизменный протест. Сказывалось и влияние родителей. Отец, выходец из бедной семьи в Могилевской губернии, человек светлого ума, самоучкой овладевший знаниями, и мать — соученица Розы Люксембург, в юности учительница, сочувствовали революционным идеям. И детей растили на творениях Мицкевича, Жеромского, проникнутых идеями борьбы за социальную справедливость.

Среди родных матери были композитор, художник, врач — люди свободомыслящие. Не случайно спутники нашего отрочества, двоюродные братья С. и Э. Узданьские,

стали польскими комсомольцами-подпольщиками, а в дальнейшем — видными деятелями Коммунистической партии Польши и Коминтерна. Большое влияние на юную Рому оказал и живший тогда у нас брат отца, М. М. Вольф — известный ученый-агроном, социал-демократ, впоследствии заместитель народного комиссара совхозов СССР, коммунист с 1919 года.

Среда, в которой мы с детства росли в Варшаве, вся атмосфера в семье оставили в душе Ромы неизгладимый след. И не только Ромы. Все трое — я, сестра и брат — стали большевиками с ранней юности. Родители всю жизнь были нашими друзьями, единомышленниками, гордились нами, а в трудные дни выручали, как могли.

В 1915 году, в империалистическую войну, семья переезжает в Чернигов, где жила сестра отца. Ее дочь, шестнадцатилетняя гимназистка, была уже большевичкой. Она познакомила нас с участниками подполья. В тихом, утопающем в садах Чернигове под неусыпным оком полиции, в глубоком подполье, вела активную работу большевистская организация, а под ее руководством — целая сеть подпольных кружков — рабочих и ученических.

Вскоре и Рома — участница одного из таких кружков, изучает марксистскую литературу. Но не только в кружке формировалось ее революционное сознание, а и в личном общении с опытными, стойкими большевиками-подпольщиками Ю. Коцюбинским, С. Соколовской, В. Примаковым. В шестнадцать лет Рома выполняет поручения большевиков, встречается с рабочими, хранит и выдает подпольщикам нелегальную литературу.

Еще не будучи членом партии, Рома становится руководителем подпольного кружка работниц, чем она очень гордилась. Уже тогда у девушки выявился дар пропагандиста, — Рома обладала редким умением пробуждать в малограмотных работницах классовое сознание.

Вот фото черниговской работницы, бывшей участницы ее подпольного кружка. Короткая стрижка, полувоенный френч, юное волевое лицо. На обороте дата — 1922 год — и надпись: «Славная Рома! Мне захотелось подарить тебе свою фотографию в честь того, что ты первая влила в меня коммунистический дух... я сделалась закаленной коммунисткой».

Занятия Роминого кружка происходили в нашей комнате. Чтобы отвлечь внимание полиции, мы ее маскировали под комнату «артистки» — у окна пианино, всегда звуки музыки,

езде цветы, картины. А в комод, под бельем,— часть подпольной большевистской библиотеки. С согласия родителей нашу комнату использовали и для других конспиративных целей. В Черниговском историческом музее в списке «Памятные места дореволюционного большевистского подполья в г. Чернигове» есть запись: «Квартира Романы и Елены Вольф на Северянской улице — в 1915—1917 гг. место занятий подпольных кружков и подпольных собраний Черниговской организации большевиков».

В январе 1917 года Рома становится членом черниговской подпольной организации РСДРП. Февральскую революцию она встречает уже большевичкой. Роме едва исполнилось семнадцать лет, но со свойственной ей энергией она включается в партийную работу в новых легальных условиях, а в мае 1917 года избирается в состав первого большевистского комитета города Чернигова. В те бурные дни ярко раскрылся в Роме талант агитатора. На собраниях и митингах она полемизирует с меньшевиками и эсерами, страстно отстаивая идеи Ленина.

Незадолго до Октября я уехала из Чернигова, связь с сестрой оборвалась. Лишь спустя почти полвека, в канун пятидесятилетия Октябрьской революции, мне довелось побывать в Чернигове. Работая в партийном архиве обкома партии, я наткнулась на подлинники протоколов Черниговской организации большевиков за 1917 год, написанные от руки. С каким душевным трепетом я их листала, с трудом, иногда в лупу рассматривая ветхие, пожелтевшие страницы.

Вот большой протокол заседания партийного комитета совместно с руководителями черниговского гарнизона, где кипит страстный спор — быть ли в Чернигове Советской власти или диктатуре военных. С огромным волнением я сразу узнала, что этот протокол написан бисерным почерком моей тогда еще совсем молоденькой сестры Ромы. Из других протоколов следовало, что вскоре после Октября, в решающий период борьбы за утверждение Советской власти в Чернигове, Рома была избрана членом городского комитета большевиков, его секретарем. Так для меня открылась первая страница ее партийной биографии.

В феврале 1918 года, в разгар партизанской борьбы против оккупантов и гетманщины, ЦК КП(б) Украины направляет Рому в Харьков в качестве секретаря подпольного городского комитета большевиков. Для нее это начало новой, самостоятельной жизни и работы — суровой и ответственной.

С грустью Рома расстается с родной Черниговской организацией, воспитавшей и вырастившей из романтической гимназистки нестигаемого большевика.

Теперь в Харькове, в ее комнате, явка Центрального ревкома Украины и Донбасса.

За строгую конспирацию, четкость, организованность Рома, несмотря на свои восемнадцать лет, пользуется большим авторитетом у бородачей-партизан, приезжающих по делам ревкома, и у харьковских большевиков-подпольщиков.

Ее выслеживают. Летним вечером, когда Рома возвращается домой, ее встречает на углу молодой парень: «Я ваш сосед, незнаком с вами, но догадываюсь, кто вы. Уходите скорее, у вас в комнате засада, стражники!»

Ей удастся скрыться. Несколько дней с печатью подпольного горкома Романа скитается по Харькову, ночует на кладбище. Связавшись с товарищами, она пробирается домой, в Чернигов. Поздно вечером, в темноте, стучится в дверь деревянного домика на Северянской улице (ныне улица Коцюбинского). Но потрясенная мать, увидев нарядную «паненку», не дает ей переступить порог родного дома: «Ромочка, уходи! У нас были полицаи, все перевернули... Тебя ищут!»

За голову юной Ромы назначена большая сумма золотом. Не присев, не обняв родителей, она уходит, скрывается в лесу, сумев предупредить товарищей. С их помощью отец ночью увозит ее на подводе в Гомель.

Здесь, в Полесье, Романа — член подпольного горкома большевиков и Гомельского ревкома. Работает под кличкой Бржезовская, не раз совершая из подполья опасные вылазки, пробираясь по партийным делам в Москву. Передо мной маленького размера бумажка с четкой надписью чернилами: «Полесская организация коммунистической партии большевиков делегирует тов. Бржезовскую в Москву в ЦК партии коммунистов-большевиков. 24 августа 1918 года». И печать подпольного горкома.

В конце 1918 года Роману мобилизуют в Красную Армию, в распоряжение политотдела Южного фронта. Оттуда ее вместе с другими опытными подпольщиками направляют в Ростов-на-Дону, в гнездо белой армии Деникина. Для Ромы это уже третье подполье — самое трудное и опасное. Теперь она Елена — член Донкома, областного подпольного комитета большевиков, и председатель Таганрогского подпольного окружка. Выполняет также задания особого отдела

Южфронта. Среди хранящихся в архиве документов фронта — ее рапорты о работе в тылу врага.

Сколько нужно изобретательности, воли, выдержки, нервного напряжения, чтобы не выдать себя, не попасть в руки лютого, озверелого врага, рвущегося к Москве, не стать жертвой жесточайшей деникинской контрразведки! На каждом шагу смерть заглядывает ей в глаза.

Вот Елена в деникинском агитпоезде «Молния» едет из Ростова в Нахичевань, разыгрывая кокетливую польку, дочку помещика, бежавшую от большевиков. На вагонах эмблема — скрещенные череп и кости. А в купе, на полке, небрежно брошенный Ромой чехмоданчик с листовками подпольного обкома. На станции его снимает с полки и несет вслед за хорошенькой «панной» галантный деникинский офицер.

Дерзость, бесстрашие, опыт подполья выручают Рому и помогают оставаться неуловимой. Все пускалось в ход: и обаяние молодой красивой девушки, и ее природный ум, и находчивость. На военном судне со штабистами Деникина Рома добирается до занятого врагом побережья и, всячески ухищряясь, переходит фронт с донесениями о деятельности подпольных организаций на юге Украины.

Летом 1919 года, в связи с провалами и арестами в Ростове многих подпольщиков, Романа по решению партийного комитета выезжает на советскую территорию, в Москву.

Сохранился документ, с которым она совершила этот опаснейший переход через линию фронта, — узенькая полоска солдатского полотна с четкой надписью химическим карандашом: «Выдано тов. Елене в том, что она состоит членом областного комитета РКП(б) и председателем Таганрогского окружного комитета Российской Коммунистической партии большевиков. Товарищ делегируется в Советскую Россию по партийному делу. 4.VI.19 г.». Подпись: председатель Анна, секретарь Мария. И печать Донского подпольного областного комитета большевиков.

С этим «мандатом», искусно заделанным в шов одежды, Романа переместилась на советскую территорию. И вот она в Москве — впервые на легальном положении, под своим собственным именем. Как раз в те дни и я вернулась в Москву из Самары, куда была послана на партийную работу после разгрома Колчака. Наконец-то мы с сестрой проживем вместе — редко случалось в нашей жизни такое счастье! Но Рома сразу опасно заболевает, ее увозят в Солдатенковскую (ныне Боткинскую) больницу.

...Суровая, голодная Москва 1919 года. Опустевшие улицы, трамваи не ходят. Каждый день шагаю пешком с Таганки на другой конец Москвы — в больницу. Рома в тяжелом состоянии. И я не отхожу от нее. После огромного нервного напряжения в деникинском подполье сестра мечется в бреду, ее привязывают к койке. Температура — сорок, а в больнице холодно, голодно. Выживет ли?..

К счастью, молодость одолела грозную болезнь. Не отдохнув, не побывав в Чернигове у родителей, которые жили в вечной тревоге за дочь-подпольщицу, Рома уезжает на Южный фронт. В девятнадцать лет она начальник политотдела 15-й Инзенской стрелковой дивизии. Это уже не та юная красотка, что «пленяла сердца» деникинских офицеров. На фронт приезжает коротко остриженная худенькая девушка. Серые вдумчивые, повзрослевшие глаза и решительный взгляд, в котором иногда мелькают стальные искорки, говорят о том, что перед нами закаленный боец партии.

В промежутках между фронтами Рома в Москве, член бюро Краснопресненского райкома партии. А когда началась война с белополяками, ее направляют на Западный фронт. С 1920 года Рома — секретарь Реввоенсовета Западного фронта и ближайший помощник члена РВС И. С. Уншлихта, выполняет его ответственные задания.

Вот удостоверение от февраля 1921 года за подписью Уншлихта: «Тов. Езерская, секретарь Реввоенсовета Запфронта, командировается в г. Москву... Тов. Езерской поручается Реввоенсоветом доставить секретные пакеты в Наркоминдел тов. Чичерину и Польбюро».

На Западном фронте особое значение имело знание польского языка. В телеграмме на имя члена РВС И. С. Уншлихта В. И. Ленин подчеркивал необходимость «усилить чрезвычайно агитацию на польском языке»¹. Прекрасно знающая польский язык, Рома привлекается для секретной работы на Западном фронте под очередной кличкой Янка. Об этом свидетельствует крошечный полотняный лоскуток. Текст четко и разборчиво написан на польском языке и заканчивается словами: «Товарищ Янка пользуется нашим полнейшим доверием». (Перевод мой. — Е. В.)

И вдруг — беда! Не раз потом Рома рассказывала, как в объезд красноармейских частей выехали две автомашины — с командующим фронтом Тухачевским и членом РВС Уншлихтом. Первая машина прошла благополучно. Вторая, в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 158.

которой находилась и Рома, обрушилась в реку. Рома упала на колья взорванного моста. С ней ценности и печать Реввоенсовета, с которой она не растает. И первый вопрос, когда девушка пришла в сознание, — уцелели ли они. Два трудных месяца в больнице — и, еще не окрепшая, с поврежденным позвоночником, Рома опять в Реввоенсовете фронта.

В 1921 году ЦК РКП(б) отзывает Роману в Москву. «Секретарь РВС тов. Езерская отзывается ЦК для партийной работы», — говорится в приказе РВС Западного фронта за подписью командующего фронтом Тухачевского и члена РВС Уншлихта. Приказ отмечает: «За все время пребывания на фронте тов. Езерская проявила максимальную энергию, выдающуюся работоспособность и политическую выдержку... С сожалением расставаясь с таким выдающимся работником, Реввоенсовет выражает тов. Езерской свою глубокую признательность».

Снова Москва, горячие дни 1921 года. По просьбе Московского комитета партии сестру оставляют в Московской партийной организации. Она инструктор и член Бауманского райкома партии. С радостью Рома погружается в гущу любимой партийной работы. Сохранилась ее записная книжка, полная выцветших от времени записей о состоянии, нуждах, настроениях рабочих каждого цеха, завода, фабрики. Но вскоре она расстается с райкомом. Центральный Комитет партии направляет Р. Езерскую в ВЧК, в распоряжение товарища Дзержинского.

С 1921 года Романа — секретарь коллегии и президиума ВЧК — ОГПУ — учреждения, о котором Ленин сказал, что без него власть трудящихся существовать не может.

Три года трудной, напряженной работы на фронте борьбы с контрреволюцией под руководством Дзержинского потребовали от Ромы уйму сил. До поздней ночи всегда освещено ее окно, находившееся между кабинетами Дзержинского и Уншлихта.

В 1924 году Романа назначается ответственным секретарем редакции журнала «Молодая гвардия» — органа ЦК РКСМ. Впервые за семь лет после Октябрьской революции Рома на спокойной работе. Какой легкой, «безмятежной» кажется ей эта работа после ВЧК, подполья, фронтов!.. Вскоре я увидела сестру на экране — в шутивном «юбилейном» фильме к двухлетию «Молодой гвардии». Рома снята за ее редакционным столом, под ниспадающим на нее сверху потоком рукописей, веселая, сияющая, смеющаяся.

Работа в «Молодой гвардии» могла бы стать для Ромы не только отдыхом, разрядкой, но и помогла бы ей осуществить свою мечту. В двадцать три года у Ромы богатый опыт революционной борьбы, но недостает теоретических знаний. Человек светлого ума, она мечтает о высшем образовании.

Еще работая в ВЧК, Рома начала учиться на юридическом отделении Московского университета, отдавая учебе каждую свободную минуту. У нее выявились блестящие способности. Однако продолжать учебу, работая в ВЧК, ей не удалось. В «Молодой гвардии» перед Ромой открывалась возможность получить высшее образование. И она начинает совмещать редакционную работу с учебой в МГУ.

Казалось, после суровых и опасных лет Рома обрела право на учебу, семью, благоустроенный быт. Ведь страна перешла к мирному строительству. Но чем больше налаживалась жизнь советских людей, тем чаще Рома с болью думает о тяжелой доле рабочих и крестьян в буржуазно-помещичьей Польше.

Не один год Рома работала рядом со старейшим деятелем коммунистического движения Польши И. С. Уншлихтом и выдающимся сыном польского народа Ф. Э. Дзержинским. Она хорошо понимала, что судьба и будущее польского народа неразрывно связаны с судьбой русской революции.

На Западном фронте и в ВЧК Рома встречалась и со многими коммунистами-поляками, активными участниками Октября и гражданской войны. Она продолжает общаться с ними,—и ее глубоко волнуют вести об упорной борьбе, стачках, восстаниях польского рабочего класса, об арестах и репрессиях против коммунистов в родном крае. И Рому беспрестанно преследует мысль — разве она вправе спокойно жить, учиться, пользуясь благами советского строя?..

Работа в редакции оказалась для сестры лишь коротенькой передышкой на ее трудном, самоотверженном пути. В том же 1924 году по просьбе Ромы Центральный Комитет РКП(б) отзывает ее из «Молодой гвардии» и направляет в распоряжение Коминтерна. Рома оставляет Москву, родных, полюбившуюся ей работу и учебу и уезжает на нелегальную работу в панскую Польшу.

Опять подполье... Под кличкой Елена Рома работает в ЦК Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), которая входит в состав Коммунистической партии

Польши. Опытная подпольщица вся отдается партийной работе. Снова она лицом к лицу с опасностью, с угрозой жизни на каждом шагу.

Короткие месяцы «мирной» московской жизни, редакционной работы и учебы кажутся Роме сном. До чего же близко пролегла граница с СССР, но трудящиеся Западной Белоруссии живут в совсем ином мире. Повсюду рыщут отряды польской полиции, жандармы, осадники. Забастовки, демонстрации кончаются арестами и разгромом партийных организаций, кровавыми расправами карателей панской Польши.

Огромная ответственность легла на плечи Елены. Она член Секретариата Центрального Комитета КПЗБ, руководит женотделом ЦК, возглавляет поочередно окружные подпольные комитеты партии — Брестский, Виленский, Белостокский. Каким мужеством, умом, энергией, знанием людей надо обладать, чтобы из глубокого подполья руководить революционной борьбой белорусских рабочих и крестьян против социального и национального гнета.

Спустя сорок лет мне довелось соприкоснуться с этой деятельностью сестры, когда я гостила в Варшаве у нашего брата, старого польского коммуниста генерала Л. Кжемень. В Институте истории партии Польши передо мной положили огромную папку в мрачной черной обложке. Это было дело из архива дефензивы (охранки). В донесениях из Западной Белоруссии шефу жандармов за 1924—1925 годы сообщалось о том, как после «принятых мер» — арестов коммунистов и провалов партийных организаций — подпольное движение в ряде районов Западной Белоруссии почти замерло.

С глубоким волнением прочла я последующие донесения о том, как с появлением из партийного центра некой «девицы Елены» подпольная работа в ряде районов Западной Белоруссии вновь «ожилась»... Как в городах, так и в селах, там, где она действует, возникают один за другим новые подпольные «пункты», явки, распространяются революционные воззвания и листовки, организуются «сборища».

Видно, немало забот и хлопот доставила панской охране бесстрашная «девица Елена», пока в 1925 году ее не арестовали. Партии удается освободить Рому под залог. Но оставлять ее в Западной Белоруссии нельзя. И вскоре Рома, под новой кличкой — Марыля, — секретарь партийной организации Домбровского угольного бассейна (Заглембье) в польском городе Сосновец.

Об этом шахтерском городе Рома слыхала от Ф. Э. Дзержинского. Он еще при царизме основал в Сосновце партий-

ную организацию и говорил, что хотел бы, чтобы эта организация всегда оставалась такой же боевой. И Марыля всеми силами старается сохранить революционные традиции, завоевывая уважение и любовь шахтеров. Об этом свидетельствует очерк под заголовком «Романтическая биография. О Роме Вольф-Езерской», напечатанный в № 1 за 1960 год польского еженедельника «Политика».

Автор, один из старейших деятелей Коммунистической партии Польши, кандидат в члены Центрального Комитета ПОРП Эдвард Узданийский, пишет и о работе Ромы в Сосновце: «Марылю хорошо знали... шахтеры «Нивки», «Парижа», «Челяди», металлурги, ткачи, стекольщики, сапожники... Знали Марылю и любили. И оберегали, как могли, от полиции и шпииков».

Э. Узданийский вспоминает, как в напряженные дни, после прихода к власти Пилсудского, Марыля привозила в Варшаву, в Секретариат ЦК, прекрасно написанные ею воззвания — «короткие, страстные, убедительные».

Очерк заканчивается словами: «Ничто не вычеркнет Рому из памяти польских коммунистов, польского рабочего класса. Была рыцарем великого дела — дела коммунизма».

Спустя некоторое время мне прислали из Польской Народной Республики пятый номер той же газеты. Его первую страницу открывает краткое письмо в редакцию — «О товарище Марыльке». Подпись — Францишек Хабинка. Старый рабочий пишет, что он с радостью прочел в № 1 «Политики» за 1960 год статью о жизни и деятельности Марыльки и увидел в газете ее фотографию.

«Могу подтвердить то, что пишет товарищ Узданийский: Марылька была любима, и не только за ее красоту. Она умела прививать партийную дисциплину, выступала четко, проникновенно, доходчиво», — пишет Ф. Хабинка от своего имени и от имени четырех оставшихся в живых товарищей, работавших в сосновецком подполье в 20-е годы.

Этот волнующий отклик старых польских шахтеров — живое свидетельство того, какой глубокий след Рома оставила в их сознании, как под боком у панской охранки она растила мужественных борцов за будущую социалистическую Польшу.

В жестоких условиях подполья ничто не дается даром. Полицейские ищейки давно рыскали за неуловимой Еленой, Марылей... — пять паспортов было обнаружено у Ромы, когда в конце концов ее выследили. В 1926 году Роману арестовы-

вают, и она проходит сразу по трем политическим процессам: в Бресте, Сосновце и Белостоке.

Рому трижды перевозят из одной следственной тюрьмы в другую. Сначала в Брестскую на «процесс 31-го». На Брестщине Романа, как секретарь подпольного обкома партии, по поручению ЦК партии возглавляла руководство партизанскими отрядами Западной Белоруссии. На Брестском процессе она была в числе главных обвиняемых в «покушении на государственный строй Польши». Приговор — шесть лет тюремного заключения.

На всех процессах Роману Вольф-Езерскую считают одним из наиболее опасных преступников и «непокорных» подсудимых и соответственно с ней обращаются. Ее лишают слова, терроризируют угрозами. Но Рома и на скамье подсудимых сохраняет мужество и стойкость, превращая зал суда в агитационную трибуну. После второго суда сестра пишет нам тайно из тюрьмы:

«На Брестском суде я говорила четыре раза, и каждый раз большую политическую речь. На Заглембьевском суде... я ради сотоварищей не могла держать речь. Заявила им только, что мое занятие — партийная работа, и я с гордостью признаюсь, что являюсь членом Коммунистической партии — единственной партии рабочих и крестьян, борющейся за их интересы... Адвокаты просили, чтобы в последнем слове я ничего не говорила. Я согласилась, но устроила им подвох. Сказала: «Перед судом фашистским, цель которого — приговаривать рабочих и крестьян и всех, борющихся за их дело, мне бесцельно говорить». Адвокат испугался, что мне сделают дело об оскорблении суда. Но они этого не сделают, ибо знают, что для меня это был бы новый случай поговорить».

Сколько в этих ее словах вызова, дерзости, уверенности в своих силах и в силе большевистского слова. В своих речах Рома обличает буржуазный суд и прокуратуру, вызывая бешеную злобу и нападки судей. Зато какое впечатление они производят даже на адвокатов, журналистов, какую бодрость вселяют в сердца подсудимых и их близких, сколько слов уважения и одобрения слышит Рома! И какой гордой, радостной возвращается она в черной арестантской карете в свою мрачную тюремную камеру.

Да, радостной! Не могу удержаться, чтобы не привести отрывок одного из самых замечательных ее писем на волю, — так ярко и полно воссоздает оно душевный облик подлинной дочери партии, которая «везде счастлива, ибо счастье в себе носит».

...Если бы вы знали, сколько слов любви я получила от пролетариев Заглембья, то поняли бы, как я богата... Мои сотоварищи по суду забыли о своих родных, все целовали и просили: «Марылька, будь нам здорова». ...А на обратном пути, когда вели в тюрьму, из темного угла выскочили рабочие и работницы и жали руки, целовали меня, передавали, что Заглембье меня помнит и любит. Ну, разве я не богата... Мне так хорошо, так светло!..»

Весной 1928 года открылся наконец в Белостоке главный, получивший широкую известность «процесс 133-х», среди подсудимых на котором были руководящие деятели Центрального Комитета Коммунистической партии Западной Белоруссии. Следствие длилось почти год и было особенно суровым и жестоким. Как-то в камере женщины услышали шум. Бросившись к окошку, они сквозь решетку увидели, как по двору тюрьмы волокли пять девушек — истерзанных, избитых, лица их были изуродованы.

Буржуазная печать называла «процесс 133-х» «ликвидацией КПЗБ». Правительство Пилсудского надеялось этим процессом запугать революционных рабочих и крестьян, опорочить и скомпрометировать в глазах народа и широкой общественности Коммунистическую партию Западной Белоруссии.

Как член ЦК КПЗБ и одна из главных обвиняемых на «процессе 133-х», Романа по поручению ЦК партии должна была выступить на суде с последним словом — большой политической речью. Она уже испытала два года тюрьмы, допросы, суды... Но не иссякли ее воля, бесстрашие, ясность мысли, сила духа. Рома готова выполнить задание ЦК. Пусть в канун приговора 133-м коммунистам-подпольщикам из зала суда на весь мир прозвучит правда о Коммунистической партии Западной Белоруссии!

«...Суд называет Коммунистическую партию Западной Белоруссии кучкой заговорщиков, подготовляющих революцию и вооруженное восстание для низвержения существующего строя,— говорит Романа в своем последнем слове на суде.— КПЗБ не кучка заговорщиков, а массовая политическая партия рабочих и крестьян...

...Революция — это историческая неизбежность, которая наступит вопреки воле и желанию господ судей и классов имущих... Фашистское правительство хочет задушить наступаю-

¹ Письмо написано по-русски.— Е. В.

щую революцию и ликвидировать КПЗБ. Но ликвидировать Коммунистическую партию Западной Белоруссии — это значит ликвидировать рабочих и крестьян. А этого господя судьи никакими средствами осуществить не сумеют...»

Председатель (прерывает): «Это не агитационная трибуна! Говорите о себе, подсудимая, иначе лишая слова...» Он грозит ей удалением из зала. Но Рома продолжает призывать к революционной борьбе и тогда, когда полицейские, заламывая руки и закрывая рот, волоком тащат ее из зала. Это вызывает бурный протест сидящих на скамье подсудимых и еще более накаляет обстановку в зале суда.

«Процесс 133-х» получил широкую огласку. В статье, посвященной участнице процесса Герою Советского Союза Вере Хоружей, «Комсомольская правда» писала:

«Крупный политический «процесс 133-х» в Белостоке проходил в обстановке страшного террора, царившего в Польше при диктатуре Пилсудского. Подсудимые держались стойко, дух их сломить не удалось... Романа Вольф и Вера Хоружая получили самое суровое наказание — по восьми лет каторги. ...Когда был объявлен приговор, подсудимые в едином порыве поднялись с мест и запели «Интернационал»... Полицейские набросились на поющих, осыпая их градом ударов... Те, кто еще стоял на ногах, плотнее прижимались друг к другу и продолжали петь...»

Вести о мужестве, единстве и сплоченности подсудимых-коммунистов и репрессиях, которым они подвергались в дни «процесса 133-х», распространились далеко за пределами Западной Белоруссии.

Для Ромы окончательный приговор был шесть лет тюрьмы строгого режима в городе Ломже. И потянулись день за днем, месяц за месяцем долгие суровые годы заключения — одиночка, окошко с железной решеткой, арестантская койка...

Жизнь политзаключенного полна мучительных, порой трагических минут и переживаний. За любое непокорное слово — карцер, унижения, избиения. Но сильнее всего терзала Рому боль не за себя. Вот полный душевной муки отрывок из ее письма из Ломжинской тюрьмы:

«Любимые... не сердитесь на свою Ромку, что она так мало пишет. Иногда рот так сжимается, что слово из него не легко добыть... Помните рассказ «За стеной»? Когда-то я читала его. Теперь сама переживаешь».

Но не в характере Ромы было падать духом. В дни «процесса 133-х» ее письмо из Белостокской тюрьмы начиналось

словами: «Я, как всегда, сияю и не горюю,— знаете, по принципу «пой и не унывай»». А в письмах сестры из Ломжинской тюрьмы встречаются такие строки: «На свете ведь так много хорошего, что невозможно грустить... Так одуряюще пахнет жизнь, что заглушает всякую боль и грусть... И с тем большей болью думаешь о тех близких, которые неизвестно, дотянут ли, чтобы ощущать ее запах не издали, а вблизи».

Эта забота о товарищах по подполью и тюрьмам, тревога за то, «дотянут» ли они, за их судьбу красной нитью проходит через письма Ромы из тюрьмы. «Сил у меня множество... Как хотелось бы эти силы перелить в тех, кто в них нуждается». Не раз мать с болью и гордостью читала в письмах Ромы эти слова.

Товарищи, приезжавшие в Москву из подполья, рассказывали нам, что Рому знают и любят все: за скромность и веру в свое дело, за душевную силу и непоколебимость, за ее жизнерадостность, любовь к людям. Для товарищей она готова на все.

Большой душевной поддержкой для Ромы в годы заключения была переписка с родными и близкими. В труднейших условиях письма с воли, из Москвы, проникали к ней в тюрьму. А от Ромы шли письма на волю с печатью тюремной цензуры, иногда и нелегальные «грипсы» на папиросной бумаге. Они закатывались в хлебные шарики и тайно переправлялись из тюрьмы.

Письма Ромы убеждали нас в том, что она и в тюрьме оставалась великой труженицей:

«Пишу очень рано, сейчас, верно, часов шесть, а я уже совсем одета, в камере все убрано, пол выскоблен».

«Учусь... Это хотя в письме на последнем месте, в жизни — на первом».

«В срочном порядке учу немецкие слова, перевожу газеты на немецкий язык...»

«Я никогда не скучаю, работы у меня всегда более чем много. Работа такая хорошая вещь, которая может заменить все,— это знает тот, кто любит свою работу».

Единственное, о чем сестра неизменно просила, были книги — политические, экономические, художественные. «Очень прошу о «Хозяйственном обозрении»... Помните, верно, и о второй части III тома «Капитала», — пишет она родным. В любых условиях, в одиночке Рома умела заставить себя работать. «Занимаюсь сейчас философией и воспоминаниями, — пишет Рома, оставшись без книг. — Можно работать почти и без книг, голова ведь есть».

Самым страшным для Ромы в эти долгие годы заключения была угроза оторваться от жизни партии, от дел и проблем сегодняшнего дня. Всей душой она рвалась на волю, чтобы опять быть в строю! В письмах из тюрьмы Рома в хитроумной, иносказательной форме расспрашивает о текущих событиях и международном положении, о жизни Советского Союза, о первой пятилетке, о колхозах, о наших достижениях и трудностях.

6 марта 1932 года Рома пишет из Ломжинской тюрьмы: «Такая огромная радость у меня от известий из дома тетеньки¹ — любимый ее дом. Можно гордиться тем, как хорошо она справляется с такими трудными материальными условиями»².

«Любимый ее дом» — это страна Октября, которая выросла из нее большевика, единственная тогда в мире страна, где у власти стоял рабочий класс. Радостью и гордостью за успехи первой пятилетки переполнена душа Ромы. И эти мысли и чувства она изливает в нелегальном письме в Москву своему большому другу писателю-коммунисту Юрию Либединскому.

Не знаю, каким чудом письмо Ромы из застенков Пилсудского дошло до Юрия Либединского, но он его получил. И, конечно, откликнулся. Но для пересылки своего письма Роме из Москвы в Ломжинскую тюрьму он, видимо, не нашел путей. Неотправленное письмо было обнаружено в посмертном архиве писателя спустя почти сорок лет и опубликовано его женой, писательницей Л. Б. Либединской, в еженедельнике «Литературная Россия».

Юрий Либединский любил и ценил Рому. Он мне, ее сестре, писал, что еще в молодости считал Рому «одним из лучших представителей нашей партийной молодежи». Незадолго до смерти Юрий Николаевич говорил мне, что обязательно хочет написать о Роме, запечатлеть ее образ. Но жизнь его оборвалась. Осталось лишь неотправленное письмо, с нежностью и гордостью воссоздающее лучшие черты Ромы. Стоит привести хоть отрывок из этого письма в далекую тюрьму, напечатанного под заголовком «Письмо к зарубежному другу» и проникнутого чувством глубокой международной дружбы:

«...Разве можно, Ромочка, словами передать то особенное, благоговейное и радостное чувство, которое я испытываю,

¹ Советский Союз.— Е. В.

² Речь идет об итогах первой пятилетки.— Е. В.

когда гляжу на мелкие строчки твоего письма¹, и которое я вновь и вновь испытываю, когда письмо перечитываю... Чувство связи с вами, борющимися на Западе, за границей... сейчас для меня приобрело особенный... личный характер, так как эта связь воплощается в воспоминания о тебе, дорогой друг, в гордость за те лучшие черты твоей личности, черты бойца-коммуниста, которые я почувствовал и в твоём письме. И все письмо является... ярким выражением слитности, единства нашей борьбы...

...Ты просишь писать о Советском Союзе... Я знаю, ты любишь Советский Союз... любовью борца-пролетария...

*Юрий Либединский*².

Письмо политзаключенной, находившейся в тюрьме буржуазной Польши, старейшему советскому писателю-коммунисту и его ответное письмо Роме, написанные десятки лет назад,— яркое свидетельство того, что польско-советская дружба имеет глубокие исторические корни.

Выступая 11 мая 1973 года на встрече в Варшаве в дни дружеского визита в Польскую Народную Республику, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил: «Братский союз наших народов не пришел сам собой, не подарен нам историей... Это плод настойчивых многолетних усилий коммунистов обеих стран»³.

В наши дни, когда Польская Народная Республика, связанная узами братской дружбы с Советским Союзом, недавно отпраздновала свое тридцатилетие, представляется особенно важным вспомнить, что эта дружба зарождалась в далекие послеоктябрьские годы. Она выковывалась в огне классовых битв, когда польские коммунисты-подпольщики, не страшась репрессий, объясняли польским рабочим и крестьянам значение Октября и учили их любви к великому Ленину и Советскому Союзу. Этому долгие шесть лет учила и Рома своих товарищей по тюрьмам — женщин-политзаключенных.

Роме было о чем рассказать этим польским и белорусским женщинам, не знавшим иной жизни и работы, чем работа на капиталистов и помещиков. От нее они узнавали правду о Советском Союзе, Коммунистической партии, комсомоле, их борьбе за счастье трудящихся. Всей душой Рома стремилась

¹ Письмо нелегальное.— Е. В.

² «Литературная Россия», 1967, № 27.

³ «Правда», 12 мая 1973 г.

подготовить из неопытных, порою малограмотных работниц-политзаключенных кадры для будущих классовых боев.

Общение с Ромой сыграло большую роль и в жизни замечательной дочери белорусского народа — секретаря ЦК комсомола Западной Белоруссии Веры Хоружей, вместе с Ромой обвинявшейся по Брестскому и Белостокскому процессам, и очутившейся в одной с нею тюремной камере. В документальном очерке о Вере Хоружей писатель И. Новиков пишет: «...Опытная, политически образованная коммунистка, «Елена», оказывала огромное влияние на Веру. Все советы ее Вера принимала как обязательные к исполнению, с восторгом слушала рассказы бывалой подпольщицы... Она служила примером для молодых революционеров»¹.

Многие молодые коммунистки, комсомолки и беспартийные работницы прошли через «тюремные университеты» Романы Вольф-Езерской.

Но сестра не только растила людей. Прирожденный организатор масс, она оставалась им и в стенах тюрьмы. В Белостокской тюрьме Рома — один из руководителей нелегального партийного комитета, а в Ломжинской тюрьме — староста женской коммуны политзаключенных. Она отстаивает права женщин, заботится о их нуждах, о больных товарищах, об уходящих на волю.

Вместе с матерью — молодой работницей в Ломжинскую тюрьму попала и ее полуторогодовалая дочка. Рома всеми силами старается облегчить участь ребенка, воюет с тюремным начальством за кружку молока, лекарство для малыша, выслушивая издевательские реплики: «Разве у паненки есть ребенок?»

К ней, старосте тюрьмы, представительнице и защитнице женщин-политзаключенных, администрация тюрьмы особенно «внимательна». За любую «провинность» Рому сажают в карцер. Ее бьют прикладом в большой позвоночник, содержат в условиях, в которых ее глаза заболевают трахомой. Ее душат, чтобы достать из горла написанную ею прокламацию на волю, которую Рома проглотила, когда в камеру неожиданно вошли тюремщики. А потом страшно избивают.

Но Рома неизменно «рапортует» нам в письмах: «У меня как всегда — это значит хорошо». И когда партия включает Рому в список шести политзаключенных, подлежащих обмену и отправке в СССР, она добровольно отказывается от обмена в пользу товарища, у которого больший срок.

¹ И. Новиков. Вера Хоружая. М., 1962, стр. 110.

Это были самые трудные для нее годы и месяцы. Чем ближе срок выхода на волю, тем невыносимее душит тюрьма.

...Передо мною стопка писем Ромы из тюрем панской Польши, сохранившихся у меня. В этих письмах с огромной силой и правдой запечатлен облик живой Ромы. Лучшие, цветущие годы жизни провела она за тюремной решеткой. Шесть лет — 2190 дней... И каждый из них был днем суровой и упорной борьбы за то, чтобы сохранить себя как человека и коммуниста, остаться в строю.

Осенью 1932 года Рома выходит на волю. Здоровье ее подорвано. Партия направляет ее в Международную Ленинскую школу (МЛШ).

И вот Рома в любимой Москве. Ее посылают в санаторий. Сохранился редкий в ее жизни снимок: Рома у озера в летнем платице, веселая, беззаботная... Но как недолог был этот ее «заслуженный отдых»! Один месяц в санатории — и Рома с энтузиазмом берется за работу в аспирантуре Международной Ленинской школы.

Кругом многоязыкая речь представителей коммунистических партий пятидесяти пяти стран и народов земного шара. Белые, желтые, черные... В этом «кипящем котле» теперь и сестра. Романа — аспирант МЛШ, член партийного бюро и вместе с ректором Кирсановой член «тройки» — руководящего партийного штаба Международной Ленинской школы.

Этот ответственный и увлекательный период жизни Ромы ярко осветила Ядвига Секерска в своей книжке «Страницы прошлого»¹, изданной в Варшаве. Я. Секерска, окончив в Москве Институт красной профессуры, долгие годы была одним из ведущих работников Международной Ленинской школы, руководителем кафедры диалектического и исторического материализма.

В своей книге она пишет: «Из аспирантов-поляков в моей памяти наиболее запечатлелась Рома Езерская, популярная и любимая слушателями. Рома была душой партийного комитета МЛШ... Пользовалась заслуженным авторитетом». Отмечая партийную активность Ромы, ее всегда веские, продуманные выступления на собраниях и семинарах, ее ясный, пытливый ум, Я. Секерска подчеркивает, что Рома была в то

¹ Я. Секерска. Страницы прошлого. Варшава, 1960, стр. 134—135, (на польск. яз.).

же время очень живая, женственная, ее внимание могла привлечь красивая кофточка, она интересовалась литературой, театром. «Меня изумлял широкий круг интересов Ромы», — пишет Я. Секерска.

Но немного оставалось у Ромы свободного времени для себя. Едва очутившись на воле после восьми лет подполья и тюрем, она всю себя отдавала партийной работе. Мне всегда казалось символическим, что именно здесь, в Международной Ленинской школе, Романе Езерской присвоили дорогое ее сердцу звание ударника.

Я. Секерска, близко знавшая ректора МЛШ, приводит в своей книге слова, которые сказала ей как-то раз Клавдия Ивановна Кирсанова: «Ваша Езерская — это боевая женщина. Из нее может выработаться партийный деятель высокого класса».

Окончив с отличием аспирантуру МЛШ, Романа работает в Минске руководителем партийной школы ЦК Коммунистической партии Западной Белоруссии, является членом Политбюро ЦК КПЗБ. Потом вновь переезжает в Москву и работает в аппарате Коминтерна. Жизнь вскоре подтвердила правоту слов Кирсановой. В короткий срок Романа Вольф-Езерская выросла в крупного партийного деятеля. Она — кандидат в члены Центрального Комитета Коммунистической партии Польши, заместитель председателя польской секции Коминтерна.

В 1934 году Роману временно направляют в Париж — представителем ЦК Коммунистической партии Польши при Центральном Комитете Французской коммунистической партии. Пребывание в прекрасной столице Франции отнюдь не было для Ромы отдыхом. Она поглощена новым для нее делом — руководит работой среди масс польских рабочих во Франции, которых нужда и безработица погнала за пределы родины.

Как всегда, Рома с головой уходит в партийную работу. Времени для себя в обрез. Член польского Секретариата ЦК Французской компартии, она не засиживается в Париже, а много времени проводит в провинции — среди рабочих и работниц поляков. Рому знают шахтеры-поляки в Норде и Па-де-Кале, текстильщики в Рубо и Туркуане. Немало сил вложила Рома и в организацию «итальянской забастовки» польских шахтеров в Лефоресте — первой в истории Франции забастовки под землей.

Вернувшись в Москву, Рома работает заместителем представителя Компартии Польши в Исполкоме Коминтерна.

В 1935 году Романа Вольф-Езерская — делегат VII конгресса Коминтерна.

В эти же годы Романа дважды уезжает на подпольную работу в Польшу. Это были месяцы и годы тяжелого нелегального труда — теперь уже в ответственной роли члена, а потом руководителя подпольного Секретариата ЦК КПП. С явки на явку, с одной конспиративной квартиры на другую... Длинные километры пешком по серым пескам деревенских дорог, по густой грязи рабочих предместий — в жару, слякоть, холод... Никаких личных вещей, кроме дамской сумочки. И никакого своего дома, каждую ночь в другом месте. А как нелегко в подполье обеспечить себе надежный ночлег, — в каких только условиях сестре не довелось ночевать!..

Так жила Рома в свои тридцать семь — тридцать восемь лет, месяцами скитаясь, как и десятки других руководящих деятелей подполья (правда, большей частью мужчин). Но труднее всего для нее было это вечное, выматывающее душу напряжение: не навести на след шпика, не погубить товарищей, не раскрыть тайных складов подпольной техники...

В этой работе нет места отдыху. Партия, хоть и нелегальная, преследуемая, должна всегда и везде организовывать массы и руководить их борьбой. Каждый партийный деятель — достояние партии, ее ЦК, — об этом Рома не забывала никогда. И как бы ни складывались для нее житейские обстоятельства, вся личная жизнь Ромы была подчинена интересам партии, чего бы ей это ни стоило.

Рома горячо любит детей. Ее письма из Ломжинской тюрьмы полны восторженных рассказов о маленькой Кимке, которая называет Рому «мамой». Да и всегда она была неравнодушна к ребятам. Но, зная, как свирепствует дефензива, зная, что в подпольной партии на счету каждый руководящий работник, пока он в строю, сестра отказывается от радостей материнства. Помню хорошо ее слова: «Я не имею права оторвать у партии несколько лет для себя».

И всю свою неистраченную материнскую любовь Рома переносит на детей своих товарищей и близких. Какой нежностью и сердечным вниманием она окружила моего сынишку, приехав после освобождения из тюрьмы в Москву! Работая в МЛШ и Коминтерне, Рома отдавала трехлетнему Виталику каждый свободный час. Заботилась о нем в дни болезни, водила в гости к товарищам, называя себя его «второй мамой». И сама отдыхала с ним душой...

А сколько горячего участия и заботы вложила Рома в

свою тюремную «дочку», ради малышки отказывая себе в тюрьме в самом необходимом! Как-то зимой до нас дошли вести, что в тюрьме не топят и Рома отчаянно мерзнет в одиночке. И именно в эти дни Рома пишет своему дяде, И. Узданьскому, в Варшаву: «Пачку с чулками и галошками для маленькой получила... Я отменяю свою просьбу о присылке мне простыни и теплой рубашки... Как-нибудь обойдусь. Взамен этого прошу Вас выслать продуктовую пачку. Жаль мне мою маленькую, которая плачет, что у нее нет ни «цукру», ни масла...»

А приехав после освобождения в Москву, Рома заботится о детях товарищей, родители которых погибли или находятся в тюрьмах панской Польши. Она навещает их, отдает для них часть своей зарплаты (а часть — матери), оставляя себе небольшую ее долю.

Рома горячо любила и уважала мать, человека большой души и пламенного сердца. В письмах из тюрьмы, большинство которых адресовано Биночке (имя матери было Бальбина), Рома неизменно старается поддержать в матери бодрость, силу духа, разговаривая с ней, как с товарищем, «любимым старым другом».

«Я бы хотела, чтобы ты помнила, какая я, и не беспокоилась обо мне,— пишет матери Рома в одном из писем с печатью тюремной цензуры.— Ты ведь знаешь, что мне всегда и везде хорошо, что я есть и останусь собой и что ничто меня не изменит. Правда, что ты это знаешь?..»

Потом работая в МЛШ и Коминтерне и приезжая на время в Москву из подполья, Рома была нежной, заботливой дочерью многострадальной старушке, которой выпала нелегкая доля быть матерью двух «узников капитала».

В течение пятнадцати лет или Рома, или брат, или оба они одновременно сидели в тюрьмах буржуазной Польши. Кто опишет боль и тревогу материнского сердца, раненного известием об очередном аресте дочери или сына, изнывающего в ожидании суда, приговора...

В те долгие годы матерью владела одна мысль, одно стремление — хоть чуточку облегчить участь детей-политзаключенных. Рома не раз испытала на себе заботу старой матери, которая материнским словом, письмом, книгами, а при малейшей возможности и передачей старалась поддержать свою Ромочку в тюремных застенках.

«Спасибо, мамусь, мой ты старый друг... ну и молодец же ты!..— пишет Рома из Ломжинской тюрьмы.— Целую тебя крепко, целую твои глаза, жму руки. Держись, моя родная...»

В других письмах Рома уверяет мать: «Биночка, я совершенно здорова... легкие мои в тюрьме все время в полном порядке, сердце тоже».

«Мамусь, любимая, перестань грустить о своей Ромке, которая ведь жива, здорова и полна сил...»

Никогда Рома не жаловалась матери на трудности и лишения суровой тюремной жизни. Но мне навсегда запомнились слова сестры в одном из ее писем ко мне: «Для вас рубль — это билет в кино, а для нас хлеб на неделю для всей камеры».

Товарищам, знавшим Рому в личной жизни, хорошо известно, что это был человек редкой скромности и моральной чистоты. В письме из Белостокской тюрьмы, после процесса и суда, сестра писала мне: «...я была хорошо одета, собрали меня белосточанки сюда как настоящую буржуйку... На воле у меня никогда столько не было».

У Ромы вообще никогда ничего не было: ни квартиры и даже своей комнаты, ни имущества, ни мебели. Она никогда не заботилась о своем житейском благополучии, ничего не взяла лично для себя от Советской власти, за победу которой боролась всю юность и молодость. Скромность и бескорыстие были присущи Роме и на ответственной работе в ВЧК, и в годы ее работы в Коминтерне и Центральном Комитете КПП.

«Марылька не берегла себя, ходила зимой в летнем пальтишке, — рассказывал моему брату товарищ Новотко, руководитель подпольного Секретариата ЦК КПП. — Пришлось заявить ей, что она выглядит неконспиративно, и принять официальное решение, чтобы заставить ее купить приличное пальто».

Да, Марылька не берегла себя... она берегла средства подпольной партии, не желая их тратить на себя. А ведь она была в расцвете лет...

Еще девочкой Рома любила все красивое — красивые декоративные ткани, красивую обстановку, любила и умела красиво, изящно одеться. Но не это стало сутью ее жизни. Когда двадцатичетырехлетняя Рома уезжала из СССР на подпольную работу в панскую Польшу, ее единственным «имуществом» в Москве оказались книги и большой портрет Ленина из кабинета Ф. Э. Дзержинского — подарок Феликса Эдмундовича, которым Рома очень дорожила.

Лишенная житейских, материальных благ и ценностей, Рома, как она сама писала из тюрьмы, была счастлива и богата. Душа ее горела любовью к людям, трудящимся, угне-

тенным, к товарищам по партии. Пламенная, чистая душа революционера, отдавшего свою жизнь — капля за каплей — борьбе за счастье народа, за коммунизм.

Рома была гордостью нашей семьи, — мы учились у нее большевистской стойкости и закалке. Брат, самый младший, писал о Роме в своей книге «Капля в потоке»: «В моей памяти она навсегда останется той, чей пример направил меня на путь борьбы за идею коммунизма»¹.

Когда-то на партийной чистке, которую я прошла в Москве на карандашной фабрике имени Красина, нашу семью, где обе сестры и брат с ранней юности были большевиками, назвали «семья-комячейка». Порою мы годами, десятилетиями жили в разлуке, оторванные друг от друга. Но, как бы ни складывалась жизнь, мы всегда оставались друг для друга прежде всего товарищами — детьми родной партии.

Уезжая в 1924 году на подпольную работу в буржуазную Польшу, Рома мечтала встретиться там с братом, с которым рассталась в 1918 году. И он жаждал встречи с сестрой, о революционной деятельности которой уже немало слышал. Но незадолго до приезда Ромы восемнадцатилетнего юношу, одного из организаторов и руководителей польского Союза коммунистической молодежи, второй раз посадили в тюрьму. Рома даже не увидела его!

За год до освобождения брата она сама очутилась за тюремной решеткой. А когда после шестилетнего заключения Рома освободилась, брат — уже партийный деятель — опять попал в тюрьму на долгие годы.

Сердца их рвались навстречу друг другу, но разлуке не было конца. Соратники, бойцы одной нелегальной партии, они никогда не могли поделиться мыслями, чувствами, опытом подполья, — всем, что их так роднило. Лишь изредка, с большими ухищрениями, они пытались высказать друг другу эти мысли и чувства в нелегальных письмах — иногда из тюрьмы в тюрьму.

У брата хранится несколько писем Ромы к нему, полных нежности, бодрости и неиссякаемой надежды. Нельзя без глубокого волнения читать эти письма сестры к юному брату и товарищу по борьбе. Они отражают, как глубоко Рома переживала бесконечную разлуку с братом и как радовалась и

¹ Л. Кжемень. Капля в потоке. Варшава, 1961, стр. 324 (на польск. яз.).

гордилась, когда до нее доходили вести о его верности партии и комсомолу, боевом, «кремневом» характере.

Лишь один раз за девятнадцать лет Роме довелось увидеть, обнять любимого брата, услышать его живой голос: после выхода из очередной тюрьмы на волю брату разрешили получасовое свидание с Ромой в Белостокской тюрьме. Эта встреча Ромы и брата в стенах тюрьмы оказалась их единственной встречей...

Для Ромы это была никогда не заживающая рана. А брат лишь со слов товарищей по тюрьмам, из взволнованных рассказов коммунистов-подпольщиков о бесстрашной Елене, Марыле, представлял себе образ «легендарной» сестры.

Насколько же я была счастливее!.. С юных лет мне довелось близко узнать Рому — человека и борца. Мы встречались даже в первые послеоктябрьские годы, когда нас, двух коммунисток, жизнь бросала в разные стороны. А потом после гражданской войны два счастливых, незабываемых года мы обе жили и работали в Москве. И то я заберусь в ее маленький номер в гостинице «Метрополь» (2-й Дом ВЦИК), то Рома, засиживаясь до поздней ночи в ВЧК, прибегает «чай пить» ко мне, на Мясницкую улицу (ныне улица Кирова).

Для Ромы, которая, годами работая в подполье, никогда не имела своей квартиры, а в Москве, Париже жила в гостиницах, эта квартира на Кирова, 15, была, по сути, ее единственным «домашним очагом» — и до отъезда в Польшу, и после восьми лет подполья и тюрем. Сюда — ко мне и к матери — Рома приехала прямо с вокзала, очутившись на воле и по решению партии прибыв в Москву. Здесь, в родной семье, она отдыхала, работая в Коминтерне и бывая в Москве в промежутках между подпольями, и отсюда, вырываясь из объятий матери, вновь уезжала по заданию партии.

В те годы я работала в Москве в редакции «Правды», Партиздате. После многолетней разлуки каждая встреча с сестрой, прошедшей за рубежом сквозь тяжкие испытания, все более открывала передо мной ее самоотверженную героическую жизнь и все более сближала нас. Хотя Рома годами была на нелегальной работе, она многим делилась со мной как с товарищем и другом. Не будь этого — не было бы и этих воспоминаний...

В конце 1936 года Рома прошла в Москве обмен партийных документов. Она состояла в партийной организации Коминтерна. Секретарь Киевского райкома партии вручил ей ее партийный билет члена ВКП(б) с января 1917 года, чему Рома была несказанно рада. Ей предстоял отъезд, и из рай-

кома Рома пришла к нам — проститься с матерью, со мной и своим маленьким любимцем — моим сыном.

Поздно вечером я проводила сестру «домой», на улицу Горького. На углу, у гостиницы «Люкс» (ныне «Центральная»), где она тогда жила, мы простились, обнялись.

Рома прижала руку к груди, где у нее хранилась «красная книжечка», и сказала: «Только одну ночь он будет у меня, со мной, мой дорогой. Завтра утром уже придется сдать партбилет в ЦК».

Это были ее последние слова. Больше я сестру не видела. Но знала, что она уехала с белой узенькой шелковой полоской, запрятанной в шов пальто, — взамен самого дорогого, что у нее было на свете, — партийного билета.

Однажды в трудный, суровый момент нашей жизни Рома сказала мне:

— Надо жить так, чтобы можно было смотреть партии честно в глаза.

Именно так жила Романа Вольф-Езерская до последнего своего вдоха.

НЕПОВТОРИМАЯ

Я принадлежу к тем счастливым людям, которые много раз встречались с Надеждой Константиновной Крупской.

В 20-е годы я работала инструктором, а потом руководителем восточной группы отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Надежда Константиновна живо интересовалась вопросами раскрепощения работниц и крестьянок, в разрешении многих из них принимала непосредственное участие.

Если подумаешь о том, сколько внимания уделяла Н. К. Крупская женскому вопросу (подготовка речей и статей, переписка с женорганизаторами, участие в различного рода съездах и конференциях женщин), поймешь, насколько велик был объем этой работы. А ведь это была лишь часть многогранной партийной и государственной деятельности Н. К. Крупской.

Интерес Надежды Константиновны к женскому вопросу не был случайным, он проходит через все годы ее жизни. Именно ей принадлежит заслуга создания первого документа революционной российской социал-демократии, указавшего женщинам путь к освобождению. Это — брошюра «Женщина-работница», вышедшая в издании «Искры» в 1901 году. Писалась книжка еще в далеком Шушенском по совету Ленина.

Вот что рассказывала об этом сама Надежда Константиновна: «Владимир Ильич всегда думал о том, как пробудить сознание у работницы и крестьянки, как втянуть их в организацию, в движение. Когда мы были еще в Сибири, он посоветовал мне написать брошюру о женщине-работнице. Брошюру я написала, а он следил, как я пишу, и советовал...»

В «Женщине-работнице» Крупская рисует невыносимо тяжелое положение трудящихся женщин города и деревни, рассказывает о социалистическом строе, за который ведет борьбу рабочий класс. Женский вопрос, пишет Надежда Константиновна, — это неотъемлемая часть общепролетарского дела. Только победа рабочего класса избавит работницу от

эксплуатации, принесет ей свободу и равноправие, облегчит заботы по воспитанию детей. Но эта победа невозможна без активного участия работниц в революционном движении.

Высказанные еще на пороге XX века, эти принципиальные положения определили характер женского рабочего движения в нашей стране, которое никогда не обособлялось от общепролетарского. Революционный пролетариат и его ленинская партия, в свою очередь, всегда включали борьбу за освобождение и равноправие трудящихся женщин в число важнейших своих задач. Пункт по женскому вопросу вошел уже в первую Программу партии, принятую II партийным съездом, участницей которого была и Надежда Константиновна.

Брошюра «Женщина-работница», по словам Е. Д. Стасовой, сыграла значительную роль в активизации работниц в период первой русской революции и позднее. Надежда Константиновна и в эмиграции не порывала связей с женским движением России. Рассматривая его как часть международного движения пролетарок, она, по свидетельству Клары Цеткин, «старалась установить смычку между русскими работницами и их западноевропейскими сестрами».

Неослабно следила Н. К. Крупская за событиями, происходившими в России. Она была одним из организаторов, редакторов и авторов первого женского пролетарского журнала «Работница».

В марте 1915 года по инициативе заграничной организации редакции «Работницы», в которую входили Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд и Л. Н. Сталь, в Берне была созвана Международная женская социалистическая конференция. С ее трибуны прозвучал голос женщин мира против войны.

Октябрьская революция принесла трудящимся женщинам России подлинную свободу и полное равноправие с мужчиной по закону. Но в отличие от буржуазной демократии Советская власть и Коммунистическая партия не ограничились формальным провозглашением равенства, а поставили своей задачей добиться фактического раскрепощения работниц и крестьянок. При Центральном Комитете партии и при всех областных и губернских комитетах были созданы специальные отделы по работе среди женщин — женотделы.

Надежда Константиновна с первых дней Советской власти — один из руководителей Народного комиссариата просвещения. Надо ли говорить, какие трудности стояли перед Наркомпросом и как велики были его задачи. Ведь долгие годы этот комиссариат объединял весь фронт культуры и

просвещения в стране. Работы у Надежды Константиновны было «сверх головы». Трудиться приходилось так много, что она сама однажды писала: устаешь до того, что к концу дня «забываешь даже, как тебя зовут». Но и в этих условиях Надежда Константиновна продолжала активно заниматься женским вопросом. Она входила в коллегию женотдела ЦК партии, участвовала во многих женских собраниях, съездах, конференциях, являлась автором большого числа статей. Для нас, организаторов работы среди женщин, она была первым советчиком, другом, учителем.

Большое значение придавала Надежда Константиновна строительству советской школы в деле осуществления фактического равенства женщин. Отвечая на вопросы учителей альменевской школы крестьянской молодежи (Уральская область), она писала: «Надо, чтобы школа обращала особое внимание на воспитание мальчиков и девочек в духе равенства, товарищества, надо, чтобы школа не обходила женский вопрос, а, напротив, освещала бы его всесторонне... Надо в школе увлечь ребят борьбой за женское равноправие, тогда сами собой отойдут на задний план болезненные явления, подоплека которых — взгляд на женщину как на предмет удовольствия, а не как на товарища».

Н. К. Крупская пристально следила за всеми проявлениями нового в жизни деревни, радовалась успехам коллективизации, которые выводили крестьянку на широкую дорогу социалистического строительства. Выступая в 1929 году на заседании комиссии ВЦСПС по работе в деревне, она говорила: «Еще поехала я смотреть женский колхоз. Живут на голой земле, постарше живут в овине, а молодежь — прямо на поле... А энергия в глазах колхозниц такая, что видно — «мир завоюют». Говорят: «Вы не думайте, что мы не добьемся». У них трактор, огород, но строений нет! Я это привожу для характеристики настроений, которые есть».

Широкие массы работниц и крестьянок знали и любили Надежду Константиновну. Запомнилось мне, с какой радостью встречали ее делегатки Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов. Проходил съезд в октябре 1927 года в Кремле. Андреевский зал, где заседали хозяйки страны, поражал богатством отделки — кругом позолота, стены обиты голубым шелковым муаром. За ним — целая анфилада «царских покоев». В Георгиевском зале была организована выставка, характеризовавшая изменения, происшедшие в положении советских женщин за десять лет. Докладчиками выступали Председатель ЦИК СССР М. И. Ка-

линин, нарком просвещения А. В. Луначарский, нарком здравоохранения Н. А. Семашко.

Надежда Константиновна была встречена съездом восторженно. Когда ей предоставили слово, все 1052 делегатки поднялись, приветствуя ее. Долго не смолкали аплодисменты. На трибуне стояла самая близкая, любимая всем народом, скромная пожилая женщина. Положив руки на кафедру, негромким, мягким, идущим из глубины сердца голосом она говорила о том, какую помощь может и должна оказать работница и крестьянка — член Совета — развитию народного образования, дошкольного воспитания, школы, культурно-просветительных учреждений.

Не обошла Надежда Константиновна и вопрос о борьбе с религиозными предрассудками. Но в какой простой и понятной форме высказала это. «Если мы посмотрим,— говорила она,— на религию и на сектантство, то увидим, что часто женщина идет в церковь или на какое-нибудь сектантское собрание только потому, что она чувствует себя одинокой, потому что очень сера ее жизнь. Для того чтобы этого не было, важно не только объяснять и разъяснять в книжках о вреде религии, а важно также сделать так, чтобы женщина не чувствовала себя одинокой, чтобы у нее была поддержка, чтобы она могла чем-нибудь скрасить свою серую жизнь». А отсюда, говорила она, очень велика в преодолении религиозных пережитков роль избы-читальни и всей культурно-просветительной работы.

Говорила Надежда Константиновна, не прибегая к каким-либо ораторским приемам, а слушали ее, затаив дыхание. Закончила еще более просто и скромно: «Вот все, что я хотела вам сказать».

На этом съезде я выступала с содокладом «Работа среди тружениц Востока» к основному докладу А. В. Артюхиной «Положение работниц и крестьянок в Союзе ССР к 10-й годовщине Октября».

Я страшно волновалась, в перерыве между заседаниями старалась мысленно еще и еще раз повторить содержание своего выступления. Надежда Константиновна заметила мое волнение и, подойдя, как бы вскользь сказала: «А знаете, Владимир Ильич тоже всегда волновался перед выступлением». Это было настолько неожиданно и так ошеломляюще, что я почти перестала волноваться.

В начале 1930 года, уже будучи заведующей Московским областным отделом народного образования, я ездила с Крупской в Рязань на окружной съезд работников народного об-

разования. К приходу поезда на привокзальной площади собрались все делегаты съезда и тысячи рязанцев. Появление Надежды Константиновны было встречено громкими аплодисментами и возгласами приветствия. Атмосфера особой теплоты и сердечности господствовала во все часы работы съезда, создавая у всех настроение приподнятости, энтузиазма. Обсуждались вопросы народного образования и культурно-просветительной работы в условиях коллективизации деревни. Говорилось об активной роли сельской интеллигенции, особенно учителей, в коллективизации сельского хозяйства и укреплении колхозов, о новых формах труда, быта в деревне, о тяге крестьянства к знаниям, усилении внимания к школе. Это не могло не радовать.

Надежда Константиновна в своем выступлении особенно подчеркнула связь социалистической перестройки сельского хозяйства с ростом духовных запросов и интересов колхозников. «И мы видим,— говорила она,— по всему Союзу, что там, где идет коллективизация, там это внимание к детям и их воспитанию растет чрезвычайно... Когда видишь, какая забота у населения, и видишь все те начинания, которые делаются, чувствуешь, что начинаешь уже жить в другую эпоху... Знаете, когда-то Чехов писал: «Земля такая плодородная, что кажется ткнешь оглоблю — вырастет тарантас». Я тоже должна сказать, что теперь в культурном отношении почти то же: ткнешь оглоблю — вырастет тарантас. Пошлешь библиотеку за 10 руб., смотришь — вырастет колхоз в 800 дворов. Теперь каждая культурная работа, каждое усилие работника дает чрезвычайно большие плоды».

В управлении школ взрослых Наркомпроса, где мне позднее пришлось работать, я отвечала за работу по ликвидации неграмотности. Страна подходила уже к завершению этой работы, но, как и в некоторых других областях, последние шаги были наиболее трудными. Надежда Константиновна уделяла много внимания ликбезу, часто вызывала работников, анализировала сводные данные.

Умерла Надежда Константиновна для всех неожиданно. Мы, работники управления школ взрослых, готовили Всероссийское совещание по вопросам ликвидации неграмотности. В день отъезда Надежды Константиновны на воскресный отдых в Архангельское мы согласовали с ней вопросы предстоящего совещания и получили от нее обещание выступить. В понедельник утром, когда уже начали собираться приехавшие из областей делегаты, мы узнали о ее кончине. Этому не хотелось верить.

КЛАРА ЦЕТКИН В ИВАНОВЕ

Шел суровый 1920 год, не дымили трубы ивановских фабрик, не слышно было переключки фабричных гудков.

Большинство рабочих города ушло защищать молодое Советское государство от своры интервентов и белогвардейцев, другие уехали на далекие окраины родины строить и укреплять Советскую власть. В Иваново остались женщины, дети и мужчины преклонного возраста. Положение в городе было очень тяжелым. Не было хлеба, топлива, одежды и сырья для фабрик. В начале зимы 1920/21 года состоялась IX губернская партийная конференция, на которой обсуждались вопросы хозяйственного строительства. К этому времени (в конце сентября) была пущена Большая Иваново-Вознесенская мануфактура. Сырье для ее работы взяли с других, остановленных фабрик. В многотысячном коллективе Большой мануфактуры две трети работающих составляли женщины. В чрезвычайно тяжелых условиях приходилось восстанавливать это первое в губернии предприятие.

На IX партконференцию приехали к нам товарищи Клара Цеткин и Конкордия Самойлова. Вспоминаю, как в перерыве между заседаниями конференции секретарь губкома партии Ольга Афанасьевна Варенцова сообщила мне, что на фабрике Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры, где я работала женоргом, решено собрать городской актив женщин-работниц. Нужно было известить людей, подготовить помещение.

Приезд Клары Цеткин был для нас большой радостью.

Ивановские текстильщицы знали Клару как одного из революционных вождей немецкого народа и организаторов международного женского движения.

Молнией облетела цехи и отделы фабрики весть о приезде Клары, и не успели мы закончить подготовку собрания, как живая цепочка женщин с фабрик и учреждений города потянулась к помещению нашей фабричной столовой. Бы-

стро заполнился зал. Собралось уже около двух тысяч работников, а женщины все идут и идут, заполняют проходы, лестницу и двор... В четыре часа дня на маленькой трибуне появилась Клара Цеткин. Зал встретил ее долго не смолкавшей овацией, возгласами приветствия. Небольшого роста, седая, с доброй улыбкой, она передала горячий привет от немецких работниц текстильщицам Иванова.

Говорила она о международном положении, о положении рабочего класса в капиталистических странах, о трудностях, которые переживает первое в мире государство рабочих и крестьян, и о героической роли текстильщиц Иванова в борьбе за Советскую власть. И чем дольше говорила Клара, тем горячее становилась ее речь. Она говорила на немецком языке, которого мы не знали, но работницы понимали, о чем говорит Клара в своем докладе. Она звала нас к преодолению трудностей, к светлой цели человечества — к коммунизму.

Закончился доклад, и раздалась буря аплодисментов.

Одна за другой стали выступать работницы. В их выступлениях не было жалоб на трудности и лишения, которые им приходилось переносить, они клялись в верности делу революции.

Приезд Клары Цеткин в Иваново во многом содействовал росту женского актива на фабрике. Стали организовываться по районам города делегатские собрания. Работница Чугина на одном из таких собраний сказала: «Благодаря Кларе Цеткин я поняла, что только через делегатские собрания я узнаю, как строится и работает наше государство и многое другое». Выполняя свое обещание Кларе, наши коммунистки Ольга Белова и Лидия Никишина взяли на себя обязанность организовать ясли и детский сад при фабрике. При активном участии работницы Фунтиковой была открыта столовая. Правда, в этой столовой в больших котлах варилась нечищенная мороженая картошка, а для запаха делалась приправа из воблы, но этим было положено начало общественному питанию у нас в городе.

Работе среди крестьянок все силы отдавала работница Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры Вагина. Постоянный представитель на всех предвыборных и выборных собраниях сельских Советов в подшефном районе нашей фабрики, она всегда с большой настойчивостью отстаивала кандидатуры женщин в советские органы власти на селе. Вспоминаю, с какой радостью она докладывала нам на фабрике о закреплении женщин на практической работе в сель-

советах. «Вот,— говорила она,— приедет к нам еще товарищ Клара Цеткин, будет в чем и мне отчитаться».

Несмотря на неиссякаемый революционный дух текстильщиц, организовывать детские учреждения и налаживать работу фабрики было очень нелегким делом. Не было у нас никакого опыта, да и грамотности не доставало. И вот работницы садятся за учебу. Сколько пришлось преодолеть здесь трудностей организаторам ликбезов Бедовой, Сухотиной, Глазковой, Захаровой, Веселовой и другим! Мешали тяжелые бытовые условия, косность...

8 марта 1925 года в Иваново собрался областной съезд работниц, крестьянок и учительниц. Съезд должен был подвести итоги первых лет работы среди женщин и наметить дальнейшие пути вовлечения работниц в государственное строительство. Клара Цеткин не могла приехать на этот съезд, но она прислала нам письмо. Приведу выдержки из этого письма:

«Сердечный привет иваново-вознесенским текстильщицам в День 8 Марта. Международный день работниц подтверждает, что пролетарии и крестьяне Советского Союза, освободившись от ига капитализма, сплотились в один фронт с эксплуатируемыми и угнетенными всего мира, которые не свергли еще гнета капитализма.

В этот день, в который мы все проникнуты одной волей осуществить идеалы коммунизма, я с величайшей радостью вспоминаю о доблестных иваново-вознесенских текстильщицах, с которыми познакомилась в начале зимы 1920 года. В то время Врангель при поддержке империалистов Антанты грозил еще из Крыма задушить молодую Советскую власть. Мужья ваши должны были воевать или быть наготове к войне. Вместе с тем необходимо было вести борьбу против внутренних врагов трудящихся и против голода и холода. В этой жестокой, требовавшей больших жертв борьбе вы, дорогие товарищи, стояли далеко не в последних рядах.

...Я, как сейчас, вижу вас на большой фабрике, с голыми, покрытыми кровью ногами, как вы, с пустыми желудками, совершали свою доблестную работу. Я вижу вас во время огромного собрания, когда вы давали торжественное обещание, несмотря на все страдания, оставаться верными делу революции и отстаивать первую твердыню пролетарской мировой революции до тех пор, пока ваши братья и сестры в капиталистических странах последуют вашему примеру и создадут у себя советский строй.

Вы сдержали свой обет и ныне работаете над экономическим и культурным строительством новой жизни, которая должна распуститься под знаком серпа и молота.

Ваше участие в этой работе чрезвычайно ценно...

Вы же, дорогие товарищи, не являетесь более наемными рабынями капиталистов-предпринимателей... Своей работой, борьбой, всеми своими жертвами вы служите великому делу — освобождения и коммунизма. Условия вашей работы вырабатываются законодательством своего рабоче-крестьянского правительства. Ваш труд нормируется профессиональными союзами и Советами, которые составлены из вас самих. Вы добились равноправия, какого не имеют никакие другие женщины на всем свете...

Дорогие товарищи, употребите же все свои старания к тому, чтобы День 8 Марта увеличил ряды пролетарок, которые в экономической и других областях социальной жизни будут нести рука об руку с вами и вашими братьями кирпич за кирпичом для того, чтобы воздвигнуть гордое здание коммунизма...

Помните о ваших сестрах на Западе и Востоке, которым все еще приходится упорно бороться за права, которые благодаря революции стали вашим достоянием. Примером своей революционной доблести и своих успехов вы должны поддерживать их дух и готовность вести борьбу, ибо их дело — ваше дело, как и ваше дело — их дело.

Да здравствует международное братство пролетарок и крестьянок! Да здравствует Коммунистический Интернационал и мировая революция!

Москва 23/II 1925 г.»¹

...В июне 1933 года, проходя с группой текстильщиц и слушательниц Промышленной академии мимо гроба Клары Цеткин, я вспомнила суровый 1920 год и первую встречу с Кларой, которая сыграла огромную роль в деле коммунистического воспитания наших женщин, ставших активной созидательной силой советского социалистического общества.

¹ Это письмо Клара Цеткин прислала ко Дню 8 марта 1925 года. Оно было напечатано в виде статьи в губернской газете «Рабочий край» 8 марта 1925 года под заголовком «Сердечный привет иваново-вознесенским текстильщицам в День 8 Марта». — Е. Г.

ДЕЛЕГАТ СМОЛЕНЩИНЫ

2—6 июня 1918 года в Москве проходил I Всероссийский съезд учителей-интернационалистов, делегатом которого мне довелось быть. На съезде присутствовало около 150 делегатов с решающим голосом; задачей съезда было объединить учителей — сторонников Советской власти. Среди участников съезда были не только коммунисты, но и беспартийные учителя. Руководили съездом Надежда Константиновна Крупская и Анатолий Васильевич Луначарский; активное участие в делах съезда принимал старый коммунист, близкий соратник Ленина Пантелеймон Николаевич Лепешинский.

Помню, на съезд прислали несколько билетов для участия в объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и профсоюзов, которое должно было состояться 4 июня. Такой билет получила и я. На этом заседании я впервые услышала Владимира Ильича Ленина.

Он выступил с докладом о борьбе с голодом. Нам, делегатам съезда учителей, места достались далеко от сцены, и я в тот вечер не могла хорошо рассмотреть Ленина. Но зато я слышала его. Мы не верили себе, своему счастью...

Не буду пересказывать содержание доклада Владимира Ильича, его можно прочитать в 36-м томе Полного собрания сочинений Ленина. Но хочется передать то неизгладимое, незабываемое впечатление, которое произвел на меня и на моих товарищей доклад Ленина, сам Ильич.

Прежде всего мы удивлялись тому, что, говоря о трудностях нашей борьбы и работы, В. И. Ленин брал примеры из жизни именно тех уездов и районов, откуда нас прислали делегатами в Москву. Откуда же знает Владимир Ильич все, что происходит на местах, в наших дальних, глухих районах? А ведь говорил он так, словно сам побывал там и сам все видел.

Слушая Ленина, я вспоминала 18 апреля 1918 года в городе Рославле Смоленской губернии, где я жила. В этот день

часть рабочих-железнодорожников под влиянием меньшевиков и эсеров оказала поддержку антисоветскому восстанию, организованному белогвардейцами. И меня охватывала уверенность в том, что, когда Ленин говорил в докладе о возможности тлетворного влияния буржуазной стихии на отдельных представителей рабочего класса, он имел в виду именно события в Рославле.

Не забуду нашего наивного спора с делегатами из другого района, разгоревшегося на другой день. Мы спорили о том, из жизни какого района взял Владимир Ильич материал, говоря о трудностях борьбы,— из «нашего» или из «их» района. И каждый из нас упорно настаивал, что из «его». Лишь несколько позже мы поняли, что умение говорить об общем деле так, что каждый воспринимал это как свое, близкое, составляло одно из драгоценных качеств вождя пролетарской революции...

В докладе о борьбе с голодом Ленин выдвинул три главных лозунга момента: централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация деревенской бедноты. Он призвал к борьбе с паникой, с колебаниями, со всем тем, что желала бы использовать буржуазия, чтобы подавить революционный народ. Владимир Ильич закончил доклад словами: «Мы здесь боремся за основу коммунистического распределения, за действительное создание прочных устоев коммунистического общества. За работу все вместе. Мы победим голод и отвоеваем социализм»¹.

Только один этот важнейший вопрос — о борьбе с голодом — и стоял тогда на повестке дня заседания.

В один из дней работы I Всероссийского съезда учителей-интернационалистов Ленин принял у себя в Кремле делегацию от нашего съезда. В числе ее членов была и я.

Когда мы пришли в Кремль, делегат от города Гжатска Смоленской губернии учитель-коммунист Радивилин, возглавлявший нашу делегацию, прежде всего от нашего имени попросил у Владимира Ильича извинения за то, что мы отнимаем у него время. После этого он сказал, что нам поручено пригласить его на наш съезд и передать, что «вусовцы»², члены старого профсоюза учителей — это далеко еще не все учительство и что большинство учителей поддерживает Советскую власть.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 414.

² ВУС — Всероссийский учительский союз, руководимый кадетами, меньшевиками и эсерами, был организован в 1905 году и в описываемое время объединял несколько тысяч учителей.— Ред.

Отступая от своего рассказа, здесь я хочу пояснить, что одновременно с нашим съездом в Москве заседал и «вусовский» съезд и по числу участников он был больше нашего. Наш съезд посылал к «вусовцам» делегацию, которая призвала порвать с эсерами и меньшевиками и вместе с нами взяться за организацию нового союза учителей и начать строить новую школу.

Владимир Ильич знал и о «вусовском» съезде. В беседе с нами, как мне помнится, говоря о двух учительских союзах, он привел сравнение между эсеровско-меньшевистским Викжелем и Викжедором¹, стоявшим на платформе Советской власти. Ленин выразил уверенность, что подобно тому, как у железнодорожников дело кончилось победой Викжедора, так и у нас победит учительство, поддерживающее Советскую власть. Никогда не забуду заключительных слов нашей беседы: «Народный учитель не может быть против Советской власти, он не может быть против народа».

Безграничная вера Ильича в массы, в народ, непоколебимая уверенность в победе дела Советской власти — все это с огромной силой прозвучало в его простых словах.

5 июня Владимир Ильич выступил у нас на съезде учителей-интернационалистов. Это здесь сказал он свои замечательные слова о том, что «учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения» и что «задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»².

А вскоре мне вновь довелось услышать дорогого вождя.

...В июле — августе 1918 года в Москве проходили курсы — съезд учителей. 23 августа слушатели этих курсов, в том числе и я, присутствовали в большой аудитории Политехнического музея на митинге трудящихся Городского района. Владимир Ильич выступил в этот день с речью на тему: «За что борются коммунисты (большевики)». А еще через несколько дней, 28 августа, я слушала речь Ленина на I Всероссийском съезде по просвещению.

¹ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза — в октябрьские дни 1917 года был одним из контрреволюционных центров; прекратил свое существование в связи с избранием на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде в январе 1918 года Викжедора (Всероссийского исполкома железнодорожников), большинство которого составляли большевики. — *Ред.*

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 420.

Этот съезд, который в мандатах его участников именовался «Первым съездом деятелей по народному образованию», был созван в канун начала нового учебного года. Он должен был как бы завершить проделанную работу по высвобождению учительства из-под влияния Всероссийского учительского союза и принять основные положения о советской единой трудовой школе.

Заседания съезда проходили в здании Высших женских курсов по Малой Царицынской улице (ныне здесь размещается Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина). Нам было известно, что 28 августа состоится выступление Ленина на съезде, и мы пришли пораньше, чтобы занять места ближе к трибуне. Войдя в Большую аудиторию курсов, мы заняли места в первых рядах. От города Рославля кроме меня на съезде присутствовали уездный комиссар по просвещению Н. М. Тарасов и врач Юдина, которая тогда работала в уездном отделе народного образования.

Председательствовал на съезде нарком А. В. Луначарский. Заслушали доклад о единой трудовой школе. Только что начал свою речь первый выступающий в прениях, как в аудитории появился Владимир Ильич. Все встали, приветствуя Ленина бурными и долгими аплодисментами.

Луначарский предоставил слово Владимиру Ильичу.

...Прошло много лет с того дня, но, когда я мысленно переносюсь в то далекое и такое дорогое прошлое, я отчетливо вижу фигуру и лицо Владимира Ильича. Вот он делает несколько шагов по сцене, иногда подходит к самому ее краю и, с поднятой рукой обращаясь к аудитории, как бы беседует с ней. И кажется, в эту беседу он вкладывает всю свою душу, все свое сердце, весь свой могучий разум...

Прерываемый неоднократно аплодисментами, Ленин говорил на съезде о международном значении русской революции, о том, что рабочий класс всего мира считает революцию своим собственным делом.

«Одна из составных частей в той борьбе, которую мы сейчас ведем, — указал Ленин, — дело народного образования»¹. Он говорил о том, что раньше школа была орудием классового господства буржуазии, была вся проникнута кастовым буржуазным духом, что она имела целью подготовить для капиталистов услужливых холопов и толковых рабочих...

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 76.

Ленин разъяснил, что саботаж, организованный наиболее реакционными представителями старой буржуазной культуры, показал «нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низами»»¹.

Владимир Ильич с особой силой подчеркнул, что «трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы... Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь,— и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит» — так закончил он свое выступление².

I Всероссийский съезд по просвещению сыграл крупнейшую роль в борьбе Коммунистической партии за отрыв учительства от буржуазных и мелкобуржуазных партий — кадетов, эсеров и меньшевиков, явился важной вехой на пути к победе коммунистического влияния в учительской среде. В конце 1918 года Всероссийский учительский союз был распущен, а в январе 1919 года II съезд учителей-интернационалистов принял решение о создании массового «Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры».

Последний раз я видела и слышала Владимира Ильича Ленина в марте — апреле 1920 года на IX съезде РКП(б), на котором была делегатом от Смоленской губернской партийной организации.

Съезд начал свою работу вечером 29 марта в Большом театре. Владимир Ильич открыл съезд, а затем, после выборов президиума и оглашения ряда приветствий, выступил с докладом Центрального Комитета. 30 марта после прений Ленин выступил с заключительным словом по этому докладу. На последующих заседаниях он выступал в прениях по докладом о хозяйственном строительстве и кооперации, он же закрывал съезд. Шесть раз мы слушали Ильича на съезде.

Мне не раз довелось близко видеть Ленина. Случалось, что он не уходил из-за стола президиума, когда объявлялся перерыв; он сидел, иногда накиннув пальто на плечи, и разбирал какие-то бумаги. К нему часто подходили делегаты, наркомы, и он с ними что-то тихо обсуждал. Владимир Ильич все время работал, за все восемь дней заседаний съезда

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 77.

² Там же, стр. 77, 78.

я ни разу не видела его хотя бы ненадолго сидящим без работы.

Большое внимание уделил IX съезд работе среди женщин. Я в то время заведовала женотделом Смоленского губкома партии, и этот вопрос особенно был близок мне. Съезд со всей силой подчеркнул, что работа среди женщин есть составная часть общепартийной работы и является одной из важных и неотложных задач большевистской партии.

В дни работы IX съезда РКП(б) состоялось II Всероссийское совещание по работе среди женщин, созванное женотделом ЦК партии. Кроме меня делегатами от Смоленщины были Е. Лебедева и Р. Ковнатор. Совещанием руководила Инесса Арманд, тогда заведующая женотделом ЦК. Мы обсудили доклады Московского, Петроградского и Вятского губженотделов, несколько сообщений с заводов и из сел. Совещание признало, что работа среди женщин налаживается; она развертывается и в недавно освобожденных от белогвардейцев и интервентов районах Сибири и Украины. Очень большой интерес всех делегатов вызвал доклад Инессы Арманд «О методах агитации и пропаганды среди женщин». Товарищ Инесса назвала в докладе делегатские собрания «школами коммунизма».

IX съезд партии закончился 5 апреля, и вскоре мы вернулись в Смоленск. Первоочередной нашей задачей стала подготовка губернского совещания по работе среди крестьянок. Мы провели его в мае 1920 года. На нем заслушали доклад о Всероссийском совещании и наметили, что основным в нашей работе среди крестьянок в летний период должна стать организация детских яслей, чтобы облегчить труд женщин в деревне во время наиболее напряженных полевых работ.

Вскоре мы начали создавать группы практиканток из делегатов для работы в советских учреждениях с целью повысить активность женщин, вовлечь их в работу Советов.

В декабре 1920 года состоялось III Всероссийское совещание женотделов. Смоленская делегация, насчитывавшая тринадцать человек, была одной из самых многочисленных и уступала по количеству только делегации Московской губернии. Глубокие, содержательные доклады А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович, В. П. Лебедевой, оживленные беседы с товарищами из других губерний очень много дали нашим делегаткам.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА

1918 год особенно памятен нам, советским женщинам. Тогда, в первые месяцы власти Советов, было положено начало большой, исключительной важности работе по охране материнства и младенчества. В декабре 1917 года в составе Наркомата государственного призрения (социального обеспечения), возглавлявшегося А. М. Коллонтай, был образован отдел охраны материнства и младенчества, а в январе 1918 года принят замечательный декрет об организации государственной охраны материнства и младенчества. Руководство этим делом было поручено врачу, члену большевистской партии с 1907 года, Вере Павловне Лебедевой. Перед отделом охраны материнства и младенчества была поставлена задача осуществлять медицинское наблюдение за детьми и беременными женщинами через широкую сеть женских и детских консультаций, яслей, садов, домов матери и ребенка и других учреждений. Выполнить эту задачу можно было только при активной помощи самих работниц и крестьянок.

Летом 1918 года я работала в уездном городе Алексине Тульской губернии. Исполком уездного Совета поручил мне, молодой работнице, провести собрание женщин в Стрелецкой волости. На собрании предстояло зачитать и обсудить правительственный декрет о создании в стране государственной службы охраны материнства и младенчества. Заведующий отделом социального обеспечения И. В. Степанов мне сказал:

— Прочитайте декрет на собрании женщин, разъясните его, особенно подчеркните то, что до революции ничего этого не было, да и мы здесь только начинаем. На собрание с вами пойдет член партии товарищ Ляпин.

И вот мы с Ляпиным на собрании. Читаю крестьянкам декрет. Слушают внимательно.

— «Два миллиона едва затеплившихся на земле младенческих жизней ежегодно гасли в России от темноты и неосознанности угнетенного народа, от косности и равнодушия классового государства...

Вас, работницы, трудящиеся гражданки-матери с вашим чутким сердцем, вас — смелые строители новой общественной жизни, вас — идейные педагоги, детские врачи, акушеры, — всех вас зовет теперь новая Россия слить ваш ум и чувства в строительстве великого здания социальной охраны грядущих поколений» — произношу я слова документа, и голос мой дрожит от глубоко волнующих слов.

Женщины молчат, а предложение открыть в Стрелецкой волости ясли и сад для детей вызывает бурный протест:

— Не надо нам ни яслей, ни садов. Без них детей растили...

— Сначала сад, а потом налогов воз. Не надо!

— Крестики с детей снимут, в казну заберут. Не дадим ребят...

Совсем расшумелись, не слушают наших уговоров. Угмонившись, высказали свое решение:

— Советская власть — наша власть. Землю крестьянам дала — великое ей спасибо. Низкий поклон. Спасибо за заботу о нас, матерях и детях. Равноправие нам — тоже хорошо. А детей не отдадим ни в сады, ни в ясли!

Собрание кончилось, а я все думаю, почему же крестьянки так отнеслись к детским яслям и садам, которые должны облегчить их жизнь. Но ведь их можно понять. В царской России воспитание детей было делом частным, семейным. Родильные дома, консультации, детские сады и ясли создавались лишь на средства благотворительности. Их было очень мало. А у нас в Алексине не было совсем.

До революции в России было много подкидышей. Десять — двенадцать тысяч новорожденных каждый год подкидывали в одной только Москве. Здесь имелся воспитательный дом на две тысячи детей, который за большую смертность называли в народе «фабрикой ангелов». Много отсюда раздавали детей на воспитание по деревням за плату. Кое-где это занятие превращалось в промысел: деньги платили вперед за год, а младенец редко доживал до года. В наших местах родильного дома не было вовсе. Бабки-повитухи, как и повсюду, заменяли акушеров и врачей.

Правда, был один «родильный дом» в нашем уезде, в селе Першино, в имении Николая Николаевича Романова — дяди последнего царя. Но «роддом» этот предназначался для... охотничьих собак великого князя.

А вот понятие «общественное воспитание детей», слова «ясли», «детский сад», «консультация» участницы собрания

услышали впервые. И конечно, их не понимали, они их пугали.

Вот на каком фундаменте начиналось великое дело охраны материнства и младенчества, хотя эта задача была поставлена еще в Программе Коммунистической партии, которую принял II съезд РСДРП, и разработана в фундаментальном труде А. М. Коллонтай «Общество и материнство», вышедшем в 1916 году. Но практически у отдела охраны материнства и младенчества наркомата не было тогда ни опыта, ни материальной базы, ни кадров. Надо было доставать оборудование, топливо для родильных домов и детских садов, одежду для детей, питание, лекарства... А главное — не было подготовленных людей для работы.

С этого — с подготовки кадров и привлечения специалистов — и было начато.

В своих воспоминаниях первая заведующая отделом охраны материнства и младенчества В. П. Лебедева писала, что даже передовые врачи не верили в успех дела в труднейших условиях первых лет революции. Но, тактично преодолевая их неверие и скептицизм, Вера Павловна Лебедева привлекала нужных для работы специалистов. Одной из первых среди них была Анна Ильинична Лагутяева — опытный врач-акушер.

Летом 1918 года местные Советы получили указание командировать в Москву женщин на девятимесячные курсы для работников по охране материнства и младенчества. Была послана Алексинским уездным исполкомом на эти курсы и я. Из разных городов страны на них съехалось, как мне помнится, около пятидесяти женщин.

Занятия начались 1 сентября 1918 года в доме по улице Солянке, 12.

В январе 1919 года в Москве в том же здании были организованы еще и шестинедельные курсы агитаторов и организаторов отдела охраны материнства и младенчества Наркомсобеса. О них упоминается в Полном собрании сочинений Владимира Ильича Ленина¹.

Вот что об этом рассказывала М. А. Шустова — ткачиха из Иваново-Вознесенска, которая была старостой курсов: «В начале сентября 1918 года меня вызвала к себе С. А. Фрунзе и сказала, что в Москве открываются 9-месячные курсы сестер по охране материнства и младенчества. «Наша партия, — сказала она, — придает этому вопросу иск-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 521, 737.

лючительно важное значение...» В Москву мы вместе с Шурой Соколовой приехали 15 сентября, пришли на Солянку и стали учиться... В том же здании находились шестинедельные курсы агитаторов и организаторов отдела охраны материнства и младенчества, организованные нашим наркоматом совместно с отделом по работе среди женщин ЦК партии... Лекции, беседы, доклады проходили в объединенных аудиториях для обоих курсов».

Душой курсов была В. П. Лебедева. Выскообразованная, принципиальная, строгая и всегда собранная, она была для нас образцом человека и работника. Многие из нас старались все делать так, как Вера Павловна. У нее мы учились четко работать и отдавать себя избранному делу. Вера Павловна делала все возможное, а порой, казалось, невозможное, чтобы курсы работали нормально и слушательницы получали необходимые знания.

В аудиториях для занятий было холодно. Мы занимались в пальто, но холод переносили стойко и учились с увлечением. Жили мы в общежитии, устроенном для нас в бывшем Николаевском институте благородных девиц.

Нашими преподавателями были А. И. Лагутева, Н. Ф. Альтгаузен, Н. И. Ланговой, Я. М. Жерно и другие. Практические занятия проводились в лучших лечебных учреждениях столицы. И за девять месяцев, даже в исключительно тяжелых условиях того времени, не было ни одного случая срыва занятий. В результате мы получили на курсах основательные знания.

Большое внимание уделялось политическому воспитанию слушательниц. Политграмоту преподавала А. М. Коллонтай, одна из самых лучших пропагандистов нашей партии. Александра Михайловна работала с нами, не жалея сил; она не только обучала нас, но воспитывала, прививала преданность идеалам социализма, большевистскую убежденность, вовлекала курсанток в общественную жизнь Москвы. А. М. Коллонтай, прекрасно понимала, что, когда, окончив курсы, мы вернемся в родные места, а многие в самые глухие углы страны, нам предстоит нелегкая работа среди женщин. И она делала все, чтобы мы уехали из столицы всесторонне подготовленными для этой работы. Слушательницы были благодарны Коллонтай за то, что по ее инициативе мы получили возможность четыре раза увидеть и услышать Владимира Ильича Ленина.

Никогда не изгладится из памяти яркая, волнующая демонстрация трудящихся столицы 7 ноября 1918 года, посвя-

ценная первой годовщине Октябрьской революции. Нам, курсанткам, выдали гостевые билеты на Красную площадь.

В центре площади, ближе к Кремлевской стене, — трибуны. Непрерывным потоком вливаются колонны демонстрантов, гремят оркестры, льются звуки революционных песен, колышутся на ветру красные знамена...

На Красную площадь пришел Ленин... Вместе с делегатами работавшего в те дни VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов он направился к Кремлевской стене, где находилась закрытая алым полотнищем мемориальная доска в память борцов революции, павших в октябрьских боях в Москве и погребенных здесь, в братской могиле. Владимир Ильич разрезал красную ленточку. Покрывало упало. Затем Ленин произнес речь, и я впервые в жизни услышала великого вождя партии...

6 марта 1919 года мы были в Большом театре на торжественном заседании, посвященном основанию Коммунистического Интернационала. В этот день закончил работу I конгресс Коминтерна, и Ленин на заседании актива столицы выступил с речью о значении этого важного события. И опять о том, чтобы мы смогли присутствовать на заседании, позаботилась А. М. Коллонтай.

Через двенадцать дней, 18 марта, мы были на Красной площади и участвовали в скорбной церемонии похорон председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. Мы стояли у самой трибуны и слушали речь Владимира Ильича Ленина. Особенно запомнились нам заключительные слова ленинской речи: «Мы даем торжественную клятву еще крепче бороться за свержение капитала, за полное освобождение трудящихся!» Клятвой отозвались они в сердце каждого участника траурного митинга...

По совету А. М. Коллонтай слушательницы курсов обратились к В. И. Ленину с письмом, в котором просили его выступить перед ними. И вот в Международный женский день 8 Марта 1919 года Владимир Ильич в сопровождении А. М. Коллонтай приехал к нам на Солянку. Он поднялся на третий этаж, вошел в холодную аудиторию и как-то по-особому просто, по-товарищески поздоровался с нами.

Трудно передать то радостное волнение, которое охватило всех нас, когда мы так близко увидели Владимира Ильича. Выступление его слушали с напряженным вниманием.

Как жаль, что эта речь вождя не стенографировалась. Но она запомнилась каждой из нас на всю жизнь. Ленин начал с письма слушательниц, точнее, с конечной его фразы о го-

товности заменить мужей, братьев и сыновей, ушедших в Красную Армию. Он призвал слушательниц курсов сдержать данное слово и создать крепкую армию тыла.

— Новое общество можно построить только при активном и сознательном участии в этом строительстве женщин, — говорил Владимир Ильич. При этом он напомнил, что в предыдущих революциях несознательность массы женщин нередко мешала, тормозила дело революции. Наказом для каждой из нас прозвучал призыв Ленина бороться за строительство социализма, несмотря на огромные трудности и лишения, вызванные гражданской войной, походом контрреволюции против Республики Советов.

После выступления Владимир Ильич ответил на несколько наших вопросов и уехал, — его ждали другие дела.

А мы долго не расходились, взволнованно обсуждали, как лучше выполнить наказ вождя.

На прощальном вечере выпускницы шестинедельных курсов заявили:

— Коммунизм стал нашей путеводной звездой, и мы смело пойдем по ленинскому пути.

В моей памяти хорошо запечатлелась напряженная обстановка, характерная для пролетарской столицы в те тяжелые военные дни. Запомнились и «Окна РОСТА», лозунги «Мир хижинам, война дворцам!» — на здании теперешнего Центрального музея В. И. Ленина, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — на здании Большого театра, «Наука трудящимся» — на здании Московского университета.

Работали театры, шли лекции в Политехническом музее. Помню выступления Маяковского, бурные диспуты выдающегося деятеля советской культуры, наркома по просвещению Луначарского и митрополита Введенского на тему «Есть ли бог?..».

Как ни напряженны были дни учебы на курсах, мы внимательно следили за культурной жизнью Москвы, ходили в театры, восторгались игрой Качалова, Москвина, Станиславского, Книппер-Чеховой, Гельцер. И это не прошло для нас бесследно. В свои города, волости и деревни мы вернулись совершенно другими людьми, политически выросшими и культурно обогащенными, хорошо подготовленными для ждавшей нас новой работы.

И надо сказать, почти все из окончивших курсы навсегда связали свою жизнь с работой в системе охраны материнства и младенчества. Особенно хочется отметить Марию Алексеевну Шустову — старосту наших курсов. Она была такой

же молодой, как и все мы, может быть, лишь на два-три года постарше некоторых из нас. Но за ее плечами был уже к этому времени опыт политической работы: иваново-вознесенская ткачиха, дочь большевика-подпольщика, умершего в тюрьме, сама член партии с 1917 года, депутат Иваново-Вознесенского Совета, она была настоящим вожаком женщин своего города. И на курсах она заняла ведущее место среди нас. Мы любили, уважали ее, прислушивались к ее советам... В чем же была ее сила? Мария Алексеевна умела слушать людей, умела создать обстановку радостного труда. Была она всегда внимательной, справедливой и очень доброжелательной к людям. Умела радоваться вместе с каждой из нас, всегда готова была помочь, ободрить. После окончания курсов Шустова всю жизнь трудилась в органах охраны материнства и младенчества в родном Иванове и в Москве.

Вернувшись с курсов в Алексин, я с энтузиазмом включилась в работу: заведовала подотделом охраны материнства и младенчества, затем была инструктором женотдела уездного комитета партии. В декабре 1919 года я вступила в Коммунистическую партию, а с 1920 года стала заведовать уездным женотделом. Но вопросы охраны материнства и младенчества по-прежнему оставались всегда близкими для меня.

...Шли годы. Канули в прошлое, забылись бабки-повитухи. Теперь более 48 тысяч акушеров-гинекологов заботятся о здоровье женщины-матери. Всего 7500 коек для рожениц было в 1913 году в огромной стране, а подавляющее большинство женщин (точнее, 95 процентов их) рожало, не получая никакой медицинской помощи. А ныне число коек для рожениц достигло 224 тысяч. Значит, все советские женщины имеют возможность рожать в стационарах под наблюдением врачей.

А детские ясли и сады, которых так испугались и от создания которых отказались крестьянки Стрелецкой волости на том памятном для меня собрании летом 1918 года! Уже к 1925 году в РСФСР работало 778 фабричных и районных яслей. А теперь они стали неотъемлемой частью городов, поселков, колхозов и совхозов. Их многие и многие тысячи, миллионы детей воспитываются в них. Прочно вошли в быт женские и детские консультации, дома матери и ребенка и другие учреждения системы охраны материнства и младенчества.

Центром охраны здоровья советских детей вот уже более полувека является замечательный Институт педиатрии Академии медицинских наук СССР, созданный в 1922 году и но-

сивший тогда название Государственного института охраны материнства и младенчества. За огромные успехи в работе институт удостоен высшей награды — ордена Ленина. В клиниках и лабораториях института, оснащенных самым совершенным оборудованием, идет упорная борьба с детскими болезнями, и уже разработаны методы лечения и профилактики многих из них.

В результате неустанной заботы Родины о матери и ребенке детская смертность в Советской стране во много раз снизилась по сравнению с дореволюционным временем и с каждым годом продолжает снижаться.

Основы величественной системы охраны материнства и младенчества начали закладываться сразу же после победы Великого Октября. И мы, бывшие выпускники первых курсов, на склоне лет счастливы сознавать, что вложили долю своего труда в решение этой огромной государственной важности задачи.

ТРУД ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

1924—1930 годы ознаменовались большим подъемом работы партии по организации и просвещению женщин нашей страны. К этому времени окончательно отшумели дискуссии, быть или не быть женотделам, были напрочь отменены ликвидаторские настроения, партия призвала к работе новые кадры стойких коммунистов.

XIII съезд РКП(б) (май 1924 года) и январский (1925 года) Пленум Центрального Комитета приняли решения об усилении организаторской и воспитательной деятельности среди работниц, крестьянок и тружениц Востока.

Это был один из самых творческих периодов в работе женотделов в центре, на местах и в Коминтерне, где заместителем Клары Цеткин в Международном женском секретариате (МЖС) была заведующая женотделом ЦК партии Александра Васильевна Артюхина.

Потомственная пролетарка, А. В. Артюхина высоко ставила звание работницы и ценила то, что была избрана в состав Центрального Комитета партии в порядке орабочивания, то есть усиления его пролетарского состава. Но ей не хотелось переходить на работу в партийный аппарат.

Она советовалась по этому вопросу с Михаилом Ивановичем Калининим, у которого занималась еще в подпольном марксистском кружке на заводе «Айваз» в Петербурге.

— Не справлюсь я,— говорила она ему.

— А на «Пролетарке» справлялась?¹

— Так ведь на «Пролетарке» свой народ — работницы.

— И тут работницы да еще крестьянки всего Советского Союза. Поближе к ним надо встать и всех поднимать на общее дело. Для этого вас и избрали.

— Ну что тут скажешь? Попробую.

¹ А. В. Артюхина в 1923—1924 годах работала председателем завкома профсоюза текстильщиков фабрик «Пролетарка» и имени Вагжанова в Твери.— А. Н.

Некоторое время она работала в женотделе ЦК РКП(б) вдвоем с Клавдией Ивановной Николаевой, давним товарищем по партийному подполью. Клавдия Ивановна возглавляла отдел работниц и крестьянок. Александра Васильевна была ее заместителем. Потом К. И. Николаева перешла на другую работу, а А. В. Артюхина возглавила женотдел ЦК РКП(б).

Всеми помыслами, силой ума, сердца, всей душой Александра Васильевна жила делом, порученным ей партией, и относилась к нему с огромной ответственностью. Постоянно училась у Ленина: читала и перечитывала его труды, оставшая в томах работ Владимира Ильича аккуратные, тоненькие закладочки из бумаги. Выписывала отдельные места его сочинений на листки, чтобы использовать их в докладах, беседах, в статьях и, главное, поглубже вникая в мысли Ленина, применять их на деле.

Училась у ЦК — на заседаниях Оргбюро и Секретариата Центрального Комитета партии. И отсюда уходила с листочками, испещренными пометками. Наутро, придя в женотдел, созывала к себе в кабинет (за фанерную перегородку) всех работников отдела и кратко сообщала, какие решения приняты, обращала наше внимание на самое важное и отпускала.

— Идите, товарищи, по местам, подумайте, что нам надо делать по этим указаниям ЦК. Завтра соберемся, подготовьте предложения, — говорила она.

Мы расходились.

Дома поздно вечером, утихомирив и обласкав живую, бойкую Надюшку, посмотрев ученические тетрадки старшей, не по годам серьезной Тали (будущего научного работника), поговорив с домочадцами, бралась за тома Ленина, искала ответа на сложные вопросы. Засиживалась за полночь.

Наутро в назначенное время, собравшись в большой комнате, всем коллективом мы слушали предложения товарищей. При этом чаще всего первыми выступали младшие по возрасту. Все принималось со вниманием, доброжелательно и уважительно. Поощрялась любая творческая инициатива. Она тут же подхватывалась руководством, обсуждалась, получала оформление в виде конкретного решения, идеи для статьи или брошюры.

В отделе царил дух доброго товарищества, демократии и оптимизма. Обеспечивались самые благоприятные условия для роста каждого работника.

Все сотрудники — женщины, кроме архивариуса и «машинистки». Архивариус Мякотин, пожилой, покладистый, одинокий человек, обожал всех нас, гордился нами. Мы заменяли ему и друзей, и семью. «Машинистка» — парень комсомольского возраста, виртуоз в работе, в нашем обществе робел, конфузился. Сидели они в отдельной маленькой комнате. Мы шутили между собой: где-то должны же быть мужчины в подчинении у женщин! Где же им быть, как не в Центральном женотделе?

Аппарат отдела — малочисленный (около тридцати человек), а фронт работы — огромный по масштабу и многообразию проблем (право, экономика, культура, быт). Во главе кроме заведующей А. В. Артюхиной заместитель — А. С. Калыгина и руководители подразделов: по работе среди пролетарок, крестьянок, женщин Востока, а также три референта и разъездные инструкторы. К последним относилась и я.

Работа в аппарате ЦК партии стала для меня настоящим университетом. За полтора года я объездила четырнадцать республик и областей. Своими глазами видела, как осуществляется в стране ленинская национальная политика. Глубоко прочувствовала важность и нужность работы женотделов.

Сильная сторона деятельности отделов работниц заключалась в том, что они не замыкались «внутри себя». Кроме женотделов организацией и просвещением женских масс занимались и Советы, и профсоюзы, и органы культуры, народного образования, кооперации и т. д.

В ЦИК СССР и во ВЦИК, в ЦИК республик, в областных и окружных исполкомах имелись комитеты по улучшению труда и быта женщин (КУТБ), возглавлявшиеся ответственным секретарем. Эту работу вели последовательно в ЦИК СССР Мария Федоровна Икряннистова-Труба, Клавдия Александровна Ишкова и Софья Николаевна Смидович. В комитет входили представители женотдела ЦК партии, Наркомюста, Наркомтруда, Всекопромсовета (Всероссийский совет кустарной промышленности) и другие. Они принимали участие в подготовке законов, раскрепощающих тружениц, помогали развитию женского образования, кустарных промыслов и т. д.

Во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете большую работу среди женщин проводил его орготдел. Помощником заведующего орготделом здесь была большевичка с 1905 года Мария Михайловна Загуменных. Практиковалась регулярная проверка деятельности женщин —

председателей сельских Советов, инструктирование, помощь им по месту работы. Созывались совещания для взаимного обмена опытом, ознакомления депутатов с законами, работой Советов на местах. Сплошь и рядом обучение членов Советов из беднячек и батрачек приходилось начинать с ликвидации их неграмотности.

Во Всесоюзном Центральном Совете Профессиональных Союзов забота о работницах возлагалась на члена Президиума Ольгу Чернышеву, позже — на Анну Тихомирову и других. Борьба за техническую грамотность, профессиональное мастерство пролетарок была главной заботой фабрично-заводских комитетов и ЦК профсоюзов.

В разгар гражданской войны, в 1919 году, Советское правительство издало декрет о всеобщей ликвидации неграмотности. Борьбу с народной темнотой возглавила руководитель Главполитпросвета Надежда Константиновна Крупская. По данным Всероссийской переписи населения 1913 года, 88 процентов женщин были неграмотными. После Октябрьской революции из 17 миллионов человек, подлежащих обучению в школах ликбеза, 14 миллионов составляли женщины. Уже в сентябре 1920 года, когда еще не закончилась гражданская война, действовало около 25 тысяч школ грамоты для женщин, еще через год их стало 37 тысяч. Общество «Долой неграмотность» (ОДН) возглавлял сам «всероссийский староста» Михаил Иванович Калинин.

Не было бумаги, писали на кусках старых обоев, на газете и даже на бересте. Задачи решали на чисто подметенном глиняном полу, на стене. Но учились упорно, вдохновенно. Красноармейцы обучались грамоте в перерывах между боями. Старая большевичка Людмила Николаевна Сталь организовала через Госиздат выпуск серии книг «Работницы и крестьянки» для малограмотных, печатавшихся крупным шрифтом.

С началом широкого развития кооперации ответственные за работу среди женщин появились во всех кооперативных центрах: Е. К. Кравченко — в Сельхозцентре, О. А. Шекун — в Птицеводсоюзе, Е. В. Бутузова — в Центросоюзе и т. д. В 1926 году Н. К. Крупская и работники женотдела ЦК партии приняли непосредственное участие в работе I Всесоюзного съезда женщин-кустарей (ковровщиц, ткачих, вышивальщиц, кружевниц и других).

Член коллегии Наркомтруда СССР, в недавнем прошлом известный работник среди женщин, Цырлина возглавила разработку пятилетнего плана внедрения женского труда

во все отрасли народного хозяйства. Была создана специальная научная комиссия по изучению проблем женского революционного движения при Коммунистической академии.

Заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК партии Александра Васильевна Артюхина избиралась в состав ЦИК СССР, была членом Президиума ВЦИК. Избирались в высшие органы Советской власти заместители заведующей, в том числе и я.

Медленно, но верно росло количество работниц от станка и крестьянок от сохи (как тогда говорилось), избранных в высшие органы Советской власти. Сессии ЦИК проходили раз в год, обычно поздней осенью, по окончании полевых работ. Предварительно собиралась бюджетная комиссия, которая рассматривала и обсуждала смету доходов и расходов государства на предстоящий год.

Заседания комиссии проходили в величественной Грановитой палате Кремля. Мы, женщины, располагались в ряд по одну сторону длинного стола, по другую, лицом к нам, сидели мужчины-депутаты. Между нами — наркомы просвещения, здравоохранения и другие. Мы вместе определяли ассигнования как для страны в целом, так и по каждой республике. Председателем нашей культурно-социальной секции бюджетной комиссии был Д. Б. Рязанов — образованнейший человек, но с «завихрениями», как говорили женщины-депутаты. Помню, как во время обсуждения вопроса об ассигнованиях на ясли, детские больницы он вдруг буркнул:

— Поменьше бы рожали...

Лучше бы он промолчал, такую «баню» устроили ему женщины! А дома еще от жены досталось. Рязанова была специалистом по женскому труду и нашим верным другом и советчиком.

Советская власть в те годы была бедна, средств часто не хватало на самые неотложные нужды. Просим, например, дотацию от государства на поддержку женских промыслов, красных уголков, школ для девочек в республиках Востока. А денег нет. Приходилось самим принимать разные экстренные меры. Так, некоторые учреждения были открыты на средства от женских субботников. Не закрывать же, когда в них такая нужда!

А когда мы впервые получили на дело раскрепощения женщин Востока миллион рублей, радовались как дети.

Еще задолго до массового колхозного движения бедность и нужда заставляли беднячек и батрачек объединяться в женские артели и коммуны. На весь Советский Союз про-

гремела в свое время слава о женской коммуне имени А. В. Артюхиной на Северном Кавказе. Руководила ею бывший женорганизатор Е. А. Сорокина. К годовщине рождения коммуны — 5 мая 1929 года — со всего Сальского округа съехалось 167 батрачек. Дали коммуне очень ответственное наименование — «учебно-показательная».

Первую помощь женской коммуне оказали соседние хозяйства. Государство выделило кредит; добыли инвентарь, стройматериалы. Женотдел выхлопотал два инкубатора. Сначала дело шло очень тяжело, но трудились, не жалея сил, времени и... песен.

И враги не дремали — убили мужа учительницы Сильницкой и мужа Сорокиной. Мстили за колхозы, боялись их и хотели запугать людей. Но коммуна крепла и постепенно начала сама помогать окружающим колхозам. Не сводила глаз с хозяйства и Северо-Кавказская партийная организация во главе с секретарем крайкома А. А. Андреевым. Когда понадобилось, сотни коммунистов и беспартийных крестьян из разных станиц и хуторов округа пришли помочь прокопать каналы для полива раннего картофеля, установить электромоторы для подачи воды.

Коммуну посетила Н. К. Крупская. Она побывала на птичниках, на огороде, во всех бригадах, радовалась успехам коммунарок, их хорошим домам. Надежда Константиновна сказала:

— Владимир Ильич только мечтал о таких людях — я их вижу. Ведь это подлинные героини.

Помню, на сессии ВЦИК женщины дружно провалили проект закона о браке, семье и опеке, внесенный на утверждение без предварительного обсуждения в массах. От имени депутатов работниц и крестьянок с критикой предложенного проекта выступила член Президиума ВЦСПС (член ЦИК Союза ССР и ВЦИК) О. Чернышова. Ее дружно поддержали несколько депутатов. Так «навалились» на докладчика, что он не знал, куда деваться. И председательствующий Михаил Иванович Калинин поднял руки, прося пощады:

— Закон надо подработать, женские организации против. Так и сказал.

Отложили. Потом новый проект закона обсуждали на делегатских и рабочих собраниях, сходках. Развернулась горячая дискуссия среди молодежи. Через год закон был принят в новой редакции, со значительными поправками, внесенными трудящимися.

Большая дискуссия развернулась и о детях, «законных» и «незаконных». Взял верх «фактический брак», закон стал на защиту интересов матери и ребенка.

Помню, в жаркую пору лета 1928 года я вернулась из командировки в Башкирию и застала у нас в отделе полный переполох. Из отдела выдвинули на самостоятельную руководящую работу несколько ведущих работников.

Произошло это как-то неожиданно. Секретарь ЦК запросто зашел в кабинет Александры Васильевны и, поздоровавшись, сказал:

— Вот женотдел все обижается, что мало выдвигаем работниц и крестьянок на руководящую работу. Готовьте списки, завтра обсудим в Секретариате и двинем первую группу.

— Надо подумать, посоветоваться,— отвечает несколько опешившая от неожиданности Артюхина.

— Вопрос ясен, начнем с Центрального женотдела,— говорит секретарь. Берет со стола блокнот, записывает пофамильно почти весь руководящий состав отдела и уходит, посоветовав поискать резервы в местных женотделах.

Александр Васильевне и радостно, и страшновато. С кем же она останется? Выдвинули А. С. Калыгину, Ф. А. Нюрину, С. Т. Любимову, М. М. Загуменных, Н. А. Торскую, Е. А. Попову и других. Их послали на руководящую работу в Прокуратуру РСФСР, Верховный Суд, председателями окружных исполкомов, секретарями партийных комитетов в текстильные центры и т. д. Произвели передвижения в личном составе отдела, взяли в штат новых работников.

В кабинетах мы не засиживались. Постоянным опытным полем служила сама Москва с ее крупными промышленными предприятиями, с массовым применением женского труда. В любое время можно было с помощью инструкторов Московского комитета партии и райкомов изучить опыт работы делегатских собраний, те или иные сдвиги в быту работниц, состояние детских учреждений. Регулярно выезжали и в такие крупные промышленные центры, как Иваново-Вознесенск, Тула и другие.

А. В. Артюхиной приходилось совершать далекие путешествия в «горячие точки». В этом отношении наибольшего внимания требовали республики Востока. В пору широкой борьбы с женским затворничеством, в 1927—1930 годах, Александра Васильевна ездила в Узбекистан и в Азербайджан. Надежда Константиновна Крупская обратилась тогда к трудящимся Узбекистана с открытым письмом-призы-

вом покончить с затворничеством женщин. Обращение вызвало горячий отклик в массах батраков и бедноты, среди самих дехканок. Не удержалась от поездки на Кавказ такой пылкой, такой увлекающийся всем новым трибун революции, как Клара Цеткин.

Мы совершили вместе с Александрой Васильевной деловое путешествие в Баку. К 8 марта 1930 года там собрался весьма представительный форум женщин Советского Востока. В нем участвовала делегация араток Монгольской Народной Республики, принятая с исключительным радушием. Президиум ЦИК СССР на этой встрече представляли Анатолий Васильевич Луначарский и секретарь Совета Национальностей Абдулхай Таджиев.

Праздник начался с массовой женской демонстрации, а закончился в клубах и театрах. Деловая часть продолжалась на другой день в стенах замечательного женского клуба имени Али Байрамова. Отметив повсеместный успех борьбы с затворничеством, совещание уделило главное внимание вопросам закрепления достигнутых результатов: вовлечению женщин в промышленность, шелководство, хлопководство и животноводство, а лучших из тружениц — и в руководство этими отраслями хозяйства.

По заслугам и награда. Вместе с рядом замечательных деятельниц партии — Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Ульяновой и другими А. В. Артюхина была награждена орденом Ленина. Это был первый ее орден, всего она награждена тремя орденами Ленина, двумя «Знак Почета» и медалями. В 1960 году Александре Васильевне было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Уйдя на пенсию в 1951 году и оправившись от перенесенной тяжелой болезни, Александра Васильевна после XX съезда партии вновь активно включилась в общественную деятельность. Под ее руководством группа старых коммунистов выпустила несколько сборников воспоминаний.

А. В. Артюхина с увлечением участвовала в подготовке первых книг многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», издаваемой Институтом марксизма-ленинизма. К сожалению, она не успела осуществить задуманную и начатую при ее жизни книгу очерков по истории женского революционного движения в СССР.

В дни подготовки к полувековому юбилею Октябрьской революции сотрудники Музея революции несколько раз об-

ращались к Александре Васильевне с просьбой написать подробную автобиографию. Эту работу она выполнила. Я дважды принималась записывать ее рассказы-воспоминания о себе, обычно очень живые, остроумные, но, к сожалению, многого не успела. А жизнь ее — это живой кусочек истории нашей партии.

Попытаюсь воспроизвести то, что рассказывала А. В. Артюхина о своей жизни.

— Родилась я в небольшом текстильном городе Вышний Волочек Тверской губернии, — рассказывала Александра Васильевна. — В раннем детстве помню ласковые руки бабушки, теплые, пахнувшие квашней. Называла она меня Саней... Моя мать была «сознательная», как тогда говорили. Дядя — брат матери Матвей Кожевников — был известный смутьян, «страдал за политику». Не брали никуда на работу.

— У нас вся порода такая, — говорил он, — тихо жить не могут.

Бабий век короткий. Старухами становились в тридцать пять — сорок лет. Работать начинали детьми по двенадцати — четырнадцати часов в сутки, потому рано старились, до срока умирали. Я не помню свою маму молодой.

Слова «забастовка», «штраф» узнала, как себя помнить стала. Еще слово «жандарм». И его самого помню. С черными, толстыми усами заглянул в ночное, заиндевшее окно.

Я закричала со страха:

— Мама, черт с усищами смотрит в окно! — И после долго пугалась темных окон, даже во сне снилось.

Отец и мать мои — чистые пролетарии, по сорок лет работали на фабрикантов в Вышнем Волочке, а потом в Петербурге.

В столице наша семья стала жить с 1904 года. Первые два года я работала швеей, а потом перешла на Резвоостровскую фабрику в Нарвском районе. Здесь трудилась вся наша семья Сорокиных: отец, мать, сестра и брат. Отец — искусный ткач — сам обучил меня мастерству.

На фабрике питерские работницы любили пить «кофий», а мы, вышневолоцкие, по-московски — чай. Кофе пили пополам с цикорием, чтобы подешевле и «дух шибче». Кружки большие, с широким дном. Станки работают, все в цехе ходуном ходит, пыль до потолка. В кружке сверху пленка пыли, сдуешь да пьешь...

Фабрика за рекой. Зимой мороз, вьюга, насквозь продувает плохонькую одежку. По молодости лет все нипочем.

Раскатишься по льду, в снегу увязнешь, отряхнешь длинную, до земли, юбку и бежишь дальше.

Александра Васильевна продолжает:

— Здесь я сблизилась со своей землячкой из Вышнего Волочка Александрой Николаевной Алексеевой, ткачихой высокой квалификации. Да и кругом все отличные работницы — плохих не держали, гнали в три шеи. Безработных у ворот фабрики — уйма.

Шура посоветовала мне учиться и свела в вечернюю школу при Нарвском обществе образования. Когда она ближе со мной познакомилась, посоветовала читать газету «Социал-демократ» и распространять ее. Она же порекомендовала вступить в профсоюз. Потом я узнала, что Шура и ее друзья — Антон Ефимович Васильев, Анна Иванова, Ольга Исакова — члены РСДРП, пропагандисты партии.

В правлении союза кроме Шуры Алексеевой работали Н. И. Лебедев, В. М. Цаплин и другие знакомые товарищи. По их поручению я распространяла нашу союзную газету «Голос текстильщика», а потом мне доверили листовки и прокламации.

В 1908 году меня избрали в правление союза рабочих текстильной промышленности Петербурга. Поручали выступать на собраниях, где тебя неотступно «ест глазами» полицейский чин — пристав. С непривычки было очень страшно, но надо, раз дело наше требовало.

Немного позднее правление союза текстильщиков выдвинуло меня в Центральное бюро профсоюзов Петербурга. Бюро было нелегальной организацией, направлявшей деятельность профсоюзов столицы; оно было непосредственно связано с Петербургским комитетом РСДРП.

В марте 1910 года по рекомендации А. Е. Васильева, рабочего Путиловского завода, члена партии с 1904 года, члена Петербургского комитета, Александру Васильевну приняли в партию.

Я не раз встречала его на даче у Александры Васильевны. Старые большевики с весны до глубокой осени жили в подмосковном поселке Кратово. Васильев — плотный, выше среднего роста. Крепко стоит на ногах. Спокойный, серьезный. Смотрит добро, твердо.

...Александра Васильевна рассказывала:

— Антона Васильева, как старшего, мы побаивались за строгость, требовательность. Опытный революционер, что называется, тертый калач. На плечах таких рабочих-революционеров держалась партия, была сильна их разумом.

— Развивай память, для ученья пригодится, а конспиратору — тройне, — внушал он мне. — Что прочно уложено в башку, останется там навсегда.

Будь осторожной. Трусливой быть зазорно, а осторожной — надо. За что взялась — исполни. Не уверена в себе — не берись. Не одну себя завалишь, а и товарищей подведешь.

И еще, Шура, будь аккуратной в одежде, пуще — в речах и даже в мыслях. Пока не утвердим пролетарскую власть, конспирация — мать наша. Выработывай в себе твердость духа, смелость, отвагу, терпение, выдержку. Приготовься к худшему, а хорошее у нас будет. Мы его добудем сами. И счастье будет, раз ты его стоишь!

Александра Васильевна рассказывает, я на бумаге кое-что записываю, если сидим за столом, а не гуляем по парку Кратова.

— Антон как в воду глядел, лихолетье ожидало нас за порогом, — продолжала Александра Васильевна. — В ноябре 1910 года члены Центрального бюро профсоюзов были арестованы, и я в их числе.

Первый арест. Привели в калинкинскую полицейскую часть. Ничего с собой не взяла, неопытная, не знала, что брат в участок, что в тюрьму. Сначала я одна была, потом привели еще двоих. Я затаилась, молчу.

Вызвали на допрос, фотокарточки показывают, чтобы кого-то опознала. Я никого не узнавала, ото всех отказывалась и до того «законспирировалась», что, когда свою карточку показали, и ту не признала...

От друга своего и товарища по партии Вавилы Афанасенкова тоже отвернулась, «не узнала», только сердце до боли сжалось.

В доме предварительного заключения двух женщин встретила. Фамилия одной — Тараканова. Она меня спрашивает: кто вы, откуда?

Говорю — работница, и все тут! Всех опасалась я. А она назойливая такая, с вопросами пристаёт, о себе рассказывает. Поля де Кока сует читать. Я взяла и оплевалась вся...

Другая назвалась Наташей Казанцевой. Она была осуждена на вечное поселение. Тут держали, потому что в пересыльной тюрьме мест не было. Спрашивает, что читаете?

— Здесь книги плохие, не буду читать, — огрызаюсь я.

Она улыбнулась и назвала мне несколько книг, которые надо обязательно прочесть, — Гончарова, Тургенева... И тут

же начала читать наизусть отрывок из Евгения Онегина. О себе начинает говорить — вспоминает детство, юность, о политике — ни слова.

Собой хороша: высокая, статная, смуглая, с толстой кошой до пояса. Одета скромно, но все на ней дорогое, отлично сшито. Особенно поразило меня белье с шитьем. Я до этого и не видывала подобного. На мне черное платье без всяких украшений, нижние юбки из ситца, коленкора. Тогда по нескольку юбок надевали, чтобы пышнее было. Наши модницы юбки шили канифасовые, аж свистят на ходу...

Неизгладимый след оставила в моей жизни эта женщина, как ясная звездочка, что пролетит по небу, вспыхнет ярко и погаснет. Скоро Казанцеву отправили в долгий этап. Потом мы узнали, что она умерла в пути.

Наташа советовала учиться, заниматься самообразованием. Отрывки из сочинений Тургенева велела переписывать, запоминать, как то или иное слово пишется. Народные пословицы мы с ней записывали. Каждая беседа открывала мне что-то новое, задевала за душу.

— Обратите внимание, как в немногих словах многое сказано, — говорила она мне. — «Хлеб-соль ешь, а правдую матку режь». Простая пословица, а в ней глубокий смысл...

В беседах с ней я поняла красоту речи. Язык ее звучал, как музыка. Говорила со мной с большим уважением, тактом.

...Заскучала я в тюрьме по красоте природы. Прежде и внимания не обращала. Эка невидаль цветы, деревья, голубое небо. А тут во сне стало видеться...

Следствие тянулось долго. Центральное бюро профсоюзов, в котором я состояла, было нелегальной организацией. Мне предъявили обвинение в принадлежности к нелегальной Российской социал-демократической организации. Продержали в тюрьме семь месяцев. Арестовали в ноябре 1910 года, выпустили весной 1911-го из-за недостаточности улик. Освободили под гласный надзор полиции. Занесли в черные списки.

После тюрьмы только злости прибавилось и в голове стало больше понимания. Я вела пропагандистскую работу среди рабочих. Говорить приходилось отдельно с каждым человеком, без свидетелей. Главная забота — не провалить организацию. Рабочие жили трудно. Зарботки малые, голодали. Умирили ребятишки. У моей матери из шестерых осталось трое. Хозяин и его холуи-приказчики убеждали работника: заводчик работу дает, благодетель он, значит, ему должны в

ноги кланяться, руки целовать. А ты в разговоре с рабочим глаза ему откроешь, что хозяин — кровопийца, эксплуататор.

Выпустили меня из тюрьмы, а работы нет. Потом на фабрику Мальцева взяли, туда много рабочих требовалось.

В июне 1911 года меня во второй раз арестовали, снова по обвинению в принадлежности к РСДРП. На этот раз провела в тюрьме год, а затем отправили отбывать ссылку в Вышний Волочек. Там активно действовала партийная организация большевиков-ленинцев из ссыльных и местных товарищей. Я не прерывала связей и с петербургскими товарищами — К. И. Николаевой, Э. Солин-Алексеевой, А. С. Киселевым и другими.

В 1913 году вернулась в Питер и поступила на завод «Айваз». Жили в комнате вдвоем с Марусей Лазовской¹. Я — ткачиха, для работы на «Айвазе» у меня квалификации металлиста нет. Вытачивала мелочь для ружей. Здесь действовали большевики М. И. Калинин, Бруно, Мохов, Борисов. Мне посчастливилось некоторое время учиться в марксистском кружке у будущего «всероссийского старосты».

Михаил Иванович — прирожденный пропагандист. Самые сложные вопросы теории марксизма умел подать просто и ясно, пользуясь примерами из повседневной жизни рабочих нашего завода. Увидев, что сложная мысль, основная идея усвоена, давал нужную формулировку. Рассказывал о Марксе, Энгельсе. Запомнились его слова о безработице, что избыток рабочей силы — бич для рабочего. О разоряющейся деревне, которая заставляет крестьянина уходить на работу в город, на фабрику, снимать угол у хозяйки, питаться всухомятку, сидеть на заплесневелых сухарях. Картошка, капля конопляного масла и то в праздник. Вывод — надо бороться, чтобы изменить жизнь.

В августе 1913 года общее собрание профсоюза металлистов Петербурга избрало новое правление, куда в числе других вошли А. С. Киселев и я. В «Пролетарской правде» напечатали список членов правления, а также мою статью о положении работниц и вовлечении их в профсоюзы. Подписана была статья «Шура-металлистка». Номер конфисковали. Потом на «Айвазе» была длительная забастовка, рабочие требовали увеличения заработной платы, особенно для женщин, которые за одинаковый труд получали много меньше мужчин. Мы также требовали сокращения продолжительно-

¹ Жена Н. М. Шверника. — Ред.

сти рабочего дня, вежливого обращения администрации с рабочими. Я состояла членом стачечного комитета.

В октябре часть рабочих вернулась на работу, а мы еще бастовали. В те дни решили устроить демонстрацию, выйти со своими требованиями на Невский проспект. Шли группой, впереди Борисов, Бруно, Медведев. Полиция набросилась на демонстрантов. Бруно и Борисова удалось втолкнуть в трактир, остальные побежали. Меня схватили полицейские, повели в участок. Иду за полицейским, держу под мышкой горчичный хлеб, не помню, кто мне его в руки сунул.

«Дядя» в эполетах повел следствие. Я говорю ему:

— Я не участвовала. Все пошли, и я пошла. У меня малый ребенок дома...

Бился он, бился со мной—я стою на своем. Отпустите, дома ребенок плачет. Отвели в тесную камеру. Время идет. Почувствовала голод и весь хлеб незаметно для себя съела. Жажда мучает. У меня с собой двадцать шесть копеек. Прошу чаю принести, отмахиваются и слушать не хотят. У них без меня хлопот хватает.

Наконец поздно вечером повезли куда-то в трамвае. Доставили в сыскное отделение. Там уже никого нет, все разошлись.

Пожилой служитель принес в жестяной кружке воды. Поставил на железную печку, когда вода закипела, дал щепотку чаю. Я попила. Села на лавку. Так ночь и прошла.

Утром принесли воду, умылась, подолом белой нижней юбки вытерлась. Снова завели в камеру, узкую, как шкаф, сесть невозможно, стою. А время идет...

Вечером последовало распоряжение:

— Отправить по месту жительства.

Я жила в Озерках. Поздно добралась до Маруси Лазовской. Хорошенько помылась, переделась. Поехала в союз металлистов к Алексею Семеновичу Киселеву.

— Что мне делать?

Дает денег. Советует уехать пока к матери в Вышний Волочек. Но недолго я там пробыла: вскоре получила письмо от Алексея Семеновича, в котором он просил вернуться в Петербург. Устроили меня работать в правлении союза металлистов библиотекарем и казначеем. Часто бывала на предприятиях среди рабочих-металлистов, собирала деньги в кассу профсоюза.

— Как видите,— говорит Александра Васильевна,— «металлистка» не зря я тогда подписалась в нашей газете. Первая статья «Шуры-металлистки» в «Пролетарской прав-

де» заинтересовала Н. К. Крупскую и Инессу Арманд. Товарищ Инесса писала Надежде Константиновне: «Просим Вас связать нас с металлисткой Шурой, написавшей статейку в № 6 «Пролетарской правды». Крупская в свою очередь запрашивала К. Н. Самойлову: «Пишет ли что для «Работницы» Шура-металлистка?» С тех пор я не раз посылала свои заметки в нашу партийную газету и в журнал «Работница», а в 20—30-х годах была его редактором.

Но вернусь к временам моей молодости. Партия поставила задачу усилить влияние на женские массы. Выполняя это указание, решили возможно шире вовлечь работниц в празднование Международного женского дня 8 марта (23 февраля) 1914 года. Заранее выделили докладчиков, наметили места, где должны будут состояться митинги и собрания.

Позднее об этом «красноречиво» и с протокольной точностью расскажут документы Петербургского губернского жандармского управления, которое досконально изучило «степень политической благонадежности» шестнадцати арестованных по делу о праздновании 8 марта 1914 года женщин и одного мужчины.

Все привлеченные по этому делу в протоколах зачислены в крестьянское сословие, в том числе и пролетарки в третьем поколении Клавдия Ивановна Николаева и Александра Васильевна Афанасенкова (будущая Артюхина). К сословию мецан были отнесены все городские жительницы. Выше по социальной лестнице жандармами были поставлены: супруга потомственного дворянина А. В. Савельева, дочь статского советника Л. Р. Менжинская, дочь коллежского асессора П. Ф. Куделли и жена учителя Е. А. Кувшинская.

Все мы были арестованы по доносам петербургской охранки. В памяти служителей охраны была еще свежа история с празднованием Международного женского дня в предыдущем, 1913 году, когда пролетарки России под руководством большевистской партии впервые отметили свой праздник. На этот раз полицейские чины решили заблаговременно принять свои меры.

Итак, начальник охраны столицы доносил: «...местная организация социал-демократической рабочей партии и группа организованных работниц в прошлом, 1913 году решили впервые примкнуть к социалистическим организациям Европы в борьбе за равноправие женщин, как-то: участие их в политической жизни страны и улучшение условий женского труда».

И хотя женский день, разрешенный полицией в 1913 го-

ду, не был отмечен так широко, «как хотели этого руководители местных социал-демократических организаций,— говорится в донесении,— он послужил толчком к возбуждению солидарности в женщинах-работницах и интерес к политической партийной работе».

«В текущем году празднование «женского дня» назначено было на 23 февраля,— сообщает далее начальник охраны.— Кроме собраний предполагалось выпустить первый номер легального журнала «Работница», дать статьи в газетах... Петербургский комитет фракции большевиков-ленинцев предполагал к этому дню выпустить прокламации...» В доносе приводились фамилии членов комиссии по празднованию женского дня: Розмирович, Куделли, Самойлова, Драбкина, Антонова, Кувшинская, еще несколько женщин из числа рядовых партийных работниц.

Но уже 18 февраля наряд полиции, явившись на квартиру П. Ф. Куделли с целью застичь сходку, арестовал там кроме хозяйки квартиры Е. Ф. Розмирович, К. Н. Самойлову и Ф. И. Драбкину.

— Заметьте,— говорит Александра Васильевна,— что не один и не два чина, а целый наряд полиции был послан против четырех интеллигентных женщин, вознамерившихся «ниспровергнуть самодержавие устройством женского дня».

Прямое отношение к деятельности Артюхиной и других большевичек имеет приложенный к делу рукописный отчет о пожертвованиях в фонд «Работницы» с завода «Айваз» и группы членов Сампсониевского общества образования — всего на сумму 164 рубля 8 копеек. Не меньшее подрывное значение для царизма имели, конечно, приветствия работниц журналу и рукопись «Почему работницам нужен свой журнал?». И тем более не по вкусу пришлись столичным блюстителям порядка заявления мужчин и женщин, одобряющих выход «Работницы», «которая не только объединит работниц, но и свяжет их с общим рабочим движением, чтобы идти рука об руку по одной дороге к лучшему...».

К женскому дню 1914 года партия начала готовиться еще с января. Газета «Путь правды» опубликовала темы докладов и список литературы. Петербургский комитет большевиков назначил более тридцати докладчиков, но некоторым так и не удалось выступить перед рабочими: охранка позаботилась о том, чтобы заранее упрятать их в тюрьму.

«Условия в тюрьме были невыносимыми,— вспоминала Александра Васильевна в статье «Пройденный путь»,— не доставало воздуха и света, окна были наглухо забиты, вода

подавалась только два раза в день. Книг не было, и с воли их не принимали, свидания с родными не разрешались, были отменены даже прогулки. Все сидели в одиночках.

Мы начали борьбу за улучшение условий и устроили обструкцию: стучали в железные двери камер всем, что имели, — кружками, кастрюлями, туфлями. А когда наступило 8 марта, стали петь революционные песни. Администрация тюрьмы упорно не сдавалась. Тогда мы объявили всеобщую голодовку. На четвертый день в камерах открыли форточки, дали воду, разрешили прогулки и переписку. Когда же мы немножко оправились от голодовки, нас всех, по одной, посадили в карцер: на хлеб, на воду, в холодное помещение. Так «отпраздновали» мы Международный женский день...»

И все же женский день в России был отмечен. Вышел журнал «Работница», состоялись митинги и собрания. Петербургские пролетарки послали приветствия своим зарубежным сестрам и получили горячее поздравление от Клары Цеткин. Большевицкая фракция Государственной думы приветствовала всех женщин-работниц России и сделала запрос в Думе по поводу арестов накануне женского дня.

«И снова меня арестовали — 22 февраля 1914 года, — писала Александра Васильевна. — После трех месяцев пребывания в тюрьме я была освобождена с высылкой на три года из Петербурга. На этот раз я никуда не уехала, а перешла на нелегальное положение. Под чужой фамилией я работала секретарем в страховой кассе на заводе Барановского. Когда началась первая мировая война, многие организации большевиков были разгромлены полицией, их члены арестованы. Я также была арестована 18 августа 1914 года и заключена в недавно открытую женскую тюрьму. Здесь меня продержали до конца года, а затем выслали с лишением права проживать в некоторых уездных городах и промышленных центрах».

— Куда деваться? — вспоминала А. В. Артюхина. — Опять поехала в Вышний Волочек. Поступила ткачихой на Прохоровку, через шесть недель уволили как неблагонадежную. У Рябушинского приняли чернорабочей, уволили и того скорее. Стала швеей. В июне 1916 года город перевели на военное положение. Меня выслали через несколько дней после рождения сына. Поселилась в Бежецком уезде.

Выручила Февральская революция. Первое собрание большевиков Вышнего Волочка состоялось на квартире Артюхиных 14 марта 1917 года.

И снова бой, и снова труд. И так до последнего дыхания.

ШТАБ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В мое родное село Великие Каневцы на Полтавщине Февральская революция принесла новые слова и новые понятия, такие, как «митинг», «классовая борьба», «Совет» и другие неизвестные ранее термины, но среди них не было еще слов «равноправие», а тем более «раскрепощение женщины».

Если учесть, что в нашем селе, как и в большинстве сел и деревень нашей необъятной страны, сказка о прегрешениях Евы в раю, за которые женскому полу положено расплачиваться во веки веков, казалась предельно убедительной, то неудивительно, что моих односельчанок революционизировало больше имущественное неравенство и его последствия, чем их нелегкая «бабья доля».

Полную ясность в новые слова и понятия внесли последующие события.

По всем селам нашей Чернобаевской волости разнесся призыв «всем гражданам» организованно прибыть на волостной митинг. Особенно живо откликнулись на него солдатки, желавшие собственными ушами услышать правду, когда же наконец кончится война. Построившись в ряды, с красными знаменами и песнями зашагали на митинг. Изумленные невиданным еще зрелищем старухи недоумевали: «Така сила народу, а ні батюшки, ні святої ікони».

Не заметили, как прошли семь верст.

...Просторная базарная площадь заполнена людьми всех возрастов — от подростков до стариков. На специально сооруженной трибуне человек пять — семь, некоторые в форме чиновников уездной земской управы. Это — официальные ораторы. Речи их длинны и непонятны. До сознания доходят только многократно повторявшиеся слова «граждане», «свободная Россия», «за Отечество». И только по репликам солдаток — этого наиболее активного антивоенного элемента на селе — можно догадаться, о чем говорили красноречивые «паны». «Ідіть, ідіть, дурні, на смерть», — вслуж комментировали солдатки.

— Та замовчить ви, сороки, через вас нічого не розбереш,— вразумляли солдаток дядьки.

— А що тут розбирати.— мала куча, дайте ще,— резюмировали молодичи, чутьем уловившие смысл агитации.

...Не успел еще последний панский оратор закруглиться выкриком «ура», как на трибуну поднялся только что вернувшийся с фронта сын бедняка, большевик, будущий председатель Золотоношского уездного ревкома Павло Емец. Высокий, статный, в потертой солдатской шинели, он заслонил своей фигурой предыдущих ораторов.

— Товарищи,— прокатилось по площади,— мы пришли сюда, чтобы узнать правду про все то, что волнует народ: когда же наконец кончится война, когда крестьянин получит землю, которую веками он кропит своим потом, кто и как это сделает.

Затаив дыхание, сотни собравшихся людей слушали простую, ясную, пламенную речь большевика. Донес Павло до крестьян ленинские лозунги о мире, о земле, просто, ясно объяснил эти лозунги. Павловы слова запали глубоко в душу селянам. Не одну неделю обсуждали они митинг.

Большевистская агитация приносила плоды. С каждым днем росла политическая активность на селе, все чаще попадала туда литература, газеты, листовки, все острее становились схватки со сторонниками Временного правительства.

Запомнился один характерный эпизод. Мы с матерью пошли в мануфактурную лавку. Мать зашла в лавку, а я задержалась у входа, наблюдая такую картину: у двери на стуле сидит жена владельца лавки, около нее группа молодежи. Немного в стороне стоит «ярый большевик» Никита Собко — будущий боец прославленной дивизии Щорса, в Отечественную войну погибший от рук гитлеровских палачей.

— Керенский,— кричит торговка,— вот кто спасет Россию, вот это настоящий глава государства, не то, что немецкий шпион Ленин!

Поплевав в кулак, молодой парень рванулся к ней, чтобы передать ей... «привет от Керенского».

— Не лезь,— погрозил ему тоже кулаком Никита и приблизился к гуртку.

Перебивая друг друга, хлопцы дали торговке достойную отповедь, и она ретировалась. Потом кто-то спросил Никиту, почему он помешал дать этой «контре» в зубы.

— А ей того и хотелось,— ответил тот,— тогда бы она зарорала на всю околицу, что вот какие разбойники идут за Лениным, чуть не убили ее, слабую женщину. Классовая борь-

ба — это вам не кулачки, тут одними кулаками дела не сделаешь.

Вокруг возвращавшихся с фронта солдат-большевиков и поддерживающих их выростал актив.

У нашего соседа Кирилла Собко, отца Никиты, было четыре сына. Младший из них, Омелько, из-за хромоты не был призван в армию. На сходках он обычно не выступал, но, обладавший природным умом и начитанный, часто вел беседы с односельчанами на разные политические темы. Жадно прочитывая газеты и попадавшие в наше село большевистские брошюры, листовки, Омелько был хорошо осведомлен о политических событиях. Он первый рассказал нам, молодежи, о Ленине, объяснил, кто такие большевики, какие их цели. И так уж получилось, что он стал у нас в селе не только прекрасным пропагандистом, но и организатором-массовиком. Редко его можно было видеть одного, всегда он был в окружении молодежи и подростков. Как-то в начале осени 1917 года, когда уже убрали хлеб, Омелько заговорил о революции.

«Какая революция? — удивились мы. — Ведь уже была революция, царя-то больше нет». «Эх вы, — ответил он. — Сколько мы прочитали с вами листовок большевиков, ведь там же ясно говорилось, что эта революция дала народу одни только красные бантики, а земля как была, так и осталась у помещиков, фабрики — у капиталистов, да войне конца не видно...»

Настоящая революция, с жаром втолковывал Омелько, еще впереди. Рабочий класс и трудовое крестьянство только еще начинают по-настоящему сражаться за свои права, и ведет их за собой Ленин.

...Весть о победе Октябрьской революции всколыхнула все село.

В памяти сохранилась сходка в сельской управе, которая собралась стихийно. В новом, еще недостроенном помещении управы Михайло Цыбань¹ читал только что полученные газеты с декретами. Рядом с Цыбанем Иван Собко — старший из братьев Собко. По ходу чтения они комментируют исторические декреты, подписанные Лениным, и эти близкие сердцу крестьянина документы вызывают у собравшихся такой восторженный отклик, что присутствующие на сходке кулаки даже не решаются подать голос.

¹ Сын батрака, при Советской власти самоучкой стал сельским учителем. — В. Б.

Но не долго просуществовала Советская власть у нас на Полтавщине в те первые месяцы революции. Разгромленная в открытом бою буржуазно-помещичья Центральная рада призвала на помощь германских империалистов, и вскоре их войска оккупировали почти всю Украину.

Войска захватчиков и гайдамацкие банды подступили и к нашему селу. Вся беднота поднялась на защиту революционной власти. Вернувшийся незадолго до этого в село мой брат Илья, тоже на фронте вступивший в большевистскую партию, вместе с Павлом Емецом и его братом Иваном, братьями Собко, Нештаном Трофимом, Куликом Денисом и другими молодými большевиками собирали и распределяли оружие, готовились дать бой врагам. Стихийно бралась за оружие беднота не только в нашем, но и во всех соседних селах. Но лишь у немногих имелись винтовки, все вооружались чем могли.

Но силы были неравны. Вооруженные новейшей военной техникой германские войска подавляли героически сопротивлявшихся повстанцев. В бою был ранен мой брат Илья, его доставили в больницу, где он и был арестован оккупантами. С бесчеловечной жестокостью немецко-гайдамацкие власти расправлялись с крестьянами.

Повстанцы ушли в леса, создали там партизанский отряд. В селе осталась подпольная группа, руководимая Омельком Собко. В эту группу в качестве курьера-связного входила и я. Помню, как я собиралась отправиться в соседнее село, чтобы отнести записку действовавшим там подпольщикам, когда в нашу хату вошла убитая горем мать Омелько. Она рассказала, что ночью ее сына арестовали. А вскоре мы узнали, что Омелько замучен в Пирятинской тюрьме.

Каждая жертва немецко-гайдамацких палачей усиливала гнев народа, росли ряды борцов за восстановление Советской власти.

Каким радостным событием был приход в наше село бойцов красных частей и повстанцев, очищавших наш край от оккупантов. Советская власть вновь утвердилась. Но враги не унимались. Гражданская война разгоралась с нарастающей силой. Летом 1919 года Украину залили кровью белогвардейские полчища Деникина. И снова в партизанские отряды потянулась крестьянская беднота...

Лишь в самом конце 1919 года Красная Армия полностью освободила Полтавщину от деникинских банд. В нашем селе образовался ревком. Он обосновался в бывшей сельской управе, и день и ночь жизнь там была ключом, кипела работа

по налаживанию новой жизни в нашей волости. Ядро только что возникшего ревкома составили бывшие красные партизаны, возвращавшиеся с фронтов гражданской войны бойцы Красной Армии. На нашу долю — молодежи, подростков — выпадали преимущественно курьерские обязанности, а те, кто обладал почерком, привлекались и к более ответственной работе — составлению списков батраков, безземельных, жертв деникинского террора. Вскоре и я оказалась в числе едва ли не постоянных сотрудников ревкома.

Работа в ревкоме захватывала, поднимала нас политически, мы стремились отдавать ей все свои силы. Однако вот беда: мои родители, потерявшие в одно «деникинское» лето 1919 года двух сыновей, и слышать не хотели о работе их дочери в ревкоме. Но меня обязывал наказ моего старшего брата продолжать дело, за которое он отдал свою жизнь. Перед уходом из Черкасс накануне вступления деникинцев Илья мне сказал: «Береги родителей, но помни, что Советская власть дороже близких, дороже своей жизни. Если я погибну — становись на мое место».

Пришлось оставить отчий дом, родное село и отправиться в начале января 1920 года в город Золотоношу. Здесь я попала на прием к заместителю председателя уездного ревкома Василию Ивановичу Гайдамаке, бывшему матросу Черноморского флота, члену партии с 1917 года. Я просила помочь мне устроиться в одну из частей Красной Армии бойцом или хотя бы санитаркой. «Раз стрелять не умеешь, то пользы от тебя будет больше в ревкоме, чем в армии», — заключил разговор со мной Гайдамака, и я стала работать в ревкоме распространителем литературы на селе.

16 февраля по рекомендации товарищей Гайдамаки и секретаря уездного комитета партии Зорьки меня приняли кандидатом в члены партии. Первым моим партийным заданием стала работа среди женщин.

После изгнания деникинцев из Золотоношского уезда в тылу Советской власти продолжалась жестокая борьба с бандами Махно, Зеленого и других «батек». В город все больше прибывало раненых и больных красноармейцев и партизан, а лечить их негде было. Понадобилось срочно оборудовать под госпиталь полуразрушенную в дни белогвардейского нашествия городскую больницу и обеспечить уход за ранеными бойцами.

Вскоре возник союз женщин, объединивший работниц, домохозяек, девушек-учащихся, взявший на себя это неотложное дело. Я была избрана председателем союза.

С энтузиазмом принялись члены союза за дело, и уже буквально через неделю госпиталь смог принять первых пациентов. Члены союза готовили для них пищу, убрали помещения, стирали, шили и штопали белье. Так продолжалось несколько месяцев. К тому времени укрепились уездные органы здравоохранения, появились штатные работники госпиталя. Наш союз выполнил данное ему поручение. Надо сказать, что и сам союз за тот сравнительно недолгий срок укрепился, превратился в крепко спаянный коллектив. Через него женщины приобщались к общественной жизни, на собраниях союза читались лекции, доклады.

Нашему союзу по плечу были и новые, более ответственные дела. Но реакция местных коммунистов-мужчин на дальнейшие дела союза была прямо-таки неожиданной.

Как-то В. И. Гайдамака доложил на партийном собрании о нас, попросил совета, к какой работе в первую очередь следует привлечь женский актив. В то время Золотоношская партийная организация состояла преимущественно из красноармейцев и командиров местного гарнизона, и среди них не оказалось ни одного человека, сколько-нибудь компетентного в вопросах женского движения. Один из выступивших на этом собрании даже усомнился в «пролетарском» характере нашего союза и рассказал коммунистам что-то страшное об амазонках.

«Треба, мабуть, розогнати твоих мазонок, нехай дома варять борщ, а то як довидаються в губкомє про цю витівку, то дадуть нам всим перцю», — помню, пожурил меня тогда один из членов партийной организации.

Но быстро разворачивавшиеся события вскоре поставили все на свое место.

Было бы неправильным, пожалуй, умолчать о том, что в то время я имела еще смутное представление о женском движении, мало была знакома с женским вопросом. Во многом мне помог разобраться доклад, прочитанный в марте 1920 года на собрании нашего союза лектором, кажется, из ЦК Компартии Украины. Меня глубоко захватила ленинская идея раскрепощения женщины. Все в ней для меня было настолько ново, величественно и так сильно подтолкнуло вперед мое понимание сущности социальной революции, что какое-то время идея раскрепощения едва ли не полностью олицетворяла в моем сознании Октябрьскую революцию.

Но если термин «раскрепощение» я хорошо запомнила, а саму идею восприняла всем своим существом, то емкое и сложное содержание этого понятия раскрывалось для меня

постепенно, когда я стала работать в женотделе, в процессе практической работы и политической учебы.

Еще до создания на Украине женотделов мне посчастливилось побывать в мае 1920 года на Всеукраинском совещании коммунисток, которым руководила Конкордия Николаевна Самойлова и на котором было решено организовать повсеместно на Украине женотделы, существовавшие к тому времени в нескольких промышленных городах Украинской ССР.

Вспоминается, как разъясняла смысл организации женотделов Самойлова. Она говорила на совещании:

— Нет, нет, женотдел — это не женская организация со своей программой борьбы за равноправие женщин, обособленная от движения рабочего класса. Женщины республики Советов уже полностью равноправны, это обеспечено Октябрьской революцией. Но наши равноправные работницы и крестьянки далеко еще не на равной ноге с мужчинами по их культурному уровню, по производственной квалификации, они еще по старинке закабалены в быту, кругом зависят от мужчин, и наша задача — поскорее поставить женщину на собственные ноги. Для этого нужны еще огромные усилия и материальные затраты, посильные только пролетарскому государству. Все это и составляет программу нового, социалистического этапа женского рабочего движения в Советской республике, главным штабом которого и призван стать женотдел.

Так пропагандировала Самойлова, первая заведующая женотделом ЦК Коммунистической партии Украины, ленинскую программу раскрепощения женщин.

...В одном из углов большой комнаты Золотоношского уездного комитета партии, где уже расположился агитационно-пропагандистский отдел укома, поставили стол и несколько стульев для только что созданного уездного женотдела. Над столом появилась табличка, написанная комсомольцами красно-синим карандашом: «Для жінок та дівчат».

Незамедлительно организовали делегатское собрание. Работа закипела.

Но делегатские собрания женотдела — этот замечательный приводной ремень от партии к широчайшим массам женщин — были только началом работы женотдела. Важнейшей задачей женского движения, как учил вождь революции Ленин, является участие женских масс в укреплении социалистического строя, становлении и развитии социалистической демократии. В своих «Письмах из далека», где на-

мечались ближайшие пути становления социалистического строя в России, Ленин обращал внимание на необходимость «поголовного» участия женщин в общественно-политической деятельности, ибо, «не привлекая женщин к общественной службе... к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, нельзя обеспечить настоящей свободы, нельзя строить даже демократии, не говоря уже о социализме». В другой связи, говоря об источниках все побеждающей силы социалистического государства, Ленин особо подчеркивал великую роль «миллионов новых борцов», которые больше всего были угнетены капитализмом, «доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди...»¹.

К этим миллионам, естественно, относились прежде всего женские массы, как и все труженики — носители «революционного демократизма» масс, способного, по выражению Ленина, творить чудеса.

Тот эпизод, о котором я хочу здесь рассказать, чтобы читатель мог представить, как проявлялся этот чудотворный революционный демократизм в стиле работы делегатов, относится уже ко времени моей работы в Александрийском уездном женотделе, куда я была направлена весной 1921 года. Как и многие другие районы страны, наш уезд в том году постигла жесточайшая засуха. За ней последовали неурожай и голод. В этой связи вспоминается, что предпринимал уездный женотдел в тот тяжелейший период борьбы с голодом и его последствиями.

«Спаси детей от голода!» — вот боевой лозунг, который выдвинула тогда партия. И им мы руководствовались в своей работе.

Помню, как о каком-то необычном явлении по всему уезду пронеслась весть о первых сельских яслях. С недоверием восприняли ее крестьянки. Трудным было начало. Но постепенно детские сады и ясли, питательные пункты для детей стали возникать то тут, то там. Во всем этом деле неопценимой была роль делегатов женотдела города и села. Но для детских учреждений требовались квалифицированные кадры, а их здесь никто никогда не только не готовил, но даже и не слышал о них. Сестер детских учреждений поначалу называли «сестрами милосердия», как в военных госпиталях.

Передо мною пожелтевшая выписка из протокола заседа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 43; т. 34, стр. 329.

ния Александрийского уездного женотдела, состоявшегося в январе 1922 года и обсудившего два вопроса:

1. О курсах сестер охраны материнства и детства.
2. Об уездной конференции работниц и крестьянок.

Пришли и делегатки женотдела, знавшие о повестке дня заседания. Одна за другой занимали они свободные стулья. Наконец «красные косынки» до отказа заполнили небольшую комнату женотдела. Началось обсуждение животрепещущих вопросов.

По первому пункту повестки заслушали сообщение заведующей отделом охраны материнства и детства — «охмадета», как тогда его называли.

— Кроме энтузиазма сотрудников отдела охраны материнства и детства и плохо оборудованного помещения для курсов, у нас ничего нет,— говорила заведующая с горечью в голосе.

Чтобы курсы были краткосрочными, на них нужно принимать грамотных и готовых самоотверженно трудиться женщин. Но в этом заключалась еще не самая большая трудность. Набор можно было начать с коммунисток и комсомолок, первыми ликвидировавших неграмотность, а вот как быть с преподавателями, из каких средств оплачивать их труд? Хотя деньги тогда ценились невысоко и зарплата исчислялась в тысячах и даже миллионах рублей, но тем не менее именно деньгами оплачивался труд.

По этому вопросу в графе «слушали» записали: «За каждую лекцию нужно платить семь с половиной тысяч рублей, что не позволяют средства, а потому курсы должны быть самые элементарные».

«А чего это мы будем строить самые элементарные курсы, разве врачи в городе не наши товарищи, не пойдут нам навстречу и за меньшую плату?» Между тем надо сказать, что и на «меньшую плату» у нас отсутствовали «ресурсы». Но революционный демократизм бил ключом из каждого выступления.

Высказались все.

Постановили: поручить заведующей отделом охраны материнства и детства и заведующей женотделом «поставить курсы на должную высоту».

Заведующий канцелярией уездного комитета партии, оформлявший протоколы заседаний отделов, в тот раз не упустил случая съязвить по поводу «писанины» женотдела — этого все еще казавшегося начальнику лишним отдела уездного комитета партии. «Никакой увязки в вашем прото-

коле,— сказал он.— В «слушали» курсы должны быть элементарные, а в «постановили» — на должной высоте.

Меня несколько смутило это замечание заведующего канцелярией, но быстро развивавшиеся события скоро заставили забыть о дефектах нашего протокола.

В женотдел явилась делегация врачей городской больницы вместе с представителем профсоюза Медсантруд. Делегаты заявили, что врачи готовы взять на себя преподавательскую работу безвозмездно. Как выяснилось потом, делегатки женотдела в тот же вечер побывали у врачей в больнице, а кого не застали в больнице — навестили дома и рассказали о наших трудностях.

Вскоре курсы открылись, слушательниц разместили в общежитии. Общежитие являло собой пеструю картину. Рядом с грубо сколоченными деревянными топчанами, покрытыми набитыми соломой матрацами и такими же подушками, стояла высокая кровать с никелированными шишками, а посреди комнаты красовался обитый красным плюшем уютный мягкий диван, конфискованный в доме какого-то богача и доставленный сюда комсомольцами. Этот диван никто из курсанток не занимал. К нему приставили столик, накрытый белой простыней, и таким образом оборудовали «уголок» для отдыха преподавателей, которым курсантки радушно предлагали морковный «чай» и весьма скромное угощение из собственных пайков.

К середине февраля, когда открылась уездная конференция работниц и крестьянок, курсы сестер охраны материнства и детства представляли собой нормально функционирующее учебное заведение «на должном уровне».

Если говорить о кампании по борьбе с голодом, то можно без преувеличения сказать, что в битву с этим страшным врагом, обрушившимся на нашу страну в первый год мирного строительства, когда только приступили к залечиванию ран двух войн, женотделы с их боевым и многочисленным отрядом делегатов и активисток внесли весьма значительный вклад. Вот как была оценена эта работа женотделов в одном из документов ЦК РКП(б). В нем отмечалась особая роль женотделов, которую они сыграли, организуя повсеместно в городе и деревне собрания, конференции, «откуда десятки тысяч участниц разносили призыв о помощи в свои предприятия, учреждения, села». «И если деревня, куда так редко проникала газета и где так мало знали о том, что делается на белом свете, все-таки отзывается на призыв о помощи», говорилось далее в документе, то в этом огромная

заслуга агитации женотделов, «которая подчас попадала туда, куда никакая другая агитация не проникала».

Но голоду сопутствовали эпидемии тифа, дизентерии и других тяжелых болезней, для борьбы с которыми требовались энтузиасты-организаторы. И этому делу женотделы со своим уже значительно выросшим «по числу и качеству» активом отдали много сил и энергии.

Трудно передать словами тот дух энтузиазма, те чувства долга и ответственности, которые царили среди делегатов, когда они выполняли такие поручения, как забота о санитарном состоянии на предприятиях и в жилых домах, дежурили на вокзалах, где нужно было заболевших тифом немедленно изолировать от здоровых, оказать медицинскую помощь. И очень важно отметить, что делегатки и активистки женотдела выполняли всю эту черную работу с подлинной самоотверженностью, зачастую пренебрегая собственными интересами, своим здоровьем. Нередки были и среди них случаи заболевания эпидемическими болезнями. Довелось перенести тиф и мне.

Помню, немного придя в себя в тифозном бараке в городе Александрии, я увидела на соседних койках знакомые лица — ну прямо хоть открывай делегатское собрание. Слово «делегатка» стало очень популярным среди населения и медицинских работников, с большим уважением произносили они его.

Таким образом, выдержав свой первый экзамен, женотдел мог уже перейти к своей главной задаче — к работе по привлечению женских масс к равному с мужчиной участию в производстве, общественной, культурной и государственной деятельности с учетом потребностей тружениц-матерей в организации учреждений нового, социалистического быта.

В советских учреждениях в ту пору уже действовал декрет Совнаркома, принятый в апреле 1921 года и подписанный Лениным, о практикантстве работниц и крестьянок, делегируемых женотделами в отделы исполкомов и в различные органы государственного аппарата. Приведу только одну фразу из этого ленинского декрета, которую многие делегатки и активистки женотдела заучивали наизусть.

«С целью установления связи советских учреждений с широкими массами трудящихся, оживления советского аппарата и постепенного освобождения его от бюрократических элементов,— говорилось в декрете,— Совет Народных Комиссаров признал целесообразным и необходимым привлекать к практической работе в отделы исполнительных ко-

митетов и его учреждения работниц и крестьянок через отделы работниц (женотделы—В. Б.) Российской Коммунистической партии».

Практикантство в советских учреждениях дало делегатам первый урок государственного подхода к решению повседневных возникающих вопросов социалистического строительства, а для многих оказалось первым шагом на пути к государственной деятельности большого масштаба. На всю жизнь запечатлелся в моей памяти образ активистки женотдела Евдокии Легур из города Александрии. Обладавшая живым умом, трудолюбивая и скромная, она с огоньком работала «на практике», а потом и на штатных должностях в различных учреждениях, преимущественно по охране материнства и младенчества. С 1938 по 1945 год Е. Легур занимала пост народного комиссара социального обеспечения Украинской ССР.

Сколько еще можно назвать имен женщин, вышедших из народных «низов» и получивших в женотделах путевку в большую жизнь!

Но все же нужно сказать, что в первые годы мирного строительства, в обстановке острой хозяйственной разрухи, возраставшей безработицы, поставить миллионы работниц и крестьянок на равную ногу с мужчинами в области производства было делом исключительной трудности. Особенно быстрым был рост безработицы среди женщин. К началу 1922 года безработные женщины составляли 60—70 процентов всех безработных, а в крупных промышленных центрах — и того больше.

Совершенно очевидно, что в процессе осуществления грандиозной ленинской программы всестороннего раскрепощения женщины, при отсутствии какого-либо опыта, возникали все новые и новые «проклятые вопросы», требовавшие научного объяснения и незамедлительного разрешения.

Особенно стойкими были пережитки буржуазного «общественного мнения» во взгляде на женщину как на служанку мужчины. Слишком длительной оказалась в истории человечества черная полоса унижения женщины и пренебрежительного отношения к ней, чтобы все изменилось с первых же лет социалистической революции.

Насколько крепок этот психологический «орешек», нам было ясно с самого начала работы в женотделе. Вот женотдел просит жилье для молодой матери «безотчего» ребенка. В конце концов жилье получено, но только после горячих, мягко говоря, дебатов...

В те годы, пока женщина оставалась в материальной зависимости от мужчины, немалую заботу женотдела составляло отучать мужей от старорежимной привычки грубого отношения к своим женам. Женотдел стремился не оставлять безнаказанными подобные факты.

Необходимость быстрейшего разрешения подобных проблем, естественно, выдвигала на первый план борьбу с женской безработицей, повышение квалификации работниц, бесплатное профтехническое обучение домашних хозяек, женской молодежи.

И Советская власть по мере возможности создавала условия для всего этого. Хотя и медленно, но систематически, из года в год, росло число детских учреждений, столовых и других первенцев социалистического быта. Пусть читатель представит себе, каким теплом и благодарностью отзывалась в сердцах простых тружениц забота Коммунистической партии, Ленина об их насущных нуждах, особенно об облегчении их нелегких материнских обязанностей.

Никогда не изгладится из памяти VII конференция работниц города Запорожья, где мне довелось работать после Александрийского уездного женотдела.

Это было осенью 1922 года. Все трудящиеся с замиранием сердца следили за ежедневно публиковавшимися бюллетенями о состоянии здоровья Ленина.

...Идет заседание конференции. Вдруг за столом президиума появляется секретарь губкома партии. Он держит в руках только что полученное из Москвы сообщение о выздоровлении Ленина. Вставший на ноги зал замер. Слышатся возгласы: «Читайте, как написано — ему получало или выздоровел?», «Выписали его после болезни на работу или на отдых?» Еще, еще вопросы. Но в сообщении не сказано об этом. Зал не умолкает: «Напишем ему письмо, пусть больше отдыхает, а мы больше будем работать!»

Тут же сообщца составили письмо Ленину. Выразив беспредельную радость по поводу выздоровления горячо любимого вождя, участницы конференции дальше писали: «Сообщаем о полной готовности дать отпор посягательствам на наши завоевания революции и приложим все усилия для укрепления нашей Советской власти... Мы выйдем в борьбе с разрухой такими победителями, какими вышли в борьбе с голодом в Запорожье».

Это письмо Ленину отражало общий дух женской армии труда, рвавшейся к неотложному делу восстановления хозяйства, к скорейшему решению «собственных» проблем.

Инициатива женотделов, коллективное творчество общественности и всесторонняя поддержка государством любого полезного начинания вызывали к жизни разнообразные формы борьбы с женской безработицей, с детской беспризорностью, с низкой квалификацией женского труда.

Здесь нельзя не сказать о неоценимой помощи женотделам со стороны рабочих коллективов. Я сама часто была очевидцем такой помощи, работая в крупном промышленном центре Украины городе Екатеринославе после объединения в ноябре 1922 года Екатеринославской и Запорожской губерний.

Поддержка оказалась особенно эффективной в борьбе с последствиями голода. При этом надо учесть, что две объединившиеся губернии были наиболее пострадавшими от засухи на Украине. Достаточно сказать, что на их долю приходилась половина из четырех миллионов голодающих в УССР, а среди голодающих шестьдесят процентов составляли дети. Детская смертность увеличилась втрое по сравнению с довоенной. По инициативе рабочих — металлистов, строителей, железнодорожников — к ставшей ударной задаче скорейшей ликвидации тяжелых последствий стихийного бедствия было привлечено внимание всей трудовой Екатеринославщины. Города и села помогали «рублем и трудом».

В начале 1923 года был успешно проведен месячник помощи детям. Только в Екатеринославе к 8 марта было открыто пять детских садов и яслей, около десяти консультаций, а во всей губернии уже несколько тысяч детей обслуживались учреждениями охраны материнства и детства. Такие предприятия, как бывшие Брянский (ныне имени Петровского) и Трубный (ныне имени Ленина) заводы, объединенные тогда в одно предприятие, организовали на свои средства детские ясли, содействовали открытию предприятий легкой промышленности, где применялся главным образом женский труд.

Быстро росло применение женского труда в производственной и сельскохозяйственной кооперации. На финансирование женских артелей ассигновывались крупные средства из государственного и местного бюджетов, различных кооперативных фондов.

По инициативе женотдела ЦК РКП(б) во всей сети профтехнического обучения, в техникумах, на рабфаках, в партшколах и вузах выделялось определенное количество мест, на которые в эти учебные заведения принимались женщины.

Успешная борьба с голодом и его последствиями создавала нормальную обстановку для разворота разносторонней деятельности женотдела.

Трудно сказать, с чего мы начинали. Все стороны процесса раскрепощения женщины настолько взаимозависимы, взаимосвязаны, что все делалось параллельно, а общественное мнение на этом «целинном» участке социалистического строительства создавала широкая пропаганда, особенно печатать, как женская, так и общая.

Говоря об идеологической работе женотдела, нельзя не сказать, сколь большое место занимало в нем интернациональное воспитание женских масс. Неоценимую помощь в этом деле мы получили здесь в процессе подготовки к I Все-союзному съезду Советов, проходившей под знаком укрепления единства и дружбы народов нашей многонациональной страны. Атмосфера, роднившая представителей всех народов, царила и на самом съезде, делегаткой которого мне посчастливилось быть.

Украинская делегация, в составе которой мне довелось поехать на этот исторический съезд, разместилась в 3-м Доме Советов в доме № 1 по Божедомскому переулку (ныне Делегатская улица, 3) вместе с делегациями Туркестана и, кажется, Белоруссии. Поскольку женщин на этом съезде было мало, нас всех поселили в одной большой комнате. Какой-то внутренний контакт сразу же установился между делегатками. Взаимопониманию помогали мимика, улыбки... Слово ЛЕНИН было для наших восточных подруг первым в их политическом лексиконе. Это имя было для всех нас самым священным. Вместе мы прожили в комнате общежития около двух недель, вместе ходили на заседания съезда, вместе знакомились с Москвой...

Наступил торжественный день голосования. Делегаты — посланцы многих народов утверждали исторические документы, закреплявшие их нерушимое единство и братскую дружбу навеки. В ту студеную декабрьскую ночь 1922 года родилось первое в мире многонациональное социалистическое государство, получившее гордое и великое имя — Союз Советских Социалистических Республик.

Вернувшись домой и выступая на женских собраниях с докладами о работе съезда, цитируя выдержки из Декларации и Договора об образовании СССР, радостно было видеть, как приветствовали мои слушательницы эти дорогие каждому гражданину Страны Советов ленинские документы.

«КТО — КОГО!»

Был май 1922 года. Первая в мире республика Советов, только что вышедшая победительницей из жестокой и длительной гражданской войны, оказалась перед лицом невероятных трудностей: разрушенное хозяйство, блокада капиталистических государств, голод, эпидемии, массовая детская беспризорность...

Но уже начала проводиться в жизнь провозглашенная X съездом партии новая экономическая политика, вливая в артерии Советской страны животворящую силу. Рабочий класс, трудящиеся крестьяне взяли со всем жаром творческой энергии строить социалистическое общество.

Партия устами Ленина провозгласила огромное значение участия женщин в построении социализма. В беседе с Кларой Цеткин Ленин сказал: «...Мы не можем осуществлять пролетарскую диктатуру без миллионов женщин, мы не можем без них вести коммунистическое строительство. Мы должны искать к ним дорогу...»¹.

И эту дорогу партия нашла через женотделы партийных комитетов. В рядах увлеченных работой партии среди женщин оказалась и я.

...Пароход, на котором я ехала, мерно ударял лопастями колес о воду Днепра. Миновали Триполье, где произошли события, известные в истории гражданской войны под названием «Трипольской трагедии». За поворотом встал сверкающий на солнце Киев. Сердце учащенно забилося. В пятый раз я приезжала в этот город, и каждый раз — обогащенная все большим революционным опытом.

У меня мандат ЦК КП(б) Украины, подписанный секретарем Центрального Комитета Д. З. Лебедем, на заведование женотделом Киевского губкома партии.

По дороге от пристани к центру улавливалось какое-то

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 487—488.

новое биение пульса города по сравнению с бурными революционными годами. На Крещатике, Прорезной, Фундуклевской и других улицах частные магазинчики с кричащими вывесками и витринами предлагали все — кондитерские изделия и ювелирные украшения, дамские шляпы и другие принадлежности женского туалета. В прихожих квартир и полуподвалах ютились частные мастерские: чинят часы, примусы, велосипеды, шьют платье и обувь модных фасонов. Рядом — рестораны с музыкой и без нее. Частные столовые завлекают прохожих запахами давно забытых блюд. Улицы заполнены расфранченной мелкобуржуазной толпой.

Невольно мелькает мысль: как быстро вылезла из нор и оперилась накипь революции, получившая название нэпманов. И хотя слово «нэпман» — производное от начальных букв термина «новая экономическая политика», оно означало в то время презрительную кличку частного предпринимателя-спекулянта.

Ведь новая экономическая политика разрешала временный допуск частника к мелкому производству и розничному торговому обороту, но, конечно, не для шитья модных платьев и торговли предметами роскоши. Разоренной войной стране нужны были товары, в которых рабочие и крестьяне испытывали острую нужду, такие, как ситец, косы, серпы, упряжь, колеса, мыло, посуда, сапоги и тому подобное.

«Нам, членам партии, предстоит борьба за правильное осуществление новой экономической политики», — думалось мне. Вспоминалось, как ясно и точно выразил Ленин сущность переживаемого момента, сказав, что в этой борьбе будет решаться вопрос: «кто — кого».

Утром следующего дня я отправилась в губком партии, занимавший верхний этаж здания бывшей городской думы на Крещатике. Здесь в маленьком цветнике перед зданием стоял бюст. Из-под мохнатых бровей и львиной шевелюры сверкнул пронизательный взгляд Карла Маркса, невольно вызвавший улыбку радостной встречи. Длинный коридор губкома партии. Вот и нужная комната.

Учраспред (заведующий учетно-распределительным подотделом) Быховский¹, ознакомившись с мандатом, весело произнес:

— Вас-то нам и надо! — И вслух подумал: — Где сейчас может быть товарищ Лаврентий?

¹ В. Быховский, впоследствии ученый в области сейсмостойкого строительства, работал в Москве. — М. Л.

— А кто это? — спросила я, услышав только имя.

— Лаврентий? Это секретарь губкома, — ответил Быховский.

Дверь приоткрылась, и заглянувший товарищ спросил:

— Виктор, ты не знаешь, где сейчас Павел? Исходил все комнаты, нигде его нет.

— Он на совещании, — ответил Быховский.

Я поняла, что здесь все называют друг друга только по имени. Объяснила себе это традициями недавно закончившегося подполья, но Виктор был иного мнения:

— Партийный комитет — это не учреждение или контора старого времени. Это товарищеский центр единомышленников для построения коммунизма.

В дальнейшем я на собственном опыте убедилась, что такое обращение друг с другом членов партии создает атмосферу товарищества, братства, заложенных в самом понятии коммунизма.

Снова в дверь заглянул товарищ и сказал, что пришел Лаврентий; мы отправились к нему. Комната секретаря губкома выглядела очень скромно. На стене висели портреты Маркса и Энгельса.

В комнате находились два человека: Лаврентий Картвелишвили (его фамилию я узнала уже здесь) и Павел Логинов, заворг губкома.

— Теперь, — сказал Лаврентий, поздоровавшись со мной и предложив мне присесть, — у нас будет настоящий женотделовский специалист.

Мне пришлось возразить, что вряд ли меня так можно назвать. В Черкассах, где я раньше работала, я была не только заведующей женотделом, но и редактором газеты «Вісти», и защитником в суде. А в Кременчуге из-за отсутствия кадров тоже приходилось совмещать должности редактора местной газеты «Известия», лектора губернской партийной школы и заведующей губженотделом.

Лаврентий продолжал:

— И уж, наверное, вы не заражены ликвидаторскими настроениями в области работы среди женщин, как наши местные коммунистки?

Мне захотелось на его вопрос ответить тоже вопросом, и я сказала:

— Может быть, здесь уже все сделано по раскрепощению женщин?

В разговор вступил Логинов:

— В Киеве значительную часть рабочего класса состав-

ляют женщины. Среди них ведется такая же работа, как и среди всех рабочих, не дублировать же ее женотделу?

«Вот откуда начинается ликвидаторство,— подумала я.— От недооценки работы среди женщин». И поэтому я решила прежде всего разъяснить женский вопрос руководству губкома.

Я сказала Лаврентию и Логинову, что помимо общих проблем с рабочими у работниц есть свои специфические нужды, вытекающие из их социальной функции — материнства. Кроме того, дополнительно к общественно производительному труду они по-прежнему вынуждены вести домашнее хозяйство, закрепощающее их. Привела слова Энгельса, что женский вопрос и женское движение — это часть общепролетарского движения и что при социализме семья не должна быть хозяйственной единицей. И никакими декларациями не освободить женщин и не уравнивать их фактически в правах с мужчинами, пока не будет в достаточном количестве яслей, детских садов, хороших столовых, прачечных, швейных и починочных мастерских. Партийная помощь и руководство организацией нового, социалистического быта женщин и возложены на женотделы. Наконец, у нас самая большая безработица среди женщин, и борьбой с ней должны заниматься тоже женотделы. Что касается политики среди женщин, то женотделы проводят ее с теми слоями женщин, которые до сих пор остаются вне общей политической работы,— с женами рабочих и крестьянками.

Заметив, что Лаврентий и Логинов переглянулись, я поспешила закончить свою импровизированную лекцию.

После небольшой паузы Лаврентий сказал:

— Ну что ж, чувствуется, предстоящую свою работу вы знаете, с киевскими условиями знакомы, назначаем вас заведующей губженотделом.

Остаток дня я использовала для прикрепления к парторганизации 4-й табачной фабрики в Шулявском, самом пролетарском районе Киева, где меня знали по периоду моей работы в наркомпросе.

На следующий день старенький дребезжащий трамвай довез меня до Шулявского районного комитета партии, помещавшегося в двухэтажном деревянном домике. Это здание еще издали бросалось в глаза висевшими на нем красными полотнищами лозунгов, призывавших налаживать разрушенное хозяйство. У входа я прочла еще один: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством. В. И. Ленин»,

В большой комнате райкома над столами надписи: «агит-масс», «орготдел», «женотдел». Под последней сидела молодая симпатичная женщина в красной косынке — заведующая Шулявским райженотделом Аня Шор.

Познакомились. Аня сообщила, что собирается в рабочий поселок завода Гретера, теперь переименованного в завод «Большевик». Там много дел и нерешенных вопросов. Жены рабочих волнуются, надо пойти к ним.

Это было как раз то, с чего мне и хотелось начать работу в женотделе.

По дороге Аня рассказывала о положении дел в поселке: среди рабочих есть еще безработица, зарплата выдается нерегулярно, отдельные рабочие уходят с завода, занимаются кустарщиной — чинят примусы, делают зажигалки, печки-«буржуйки» и продают все это на базаре. Рабкопа¹ в поселке, и даже поблизости, нет. Не покупать же продукты у частных втридорога! Детских учреждений в поселке тоже нет.

Вот мы и в поселке. Теперешним молодым рабочим и работницам трудно даже представить себе то, что мы увидели в оставшемся от дореволюционных времен поселке этого крупного киевского завода. Как видно, капиталист, прежний владелец завода, попросту не считал рабочих за людей. В цветущем, благоухощем городе существовал поселок, лишенный деревьев и травы, с разбросанными тут и там деревянными казармами и слепленными из кусков жести, досок и глины немислимыми хибарками. Возле помоек в грязи и пыли слонялись собаки, кошки и кое-какая домашняя живность. Тут же играли дети. Худые, изможденные женщины стирали у колодца белье стиральной глиной, а неподалеку на сложенном из кирпичей очаге готовили пищу. Аня представила меня женщинам, сказав, что нужно бы сегодня созвать собрание и поговорить о благоустройстве поселка.

— Это кто помоложе да без детей пусть ходит на собрания, а нам некогда. Видите, стираем без мыла, больше пачкаем, чем стираем. Лучше помогли бы достать мыла, — ворчливо отозвалась пожилая женщина, не отрываясь от работы.

— Были уже у нас собрания, — ответила другая, глядя

¹ Государственная торговля в это время еще только налаживалась; большую часть продуктов рабочие покупали в магазинах рабочей потребительской кооперации, которые назывались «рабкопы». — М. Л.

куда-то в сторону, — да толку от них столько же, сколько от разговоров у колодца.

— За спичками, керосином, солью надо ездить в центр, а там опять буржуи разгуливают...

Все же к шести часам работницы собрались в комендантской комнате в одной из казарм. Здесь тоже было грязно и неустроено: на время собраний табуретки и скамьи нужно было приносить из дому.

Все ждали, что скажет представитель губкома партии, как отрекомендовала меня Аня.

— Да, товарищи, — начала я, — у вас плохо: грязно, неустроено, не хватает самого необходимого. Большую часть этих недостатков можно устранить сейчас, и мы обязательно это сделаем. Но и вы кое в чем виноваты. Власть в руках рабочего класса, то есть в ваших собственных. Сейчас ведь не такое время, как до революции, когда вы требовали у капиталистов, а они и не собирались помочь вам улучшить ваше положение. Теперь в учреждениях сидят ваши же товарищи, которых вы выбрали, и это не начальство, а ваши приказчики. Они могут ошибаться, а вы должны требовать, контролировать и помогать им. Всего сразу нельзя сделать, потому что война разорила страну; но многое можно сделать при горячем желании. Ведь гораздо труднее было отобрать у капиталистов власть и удержать ее. А рабочие этого добились. За нас, за нашу будущую хорошую жизнь отдали свои жизни тысячи людей, наши братья, отцы и сыновья. Неужели мы не сможем оправдать этой пролитой крови? Сможем! Но для этого нужно всем стараться нашу жизнь строить по-новому, по-хорошему.

Разъяснив политику нашей партии в текущий момент, в том числе и по отношению к «буржуям» (напманам), мы спросили:

— Теперь вы, товарищи, поняли политику Советской власти?

— Не очень, — ответил кто-то из собравшихся. — Мы ведь все больше с горшками возимся.

— Поэтому надо почаще собираться и обсуждать эти дела. Теперь перейдем к вашей жизни и подумаем, что можно сейчас у вас сделать. Можно открыть магазин, детский сад, навести чистоту, благоустроить поселок, организовать красный уголок для собраний, чтения газет и книг, проведения вечеров.

Мы предложили избрать делегатское собрание из самых энергичных и более свободных жен рабочих, разбить его

на четыре комиссии: благоустройства поселка, организации детского сада, красного уголка и Церабкапа. Каждая комиссия должна обдумать, что она может сделать сама, а что нужно потребовать от горсовета.

После собрания, хотя еще ничего не было сделано, настроение у жен рабочих поднялось. Прощались друзьями.

— Все, что мы сегодня видели, слышали, наметили и должны сделать, настолько важно, что нужно сообщить об этом секретарю райкома партии. Мы его еще застанем в райкоме? — спросила я у Ани Шор.

— Обязательно. Он раньше двенадцати ночи не уходит, — в голосе Ани тоже не слышалось прежнего уныния.

Секретарь Шулявского райкома Николай Ткачев, бывший иваново-вознесенский рабочий, оставшийся в Киеве после гражданской войны, высокий, с резко очерченными, типично рабочими, как их изображают на плакатах, чертами лица и низким голосом, действительно находился в райкоме.

— Хотим проинформировать вас о поселке завода «Большевик». Можете выделить нам полчаса? — спросила я.

— Давайте, давайте. Кажется, губженотдел? Познакомимся. Почаще бы являлись к нам представители губкома, веселей было бы! — Все это он произнес с характерным для волжанина оканьем.

Я стала рассказывать и закончила свою информацию вопросом: чем объяснить, что хотя такое положение в поселке известно райкому и были уже решения собраний жен рабочих, а до сих пор ничего не сделано? К тому же все это не только женотделовские дела, а и райкома в целом.

— Вопрос законный, — заметил Ткачев, — дело в том, что в бюджете не предусмотрены расходы на эти мероприятия, а губернские органы именно на это и ссылаются.

— Если на такие дела не отпускают средств, то что же предусматривается бюджетом? — спросила я, а затем сказала:

— По-моему, причина в том, что никто как следует не брался за эти дела. Но теперь мы за них возьмемся. Правда, товарищ Аня? И не успокоимся, пока все не наладим. Но, конечно, потребуеться ваша поддержка.

— За этим дело не станет, — впервые улыбнулся Ткачев.

Кто-то из райкомовцев вызвал Аню Шор, и она вышла из комнаты.

— Вы здесь человек новый, — начал Ткачев негромко, но внушительно, — положения в нашей парторганизации не знаете. Я хоть и не новый, но и не здешний. А со стороны,

как говорят, виднее. Вот такие недостатки, которые вы сегодня встретили, объясняются тем, что наше руководство занимается не столько практическими делами, сколько другими.

Во время дискуссии о профсоюзах,— продолжал Ткачев,— у нас была сильная оппозиция. Троцкистов возглавлял член бюро губкома. «Рабочую оппозицию» организовал тоже член бюро губкома, бывший портной, довольно бестолковый человек, но с дореволюционным стажем, сейчас работает в профсоюзах. Есть у нас и скрытые оппозиционеры. На партийном активе при обсуждении вопроса о профсоюзах оппозиция чуть было не протащила свою резолюцию. И хотя X съезд партии осудил оппозиционные группировки, а товарищ Ленин назвал дискуссии непозволительной роскошью, оппозиционеры продолжают свою фракционную работу, выжидают момента, чтобы снова атаковать генеральную линию нашей партии. В аппарате губкома тоже есть троцкисты. Они проводят свою линию силами партаппарата. Вот этой внутрипартийной борьбой и занят губком, а рабочий класс страдает. Одернуть оппозицию как следует никто не решается, чтобы «не согрешить» против внутрипартийной демократии. Положение пока остается сложным. Я с вами говорю откровенно, так как уверен, что ЦК прислал нам сторонника генеральной линии партии...

— Вы не ошиблись,— сказала я,— а с оппозиционерами я почти не встречалась: в Черкассах и Кременчуге, где я до сих пор работала, их было всего по одному-два человека.

Разговор с Ткачевым очень помог мне уяснить обстановку в Киеве.

На следующий день принялась за дела поселка. Вызванные в губком представители учреждений соглашались, что все намеченное женотделом в поселке «Большевик» крайне необходимо, но разводили руками, так как это не запланировано в смете расходов, а дополнительных средств взять негде. Один только заведующий коммунальным делом Вася Введенский согласился начать благоустройство поселка с помощью самих рабочих. Благо, время для посадки деревьев и цветов еще не упущено.

С такими итогами я отправилась к Лаврентию. Выслушав меня, он предложил:

— Так как все эти мероприятия связаны с деньгами, необходимо раньше поговорить об этом в губисполкоме.

В губисполкоме мне ничего не удалось добиться. Там сказали:

— Вас правильно информировали, эти расходы не предусмотрены бюджетом, денег взять негде, и мы ничем помочь не можем.

Пришлось вернуться к Картвелишвили. Решили поставить вопрос на бюро, до которого оставалось пять дней.

За оставшееся до заседания бюро время женотдел провел обследование положения работниц 4-й табачной фабрики. Детские ясли при фабрике вмещали только половину нуждающихся в них детей. Требовалось срочно расширить их. Выбрали делегатское собрание работниц. А на нем сразу же встал еще один вопрос: столовая при фабрике кормила только работающих, на дом обеды не выдавались. Между тем, чтобы приготовить обед для семьи, работнице нужно где-то купить продукты, что было тогда очень трудно сделать, да еще после работы. К тому же дома женщинам нужно было не только готовить обед, но и стирать белье, заниматься уборкой, а то и шить что-либо детям из одежды. Работницы потребовали, чтобы из фабричной столовой обеды выдавались на дом.

Так как профсоюз медлил с решением этого вопроса, пришлось и его поставить на бюро.

Настал день заседания бюро.

Снова представитель губисполкома стал жаловаться на отсутствие средств, уверять, что из всех наших планов ничего не выйдет.

— Я не согласен с товарищем, — взял слово Ткачев. — Все это очень важные дела — Церабкоп, благоустройство, красный уголок, детские учреждения для поселка, вероятно, даже не все они входят в круг работы женотдела. Губисполком ссылается на то, что эти расходы не внесены в бюджет. Нужно винить за это и районные организации. Признаю нашу вину и хочу ее исправить.

Обсуждение вопроса закончилось. Картвелишвили, посмотрев на всех укоризненно-грозным взглядом, внес предложение: немедленно открыть в поселке рабкоп. Если нельзя за счет расширения сети, то перенести в поселок один из расположенных в центре города магазинов и снабжать его в первую очередь.

Немедленно организовать детский сад. Красный уголок в поселке завода «Большевик» организовать Шулявскому райкому, чем он частично искупит свою вину. Губпрофсовету и здравотделу найти средства на расширение детских яслей на 4-й табачной фабрике и обеспечить для семейных работниц выдачу обедов на дом.

Бюро проголосовало за эти предложения.

У меня точно выросли крылья.

Теперь можно взяться за комплектование губженотдела. Через несколько дней в женотделе стали работать: Роза Волгина — заместителем заведующей, Лена Мойсеева — секретарем отдела, Олена Шинкарь — инструктором по работе с крестьянками, Ася Изотова и Клара Шлосберг — инструкторами в городе.

Массовой работой среди женщин в городе занимались женотделы районных партийных комитетов. Они были укомплектованы хорошими, преданными Коммунистической партии работниками. Я уже упоминала завженотделом Шулявского района партии Аню Шор, в Подольском райженотделе работала Зевина, в Печерском — Таня Мацененко, в Соломенском — Алексева, в Демиевском — Натанзон, в Киевском уездном партийном комитете — Немешаева и Мотузова; другая Мотузова, Анна Владимировна, была женорганизатором в профсоюзах.

Изо дня в день сотрудники губернского женотдела проводили обследование предприятий, где работали женщины, общежитий, рабочих поселков; добивались через советские, партийные и профсоюзные органы выполнения вынесенных на местах решений, а вечерами устраивали собрания женщин, пробуждая инициативу женских масс и организуя их для участия в строительстве новой жизни.

До тех пор не велось систематической работы среди жен рабочих, но сама жизнь требовала от женотделов вплотную заняться ею. Ведь жены рабочих многие годы были закрепощены самой непроизводительной, самой отупляющей работой — домашним хозяйством. В стране возрождались фабрики и заводы, разворачивалось хозяйственное строительство, и в эту гигантскую работу предстояло втянуть жен рабочих. А к этому их надо было подготовить. Такой вопрос был поставлен перед ЦК партии Украины. Вынесенные Центральным Комитетом решения требовали вовлекать жен рабочих — домашних хозяек во все формы деятельности женотделов и избирать из их среды делегатов в делегатские собрания.

Делегатские собрания работниц и жен рабочих становились политической и практической школой коммунизма.

В эти годы женщины вступали в партию также главным образом через делегатские собрания.

В дни открытия делегатских собраний, переизбиравшихся ежегодно, а также в дни подведения итогов их работы за

год, устраивались торжественные районные и общегородские делегатские собрания.

Навсегда сохранились в моей памяти два общегородских делегатских собрания работниц, приуроченных к открытию работы нового состава делегатов. Первое проходило в Киевском оперном театре 4 октября 1922 года. Делегатки выслушали доклад «Учение Ленина о раскрепощении женщины». В этот день газеты принесли радостную весть об улучшении состояния здоровья Ильича. На собрании царил огромный подъем. Работницы внесли предложение послать Ленину приветственную телеграмму. Вот ее содержание:

«От общегородского делегатского собрания работниц города Киева, 4 октября 1922 года.

Москва, Кремль, Ленину. 300 делегатов — работниц Киева, собравшись на открытие общегородского делегатского собрания, выражают глубокую радость по поводу выздоровления дорогого Ильича и желают вождю мировой революции долгой и плодотворной работы на благо мирового пролетариата.

Председательница собрания Левкович».

Прошел год. На втором общегородском делегатском собрании, состоявшемся в октябре 1923 года в помещении цирка на Николаевской улице, был заслушан доклад «О международном положении». Центральным в докладе был вопрос о вооруженном восстании рабочих Гамбурга под руководством товарища Эрнста Тельмана. Восстание было жестоко подавлено, и газеты сообщали о сотнях убитых рабочих, об их детях, оставшихся без крова, без одежды, без пищи.

Когда доклад закончился, в зале стало твориться что-то невообразимое. Сами голодные, плохо одетые, работницы несли к столу президиума обручальные кольца, серьги, золотые и серебряные крестики, а с верхних ярусов президиум был подвергнут настоящей бомбардировке: оттуда летели свертки со всем мало-мальски ценным, что было с собой у делегатов. Работницы Октябрьской больницы, сами давно уже досыта не питавшиеся, тут же пошли к себе в общежитие и принесли на собрание свой месячный паек муки, чтобы сдать его в пользу семей погибших немецких революционеров. И потом еще целую неделю не прекращался приток помощи германским рабочим.

На следующий день после этого собрания, когда я пришла в губком партии, Картвелишвили сообщил мне, что в Киев приезжает член Политбюро ЦК КП(б) Украины Григорий Иванович Петровский. Бывший токарь Брянского металлур-

гического завода в Екатеринославе, депутат IV Государственной думы, избранный от рабочей курии Екатеринославской губернии, теперь стал председателем высшего органа власти УССР — Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВУЦИК).

ЦК Коммунистической партии Украины был обеспокоен положением в Киевской партийной организации в связи с оживлением там троцкистской оппозиции. Эта оппозиция, объективно отражавшая напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику, грубо извращала принципы внутрипартийной демократии, требовала демократии не только для трудящихся, но и расширения политических прав новой буржуазии.

Мы, сторонники генеральной линии партии, должны были тратить уйму сил и времени для участия в собраниях, особенно в вузовских и учрежденческих партийных ячейках, чтобы разоблачать антипартийные и антиленинские позиции троцкистов.

Григорий Иванович Петровский приехал разобраться в положении дел в Киевской парторганизации. Здесь я впервые встретилась с ним.

По рабочей привычке до всего доходить своим умом, все видеть своими глазами Петровский еще до собрания губернского актива побывал у рабочих «Арсенала», «Большевика», Демиевских железнодорожных мастерских, у портных и сапожников Подола. Профессиональный революционер-большевик, рабочий-политик по-свойски, по душам беседовал с рабочими, выяснял их настроения. Он видел, что подавляющая масса киевских рабочих не идет за оппозицией.

И вот он на трибуне собрания партийного актива. Коренастый, крепко скроенный. Петровского не согнули ни преследования царской охранки, ни сибирская каторга, ни якутская ссылка.

Григорий Иванович говорит, что в Киевской парторганизации недостаточно разъясняется генеральная линия партии, слабо проводится работа по улучшению положения рабочих. В частности, он сказал:

— Не думаете ли вы, что пролетариям Донбасса, Харькова, Кривого Рога, Екатеринослава легче живется, чем вам? Труднее. Их промышленность больше разрушена, чем ваша, но они не дрогнули. Надо в корне перестроить вашу работу. Сможет ли нынешнее руководство это сделать?

Выступали еще ораторы. Потом перешли к голосованию. После неоднократного подсчета оказалась очень небольшая

разница в количестве голосов «за» и «против» генеральной линии партии.

Оппозиция была еще довольно сильна в Киевской парт-организации. ЦК КП(б) Украины принял решение отозвать руководство организации и рекомендовал новое.

Секретарем губкома партии стал И. М. Варейкис, бывший рабочий, подпольщик-революционер, опытный партийный работник. Очень подвижный, темпераментный оратор, он всюду поспевал и все знал.

Председателем губисполкома избрали Г. Ф. Гринько.

В должности заведующего оргинструкторским отделом губкома партии стал работать присланный к нам ЦК РКП(б) Павел Петрович Постышев, бывший иваново-вознесенский рабочий, один из руководителей героической борьбы за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке.

Эти люди до избрания их в руководящие органы Киевской парторганизации почти два месяца работали в самой гуще масс, помогали исправлять ошибки, убеждали заблуждающихся членов партии, шедших за оппозиционерами, зрело обдумать и пересмотреть свои взгляды.

И вот опять партийный актив. Недавно приехавших уже знают все коммунисты Киевской губернии. Участники собрания не вмещаются в зале конференций губисполкома. Переходим в клуб бывшего купеческого собрания.

После ряда глубоких, содержательных критических выступлений была принята резолюция, осудившая платформу и деятельность оппозиции. За исключением нескольких человек собрание проголосовало за генеральную линию.

После того как оппозиция потерпела в Киеве провал, партийная работа активизировалась как в самом городе, так и в губернии. Наш женотдел тоже больше сил стал отдавать работе среди крестьянок, которая в первый год мирного строительства почти не велась. Трудностей здесь было очень много. Прежде всего следовало подготовить волостных и сельских женорганизаторов. Серьезным препятствием явилась сама система индивидуального крестьянского хозяйства, разобщенность людей, отсутствие в деревне коллективов. Большинство крестьянок еще очень смутно представляли свои новые права и обязанности, которые дала им Октябрьская революция. Но как бы то ни было, работа среди женщин на селе постепенно разворачивалась. В женотделах уездных комитетов партии работали Оля Станченко, Олена Шинкарь, Немешаева, Можара, Городецкая, Бабенко, Юрченко, Тося Шевченко и другие коммунистки.

Однажды губернский женотдел получил из Белой Церкви письмо, в котором сообщалось об острых столкновениях с классовыми противниками, происходившими на делегатских собраниях крестьянок. И вот мы вдвоем с заведующей Белоцерковским женотделом Оленой Шинкарь выехали из села Белоцерковщины.

По дороге из Киева на Богуслав за мостом через речку Рось, приток Днепра, издалека увидели большую каменную глыбу, на которой крупно, совсем некаллиграфически высечены два слова: «Маруся Богуславка». Кто, когда, кому воздвиг этот «нерукотворный памятник»? Ответ на вопрос «кому» дает народный эпос XVI века. По преданию, украинская девушка Маруся из Богуслава вместе с тысячами других полонянок была уведена турками из родных мест. В плену она сумела открыть «темницу каменную» и выпустила на волю казаков, за что турки предали ее жестокой казни... Не найдется прохожего или проезжего, который не отдал бы поклон славной народной героине Украины. И, поравнявшись с «Марусиным камнем», мы тоже почтили молчанием ее память...

Как-то невольно вспомнились другие героини, наши современницы, совсем еще недавно работавшие вместе с нами, девушки-коммунистки Юрченко, Крейман и Бабенко из Чигиринского уездного женотдела, убитые кулаками...

В селах Белоцерковщины мы присутствовали на делегатских собраниях крестьянок. Тогда эти собрания посвящались теме: «Что дала Советская власть женщине». Помнится, как на одном из собраний, на которое помимо делегатов пришло много народу, поповны, жены кулаков и торговцев, ожившие при нэпе, кричали:

— На сходы нам ходить незачем, мужчина — глава в доме, он и решает все дела. Это не женское дело.

Они выступали и против детских яслей и садов:

— Какая мать отдаст своего ребенка в эти ясли, кто будет смотреть за чужим ребенком?

И так далее и тому подобное.

Делегатки-беднячки и батрачки дали резкий отпор этим «ораторшам»:

— Если бы вы даже и захотели отдать своих детей в ясли или детсад, мы их туда не примем. У вас-то есть кому присмотреть за ребенком, вы не только в поле, но и дома-то не работаете, держите батрачек...

Шел 1924 год. Киевская парторганизация готовилась к XIII съезду РКП(б). На губернской партконференции про-

шли выборы делегатов. В их числе стояла и моя фамилия. Огромной радостью и гордостью наполнилось мое сердце, ведь избрание меня делегатом на партийный съезд означало прежде всего признание важности и ценности женотдельской работы.

XIII съезд был первым съездом нашей партии после смерти Владимира Ильича Ленина. Огромная тяжесть и горечь утраты пронизывала всю работу съезда. И вместе с тем в каждом выступлении, в каждом постановлении съезда ощущалась твердая и непреклонная решимость партии и рабочего класса напрячь все силы для продолжения великого дела Ленина. Рабочий класс в результате ленинского призыва дал к съезду свыше 240 тысяч новых коммунистов, из них 15 тысяч работниц. Киев дал партии 148 коммунисток ленинского призыва.

На съезде я впервые увидела весь цвет нашей партии, услышала выступления виднейших коммунистов. Понятно, что мое внимание в первую очередь привлекли деятельницы женского движения. В президиуме находились Надежда Константиновна Крупская и Клара Цеткин. От имени международной организации пролетарок-коммунисток К. Цеткин произнесла пламенную речь, которая зажгла наши сердца.

Мы, киевские делегаты, выдержавшие острую борьбу с троцкистской оппозицией, испытали большую радость, что оппозиция, представленная на съезде ее идеологами — Троцким, Преображенским, была решительно осуждена делегатами. Съезд потребовал от оппозиции прекратить фракционную работу. На съезде работало три секции: по работе в деревне, среди работниц и крестьянок и среди молодежи.

Первой секцией руководили М. И. Калинин, делавший на съезде доклад о работе в деревне, и Н. К. Крупская — содокладчик по вопросу о культурной работе в деревне. В состав этой секции вошли и работники женотделов — В. А. Мойрова, С. Т. Любимова и я.

В секцию по работе среди работниц и крестьянок входили все тогдашние руководители женского движения, присутствовавшие на съезде, — К. Цеткин, Н. К. Крупская, Е. Д. Стасова, К. И. Николаева, С. Н. Смидович, а из работников женотделов — делегаты съезда В. А. Мойрова (ЦК КП(б)У), С. Т. Любимова (Саратов), Н. Алексеева (Донбасс), Каспарова (от народов Востока) и автор этих воспоминаний (от Киева).

В принятой резолюции о работе среди работниц и крестьянок съезд РКП(б) указал на необходимость дальнейшего

распространения влияния партии на широкие слои женщин, проведения работы по строительству учреждений (яслей, столовых и пр.), облегчающих труд и быт женщин. Очередными задачами партии съезд признал систематическое выдвижение работниц и крестьянок на выборные должности в советских, профессиональных, кооперативных и хозяйственных организациях, подготовку работниц и крестьянок к ответственной работе, выдвижение коммунисток в руководящие партийные органы.

Решения съезда явились боевой программой борьбы партии и всего народа за социализм. Воодушевленная этими решениями, наша делегация вернулась в Киев, горя огромным желанием довести их до сознания каждого коммуниста, каждого труженика и твердой рукой проводить их в жизнь.

По приезду в Киев я узнала о решении ЦК КП(б)У назначить меня заведующей женотделом Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

Мне было жаль оставлять работу среди работниц и крестьянок Киевщины. За два с половиной года ценою упорного труда дело раскрепощения женщин в губернии было далеко продвинуто вперед, но предстояло еще много работать, чтобы до конца выполнить ленинский завет о вовлечении женщин в общественное производство, об обеспечении их активного участия в политической и хозяйственной жизни страны.

ВАРЯ, ОНА ЖЕ ЕЛЕНА ИВАНОВНА

До революции Весьегонский уезд на северной окраине Тверской губернии называли «медвежьим углом». Здесь в захолустном селе Тушитове родилась и выросла Елена Ивановна Троицкая.

Отец ее слыл вольнодумцем, потому что выписывал петербургские газеты. Мать, происходившая из крестьян, настояла, чтобы детям дали образование. Сестра матери Т. И. Ромашева в свое время привлекалась к судебной ответственности по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», была заключена в тюрьму, потом находилась под надзором полиции. Иногда она приезжала к Троицким, и тогда в их дом наведывался урядник.

Революцию 1905 года в семье Троицких встретили с радостью. Елена Ивановна вспоминала, как в их доме собиралась молодежь и пела революционные песни. Хором с увлечением дирижировал Шура Тодорский¹. Но уже два года спустя, когда Лена начала напевать «Марсельезу», родители остановили ее и предупредили, что это грозит тюрьмой. Позднее, приезжая из Твери на каникулы, Лена украдкой забиралась на пыльный чердак отцовского дома и часами читала спрятанные там запретные политические книжки.

Лена поступила в открывшееся в Твери коммерческое училище. Она отличалась серьезностью, хорошо училась, много читала и носила очки, за что подруги звали ее «профессором». Училище окончила с золотой медалью.

Большое влияние на Лену оказала ее одноклассница Шура Алексеева. Веселая, жизнерадостная, остроумная, прекрасная рассказчица, она была общей любимицей подруг и учителей. В годы первой мировой войны, когда большинство

¹ А. И. Тодорский, член КПСС с 1918 года; в 1918—1919 годы — член исполкома Весьегонского уездного Совета; активный участник гражданской войны; в последующие годы занимал высшие командные должности в ряде военных учреждений; генерал-лейтенант.— *Ред.*

учащихся было настроено оборончески, Лена услышала от подруги слова, совершенно не вязавшиеся с общими настроениями окружавших ее людей. Шура говорила, что эта война — захватническая, несправедливая, ведется в интересах капиталистов и помещиков, а расплачиваются за нее рабочие и крестьяне своей жизнью. Лена, подумав, согласилась с ней. После этого Шура рассказала ей о политическом кружке учащейся молодежи, в котором состояла. Вскоре и Лена вступила в этот кружок, организованный еще в сентябре 1914 года московским студентом-большевиком Александром Криницким¹, часто приезжавшим домой в Тверь.

В кружок входили учащиеся выпускных классов реального училища и мужской гимназии Андрей Жданов², Николай Патрикеев, Николай Константинов и другие. Девушек было две — Шура Алексеева и Лена Троицкая. Всех членов кружка объединяла общая платформа — признание империалистического, захватнического характера войны и осуждение оборончества. Они изучали программу большевиков; в кружке сформировались их политические убеждения, определился жизненный путь. Тон в кружке задавали А. Жданов и А. Алексеева.

Однажды эсеры предприняли попытку привлечь кружковцев в свои ряды, но встретили решительный отпор. А. Жданов, выступивший с горячей аргументированной речью, наголову разгромил своих политических противников и поразил глубокими знаниями единомышленников. Уже к тому времени Лена выделялась политической зрелостью и целеустремленностью.

Весной 1915 года на долю членов подпольного кружка выпали первые испытания. Член Петербургского Комитета РСДРП(б) И. М. Москвин предложил кружковцам установить связь с большевиками — тверскими рабочими. Встреча состоялась в пустовавшей будке перевозчика на берегу Волги. Но неожиданно будку окружили жандармы и Москвина, Шуру и четверых рабочих арестовали и заключили в тюрьму. Москвин успел уничтожить ленинские тезисы об отношении к войне, напечатанные на папиросной бумаге.

Арест Шуры Алексеевой тщательно скрывался от соуче-

¹ А. И. Криницкий, член КПСС с 1915 года, видный партийный работник, избирался членом ЦК ВКП(б). — *Ред.*

² А. А. Жданов, член КПСС с 1915 года, выдающийся советский государственный и партийный деятель. — *Ред.*

ниц по Тверскому коммерческому училищу, но все же слухи дошли и до них. Отношение к аресту было разное: одни — таких было большинство — считали Шуру крамольницей, государственной преступницей, в глазах других она была героиней. К числу последних относилась и Лена Троицкая. Все разговоры в училище так или иначе вращались вокруг этого события. Но неожиданно Шура вернулась, ее освободили за отсутствием улик, и директор использовал все свои связи, чтобы спасти репутацию подчиненного ему учебного заведения.

Арест Шуры теснее сплотил членов кружка, побудил их скорее установить связи с Тверской большевистской организацией. В марте 1916 года Лену приняли в партию и ввели в состав пропагандистской коллегии, которой руководил освободившийся из-под ареста И. М. Москвин. Через него пропагандисты регулярно получали большевистскую газету «Социал-демократ», издававшуюся Лениным за границей и нелегально доставлявшуюся в Россию.

Лена, принявшая партийную кличку Варя, стала вести занятия в кружке работниц текстильных фабрик Берга и Морозова, который был основан рабочим-большевиком Г. И. Макаровым. Наиболее активными членами кружка были сестры Даша Бобрикова, Паша Новикова и Дуся Соколова. Они принимали участие в организации забастовок на фабрике Берга, входили в стачечный комитет, выработывали требования к администрации, останавливали станки, агитировали рабочих бросать работу.

Однажды, в апреле 1916 года, Троицкую разыскал Андрей Жданов.

— Я только что с заседания комитета, — сказал он, — Николай Патрикеев мобилизован в армию, и я предложил твою кандидатуру в состав Тверского подпольного комитета большевиков. Тебя кооптировали в комитет.

Вскоре Лена присутствовала на заседании комитета, на котором обсуждался вопрос о стачке на вагонном заводе, а 1 мая участвовала в рабочей маевке в Малой роцце за фабрикой Морозова. Летом 1916 года вместе с приехавшей из Москвы Шурой Алексеевой Лена проводила собрания конспиративных рабочих кружков, чаще всего в лесу за Горбатым мостом.

Осенью 1916 года Елена Ивановна уехала в Москву и поступила учиться в Коммерческий институт. Она установила связь со студентами-большевиками, руководила начальным кружком работниц-швейниц. После Февральской революции,

когда большевистская партия вышла из подполья, Троицкую ввели в комитет по созыву первой районной партийной конференции Замоскворечья. Она проводила выборы делегатов от партийных ячеек предприятий района. Как член комиссии по агитации и пропаганде Замоскворецкого райкома РСДРП(б), выступала на рабочих собраниях, разоблачала предательскую соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. Здесь, в Замоскворечье, она была одним из организаторов социалистического союза молодежи «III Интернационал» и первым его секретарем.

Социалистический союз молодежи ставил своей задачей объединение молодых рабочих, сочувствующих большевикам, и рассматривал себя как боевого помощника партии. В 1918 году союз «III Интернационал» стал одним из инициаторов Всероссийского съезда союзов рабоче-крестьянской молодежи, который положил начало созданию комсомола.

В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве Елена Ивановна работала в военно-революционном комитете Замоскворецкого района, выполняла ответственные поручения по связи и разведке. Вскоре Троицкая возвратилась в Тверь.

В ноябре 1918 года состоялся I Всероссийский съезд работниц. На этом съезде выступил с речью Владимир Ильич Ленин. На всю жизнь запали в сознание Елены Ивановны слова вождя: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия». Этим ленинским указанием Троицкая всегда руководствовалась во всей своей последующей работе.

Партия поставила своей задачей вовлечь работниц и крестьянок в активную политическую деятельность, в строительство новой жизни на социалистических началах. Тверская партийная организация поручила руководство этой работой Е. И. Троицкой. При уездно-городском комитете РКП(б) было создано бюро работниц. К участию в его деятельности привлекли самых активных работниц-коммунисток, бывших подпольщиц — Пашу Новикову и Дашу Бобрикову, а также Домашу Кустову и Нюру Жукову. На их плечи легла вся тяжесть работы среди женщин в начальный период.

Первым массовым мероприятием явились выборы делегатов на фабриках Морозова и Берга, на которых была сосредоточена основная масса работниц. Начали организовываться делегатские собрания. Такая форма работы была предложена

на Центральным Комитетом партии, и она обеспечила наилучшую связь партийных организаций с широкими слоями трудящихся женщин.

Выборы делегатов были делом новым, нелегким. Время было трудное, шла гражданская война, свирепствовали разруха и голод. Не хватало хлеба, одежды и обуви, отсутствовало топливо. Враждебные элементы, спекулируя на трудностях, пытались настроить рабочих против Советской власти. Случалось, что на собраниях женщины прерывали докладчиков, требовали хлеба и ситца, жаловались, что дети голодают, отказывались избирать делегатов.

Приходилось ходить по рабочим казармам и чуть ли не с каждой работницей вести отдельные беседы. В марте 1919 года в партийном клубе фабрики Морозова состоялось первое собрание делегатов. Докладчика выслушали со вниманием, но задавать вопросы и тем более высказываться работницы не решались. Робели, да и навыка не было. Но уже скоро положение изменилось. Делегатское собрание стало авторитетным, завоевало доверие и признание как самих работниц, так и советских и хозяйственных органов.

Делегатки регулярно заслушивали доклады о текущем моменте, обсуждали отчеты городского и губернского исполкомов. Женщин-делегатов направляли в качестве практикантов в советские учреждения, поручали обследовать детские сады и ясли, общественные столовые. Помнится, на одном делегатском собрании подняли вопрос о табельщике морозовской фабрики Матвееве, который грубо обращался с рабочими и держал себя, по словам делегатов, «как в старое время». Решение делегатского собрания снять его с работы было выполнено безотлагательно.

На другом делегатском собрании работницы с возмущением говорили о беспорядках в детских яслях морозовской фабрики. Ребятишки спали по двое, по трое на одной кровати, кормили их супом из селедочных хвостов, в помещении грязь, за детьми не было никакого ухода. Когда делегатки обратились в женотдел, Троицкая направила их к заведующей отделом охраны материнства и младенчества Ольге Назаровой, которая тотчас же взяла ясли под свой контроль. Уже на следующем собрании делегатки с радостью докладывали, что беспорядки устранены, дети получают хорошее питание. Ясли обеспечены бельем, посудой, заказана мебель. Женщины-активистки помогли навести чистоту и порядок. Со временем часть делегатов перешла на постоянную работу в детские учреждения, и дело двинулось.

Когда на морозовской фабрике из-за продовольственных затруднений и по науськиванию контрреволюционных элементов возникли волнения рабочих, делегатское собрание, обсудив этот вопрос, обратилось к работницам с призывом не лить воду на мельницу врагов рабочего класса, крепко держаться за родную Советскую власть, приложить все силы к ее укреплению.

С особым энтузиазмом выполняли работницы обязанности практиканток в советских учреждениях. Делегатские собрания посылали их в ведомства и организации в качестве общественных инструкторов, которые определенное время изучали постановку работы, помогали в проведении тех или иных директив, выявляли непорядки и открыто говорили о них на собраниях, докладывали партийным организациям. Конечно, не всем сотрудникам учреждений это нравилось.

Делегатка Хромова с женским активом провела обследование детского дома на так называемой «архиерейской даче». На обед в этом детском доме воспитанникам давали по кружке жидких щей и ложке каши. На 50 детей имелось 10 тарелок и по одной чайной ложке. Один ел, остальные ждали очереди.

— Почему вы кормите детей хуже, чем в других домах? — спросили делегатки.

Заведующая, нисколько не смутившись, явно спекулируя на трудностях с продовольствием, ответила:

— Экономим на черный день...

Женщины возмутились:

— Не имеете права морить детей голодом!

Вскоре в детский дом была прислана новая заведующая, делегатки помогли вымыть и выскоблить полы и стены, сшить новое белье, починить старое, принесли из дома посуду, теплую одежду.

Не было такого общественного дела, за которое не брались бы женщины. Они работали на субботниках, дежурили в госпиталях, собирали теплую одежду для красноармейцев.

Партию волновал вопрос: как в обстановке разрухи и голода уберечь здоровье детей? Летом 1919 года был опубликован декрет об организации бесплатного детского питания.

Женотделы взяли дело проведения его в жизнь под свой неослабный контроль. Вспоминаются заседания в уездно-городском бюро по работе среди женщин в небольшой комнате флигеля во дворе бывшей мужской гимназии. Председательствует молодая девушка с гладко зачесанными черными волосами, умным внимательным взглядом из-под

очков — Елена Троицкая. Она докладывает о поездке в Москву. Вместе с делегатками Ключевой и Чуриловой они побывали в ЦК партии и Наркомате по продовольствию, добились отпуска продуктов и денежных средств на питание детей. Благодаря их энергии в детские столовые Твери поступили гречневая крупа, леденцы (вместо сахара).

Обсуждается вопрос, как ускорить открытие столовых. Снова на помощь приходят делегатки: подыскали помещение, сами побелили стены, вымыли окна, полы, обшарили фабричные склады, разыскали посуду. Персонал подобрали из надежных женщин.

Вскоре начали работать столовые на фабриках — морозовской, Берга и на вагонном заводе. Корреспондент «Тверской правды» писал, что столовые открылись в торжественной обстановке, звучал «Интернационал». Радовались ребята, получившие по четверть фунта хлеба, половинке вареного яйца, миске супа и кружке ячменного кофе с молоком. В то голодное время (ноябрь 1920 года) это была большая поддержка для рабочих семей, а кормили в столовых уже многие тысячи детей.

Помогала в работе среди женщин и печать. В «Тверской правде» стала выходить «Страничка работницы». Однажды к нам в редакцию пришла работница морозовской фабрики Петушкова с жалобой на своего мужа: «Не пускает на делегатское собрание», — заявила она. Ей помогли написать заметку в газету, в которой всех сознательных мужей призывали не препятствовать, а помогать общественной деятельности жен. Статьи и заметки на эту тему публиковались не раз. Мужья постепенно изменяли отношение к общественной работе своих жен.

«Страничка работницы» стала хорошим помощником партии в организаторской и воспитательной работе среди женщин, в выращивании кадров общественниц. Многие женщины обращались в «Страничку» за советом и помощью: просили устроить на работу, послать учиться. По мере возможности газета старалась помочь им через городской и губернский комитеты партии, всегда получая там поддержку.

Во второй половине 1919 года был организован женотдел губкома партии. Его заведующей назначили Елену Троицкую. Руководить уездными отделами работниц послали Нюру Жукову, Шуру Петрову, Дусю Румянцеву, Нюру Алексееву и других. Все они уже имели опыт общественной работы, были хорошо проинструктированы, а потому довольно быстро

завоевали авторитет и в партийных организациях, и среди женских масс.

Первым крупным мероприятием губженотдела явилась подготовка и созыв губернского съезда работниц. Съезд открылся 28 декабря 1919 года в клубе «III Интернационала». Народу собралось — яблоку негде упасть. День был воскресный, кроме делегатов пригласили много работниц. Торжественно гремел пролетарский гимн, сердечно приветствовали работниц представители партийных и советских организаций. Председателем съезда избрали Е. И. Троицкую. С докладом о текущем моменте выступил А. А. Жданов. Он призвал женщин шире участвовать в государственной работе, всеми средствами помогать фронту. Доклад «Коммунистическая партия и работница» сделала Е. И. Троицкая.

Самой поразительной особенностью этого съезда была бьющая через край активность работниц. Одна за другой они брали слово и в горячих, идущих от самого сердца словах благодарили Советскую власть за права, данные им революцией, рассказывали о своих достижениях, призывали всеми силами помогать фронту, чтобы быстрее разгромить врагов революции.

VII губернская партийная конференция в феврале 1920 года дала высокую оценку деятельности губженотдела. Елена Ивановна Троицкая была избрана в состав губернского комитета партии. Аппарат отдела был пополнен инструкторами Нюрой Жуковой, Пашей Новиковой, Валею Тачаловой (одна из авторов воспоминаний) и секретарем Верой Лаговской.

Губженотделу предстояло решить сложную задачу — охватить партийным влиянием массы крестьянок, самую темную, забитую часть трудящихся. Губком РКП(б) решил созвать съезд крестьянок. В волости послали самых боевых коммунисток из работниц, которые должны были провести в селах собрания, выборы делегатов. Это поручение оказалось не из легких, но коммунистки сумели с ним справиться.

Съезд крестьянок открылся 25 марта 1920 года. На нем присутствовали 224 делегатки; из 215 волостей губернии делегатов прислали 134 волости. Это был крупный успех. В те дни началась распутица, дороги развезло, многим делегаткам пришлось добираться до Твери пешком, но все же они прибыли на свой съезд. С докладом «Коммунистическая партия и крестьянка» выступила заведующая женотделом Троицкая.

Работницы встретили крестьянок с большим радушием. На съезде они обратились к ним с самым сердечным приветствием, призвали крестьянок вместе с пролетарками строить новую жизнь. Горячо откликнулись на призыв труженицы деревни. Крестьянка из Осташковского уезда Егорова говорила:

— Никогда не помирюсь со старым режимом. В николаевское время от моего сердца оторвали семерых сыновей и сгубили их на войне ради буржуйской мощны. Будем защищать свою родную Советскую власть до последней капли крови!

Крестьянки разоблачали кулаков, прятавших хлеб, говорили о плохой работе кооперации в деревне, требовали правильного распределения товаров, установления контроля за этим делом. Губернский съезд расшевелил крестьянок, оживил работу в деревне. Делегатки отчитывались о работе съезда в своих селах и деревнях на женских и общекрестьянских собраниях. Выявился первый актив крестьянок.

«18 мая у нас проходила волостная конференция,— сообщила в губженотдел делегатка от Ясеновской волости.— Она прошла хорошо. Я все объяснила, что слышала на губернском съезде женщин, все остались довольны. Избрали мы пять женщин ходить на партийные собрания и разъяснять потом все вопросы женщинам».

Делегатка от Дорской волости писала, что на волостной конференции крестьянок избрали женское бюро в составе четырех беспартийных женщин. Решили установить дежурства для приема жалоб и послать своих представителей в волисполком. В волости и уезде их инициатива не получила поддержки, тогда они обратились в губженотдел. И губженотдел помог.

Летом 1920 года в ряде городов губернии прошли уездные женские конференции. Троицкая выезжала для проведения конференции в Калязин. Позднее она вспоминала:

«Крестьянки стали прибывать с утра. Узнав, что конференция продлится два-три дня, запротестовали: «У нас работа, семья, скот не кормлен...»

Мы сняли с повестки дня два вопроса и открыли заседание. Докладчик подробно рассказал, как много делает Советская власть для улучшения положения женщин и детей. Руководители советских учреждений подробно ответили на все вопросы, волновавшие крестьянок. Настроение изменилось. Делегатки остались еще на один день, чтобы выслушать всех докладчиков, и вынесли единодушное решение:

после окончания полевых работ почаще устраивать собрания».

Женотдел много сделал для приобщения тверских работниц и крестьянок к строительству новой жизни в первые, наиболее трудные годы Советской власти.

В конце 1920 года Е. И. Троицкая поступила в Коммунистический университет имени Свердлова в Москве. После окончания учебы ее зачислили в пропагандистскую группу ЦК РКП(б) и направили в Донбасс. Это было в 1924 году, когда весь народ глубоко переживал невозвратимую утрату — смерть вождя партии.

На смерть Владимира Ильича рабочий класс откликнулся ленинским призывом в Коммунистическую партию. Большой приток рабочих в партию потребовал усиления политической работы. Елена Ивановна занималась с молодыми членами партии — шахтерами, знакомила их с Программой и историей партии.

Осенью 1932 года Е. И. Троицкая была принята в Институт красной профессуры, на отделение истории. По окончании его в 1935 году Елена Ивановна целиком посвятила себя работе на идеологическом фронте и до ухода на заслуженный отдых в 1957 году преподавала историю партии в высших учебных заведениях.

Все силы и свой богатейший опыт она отдала делу коммунистического воспитания молодого поколения.

К НОВОЙ ЖИЗНИ

В феврале 1920 года Красная Армия освободила Ставропольскую губернию, где жила тогда наша семья, от деникинцев. К этому времени я была членом комсомола и вскоре после восстановления Советской власти в Ставрополе стала работать в уездном ревкоме.

Хотя гражданская война в стране еще не закончилась, Ставропольщина постепенно переходила к мирной жизни. Партийные организации губернии начали широкую политико-массовую работу среди населения, особенно среди женщин.

Новые условия требовали большего участия женщин в работе советских органов, в ликвидации хозяйственной разрухи, в помощи фронту.

23 мая 1920 года в ставропольской газете «Власть Советов» было помещено объявление: «Бюро партии большевиков созывает на этой неделе ряд районных женских собраний по вопросу женского фактического равноправия и вовлечения их в государственную работу. На этих собраниях будут проведены выборы делегатов, совет которых вступит в контакт с высшей губернской властью для выполнения указанной цели».

Собрания и выборы делегатов состоялись.

25 июня Ставропольская партийная организация обратилась к делегаткам через газету со следующим воззванием: «25 июня — великий день в жизни наших ставропольских тружениц. В этот день женщины-работницы положат начало переходу женщин от исключительно мелких будничных забот к участию в осуществлении великих задач мирового пролетариата. Задачи и обязанности женщин велики, и конференции предстоит огромная и сложная работа. Женщины-работницы! Спешите стать в общие ряды и скорее, общими усилиями завершить дело пролетариата».

В этот день под звуки «Интернационала» открылась городская женская конференция. С приветствием от губер-

ского комитета Коммунистической партии выступила секретарь губкома старая большевичка Завьялова. Она сказала: «Впервые в городе Ставрополе собрались трудящиеся женщины на конференцию. Возможность собраться и проявить себя им дала власть трудящихся, власть рабочих и крестьян. В наши дни в Советской России женщина является полноправным и свободным гражданином. Нигде, ни в одной стране на всем земном шаре нет такой свободной женщины, как у нас, где власть принадлежит трудящимся, где страной управляют рабочие и крестьяне».

На конференции были заслушаны доклады о том, каким будет положение трудящихся женщин в Советской России, о новой семье и воспитании детей, о женском труде и его охране. Подробно говорили участники конференции о том, какое значение имеют для полного равноправия женщин выборы их в Советы, вступление в профессиональные союзы.

Через делегатские собрания женщины вовлекались во все мероприятия, проводившиеся партией и Советской властью, в политические и хозяйственные кампании. 3 июля 1920 года делегатское собрание работниц постановило: «Провести военный всеобуч коммунисток, делегаток, работниц и крестьянок. Участие работниц во всеобуче является насущной необходимостью. В каждую боевую тревогу работницы и крестьянки, умеющие владеть ружьем, смогут нести внутреннюю охрану города и, таким образом, освободить мужчин для обороны государства».

Делегатки проводили обследования условий жизни и труда домашних работниц, помогали фабричным работницам вступать в профсоюзы, оформлять трудовые договоры, добились повышения их заработной платы. Перед делегатками встала задача организовать ликвидацию неграмотности среди женщин. Из особенно активных женделегаток мне запомнились Бесчастнова, Иллистратова, Кузнецова, Показиева, Скоробогатова.

В проводившиеся комитетом партии дни красной казармы работницы шли в госпитали и казармы, стирали и чинили белье красноармейцам, убирали помещения. Женщины собирали деньги и продукты для бойцов, готовили подарки на фронт. Особенно велик был их энтузиазм с приближением революционных праздников: Дня Красной Армии, 8 Марта, 1 Мая и 7 Ноября.

Много сил отдавали женщины-делегатки тяжелой и героической работе по борьбе с детской беспризорностью. Отыскивали беспризорных в разрушенных домах и оврагах,

помогали отделу народного образования оборудовать помещения для детских домов, работали в них нянями и кухарками, шили белье для детей.. Делегатки города приняли активное участие в организации Дома матери и ребенка и Дома одинокой женщины.

Летом 1920 года после окончания партийных курсов Ставропольский губком партии направил меня заведовать женотделом в Александровский уезд. Председателем уездного комитета партии в то время был рабочий из Москвы товарищ Мурахин.

С чувством некоторой робости взялась я за новую сложную и важную работу. Все опасалась, что не справлюсь, не оправдаю доверия партии. Опыта работы среди женщин-крестьянок у меня не было никакого, но сыграли свою роль взаимовыручка и товарищеская поддержка. Помогли мне тогда коммунистки Г. К. Горяинова, П. Ф. Полякова, А. Г. Акиншина, Дора Партыченко, Зина Фролова, Нина Шевцовская. Много полезного я нашла для себя в журнале «Коммунистка», издававшемся ЦК РКП(б), в котором освещались главные политические вопросы, разъяснялись задачи и права женотделов, давались рекомендации о методах и формах их работы.

Чтобы работа среди крестьянок пошла успешно, необходимо было создать хотя бы небольшой женский актив, подобрать женорганизаторов при сельских партячейках.

Сельские партийные организации были малочисленны, а женщин-коммунисток почти не было. Женорганизаторами нередко выдвигались комсомолки, там, где они были, а то и коммунисты-мужчины; в помощь женорганизаторам-мужчинам выдвигались активные делегатки или сочувствовавшие Советской власти учительницы.

Мы проводили среди крестьянок разъяснительную работу, устраивали собрания и митинги. Постепенно в селах появился актив. Рос он за счет жен коммунистов и красноармейцев, беднячек и батрачек. Женщины ходили на собрания, слушали доклады и беседы, желая как можно больше узнать о Советской власти, о Коммунистической партии. В свою очередь они говорили о своей тяжелой женской доле, о своих нуждах и настроениях. Охотно и с большим энтузиазмом женщины участвовали во всех мероприятиях, которые проводились партийными ячейками и сельскими Советами.

В этой связи вспоминается, как в конце 1920 года в Александровском уезде проходила неделя сухаря. Женщины-

крестьянки собирали продукты — зерно, муку, яйца, крупу. Пекли булки, сушили сухари, делали лапшу. Все это упаковывалось в ящики, мешки и отправлялось в Ставрополь, а оттуда в вагонах по железной дороге — в Москву, голодающим детям рабочих. В Александровском уезде было собрано два вагона продуктов.

К осени 1920 года в большинстве сел Александровского уезда уже были организованы делегатские собрания крестьянок. Немало делегатов вступали в партию и работали женоргам. Одной из них была, например, крестьянка из села Китаевского, жена красногвардейца Паршина, ставшая коммунисткой. В селе Новоселицком женоргам работали дочь сельского портного Наталья Мирошниченко, комсомолка-батрачка Баландина, Зина Черепенина. Все они впоследствии вступили в партию и были выдвинуты инструкторами Александровского уездного женотдела. Работая среди женщин, я сама училась, росла политически...

Помню, в сентябре 1920 года в селе Александровском мы созвали женское собрание, чтобы выбрать делегатов. На собрании я должна была впервые выступить с докладом «Советская власть и женщина». К докладу долго готовилась. Читала статьи, брошюры, делала выписки. Хотелось, чтобы доклад был интересным и понятным. Написала тезисы, но среди нас не принято было читать доклады по бумажке. Поэтому мне пришлось несколько раз прорепетировать вслух. Собрание и мой доклад прошли хорошо.

На этом собрании попросила слово крестьянка-беднячка Веревкина. Она сказала:

— Товарищи! На собрании присутствуют буржуйки Боронина, Попова и другие. Им здесь не место. Пусть уйдут с нашего собрания.

Собрание дружно заплодировало, слышались возгласы: «Правильно, им тут не место». Женам сельских богатеев пришлось удалиться с собрания. Эпизод, казалось бы, незначительный, но он ярко свидетельствовал о пробудившемся классовом сознании крестьянок.

Крестьянки-беднячки и батрачки сразу поняли, что делегатские собрания и женотделы — это организации, беззаветно защищающие их интересы. Сельские партячейки и женотделы стали для крестьянок местами, куда шли они со своими нуждами и горестями, думами и мечтами. На делегатских собраниях часто обсуждались отчеты руководителей отделов уездного исполкома, кооперации, профсоюзов, заведующих столовыми. Предварительно делегатки проводили обследо-

вания этих учреждений и на собраниях выступали с критикой замеченных недостатков; крепко доставалось от делегатов виновным, и уж совсем не было от них никакой пощады расхитителям народного добра и самогонщикам.

Надо сказать, что работать в те годы на селе было трудно и небезопасно. Много белобандитов скрывалось на территории нашего уезда, в лесах и горах. Они устраивали налеты на села, сельские Советы, на редкие еще тогда коммуны и артели, угоняли скот, жгли постройки, убивали коммунистов и сельских активистов.

Погиб от руки бандитов активный участник осуществления продразверстки комсомолец Иван Самохвалов.

Белобандиты лишали крестьян возможности спокойно жить и работать. Партия организовала части особого назначения (ЧОН). Сельские коммунисты и комсомольцы стали тогда бойцами отрядов ЧОН: учились владеть винтовкой, днем работали, а ночью с оружием в руках охраняли продовольственные склады, советские учреждения, детские дома, патрулировали окраины и улицы сел. Жили мы на казарменном положении.

Кулаки жестоко преследовали делегатов, подстрекали их мужей «не давать бабам воли». Так, в селе Благодарном выбрали делегаткой крестьянку Дарью Саломатину. Муж Дарьи был отсталый и темный крестьянин, водил компанию с кулаками. По их наущению, когда его жена стала делегаткой, он избивал, всячески ругал ее, приходил к секретарю райкома партии товарищу Шимченко и требовал исключить Дарью из числа делегатов. Помнится, он заявил: «Надо мной мужики смеются, и я за себя не ручаюсь». Но Саломатина не испугалась угроз, твердо защищала интересы женщин-беднячек, была в первых рядах тех, кто строил новую жизнь. Она выучилась грамоте, вступила в партию. Через год ее послали учиться в совпартшколу. Затем Дарья работала в районном Совете. Во время Отечественной войны ее расстреляли фашисты.

В феврале 1921 года состоялась первая уездная конференция крестьянок. Она проходила в дни, когда праздновалась третья годовщина Красной Армии. В Александровском состоялся парад местного гарнизона, на котором присутствовали делегатки. Женщины вручили бойцам, которые вели борьбу с бандитизмом, знамя с вышитой на полотнище надписью: «Смерть белым бандитам и дезертирам!» Надпись вышивали сами делегатки.

В 1921 году нашу страну поразил тяжелый неурожай и

голод. Сельские делегатки приняли активное участие в организации помощи голодающим. Александровский уездный комитет дал задание женотделу совместно с уездным отделом народного образования срочно организовать десять детских домов. Делегатки подбирали и готовили помещения, шили белье и одежду для детей, оставались работать в детдомах. В течение одного месяца задание укома было выполнено, и вновь созданные детские дома приняли полторы тысячи беспризорных детей из охваченных голодом районов. В этой работе особенно проявили себя крестьянки сел Александровского, Нагутского, Новоселицкого и Круглолесского.

Одновременно делегатки вели напряженную борьбу за хлеб. Хлеб нужен был рабочим и Красной Армии. Крестьянки помогали продотрядам выявлять у кулаков излишки хлеба, масла, яиц и сдавали конфискованные продукты в уездный продотдел. Не жалея сил, не страшась кулацких угроз, самоотверженно работали на хлебозаготовках делегатки Паршина и Баландина из села Китаевского, Зина Черепенина и Наташа Мирошниченко из села Новоселицкого, Веревкина из села Александровского и многие, многие другие.

Кулаки преследовали делегатов, жестоко мстили им. И несмотря на это, крестьянки и их шефы — работницы, прошедшие через делегатские собрания, становились активной силой на производстве и в общественной жизни села. Они вступали в партию, их выдвигали на работу в районные и окружные партийные и советские органы. Помню работницу Ставропольского кожевенного завода Бурину, которая сначала была делегаткой, затем женорганизатором, вступила в партию, училась и впоследствии долгое время работала директором Азовской МТС. За свой доблестный труд она была награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Из делегатки и сельского женорганизатора выросла в ответственного районного и краевого партийного руководителя бывшая батрачка из села Николина Балка Петровского района А. И. Игнатова. Другая бывшая батрачка из села Грушевского — Марта Андреевна Кузнецова, в годы гражданской войны сражавшаяся в рядах Красной Армии, коммунистка, стала руководителем городской и окружной комиссий по борьбе с детской беспризорностью. Крестьянка-беднячка Котенева из села Медведки Петровского района прошла путь от делегатки и сельского женорганизатора до руководителя сначала женского, а потом общего колхоза, была членом

правлений Ставропольского окружного и Северо-Кавказского краевого колхозсоюзов. Затем она работала директором инкубаторной станции. За выдающиеся трудовые успехи была удостоена ордена Ленина.

Неграмотные, забытые вековой нуждой и темнотой беднячки и батрачки всем своим существом тянулись к новой жизни, культуре, учебе. Они шли в школы, на курсы, организовывали артели, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). Всеми силами, как могли, помогали партии строить социализм.

...В феврале — марте 1921 года проходили выборы в сельские Советы — первые после гражданской войны. Партийная организация поставила перед нами задачу привлечь к выборам как можно больше женщин-крестьянок, особенно беднячек и батрачек. Уездный комитет партии послал в села агитбригады. В одной из таких бригад довелось работать и мне. Мы добились массового прихода крестьянок на выборные собрания, при голосовании они поддерживали кандидатуры, выдвигавшиеся партийными ячейками, беднотой и середняками.

Иная картина предстала перед нашими глазами в селах, населенных нацменьшинствами, главным образом татарами. Здесь мужчины всеми правдами и неправдами запрещали своим женам посещать собрания, участвовать в выборах. Например, когда мы попытались собрать женщин-татарок в селе Канглы, вместо них пришли мужчины и несколько русских женщин. Когда кандидатами в сельский Совет назвали женщин-татарок, мужчины заявили: «Коран не разрешает женщинам ходить на собрания, тем более выбирать их в Совет. Это не их дело». И все наши попытки избрать в Совет татарок оказались безуспешными.

Темнота, религиозные предрассудки, которые нам предстояло постепенно преодолеть, приводили порой к поистине курьезным случаям. Вспоминается в связи с этим мой приезд в село Канглы в мае 1921 года. От села предстояло избрать двух делегатов на губернский женский съезд. Но на собрание по выборам делегатов явились одни мужчины. Когда же им сказали, что нужно выбрать на съезд женщин-татарок, мужчины отвечали: «Не можем послать татарок, пошлем русских женщин». Я настаивала на своем. Тогда мужчины внесли предложение: «Если посылать татарку, то только с мужем». Так и пришлось избрать на губернский съезд двух женщин и мужчину — русскую и татарку с мужем.

В наши дни положение женщин-татарок коренным образом изменилось. Они учатся, работают, повышают свой политический и культурный уровень наравне с мужчинами. Многие оканчивают институты, техникумы, становятся учителями, врачами, агрономами. Женщины участвуют в работе Советов. И то самое село Канглы, где мне пришлось побывать в начале 20-х годов, сейчас не узнать. Это — настоящий культурный центр. Здесь есть своя больница, клуб, кинотеатр, несколько магазинов. Везде, в любой отрасли хозяйства работают и руководят женщины-татарки. Навсегда они забыли о чадре. Их сознание выросло так высоко, что о коране никто и не вспоминает. Вся жизнь женщин течет теперь по-новому, по-социалистически.

...В 1923 году губком партии назначил меня заведующей женотделом в Благодарненский уезд. До меня здесь работала Катя Дагаева, тульская работница, чуткий товарищ, прекрасный человек, преданная коммунистка. За короткое время она наладила в уезде работу среди крестьянок, сплотила женский актив. Из особенно активных делегатов того времени вспоминаются крестьянки Шевченко, Барсукова, Диканева, Володина, Марфа Сапрыкина.

В том же году крестьянки-беднячки — вдовы и жены красноармейцев — с помощью женотдела стали создавать сельскохозяйственные артели. Такие артели возникли в селах Петровском, Медведке, Малые Ягуры и Сухая Буйвола. В Петровском и Медведке их возглавили активистки-делегатки Марфа Сапрыкина и Екатерина Котенева.

Нелегко было начинать. Никакого имущества и инвентаря крестьянки не имели. В селе Петровском уездный исполком выделил для артели огороды и сады бывших кулаков на горе Куцай; местный комитет крестьянской взаимопомощи предоставил трех лошадей. Долго членам артели пришлось преодолевать всевозможные трудности, пока удалось поставить общественное хозяйство на прочную основу. Председатель артели Марфа Сапрыкина была избрана делегатом Всероссийского и Всесоюзного съездов Советов, членом президиума Всероссийского съезда. Помню, с какой радостью она собиралась на съезд в Москву, мечтала увидеть Ленина. Ее мечте не суждено было сбыться. Ильич умер. Вместе с делегатами съезда и всеми трудящимися она тяжело переживала великую печаль утраты Ленина.

Не забыть мне выступления Сапрыкиной на собрании после возвращения из Москвы. Она говорила: «Много еще предстоит работать трудящейся женщине для достижения

полного равноправия, как завещал нам Ильич. Кто неграмотный — должен учиться, кто мало просвещен и неразвит — должен посещать лекции и собрания. Я начала свою общественную работу в 1920 году сначала делегаткой, затем членом земельной комиссии, заседателем суда, членом президиума комитета общественной взаимопомощи (КОВ). Призываю всех крестьянок к такой работе».

Марфа говорила, что беднячкам, вдовам, женам красноармейцев нужно организовываться в коллективы и неустанно помогать друг другу, что только тогда будут выполнены заветы великого вождя Ленина. Сапрыкина выступала на собраниях, писала заметки и статьи в газету, делилась своим опытом работы в женской сельскохозяйственной артели, призывала крестьянок последовать их примеру.

Зимой 1924 года во всех районах прошли конференции крестьянок. Конференция Петровского района обсудила вопрос об организации молочных и пчеловодческих женских кооперативов и о создании в районе курсов по сельскому хозяйству.

8 марта 1924 года, когда женщины повсюду торжественно отмечали свой международный праздник, состоялись конференции крестьянок в Александровском и Туркменском районах. С чувством глубокой скорби женщины говорили о смерти Ильича, давали клятву всегда помнить и проводить в жизнь его идеи. На конференции Александровского района пять крестьянок подали заявления о вступлении в Коммунистическую партию. Одна из них, делегатка Бочурина, с 1918 года сражалась в рядах Красной Армии, с винтовкой в руках защищала Советскую власть. Конференция призвала всех женщин выполнить наказ Ленина: «Учиться, учиться, учиться!»

В 1924 году проводилась большая работа по организации женщин-крестьянок в ТОЗы. В них охотно вступали середнячки. Товарищества возникли в селах Благодарном, Спасском, Сотниковском, Александрии и Бурлацком. Женским ТОЗам на льготных условиях выделялись денежные кредиты, тягловая сила, сельхозинвентарь, семена. В 1926 году в Благодарненский район прибыло несколько тракторов «Фордзон», большая часть которых была передана женским ТОЗам. По инициативе райкома партии были организованы краткосрочные курсы трактористов, куда послали и крестьянок. Женщины упорно старались овладеть трактором. Помню, однажды я приехала в село Спасское ознакомиться с работой женского ТОЗа. Разыскала председателя товари-

щества. Это была женщина средних лет, полная сил и энергии. Ее я застала прямо-таки за необычным для женщины занятием: она любовно вытирала трактор «Фордзон», смазывала его машинным маслом. Затем бережно надела на него чехол. Стоял трактор вплотную к стенке между окнами землянки, где она жила. Сарая для трактора не было, вот председательница его и охраняла. Тракторы в то время были редкостью на селе.

Настойчивая, повседневная работа партии среди женщин приносила хорошие плоды. Широился женский актив, из числа крестьянок — недавних батрачек, из бедняцких семей выдвинулось немало способных советских работников, стойких большевичек. Трудно сейчас, спустя много лет, вспомнить всех наших активисток, работавших на селе. Коротко скажу о двух из них.

В 1925 и 1926 годах в селах Благодарное и Сотниковское работала сельским женоргом и заведовала избой-читальней крестьянка-беднячка Прасковья Митрофановна Шереметьева. Ее мать в 1919 году засекли насмерть белогвардейцы. С 1920 года Прасковья Митрофановна трудилась в коммуне Виноделенского (Ипатовского) района, здесь вступила в комсомол. Эта молодая девушка, преданная партии, начала работу среди женщин в своей коммуне, потом ее послали учиться в совпартшколу. В 1925 году Шереметьева стала коммунисткой. По окончании учебы окружком партии направил ее в Благодарненский район на партийную работу, сельским женоргом. Впоследствии она окончила в Москве Институт марксизма-ленинизма, была партийным работником в Краснодарском округе и в Ростове. Сейчас П. М. Шереметьева персональный пенсионер, живет в Ростове-на-Дону.

Помню в селе Благодарном А. С. Карандину. Эта крестьянка-беднячка с раннего детства работала у богатеев, потом была швеей. Стала делегаткой, женорганизатором. Долгое время заведовала детскими домами. В 1924 году вступила в партию. Ее дважды чествовали как героя труда. В 1925 году Благодарненский райком партии послал Карандину учиться в Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, после окончания которой она работала в Ставрополе директором педагогического техникума. В 1931 году избиралась членом контрольной партийной комиссии Ставропольского района.

...Большую роль в политической и культурно-просветительной работе среди крестьянок играли хаты делегаток.

В специально выделенных с этой целью хатах делегатки собирали крестьянок, проводили с ними беседы, читали газеты. В этом нам много помогали сельские учительницы. Хаты делегатов потом стали называться десятидворками. Велика была их роль во время выборов в сельские Советы. Благодаря хатам делегатов крестьянки с каждым годом все активней участвовали в выборных кампаниях.

Партия, добиваясь оживления работы Советов, выдвинула лозунг: «Лицом к деревне!» Из городов к нам приезжали пропагандисты. Они ходили по дворам, выступали на собраниях, разъясняли политику Советской власти, которая проводила твердую линию на защиту интересов трудящегося крестьянства. В те годы на селе подняли голову кулацкие элементы. Кулаки под видом культурных хозяев стремились проникнуть в Советы, в кооперацию. Если им самим не удавалось занять места в различных руководящих сельских органах, кулаки всячески старались протащить туда своих ставленников из зависимых от них середняков, а то и бедняков. Мне не раз в качестве представителя Благодарненского райкома партии приходилось участвовать в кампаниях по перевыборам Советов, и я хорошо запомнила все те уловки, на которые шли кулаки. В селе Сотниковском, например, кулаки решили взять крестьян в буквальный смысле измором. Они всеми способами затягивали собрание, не ушли даже обедать, еду им принесли из дома прямо на собрание. С пеной у рта кулаки доказывали, что в Совет нужно избрать тех, кого они выдвинули; мол, они лучше умеют вести хозяйство и принесут больше пользы крестьянам. Но беднякам хорошо был понятен истинный смысл их речей. Они знали, о чьей выгоде пеклись кулаки, и держались стойко, хотя и не обедали. Бедняки с собрания не уходили, упорно «дрались» за свои кандидатуры. Победа осталась за беднотой. В Совет были избраны представители трудящихся крестьян.

Много внимания и сил отдавал женотдел защите прав женщин-батрачек, которых в годы нэпа много работало по найму у кулаков. Кулаки не только эксплуатировали женщин. Было известно немало случаев, когда кулаки обманывали девушек, обещали жениться на них, но в конце концов выгоняли батрачек со двора с ребенком на руках. Несчастные женщины приходили с жалобами к нам в женотдел. Мне как заведующей отделом неоднократно приходилось вмешиваться в эти дела и защищать права уже не только батрачки, но и ее ребенка.

Часто приходилось мне выступать общественным защитником по алиментным делам, и суд всегда решал дело в пользу батрачки и ребенка.

В январе 1927 года решением Ставропольского окружка партии я была назначена инструктором окрисполкома по работе среди женщин — членов Советов. Такая работа была необходима, так как росло число женщин в советских органах, в кооперации. Этому активу общественниц надо было помогать, растить из них настоящих руководителей социалистического строительства на селе. Борясь с кулацким сопротивлением, женщины-общественницы, партийные и беспартийные, как и все коммунисты, заботились о подъеме сельского хозяйства, выполнении планов хлебопоставок, организовывали и укрепляли колхозы, занимались вопросами строительства школ, больниц и других культурно-бытовых учреждений в селах.

В феврале 1929 года окружная партийная конференция избрала меня членом окружка ВКП(б) и утвердила заведующей женотделом округа. Мне приходилось выезжать уполномоченной по хлебозаготовкам во многие районы. В селах округа мы вместе с делегатками вскрывали ямы с хлебом, спрятанным кулаками, отбирали зерно у тех, кто злостно срывал хлебозаготовки, отправляли его на сыпные пункты. Нам помогали и городские работницы. Они приезжали в села бригадами и вместе с нами выполняли эту трудную и опасную работу.

В начале декабря 1929 года Ставропольская городская конференция женщин-работниц обратилась с письмом к крестьянкам, в котором говорилось, что для успешного выполнения первой пятилетки нужно полностью выполнить план хлебозаготовок. «Даешь женский крестьянский поход беднячек, батрачек и середнячек на вредителей! Очистим наши села от кулацкого гнилья!» — таким призывом заканчивалось письмо.

Тогда же, в декабре 1929 года, по путевке Ставропольского окружка партии меня направили в Благодарненский район уполномоченной по проведению сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Вместе с секретарем Благодарненского райкома ВКП(б) П. Морозовым и другими районными работниками приходилось много времени проводить в разъездах, разъяснять, доводить до сознания даже самых отсталых крестьян идеи партии о том, что прямая дорога к счастливой, зажиточной жизни, к социализму — переход к коллективному хозяйству. В начале

1930 года всего по району было объединено в колхозы 65—70 процентов крестьянских хозяйств.

24 января 1930 года открылся I Ставропольский окружной съезд колхозниц. Съезд прошел в торжественной обстановке, с большим подъемом. На нем выступали крестьянки и рассказывали, как идет у них организация колхозов, как они готовятся к весенней посевной; говорилось о культурно-бытовой работе в колхозах и участии в ней крестьянок. Выступления делегатов съезда показали, что женщины принимали в коллективизации самое активное участие; нередко там, где коллективизация проходила особенно успешно, создавались бригады, которые посылались для помощи в другие села.

Об активном участии женщин в строительстве колхозов на Ставропольщине говорят, например, такие факты. На 1 марта 1930 года в Ставропольском округе имелось 16 женских сельхозартелей, объединивших 220 хозяйств и 748 едоков; женщин — председателей колхозов было 25; заместителей председателей — 75. В Советах и правлениях колхозов по округу работало 960 женщин, в ревизионных комиссиях колхозов — 970.

Тогда же партия выдвинула лозунг: «Техника решает все!» И уже в 1929 году многие коммунистки и коммунисты были посланы учиться на рабфаки. Учиться было моей мечтой, и она вскоре осуществилась. В 1930 году Северо-Кавказский крайком ВКП(б) направил меня в счет «парттысячи» на учебу в Московский зоотехнический институт.

Начинался новый период в моей жизни.

ПО ЗОВУ ГУДКА

Мой отец был рабочим-грузчиком в Екатеринославе. Он имел на иждивении семью, состоявшую из родителей и двенадцати детей. Зарботка отца едва хватало на скудное питание нашего многочисленного семейства и дети уже с раннего возраста шли работать.

Одиннадцать лет от роду мне довелось стать работницей швейной мастерской. По тому времени мастерская была крупным предприятием, на котором работало до сорока человек.

Рабочий день длился одиннадцать-двенадцать часов, а так как от нашего дома мастерская находилась очень далеко, мне пришлось снять койку у хозяина соседней прачечной, и за это после работы вечерами я гладила белье. Так прошли четыре года.

Шел 1915 год. Уже давало о себе знать тяжкое бремя войны. И без того невыносимое положение рабочих усугублялось бесконечными сверхурочными работами и ростом цен. Измученные непосильным трудом, работницы нашей мастерской решили бастовать. Мы потребовали повышения расценок и улучшения условий труда. В это же время объявили забастовку рабочие прачечных Екатеринослава.

Так как в дни забастовки в доме моего квартирного хозяина собирались хозяева прачечных заведений города, рабочий-гладильщик большевик Брегман поручил мне повнимательнее прислушиваться, о чем договариваются между собой хозяева. Как могла, я выполняла его поручение. Эти сведения, как рассказывал мне потом Брегман, были использованы стачечным комитетом и помогли бастующим. После того как забастовка у нас в мастерской закончилась, ее организатор швея-большевичка Катя (фамилию ее забыла) и я были уволены из мастерской. Лишившись работы, я поступила на завод Шодуар (ныне имени Коминтерна) чернорабочей в лопатный цех. Здесь в 1916 году я стала посещать кружок большевиков.

Как известно, к тому времени рабочее движение на Екатеринославщине уже имело славную боевую историю. К началу XX века Екатеринославщина стала крупнейшим промышленным центром металлургической промышленности юга России. На многих заводах и фабриках насчитывались десятки тысяч рабочих. В 1900 году только на одном Брянском заводе работало семь тысяч человек. К 1917 году в Екатеринославе было свыше ста заводов, в том числе двадцать крупных, имевших всероссийское значение.

У истоков рабочего движения на Екатеринославщине стояли виднейшие его организаторы и руководители — большевики И. В. Бабушкин и Г. И. Петровский.

В большевистском подполье Екатеринослава было много женщин.

Одна из выдающихся большевичек Екатеринославщины — Ксения Ивановна Воинова, член партии с 1914 года, участница революции 1905 года. В дни Октябрьской революции она была председателем первого ревкома и членом штаба Красной гвардии города Павлограда. В марте 1918 года Воинова назначается председателем военно-революционного штаба, являвшегося высшим военным органом Павлограда и уезда по борьбе с контрреволюцией и по формированию частей Красной Армии.

Впоследствии она окончила Институт красной профессуры и в течение длительного времени работала ученым секретарем этого института.

В памяти сохранился образ другой славной большевички — Прасковьи Ивановны Вишняковой, члена партии с 1903 года. Она неоднократно арестовывалась при царизме, была заточена в Шлиссельбургскую крепость. Освобожденная революцией, Прасковья Ивановна становится видным партийным и государственным деятелем. В 1919 году она была избрана председателем Амур-Нижнеднепровского Совета. Паня Вишнякова была замечательным оратором, часто выступала на рабочих собраниях. Она избиралась делегатом XIII, XIV, XV, XVI съездов партии.

В прошлом скромная учительница Серафима Ильинична Гопнер, член партии с 1903 года, в екатеринославском подполье работала с 1904 года. Участница трех революций, по заданию партии она не раз выезжала за границу, выполняла поручения Владимира Ильича Ленина. Выйдя после Февральской революции из тюрьмы, она вела большую партийную работу, являлась одним из руководителей большевистской организации Днепропетровщины. От коммунистов Ук-

раины С. И. Гопнер была делегатом всех конгрессов Коминтерна.

Серафима Ильинична стала крупным ученым, доктором исторических наук. Она была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда.

Нельзя не вспомнить также Полю Черновалову, участницу революционного движения на Екатеринославщине с 1905 года, члена большевистской партии с 1914 года. Она вела работу в рабочей больничной кассе завода, являвшейся явкой большевиков. Благодаря ей, опытному конспиратору, эта явка не имела провалов. Черновалова — участница Октябрьской революции. Когда Екатеринослав захватили денкинецы, она стала партизанкой. Екатеринославские работницы с огромным доверием и любовью относились к Поле, считали ее своим признанным вожакom.

Вместе с другими работницами Февральскую революцию я встретила в Екатеринославе. К этому времени я уже была членом партии большевиков. Но Февральская революция не облегчила участи трудового народа, не принесла она и улучшения положения работниц.

Вот как описывала положение женщин на производстве екатеринославская большевистская газета «Звезда» в номере от 12 мая 1917 года. Автор заметки, рабочий Трубопрокатного завода, на котором работало тогда много женщин, писал: «...женщины, работающие на газовых печах, отталкивают горячие трубы по горячим плитам... босиком, рискуя обжечь себе ноги, заболеть и остаться без куска хлеба. Когда я задал им вопрос об этом, обступившие меня женщины заплакали: «Разве нам не больно и не трудно такие муки переносить? Или нам не жалко крови своей? Мы работаем на заводе и получаем за свой каторжный труд ничтожную плату — часть своего труда, а остальной труд остается в кармане заводчиков. На что же мы купим ботинки, если нам не хватает нашего заработка на пропитание?»»

За восемь месяцев от Февральской до Октябрьской революции, когда с каждым днем все больше нарастал накал борьбы, во много раз увеличилось число передовых работниц и крестьянок, самоотверженно отдававших все силы делу установления власти Советов.

Пожалуй, немногим из пролетарских городов Украины довелось пережить в первые послереволюционные годы столько тяжелых дней, как Екатеринославу.

4 апреля 1918 года город захватили германские оккупанты. Позже город побывал в руках петлюровцев, махнов-

цев, белогвардейских мятежников Григорьева, денкинцев...

В трудную пору интервенции и белогвардейщины партия большевиков в глубоком подполье вела героическую самоотверженную борьбу. Она готовила население к восстанию с целью утвердить с оружием в руках власть Советов. В этой напряженной героической борьбе активное участие принимали наши женщины — работницы и крестьянки. Вспоминаются работницы из Амур-Нижнеднепровского района Екатеринослава — Поля Черновалова, Елена Старушкина, Поля Новикова, Елизавета Дронова, Ольга Горуля, Мария Левина. В мрачные дни белогвардейщины они и многие другие бесстрашно помогали семьям воевавших на фронтах красноармейцев.

В ходе гражданской войны из работниц выковывались сознательные, самоотверженные борцы за дело рабочего класса.

В декабре 1918 года, когда петлюровцы повели наступление на Амур-Нижнеднепровск, в этом пролетарском пригороде Екатеринослава находилось много раненых красных бойцов и командиров. Наш районный комитет партии направил группу коммунистов для защиты больницы завода Шо-дуар, где лежали раненые. Бой уже шел у самой больницы, надо было немедленно вывозить раненых. Дело осложнялось тем, что антисоветски настроенный главный врач госпиталя Шпак срывал нашу работу.

Работницы-коммунистки Черновалова, Дронова, Левина и я с помощью беспартийной медсестры Ольги Лихолат все же сумели вывезти всех раненых бойцов и командиров и разместить их в близлежащих селах Каменка, Подгородное, Губиниха.

Переход от гражданской войны к мирной жизни потребовал массового участия женщин в социалистическом строительстве. Решение трудной и сложной задачи вовлечения работниц и крестьянок в производство, в активную общественную и государственную работу, просвещения и бытового раскрепощения женщин партия возложила на женотделы.

В Екатеринославе женотделы были созданы в мае 1920 года. Я работала заведующей женотделом Амур-Нижнеднепровского райкома партии с момента его организации.

В условиях промышленного Екатеринослава важнейшей задачей женотдела было широкое внедрение женского труда в производство и повышение культурного уровня и квали-

фикации работниц предприятий. Однако осуществить это было нелегко. В течение ряда лет, вплоть до 1924—1925 годов, женский труд, особенно на металлургических заводах Екатеринослава, применялся только на черных, подсобных работах.

На крупнейших заводах — Брянском (ныне имени Петровского) и Трубопрокатном (ныне имени Ленина) — насчитывалось всего пятьдесят пять работниц, имевших квалификацию, что составляло 6,3 процента всех занятых работниц. Из этих пятидесяти пяти работниц сорок четыре имели 4-й и 5-й разряды и одиннадцать имели 6-й разряд. Остальные были чернорабочими и получали 15 рублей в месяц. Не лучше было положение в химическом производстве, у строительных рабочих.

Вовлечение женщин в производство осложнялось рядом серьезных обстоятельств. Дело в том, что в начале 20-х годов возвращались с фронтов рабочие-мужчины, имевшие более высокую квалификацию, и естественным следствием этого было вытеснение с производства малоквалифицированного женского труда. Росла женская безработица. Не последнюю роль в ее росте играл консерватизм некоторых хозяйственников в отношении применения женского труда. Нередки были случаи, когда даже при одинаковой квалификации администрация предпочитала оставить на работе мужчин, а женщины увольнялись. Встречались и такие случаи, когда мастера «по старинке» выписывали женщине за равный с мужчиной труд более низкую заработную плату. Таким образом, решение проблем женского труда в тяжелой промышленности становилось задачей не только женотдела, но и всех партийных и профессиональных органов.

По настоянию губженотдела при губернском Совете профсоюзов была создана специальная комиссия по внедрению женского труда во главе с профженорганизатором, членом президиума губсовета профсоюзов Милич. В комиссию вошли Рафальская, Беркун, Павлова, Лыткина. Губпрофсовет и отдел труда губисполкома организовали профессионально-технические курсы для работниц. Вопросы производственной квалификации женщин включались в программу школ ликбеза.

Наряду с этим женотделы играли важную роль в борьбе с голодом и детской беспризорностью, в создании органов охраны материнства и младенчества, детских учреждений, столовых.

Нельзя не отметить огромный вклад в это нелегкое дело

коммунисток Любы Леонюк, Марии Ярмолинской, К. Геравко, Бердичевской, Е. Дроновой, Гафт, С. Равдель, Е. Старушкиной и многих женщин-делегаток.

В оборудованной по инициативе губженотдела центральной консультации, на углу Артемовской и Базарной улиц, имелось не только все, непосредственно необходимое для наблюдения за здоровьем, лечения и просвещения молодой матери-пролетарки. При консультации в нескольких комнатах размещалась школа ликбеза, работал кружок политграмоты, имелся читальный зал. Такие очаги новой, социалистической культуры были организованы в рабочих районах — Чечелевке, Амур-Нижнеднепровске, Кайдаках, на многих фабриках и заводах. Вот письмо работницы, жены железнодорожника И. Литвинчука, напечатанное в губернской газете «Звезда» в 1925 году: «Лишь на 6-м году жизни при Советской власти я почувствовала, как плохо жить темному некультурному человеку. Как я завидовала тем, кто может читать книгу и газету. В 1925 году я начала допытываться, где ведутся занятия по ликвидации неграмотности. И узнала, что ликбез находится на 1-й Чечелевке, где страхкасса, на 2-м этаже. Теперь, когда я... учусь, мне кажется, что я начала жить новой жизнью.

Товарищи женщины, призываю взять пример с 36-летней женщины, сбросить с себя дурман, темноту и рабство и взяться за культуру. Вы, товарищи мужчины, должны помогать своим женам».

Большим событием для женской общественности города явилось открытие детских яслей на заводе имени Карла Либкнехта. Непривычно было работницам приносить своих детей в ясли. Далеко не все матери доверяли своих детишек впервые организованным детским яслям и садам.

Женотделы города, и особенно губженотдел, были похожи в те годы на боевые штабы. Здесь успешно трудились Вера Бильшай, Нина Ванькова и другие товарищи, имевшие уже немалый опыт работы среди женщин.

В 1922 году Центральный Комитет партии направил в Екатеринослав Ольгу Владимировну Пилацкую, члена партии с 1904 года. Активная участница вооруженного восстания в Москве в 1905 году, преследовавшаяся царской охранкой, она вынуждена была уехать за границу, жила в эмиграции, неоднократно встречалась с В. И. Лениным.

Начав работу в отделе агитации и пропаганды губкома партии, О. В. Пилацкая много помогала нам в работе среди женщин. Помню, как на собрании работниц 8-го железнодо-

рожного участка Пилацкая выступала с докладом «Работница и Советская власть». Ее слушали с огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова. Ольга Владимировна говорила о положении женщины-работницы до революции и теперь, подчеркивала, что повышать квалификацию работницам необходимо для завоевания подлинного равенства в обществе. Она призывала добиваться победы на хозяйственном фронте. И такие доклады она делала часто. После ее выступлений равнодушных не оставалось.

Не только Пилацкая, но и многие другие славные большевички часто выступали на собраниях женщин. Их выступления очень любила чуткая женская аудитория. Женщины видели в них своих подлинных друзей. Часто выступала среди женщин Ольга Лазо, член партии с 1914 года, боевая подруга легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо. Затаив дыхание, слушали работницы рассказ о том, как она участвовала в организации красногвардейских казачьих отрядов и в боях за установление Советской власти в Сибири.

В результате улучшения условий женского труда на производстве, развития сети учреждений охраны материнства и младенчества, повышения культурного уровня работниц женский труд стал применяться на многих квалифицированных работах в тяжелой промышленности. Женщины осваивали профессии крановщиков, слесарей, токарей, фрезеровщиков, клепальщиков. Поднимался и их заработок.

Большое место в деятельности женотделов Екатеринослава занимала работа среди жен рабочих, группировавшихся вокруг детских учреждений, домов-коммун, клубов. Они следили за качеством детского питания, вовлекали жен рабочих в родительские советы, в контрольные комиссии магазинов и столовых, в обследование школ. Они участвовали в организуемых при детских учреждениях школах по ликвидации неграмотности, в различных кружках.

В 1923 году только в двух промышленных районах Екатеринослава — Кайдаках и Амур-Нижнеднепровске — было охвачено различной кружковой работой три тысячи жен рабочих. В рабочих семьях проводились красные «крестины», советские свадьбы, что во многом способствовало антирелигиозному воспитанию женщин.

Первые советские «крестины» были проведены в праздничной обстановке в клубе нарпитовцев в декабре 1923 года. Рабочая чета Сухорядовых, бережно неся на руках новорожденного сынишку, завернутого в красное одеяло, передала

его советским «крестным» — товарищам О. В. Пилацкой и Крутову. Клубный оркестр играл «Интернационал», подхваченный десятками голосов, зал гремел рукоплесканиями.

Мы считали очень важным делом научиться сочетать работу среди жен рабочих с работой на предприятиях. На рабочие собрания в цехи, где не выполнялся план, мы приглашали жен тех рабочих, которые отставали на производстве, выясняли причины их слабой работы. Такие собрания мы готовили очень тщательно, и обычно в результате жены рабочих становились лучшими агитаторами своих мужей, сыновей за выполнение плана на производстве.

Сложнее было с организацией работы среди крестьянок. Но по мере того как укреплялись партийные и советские органы на селе, здесь налаживалась и оживлялась деятельность женских делегатских собраний. Их работа особенно усилилась в 1924 году, после того как XIII съезд РКП(б) принял решение о систематическом укреплении делегатских собраний крестьянок, выдвижении крестьянок на выборные государственные, кооперативные посты. Делегатки-селянки были активными помощниками в сборе сельхозналога, организации крестьянской взаимопомощи, сбора пожертвований голодающим, организации общественного питания, родильных домов, яслей.

Мы организовали шефство городских делегатских собраний над сельскими. Устраивались экскурсии крестьянок на предприятия города, а работницы выезжали в села для проведения мероприятий по улучшению быта крестьянок.

Лучшие активистки на производстве, члены советов комнезамов, народные заседатели в суде вышли из числа женщин — участниц делегатских собраний. Они же были резервом партии. Лучшие из лучших вступали в партию большевиков и Ленинский комсомол.

«БОСОЙ ЖЕНОТДЕЛ»

«Босой женотдел» — так окрестил председатель Харьковского губисполкома Борис Волин небольшой отряд коммунистов, работавших в женотделе Харьковского губкома КП(б)У во главе с заведующей губернским женотделом Ольгой Чернышевой.

...Шумно, тревожно в большом цехе Харьковского паровозостроительного завода. Идет митинг. Лучшие пролетарии завода на фронте добивают вражеское охвостье. У оставшихся в тылу истекают последние силы. Ведь все для фронта! Скудный паек не способен насытить даже подростка.

Это используют меньшевики, они пытаются подбить рабочих на забастовку против рабочего правительства. Сгрудившись вокруг трибуны, они и их подголоски улюлюкают, свистят, не дают говорить заводским коммунистам. Мрачно надулись рабочие...

Вдруг словно что-то раздвинуло толпу. К трибуне пробивается невысокая, коротко подстриженная, с умными серыми глазами, босая женщина. Да так решительно всходит на трибуну, что и слова никто не посмел сказать!

Председательствующий — видный харьковский меньшевик — вынужден объявить:

— Слово предоставляется члену Харьковского губкома КП(б)У, заведующей губженотделом Ольге Чернышевой.

«Чернышиха...» — пробежал шепоток по рядам (так про себя называли харьковские рабочие и работницы Чернышеву). Кто-то из меньшевиков злобно бросает реплику:

— Поменьше трепись языком!

Ольга спокойно протягивает вперед свои большие натруженные руки и говорит:

— Вот этими руками у станка да у корыта всю свою жизнь я «трепала», а языком трепаться не умею, да и некогда сейчас этим заниматься. Есть нечего вам, товарищи рабочие, есть нечего нам, тем, кого вы выбрали и поставили у власти. То малое, что имеется в распоряжении губпродко-

миссара, отдается на фронт защитникам Республики да вашим детям. В первую очередь сиротам, отцы которых погибли, защищая нас с вами от буржуев. Кто не растерял остатки рабочей совести, тот станет к станку, а если слушаете меньшевиков, хлеба от этого не прибавится, добра рабочему классу не будет...

Простым было выступление Ольги, как проста и ясна была она сама. Скупы и решительны ее слова и жесты, но такая была в них настоящая большевистская правда, такая до конца понятная, своя, что потеплели глаза рабочих, поднялись опущенные головы, послышались робкие восклицания:

— Да мы что? Мы разве не понимаем? Да ты сама ела ли сегодня? Да что говорить, меньшевики и вправду нас попутали. Гони их, ребята, в шею. Времени-то сколько потеряли...

Меньшевиком как ветром сдуло. Все стали расходиться по своим рабочим местам.

Ольга переходила от станка к станку. Здесь, как и на каждом харьковском заводе и фабрике, у нее было много знакомых рабочих и работниц. Она знала и помнила, у кого сколько детей, как их зовут, кто ходит в детский сад, кого надо устроить в ясли, для кого похлопотать об усиленном питании. Ничто не было для нее мелочью. Все, что касалось тяжелого тогда быта рабочих семей, было для нее очень важно, важнее собственного благополучия и благополучия своих детей. Это была ее работа, это был ее партийный долг.

Нельзя без волнения вспоминать те незабываемые 1919 и 1920 годы. Перед моими глазами и теперь часто встает рабочая Украина тех лет: с потухшими домами, затопленными шахтами, с замолкнувшими, казалось навек, заводскими гудками. Передо мной встает Харьков: с молчаливыми рельсами трамваев, с застывшими серыми громадами высоких домов, с наглухо заколоченными дверями и витринами магазинов, разобранными на дрова заборами да ржавой травой, пробивающейся кое-где сквозь щели деревянных тротуаров на рабочих окраинах. Высохли речушки Харьков, Лопань, Нетечь, ни капли воды в водопроводных кранах. Недаром рабочие тогда сложили поговорку: «Хоть лопни, Харьков не течет».

Но не навсегда умолкли заводские гудки. Отстояла свою Республику Рабоче-Крестьянская Красная Армия, которой помогал весь народ. А когда справились с нашествием контрреволюции, та же разутая, голодная армия пошла на тру-

довой фронт бороться с разрухой, восстанавливать хозяйство, бить бандитов.

В первых рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в боях, и в труде всегда шли коммунисты, а равно с ними коммунистки. Первыми из первых они врезались в ряды врагов. Это их по ночам с обрезами в руках подстерегали за углом бандиты, это они первыми пришли на затопленные шахты Донбасса, это они осветили первой «лампочкой Ильича» темные и страшные углы прежней жизни, это они повымели из всех страшных углов поганую нечисть.

Туда, где нужны были умелые женские руки, первыми приходили коммунистки женотдела.

...Зимой и весной 1920 года я заведовала женотделом в уездном городе Волчанске Харьковской губернии.

Много в Волчанском уезде было, как их раньше называли, «сиротских домов». Удирающая во все лопатки денкинская армия разграбила и поломала весь инвентарь в этих домах. До сих пор сжимается сердце, как вспомнишь раздетых, разутых, дрожащих от холода и голода детишек в домах с разрушенными печами и выбитыми стеклами...

Еще Красная Армия гнала денкинцев, а коммунистки в первую очередь пришли на помощь обездоленным детишкам. Трудное это было дело. Разруха!

Помогли рабочие делегатки. Все, что можно было, собирали и приносили в детские дома, своими руками чистили, обмывали, обмазывали, чинили и шили... Мужья помогали стеклить окна, поправлять печи.

Так было в Волчанском уезде, так было во всей Харьковской губернии. И первое слово в организации этих дел принадлежало Ольге Чернышевой. Это она вместе с инструкторами и заведующими уездными и волостными женотделами поднимала работниц и селянок Харьковщины на великий поход против холода, голода, нищеты, на борьбу со страшной в те времена бедой — сыпняком.

Тут всюю развернулись организаторские способности и, я бы даже сказала, талант Ольги Чернышевой. Во всей Харьковской губернии и в самом городе Харьковке не было детсада, детдома, яслей, госпиталя, больницы, где бы не побывала Чернышева или «чернышихины делегатки» (как нас тогда называли), и не раз и не два, а почти каждый день.

До всего было делегаткам дело: по норме ли закладываются продукты в котел, как часто меняют раненым белье.

— А ну-ка, товарищ,— говорит делегатка,— сними рубашку.

Зорко проверяется каждый шов.

Строгий был контроль, высокий спрос. Этого требовала от нас революция. Так работал «босой женотдел».

Ленин сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Партия поручила Ольге Чернышевой и тысячам таких, как она, начать поход против вековой женской темноты и отсталости. Ольга отдавала этой работе все свои силы и нас тому учила.

У делегатов на все находилось время: и на работу у станка и в семье, и на делегатские обязанности, и на учение.

Так взыскательна была Ольга Чернышева, что стыдно было ей сказать: я вчера не успела побывать там-то и там-то (ведь транспорта нет, босиком по камням через весь Харьков попробуйте!).

— Не успела? — скажет, бывало, Ольга.— Ну ладно, ты посиди здесь, принимай народ, а я сама на завод схожу.

Так стыдно станет, что во второй раз этого с тобой уж не случится.

Кто же она, Ольга Чернышева, и откуда?

Русская крестьянка из бедняцкой семьи. Грамоте обучилась в церковноприходской школе. Ее рано выдали замуж. Перед самой империалистической войной родилась дочь. Мужа призвали на фронт, в одном из боев он погиб. Погиб и брат. Осталась большая невестка тоже с дочерью, постарше, да старые отец с матерью. В деревне голодно, заработать негде. Мыкалась, мыкалась Ольга, забрала свою дочь да племянницу и подалась в Питер на заработки.

Устроилась там на фабрике, поселилась в рабочей казарме. За детьми приглядывала старушка соседка. Девочек своих досыта накормить не могла Ольга и в Питере, а сама от недоедания еле ноги таскала. Большая тогда была в Петрограде спекуляция хлебом и другими продуктами. Рабочего заработка не хватало... Зато нашла Ольга в Петрограде в рабочих кружках, у пропагандистов-большевиков другой хлеб, на который она набросилась с такой жадностью, что все только диву давались.

Была у Ольги от рождения большая, жаждущая правды душа. Долго искала она эту правду. И, только приобщившись к марксистской грамоте в рабочем коллективе, в рабочих кружках, поняла Ольга, какой правды должен добиваться рабочий народ. А чтоб победила рабочая правда, за нее надо бороться!

Так в Петрограде нашла Ольга свою большую дорогу, по которой прошла твердым и решительным шагом до последних дней жизни.

Ольга с головой ушла в общественную работу. Ее избрали председателем комитета солдаток. Когда доведенные до отчаяния затянувшейся войной и голодом петроградские работницы-солдатки вышли на улицу с лозунгами: «Накормите наших детей, верните мужей, братьев, сыновей с фронта!» — в первых рядах шла Ольга Чернышева. К тому времени ее уже знали в городе как настоящего вожака масс.

В 1919 году Ольга с группой большевиков была командирована ЦК партии из Петрограда в Харьков, тогдашнюю столицу Советской Украины, чтобы помочь становлению Советской власти. Это была вполне сложившаяся, закаленная в революционных боях большевичка.

Я познакомилась с Ольгой летом 1920 года, когда по вызову Харьковского губкома КП(б)У приехала из Волчанска в Харьков для работы в качестве инструктора губженотдела.

Крепко пожав мою руку, Чернышева вышла из-за стола, и тут я заметила, что она, как и я, босая. Она сказала:

— Я уйду на завод, а вечером на бюро губкома — отчет губженотдела за первое полугодие. Инструкторы наши все в разъезде, так ты тут посмотри в шкафу дела да подсчитай все. Я ведь в грамоте да еще в цифрах не больно сильна...

Я занялась немногими тоненькими папками женотдела, подсчитала, сколько проведено делегатских собраний, уездных конференций, сколько открыто за это время новых яслей, детсадов.

Записывая эти скромные цифры, я, как заведующая уездным женотделом, хорошо понимала, сколько за ними скрыто неиссякаемой большевистской энергии и женской самоотверженности.

К приходу Чернышевой краткая сводка была готова, и, когда Ольга заглянула в нее, я убедилась, что она сильна, и даже очень сильна, в большевистской грамоте. И без этой сводки она великолепно ориентировалась в большом и сложном хозяйстве Харьковской губернии, знала, что и где делается по вовлечению женщин в государственную работу.

Ночевала я в губкоме. Когда я утром проснулась, солнце стояло уже высоко (в молодости спитесь хорошо даже на письменном столе). В кабинете никого не было.

Уборщица объяснила мне, что Ольга давно отвела детей своих в детский сад, по дороге зайдет в Наркомздрав, а мне велела не забыть сходить на Петинку на завод.

Только к вечеру я вернулась в знакомый кабинет, как к себе домой.

Мы тогда быстро привыкали к новым местам, к новой работе, быстро сближались друг с другом, а если возникала между нами дружба, то надолго, можно сказать, навсегда.

...Постепенно налаживалось хозяйство молодой Республики, обулся и «босой женотдел». Вскоре мы с Ольгой получили по комнате в одной квартире и начали жить нормально. Да недолго жили вместе. Как-то, вернувшись из командировки, я не застала ни Ольги, ни ее девочек. Она была назначена директором «Канатки» — большой канатной фабрики на станции Новая Бавария под Харьковом.

Пожалуй, Ольга была первой на Харьковщине женщиной — красным директором.

От «Канатки» Ольга Чернышева была избрана на съезд профсоюзов, а там — в президиум ВЦСПС и вскоре переехала в Москву на профсоюзную работу. Здесь еще шире развернулись ее недюжинные способности организатора и воспитателя рабочих масс.

Ей приходилось ездить с рабочими делегациями к английским горнякам и текстильщикам, принимать в ВЦСПС иностранные рабочие делегации, и с ними она так же находила общий язык, как и с харьковскими рабочими и работницами.

Судьба разлучила меня с Ольгой. Мы работали в разных городах и в разных отраслях народного хозяйства.

Какою же была моя радость, когда однажды на улице в Москве меня остановила хорошо одетая женщина и сказала:

— Нехорошо не узнавать, нехорошо забывать то, чего забыть нельзя!

Ольга! Да, это была она, все такая же, как когда-то, с той же умной и слегка лукавой смешинкой в глазах, только постаревшая и немного пополнившая и уже не босая, а в хороших модных туфлях.

Из руководителя «босого женотдела» вырос крупный хозяйственник и профсоюзный работник.

ЗАПОМНИЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Всякий раз, когда я приезжаю в Москву, я первым делом спешу на Красную площадь. С трепетом в сердце шагаю по каменной брусчатке. Я прихожу в Мавзолей, где покоится бессмертный Ильич, чтобы отдать ему низкий поклон, передать слова искреннего приветия от всех казахов, которые в братской семье народов Советского Союза обрели свое подлинное счастье.

Да, гений Ленина проник в даль времен и предначертал прекрасное будущее нашей Родины. Трудно в нескольких словах рассказать обо всех великих свершениях, происшедших за годы Советской власти на моей родной земле. Историки, летописцы, видимо, еще скажут свое слово. Но когда у тебя за плечами почти семь десятилетий жизни, полной борьбы и испытаний, хочется сказать современникам:

— Друзья мои! В какое чудесное время мы живем! Какое это неизмеримое счастье — быть хозяином своей судьбы, хозяином своей страны!

...На мою долю выпало пережить горькое прошлое и настоящему познать красоту жизни при Советской власти. В старое время меня, дочь обездоленного казаха-бедняка, ожидала незавидная участь. Пятилетней девочкой меня продали в рабыни баю. И лишь революция вырвала меня и тысячи таких же забитых, бесправных женщин-казашек из тьмы и неволи.

Разве смогу я когда-либо забыть это? Разве угаснет в моем сердце вечная признательность к Владимиру Ильичу Ленину, Коммунистической партии, членом которой состою более трех десятков лет?

И никогда не иссякнет в моей груди искренняя благодарность еще к одному человеку. Вот он покоится здесь, у Кремлевской стены, рядом с Мавзолеем. Словно живой, он приветливо смотрит с гранитного постамента на людей из всех стран мира, что приходят на Красную площадь. Мне особен-

но близко знаком этот добрый, отеческий взгляд пронзительных глаз. Я мысленно разговариваю с ним:

«Здравствуйте, дорогой Михаил Иванович! Узнаете меня? Это я, Нуржамал Саналиева. Приехала к вам в гости из Казахстана».

И он, улыбаясь, отвечает:

«Конечно, помню. Конечно, узнаю. Ну, а как ваши дела?»

В этом человеческом раздумье, пожалуй, нет фантазии. Так было наяву. Хотя прошло уже не одно десятилетие, но все помнится до мельчайших подробностей.

Трижды привелось мне встречаться с Михаилом Ивановичем Калининым — выдающимся деятелем нашей партии и государства. И каждая встреча по-особому ярко живет в моей памяти. Причина этому вполне очевидна. Ведь Михаил Иванович Калинин принадлежал к тем людям, ленинская мудрость и ясность ума которых способны владеть миллионами человеческих сердец и поднимать их на великие свершения.

Впервые я увидела Михаила Ивановича Калинина в 1934 году на XVII партийном съезде. Что сразу же подкупило меня в этом человеке? Прежде всего удивительная скромность, простота, доступность. Когда мы, делегаты, увидели на трибуне Калинина, то моментально пришел в движение весь зал. Несколько минут бушевали аплодисменты. А Михаил Иванович, поглядывая на нас как-то смущенно, говорил:

— Пожалуй, хватит оваций, товарищи! Давайте по-деловому поговорим, над чем нам надо трудиться сегодня, завтра...

Его речь была на редкость простой, каждое слово доходило до самой глубины сердца. Михаил Иванович говорил о необходимости улучшения организационной работы, совершенствовании методов управления рабоче-крестьянским государством. Предельно четко и ясно высказал он свои мысли о роли коммунистов и их ответственности в строительстве социалистического государства.

Речь Михаила Ивановича была насыщена образными сравнениями, поговорками, живыми примерами. Его выступление покорило своей выразительностью, искристым народным юмором, правдой сказанного. В каждой фразе чувствовались глубокое знание людей, народных нужд, мудрость и жизненный опыт талантливое воспитателя.

Эту черту Всесоюзного старосты, как вдумчивого воспитателя, друга и советчика, я еще сильнее ощутила, когда

Михаил Иванович в перерыве между заседаниями подошел к нашей казахстанской делегации и у нас завязалась простая, непринужденная беседа с ним.

Работая в то время заведующей женотделом Казахского крайкома ВКП(б), я обратилась к Михаилу Ивановичу за советом по целому ряду вопросов. Он тут же высказал умные, дельные предложения, которые потом долгие годы помогали мне в моей работе.

— Главное — не отрывайтесь от масс. Всегда будьте среди людей, внимательно прислушивайтесь ко всему, чего требуют массы, — советовал Михаил Иванович. — Не обюрокрачивайтесь. Это очень страшно, когда работник, поднявшись на более или менее высокий пост, начинает корчить из себя недоступного начальника. В работе с женщинами бюрократизм — худшее зло... Тут можно одним неверным шагом загубить то, что создавалось годами. Пусть люди идут к вам в любое время, чутко выслушивайте их, знайте их думы, настроения, и дело пойдет.

Во время беседы Михаил Иванович посоветовал мне не жалеть сил для того, чтобы вовлекать женщин в активную общественную и культурно-массовую работу. Он пожелал, чтобы у нас в республике было больше детских яслей, садов. Помнятся его слова:

— Я вижу здесь, на партийном съезде, нескольких женщин-казашек. Это очень приятно. Учтите: вы теперь вожакие всех женщин. Вот и помогите своим степным подругам лучше понять то, что они равны с мужчинами в любом деле. Пусть они поймут, что отошло то время, когда казашка была лишь безропотной рабыней в юрте, в ауле, что она способна не только детей рожать, покорно услуживать во всем мужу, а быть ученым, управлять государством.

Как все это было правильно сказано! Сколько женщин-казашек стали теперь государственными и партийными работниками, деятелями науки и культуры!

С чувством горячей любви и благодарности я вспоминаю и последующие встречи с М. И. Калининым.

В октябре 1935 года, будучи членом Казахского крайкома партии и слушательницей республиканского института марксизма-ленинизма, я выехала для проведения агитационной работы в колхоз «Социалды» неподалеку от Алма-Аты.

Наша поездка совпала с празднованием 15-й годовщины Казахской республики. Помню, в тесном колхозном клубе собралось много народу послушать мой доклад. Вдруг сообщили, что в колхоз приехал Председатель ЦИК СССР Кали-

нин. Весть была радостной и поистине ошеломляющей для всех нас. Моментально все вышли на улицу. Я оказалась недалеко от Михаила Ивановича и немало удивилась, когда он сразу узнал меня. Он быстро подошел ко мне, протянул руку и сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Это моя старая знакомая.

Калинин принялся расспрашивать меня о работе, учебе.

— Так, значит, вы здесь по заданию крайкома партии? — спросил Михаил Иванович.

Он поинтересовался тем, что мы уже успели сделать в колхозе, нашими дальнейшими планами.

Я рассказала, что создали передвижную женскую «красную юрту», занимаемся ликвидацией неграмотности среди населения, проводим политбеседы.

Оживившись, Михаил Иванович попросил:

— Вот «красную юрту» позвольте посмотреть.

А побывав в ней, сказал:

— Похвально! Дело стоящее. Вы побеспокойтесь, чтобы такие юрты были в каждом колхозном стане. Пусть только кроме правовых, бытовых вопросов «красные юрты» занимаются и пропагандой передовых методов полеводства, огородничества, пусть учат женщин новым наиболее эффективным методам труда. Надо, чтобы в «юртах» выступали специалисты по самым различным отраслям, приглашайте сюда агрономов, врачей, акушерок. Чувствуется, что это будет замечательный передвижной клуб, который понесет в массы знания и культуру.

Михаил Иванович вручил колхозу акт на вечное пользование землей, подробно ознакомился с хозяйством и дал много полезных советов. Так, он посоветовал, где целесообразнее всего построить электростанцию, клуб, на какие отрасли хозяйства обратить особое внимание.

— Побольше разумности во всем. Не бегайте в город за всякой пустяковиной. Будьте настоящими хозяевами, — говорил он в беседе с колхозниками.

Посещение Михаила Ивановича воодушевило колхозников. Вскоре на общем собрании решили назвать колхоз именем М. И. Калинина. Ныне это одно из крупнейших хозяйств не только в области, но, пожалуй, и в республике.

В 1935 году в сельскохозяйственной артели было 137 дворов, насчитывавших 548 человек, годовой доход равнялся 480 тысячам рублей, а теперь в колхозе 615 дворов, в нем трудятся две с половиной тысячи человек, доход от артельного хозяйства составляет миллионы рублей. Артель

имеет свою электростанцию, механизированные молочнотоварные и свинофермы, тепличное хозяйство, виноградник, винзавод. В колхозе построены водопровод, радиоузел, клуб, библиотека, баня, медпункт, две средние школы. Полностью ликвидирована неграмотность, выросли свои специалисты с высшим и средним образованием. В колхозе издается многотиражка.

Когда заходишь в дома калининцев, то в каждом видишь достаток. Многие колхозники имеют собственные автомашины, мотоциклы, телевизоры. Люди живут счастливой, зажиточной жизнью, уверенно смотрят в будущее.

Третья моя встреча с Михаилом Ивановичем произошла в 1938 году. Казахстан заметно поднимался в гору. Республика успешно выполнила планы развития всех отраслей народного хозяйства. Замечательных успехов добились труженики сельского хозяйства. Правительство отметило передовиков высокими наградами. Я тогда работала заместителем начальника Главного управления овцеводства Казахстана и тоже была удостоена правительственной награды. Мы узнали, что награды будет вручать Калинин.

В ночь накануне вручения я долго не могла заснуть. Все думала и думала, какие слова благодарности скажу партии и Советскому правительству, Михаилу Ивановичу лично. Ведь многим в моей жизни я обязана ему. Именно его речи, советы помогли мне в работе, подсказали: чтобы быть полезной Родине, надо упорно учиться. Наверное, по этой причине уже в сорокачетырёхлетнем возрасте я заочно окончила высшее учебное заведение.

В день вручения награды Михаил Иванович сказал мне: — Здравствуйте! Рад видеть вас. Поздравляю, от души поздравляю. Надеюсь, это только начало.

Для приветственной речи мне предоставили пять минут. Это и много и мало. Много потому, что я сильно волновалась. Мало потому, что хотелось рассказать о многом...

Михаил Иванович, заметив мою робость, закивал головой, как бы говоря: «Не робей! Скажи, что есть на душе. Так будет правильно».

Я начала выступление. Калинин глядел на меня и ободряюще улыбался: «Все хорошо!»

Заплодировал зал. Я воспрянула духом и стала рассказывать о счастливой судьбе женщин Советского Казахстана.

Михаил Иванович стоял рядом со мной и как будто вкладывал мне в уста самые нужные в эти короткие торжественные минуты слова.

Окрыленная и безмерно счастливая, я шла с трибуны в зал...

Над столицей моей республики занимается утро нового дня.

Отсюда, от величавого Алатау, далеко вширь и вдаль раскинулся город-красавец Алма-Ата. Город растет, хорошеет год от года. Тысячи жилых, административных зданий украсили его прямые и просторные улицы.

Почти двадцать лет мне каждый день приходилось шагать по одной из главных магистралей столицы — улице Калинина. Там на пересечении с улицей Карла Маркса находится Министерство социального обеспечения Казахской ССР, где я работала заместителем министра республики. И часто я думала: есть что-то символичное в этом на первый взгляд обыденном факте. Он всякий раз напоминал мне и напоминает сейчас дорогой и близкий образ Михаила Ивановича Калинина, чья жизнь, неустанная борьба и труд являлись и будут являться примером беззаветного служения партии, народу, Родине.

ДОМОСТРОЙ СДАЕТ ПОЗИЦИИ

Впервые я услышала о существовании женотдела на уездной партийной конференции в Дергачах Саратовской губернии. Это было в 1921 году. Жила я тогда в волостном селе Верхний Кушум, работала учительницей начальной школы на хуторе Ново-Николаевском, летом была библиотекарем. Осенью в Дергачах организовался уездный женотдел, и меня назначили заведующей. В помощь мне дали двух инструкторов.

Обстановка в уезде была тяжелая. В степной части левобережья Волги хлеб в этом году не уродился. Люди гибли от голода, от свирепствовавших эпидемий тифа, холеры, испанки... Только в коммунах и совхозах, созданных на базе бывших помещичьих коннозаводских имений, удался неплохой урожай пшеницы, овса, гороха. В мирной жизни, экономно расходуя хлебные ресурсы, можно было бы прожить безбедно. Но время было далеко не мирное. Остатки недобитых банд белых вместе с озверевшим кулачьем совершали налеты на совхозы, жгли зерно, постройки... Захватив руководителей совхозов, активистов — коммунистов и беспартийных, бандиты их изощренно пытали и убивали.

Было отчего прийти в отчаяние!

Но партия призвала трудящихся организовать борьбу с голодом. Спасать детей! Женотделы в числе первых взялись за дело. Мы провели выборы делегатов; в этом нам помогли комсомольцы.

Когда начала поступать помощь из других районов, а позднее и из международных организаций, мы организовали детские питательные пункты и столовые. Делегатки добывали посуду, дежурили при раздаче пищи, следили, чтобы у детей были чистые руки. Сами мы тоже испытывали жестокий голод, паек получали скудный: на месяц выдавали пуд овсяной муки пополам с половой да по фунту леденцов, селедки и конины. Зима была холодная, вьюжная, у истощенных людей не хватало сил чистить снег на железнодоро-

рожных путях, и, когда застревал поезд с продовольствием, на выручку приходили коммунисты, комсомольцы, наши делегатки с лопатами, ломами.

Было очень трудно, но мы верили, знали, что трудности эти временные. Путь наш тернист, не близок, но вдали ярко светит маяк коммунизма, и мы неотступно идем вперед вместе со всей партией, во главе с Лениным.

А бандиты в уезде лютовали. Запомнилась одна страшная ночь. Мы — сотрудницы женотдела с комсомольцами — вернулись в Дергачи в уездный комитет партии из детского дома, где провели очередной субботник. В укоме мы застали нескольких человек — делегатов из ближайших селений, приехавших на открывавшуюся на следующий день уездную партийную конференцию. Вот-вот должны были прибыть делегаты из села Красная Речка. Мы стали их ждать.

Время было позднее, кончался керосин в лампах и самодельных коптилках, а краснореченцы все не появлялись. В ожидании их приезда мы вышли в вестибюль, где у пулемета нес караул низенького роста юноша-чоновец в лохматой кавалерийской бурке и высоченной папахе с красной лентой. Наверно, ему очень хотелось казаться выше ростом, солиднее. Мы вдоволь налюбовались на нашего товарища Пылайкина и только подумали, где бы прикорнуть часок-другой, как к нашей группе подбежал встревоженный дежурный и передал записку секретарю укома. Тот быстро прочел и, побледнев, заторопился к выходу, а мы все за ним. Вскоре из темноты показались несколько подвод без возниц. И перед нами при свете факелов из лучины предстало жуткое зрелище: вереница одноконных бричек и на каждой — зарубленный бандитами наш товарищ. На груди первого приколота записка: «Примите ваших делегатов, мы командировали их прямо на тот свет!»

Бережно подняли мы на руки тела погибших и перенесли их в клуб. Наутро там вместо торжественного открытия уездной конференции провели траурный митинг...

Весной 1922 года меня отозвали в Саратов и назначили редактором губернской мордовской газеты «Якстере сокоця» («Красный пахарь»). Приходилось подолгу бывать в волостях и селах, много наблюдать крестьянскую жизнь, выискивать селькоров — мужчин, женщин, молодежь. Не раз я выполняла задания губженотдела по выявлению детей, оставшихся сиротами после голодного года. Из Сухого Карабулака Саратовского уезда вдвоем с тринадцатилетним ком-

сомольцем Володей Давыдовым¹ мы вывезли в товарных вагонах восемьдесят полуголодных, больных детей от двух до тринадцати лет.

Осенью 1923 года губком послал меня учиться в Коммунистический университет имени Свердлова в Москву, но так как я и ряд других товарищей — всего нас было тридцать человек — опоздали к началу учебы, то всех нас направили в Петроградский коммунистический университет, где занятия в тот год начинались на два месяца позже. Летом 1924 года во время каникул послали в распоряжение Саратовского губженотдела. Мне поручили вести курсы женорганизаторов в уездных центрах Петровске и Кузнецке. Не знаю, многому ли я научила своих слушателей, но сама почерпнула много полезного от женорганизаторов — комсомолок, молодых учительниц, заведующих избами-читальнями. В 1925 году во время каникул я ездила на практику в Пензенский губернский женотдел, по поручению которого я работала в самых трудных районах — Торбеевском и Спаском.

Вернувшись в Коммунистический университет, я взялась за осуществление давней своей идеи — написать на мордовском языке популярную брошюру «Что дала Советская власть женщине». Книжку я написала, и она вышла из печати в 1927 году тиражом три тысячи экземпляров. Стараясь писать как можно более простым языком, приводя много жизненных примеров, я изложила суть советских законов о правах и гражданских обязанностях женщин, об охране материнства и младенчества, о роли работниц и крестьянок в строительстве социализма и в управлении государством.

По окончании комвуза в 1926 году меня направили в составе пропагандистской группы ЦК партии в Семипалатинскую губернию для организации занятий в партийно-комсомольских политшколах. Я попала в безводный степной район Бель-Агач, в русское село Камышенку. Внешне в селе все выглядело тихо и спокойно, но и здесь уже обострилась классовая борьба между кулаками и беднотой. Вместе со слушателями мы прежде всего создали группы бедноты при всех советских учреждениях и кооперативных организациях, избрали делегатов. С их помощью открыли избу-читальню, в которой каждый вечер по заранее составленному плану устраивали доклады учителей, агронома, ветеринара, фельд-

¹ Впоследствии первый секретарь Краснослободского райкома партии Мордовской АССР.— П. К.

шера. Часто приходилось выступать мне самой, беседовать на разные острые темы. Мы провели перевыборы сельского Совета, правлений потребительского общества и сельскохозяйственной кооперации. Изгнав оттуда кулаков и их ставленников, укрепили позиции бедноты.

Примерно через полгода меня перевели работать в горно-алтайское село Солдатово, Большенарымского уезда, Семипалатинской губернии. Добиралась я туда долго: в ямщицком возке по бескрайним казахским степям, почти не встречая селений. Только один раз удалось остановиться на ночевку в доме. Это было в городе Усть-Каменогорске. Здесь в общезнании инженеров бывших Риддеровских серебряных рудников меня встретила жизнерадостная, пытливая комсомольская молодежь. Всю ночь провели в жарких спорах, спать почти не пришлось. Спорили о будущем, о том, сколько лет понадобится для того, чтобы построить коммунизм, о том, какой будет при коммунизме новая семья. Говорили о моей предстоящей работе, и комсомольцы не жалели красок, описывая трудности, ожидающие меня в тех местах, куда я еду. Все вместе и каждый поодиночке обещали мне свою помощь и покровительство, стоит лишь мне дать им знать...

Последний отрезок пути, около трехсот немереных и нечитанных верст, мы с ямщиком ехали безлюдными ущельями Алтайских гор, останавливаясь на ночь в редких казахских аулах. Всюду нас принимали с большим радушием. Сразу же приглашали в самую большую юрту, усаживали на мягкие ватные одеяла перед низеньким столиком. Входил аксакал — старейшина аула. Поздоровавшись, начинал неторопливо расспрашивать о здоровье, благополучии семьи, детей, о ценах на товары. В то же время наполнял кумысом пиалу, выпивал и, налив снова в ту же посуду, преподносил мне. Приходилось благодарить и пить, закрыв «от удовольствия» глаза. Между тем успевал свариться барашек. Женщины вносили котел, наполняли крепчайшим бульоном пиалу побольше и тоже подносили хозяину, он передавал ее мне, вторую брал себе, а третью подавали ямщику. Женщины оставались стоять у порога, лишь одна, постарше, усаживалась за спиной хозяина. Время от времени аксакал передавал ей кость с остатками мяса, и та, «обработав» кость, милостиво протягивала ее через плечо младшим женам или детям. Трудно мне было пить и есть, видя это, кусок не шел в горло, но таковы были местные обычаи, и нарушить их — значило бы обидеть хозяев.

...На шестые сутки пути мы прибыли в село Солдатово,

необыкновенно живописно расположившееся в котловине между гор. Село сплошь состояло из двухэтажных домов с островерхими крышами. Дворов не было, мелкий скот и птица помещались в нижних этажах домов, крупного скота почти не было видно: его, как мне потом сказали, постоянно держали в зимовниках вдали от села. Население села составляли кержаки — староверы. Женщины и мужчины все были одеты по-старинному, в языке их тоже преобладали старинные слова и обороты речи. По-староверски нетерпимо относились они к курению, вину.

Нелегко оказалось найти здесь квартиру, много домов пришлось обойти, пока наконец одна хозяйка согласилась дать мне пристанище. Надо сразу сказать, что с квартирой мне не повезло, хозяин оказался ярким ненавистником Советской власти и первым другом баев и китайцев-контрабандистов. Но это выяснилось позже, а в тот день мне ничего другого не оставалось, как остановиться в его доме. Обратиться по «личному вопросу» в волостной комитет партии я постеснялась, так как там с утра шло какое-то заседание и мне было неловко отрываться товарищей от серьезного дела.

Начав работу в Солдатове, я в первую очередь провела запись коммунистов в политшколу, познакомилась с местной интеллигенцией. Она была немногочисленна: девушка-агроном, три учительницы и заведующий избой-читальней. Вместе с партийной и комсомольской ячейками мы обсудили пути привлечения женщин-староверок к общественной работе. Скоро в село прислали из Семипалатинска женорганизатора — коммунистку Фролову, которую потом за жизнерадостный характер и любовь к песне мы все стали называть Фролушкой-соловушкой. Вместе с ней мы организовали кружок самодеятельности. Для этой цели выпросили у местных властей пустующий амбар и в течение двух-трех недель силами комсомольцев утеплили его, прорубили окна, соорудили сцену — получился клуб. Подготовили нехитрый концерт, сочинили злободневную инсценировку, разучили частушки, ядовито высмеивавшие кулаков и их подголосков.

Кулаки и старообрядческие священники быстро сообразили, против кого направлено политическое острие нашей культурно-просветительной работы. Они распространяли про нас самые нелепые выдумки, чтобы запугать народ, грозилась сжечь «дьявольское капище». Но мы тоже не сидели сложа руки: ходили по домам бедняков и середняков, разъясняли пользу обучения грамоте, рассказывали о правах трудящихся женщин, предоставленных им советскими закона-

ми. В дни, когда в клубе устраивались вечера самодеятельности, мы выставляли комсомольские патрули для охраны порядка.

Наша просветительная деятельность быстро завоевала популярность на селе. По вечерам клуб дружно заполняли разнаряженные девушки, которым особенно нравилось уважительное отношение к ним комсомольцев. Не только молодежи, но и всем сельчанам полюбился наш коллектив художественной самодеятельности. Вспоминаю, как в первый раз на наш спектакль явились старухи и старики — старoverы. Они пришли с явным намерением устроить нам «обструкцию». Однако обходительность комсомольцев и на этот раз сделала свое дело. Старики стали чинно рассаживаться на отведенных им почетных местах в первых рядах. А скоро они вместе с молодежью громко хохотали над сочиненной нашими сельскими «драматургами» незатейливой пьеской «Святой снохач» антирелигиозного содержания, бурно аплодировали исполнителям песен и стихов.

Самодеятельные вечера мы устраивали каждое воскресенье, а в другие дни проводили с крестьянами политбеседы. В беседах мы широко пользовались газетами, журналами, книгами, которыми, несмотря на трудности доставки, нас щедро снабжал губком партии. Появился у нас и свой актив из бедняков и середняков, особенно из числа молодежи. Конечно, добиться этого было нелегко. На каждом шагу кулаки чинили нам препятствия, строили разные каверзы. Бывали случаи, когда как раз перед началом спектакля вдруг исчезал неизвестно куда исполнитель главной роли. Подкараулив у крыльца дома, кулаки утаскивали его куда-нибудь в укромное место и избивали так, что он не мог встать на ноги... Бывало, травили собаками, а то и стреляли.

Иногда приезжали в село казахи. Помню, как однажды к дому, где я квартировала, подскакали сразу десять всадников на маленьких лохматых лошадях и окликнули старика хозяина. Поговорив с казаками, хозяин вошел в дом и, удивленно пожимая плечами, сказал мне:

— Поль, а Поль, ведь эти парни к тебе с жалобой приехали, говорят ты сама велела им обращаться, когда нужда придет.

Несмотря на неудовольствие старoverа-хозяина, я пригласила гостей в дом, усадила за стол, подала самовар. За чаем мы неторопливо беседовали. Парень-казак, батрак у русского кулака, запинаясь, с трудом по-русски рассказал печальную историю своей любви. Он полюбил бедную краси-

вую девушку, она ответила взаимностью, но ее отбирает бай за большой калым. А как же новый советский закон? Он тоже за баев стоит?..

— Нет, не стоит за баев советский закон, это только враг может так говорить, не верь этому, товарищ!

От его имени я написала заявление в народный суд, на имя председателя уездного исполкома и секретаря укома партии.

Уездные организации назначили открытый суд, широко оповестили жителей близлежащих казахских аулов. Суд собрался в теплый весенний день прямо на большой поляне у подножия горы. С раннего утра к месту суда съехались всадники на лошадях и верблюдах. Казахи расположились двумя лагерями друг против друга: бай с многочисленной семьей и родичами в богатых юртах по одну сторону, а беднота расселась прямо на зеленой поляне по другую сторону.

В центре поставили столы, за которыми заняли места судьи, представители уездного комитета партии и исполкома. Я с делегатками и комсомольцами находилась среди казахской бедноты — мы были там нужны: хотелось, чтобы они почувствовали нашу уверенность в справедливости советского правосудия. Мы подбадривали запутанного баем отца невесты, охраняли девушку, чтобы ее не выкрали приспешники и родичи богатея.

Вот тогда-то я увидела «в натуре» всемогущего бая. Огромный, жирный, с заплавленными глазами, старый и страшный. Я мысленно представила рядом с ним молоденькую девушку — его жену — и содрогнулась. Суд заседал два дня. Он напомнил трудящимся советские законы, запрещающие куплю и продажу девушек в замужество и насилие над волей девушки. Баю присудили штраф в размере уплаченного калыма, а отцу невесты предложили внести полученный калым в пользу государства.

Решение суда вызвало ликование бедноты, а бай, получив предметный урок от советского суда, поспешили удалиться. Жених и невеста светились радостью. Началось праздничное гулянье...

Я очень привязалась к новым местам. Здесь все было мне по душе — богатейшая природа и сильные духом люди, отзывчивые, доверчивые, надежные в дружбе. Мне приходилось часто бывать в самых отдаленных селах и аулах, куда я ездила, обычно верхом на лошади, инструктировать местных пропагандистов. И всюду я встречала дружеское отношение и поддержку со стороны бедноты.

Вскоре я была отозвана в Москву на Центральные курсы женорганизаторов для мордвовок и татарок. Учеба продолжалась около трех месяцев. После окончания курсов меня направили на женотдельскую работу в Ульяновскую губернию. На новом месте приходилось часто ездить в командировки в мордовские селения, главным образом в Ардатовский уезд. Самой неотложной задачей была ликвидация неграмотности среди женщин всех национальностей, поскольку партия стремилась привлечь массы работниц и крестьянок на работу во все отрасли народного хозяйства.

По заданию губкома партии мы вместе с женорганизаторами знакомились с активом женщин, намечавшихся на выдвижение на работу в Советах, кооперации и т. д., договаривались о прикреплении к ним добровольцев учителей, избачей. Постоянным резервом для выдвижения служили в первую очередь делегатки с некоторым опытом общественной работы.

А вскоре меня послали в небольшой уездный городок Саранск, который стал центром Мордовского национального округа. Первое впечатление от мордовской «столицы» было удручающее. На улицах в огромных лужах нежилась свинья в окружении поросят, по тротуарам бродили наседки с цыплятами. На главной площади рядом с уездным Советом и комитетом партии высилось здание старой тюрьмы. Первые работники Мордовского национального округа временно размещались в вагонах. Собрания, конференции созывались в железнодорожном клубе на станции Рузаевка.

На первой окружной партийной конференции меня избрали в состав Мордовского окружкома партии.

Трудящиеся национального округа с большим воодушевлением встретили решение Советского правительства о предоставлении им автономии. В первые же месяцы было обращено серьезное внимание на ускорение развития народного хозяйства округа, начали осваиваться богатейшие природные ресурсы. Уже первая плановая комиссия Мордовии поставила первоочередной задачей — развитие промышленности на базе использования местного сырья, с привлечением рабочих из числа коренного населения. Благоприятными были условия для развития сельского хозяйства. Большинство населенных пунктов располагалось вблизи полноводных рек, и это способствовало занятию огородничеством, птицеводством, рыболовством.

В течение 1928—1929 годов была ликвидирована безработица среди кустарей, они объединились в кустарно-промыс-

лodge артели — швейные, трикотажные, кондитерские и другие. Поднялась волна трудового социалистического соревнования. Инициаторами его были передовые рабочие нашего пролетарского центра Рузаевки, за ними шли труженики других промышленных предприятий — Вендреевского лесозавода, Саранской табачной фабрики, маслозавода. Возникли ударные бригады, соревновались между собой бригады, цехи.

Не отставали и наши труженицы. Работа женотдела в новых условиях приобрела сложный и многогранный характер. В окружном отделе нас было всего трое работников, а на периферии имелась прочная опора в лице двадцати одного женорганизатора. Хорошо помню инициативных, боевых коммунисток — Шишканову, Семаеву, Холодову, Ашаеву, Жорову, Шаронову, Савкину, Николаеву, Сульдину, Комову, Велину, Ежову, Наумову. На первых же порах мы устроили для них краткосрочные курсы-совещания. Потом созвали совещание женщин-депутатов сельских Советов и окружного исполкома. Работали и учились у старших товарищей, друг у друга, черпали опыт в печати — «Коммунисте», «Работнице», «Крестьянке». Постоянную помощь в своих начинаниях мы получали из центра. Нам были выделены значительные средства на организацию Дома мордовки в Саранске с курсами и школами для обучения женского актива. Много сил пришлось потратить на отбор слушательниц курсов. Мы привлекли преподавателей, нашли помещение. Вскоре Дом мордовки (Дом крестьянки) открылся.

Почти за пять лет существования курсов обучение прошло около 500 женщин — мордовок и татарок, большинство которых затем было направлено для продолжения образования на рабфаки, в совпартшколы, техникумы. Наиболее способных и инициативных выдвигали на ответственную работу в сельские Советы, кооперацию, в учреждения народного образования. Дом мордовки просуществовал до 1933 года, после чего подготовка женских кадров проводилась в общем порядке.

Партия в первые же годы Советской власти выдвинула и воспитала много замечательных женщин-руководительниц, общественных деятельниц, которые вели за собой тысячи тружениц. По этой причине их люто ненавидели классовые враги, все недруги социалистического строя.

Навсегда осталось в памяти народной имя батрачки Кати Сорокиной из села Никольского Рыбкинського района, убитой врагами в 1928 году. Для нее ничего не было дороже в жиз-

ни, как служить бедноте. Всею душою преданная делу партии, она своим глубоким уважением к каждому трудовому человеку и неподкупной честностью завоевала огромное доверие не только своих односельчан, но и жителей многих окрестных сел и деревень; к ней приезжали держать совет женщины со всего района.

Катя была душою группы бедноты в своем селе, смело раскрывала антисоветские махинации кулаков и разоблачала их перед народом. Однажды поздним зимним вечером, усталая, довольная напряженным рабочим днем, она шла переулком к себе домой. Здесь почти у самого дома ее и зарубили топором кулаки. Похороны Кати превратились в демонстрацию трудящихся всего района. Несмотря на мороз, в Никольское целый день тянулось бесконечное множество подвод, приезжали из других сел целыми семьями. Молча, охваченный тяжелым горем и гневом, прощался народ со своей Катей. Убийц разыскали. Их было четверо — двое кулаков, бывший эсер, сын дьякона. Они не ушли от пролетарского правосудия.

В 1929 году на одной из улиц Саранска кулацкие сыновья, братья Ивлевы, ножом убили инструктора женотдела Шуру Матвееву и ранили ее подругу. Погибла прекрасная коммунистка, самоотверженный работник, отличный товарищ, единственный кормилец семерых братьев и сестер и большой матери. Шесть коммунисток погибли во время кулацкого мятежа в 1931 году в Ичалковском районе... Но женщины-общественницы продолжали свою самоотверженную борьбу за переустройство жизни на социалистический лад.

Неустанную напряженную работу вела партийная организация Мордовского округа по подъему отсталой экономики и культуры, по политическому просвещению трудящихся и добилась немалых успехов. Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 10 января 1930 года Мордовский национальный округ был преобразован в Мордовскую автономную область. Партия открыла перед прежде темным и забитым мордовским народом новые широкие горизонты...

ДАЛЕКО ОТ ПРОЕЗЖИХ ДОРОГ

Молодежи современной Калмыкии трудно представить всю тяжесть прошлого, угнетение феодалами нашего народа, особенно женщин. Какую героическую, полную опасностей работу приходилось проводить посланцам партии в первые годы после установления нового строя! А ведь только немногим более полвека отделяет нас от дореволюционного времени, и мы, участники борьбы, живо помним перипетии жестоких схваток с темными силами, помним и горечь временных поражений, и радость одержанных побед.

До революции я жила в хотоне¹ Бакшин-Шевнер Астраханской губернии. Далеко от проезжих дорог лежал наш хотон, и ровная, плоская равнина окружала его. Весной она покрывалась изумрудным ковром трав, и чудесен был этот весенний травяной убор нашей степи. Но быстротечна весна, и желтая, выгоревшая степь приносила в хотон горький запах полыни, вздымались под ветром тучи пыли, закрывая солнце.

Жизнь в хотоне текла по однажды заведенному дедовскому порядку. Никто не думал его оспаривать, подвергать сомнению. Борьба с суровой природой отнимала все наши силы, занимала все время, некогда было думать: «Так ли мы живем, можно ли жить лучше?»

Вспоминаются первые годы Советской власти. Тогда все было нацелено на глубочайшие революционные преобразования в жизни, в том числе и в быту, и в отношениях к женщине. В ряде вопросов нельзя было ждать и заниматься терпеливой воспитательной работой, требовались скорые и решительные меры. И не случайно одна из таких мер была провозглашена в декрете Калмыцкого ЦИК Советов от 21 апреля 1921 года. В декрете говорилось: «На всей территории Автономной Калмыцкой области навсегда воспретить ноше-

¹ Небольшое селение, группа кибиток.— Ред.

ние камзола и его изготовление. Родители, опекуны, воспитатели и лица, уличенные в поддержке ношения камзола, наказываются арестом на срок по определению суда. Несовершеннолетние, носящие камзол, могут быть отправлены в дет-дома».

Почему применялись такие суровые меры по такому незначительному на первый взгляд поводу? А дело в том, что ношение камзола болезненно отражалось на здоровье женщины: сжатая, изувеченная грудь не могла сопротивляться легочным заболеваниям и являлась удобным приютом для «палочек» туберкулеза. Уродливая грудная клетка девушки, по стародавним понятиям, считалась у калмыков признаком девичьей красоты. Как правило, на девочку с пяти лет натягивали камзол; он был сшит из крепкой двойной материи, доходил до бедер, имел частые застёжки и не снимался до замужества. Нельзя было есть досыта, чтобы не полнеть. На ночь камзол не расстегивался, так как утром невозможно было бы его застегнуть. Мне этот камзол пришлось носить до одиннадцати лет, и избавилась я от него только потому, что в 1916 году самовольно ушла из хотона и попала в Мало-Дербетовский интернат.

Я помню рассказ моей матери о том, какими были первые месяцы моей жизни. Зимой, в снежную бурю, в холодной, только что поставленной кибитке, брошенная родными, моя мать мучилась одна родовыми схватками. (Роженица считалась нечистой, и никто не смел оказать ей первую помощь.) В овчинном мешочке для калмыцкого плиточного чая находился самодельный нож (балг). Им она отрезала пуповину. Завернула меня в кошму, вместо соски вечером сунула мне в рот остро заструганный кусок курдючного сала. В течение нескольких месяцев глаза новорожденного были красные, гноились. Лечили их грудным молоком. Никогда меня не купали, так как летом воды не было, а зимой снег растапливался только для чая. Отсутствие воды, бережливое расходование ее породили религиозное суеверие, что «мыться грешно, смоешь счастье», что «чем грязнее человек, тем будет счастливее». В таких ужасающе антисанитарных условиях выживал далеко не всякий ребенок.

До Октябрьской революции в улусных центрах Калмыкии работало всего четыре врача и тринадцать фельдшеров. Народ обращался к знахарям, тибетским лекарям, которые ставили диагноз по цвету мочи, назначали лечение тибетскими порошками, голодной диетой. В результате очень часто больные умирали. Если больной был из зажиточного рода,

гелюнги¹ служили молебны, дули, «звали душу обратно», получая за это ценные вещи, деньги, скот.

Впоследствии в моей женотдельской практике² был такой случай. В июле 1924 года я приехала в Сал-Шарнutowский сельсовет. Такие поездки мы всегда совершали верхом на лошадях, так как других транспортных средств у нас тогда не было. При въезде в хотон издали был слышен праздничный шум и музыка калмыцкой свадьбы. А в это время на окраине хотона в заброшенной кибитке умирала женщина. Открыв войлочную дверь-полог кибитки, я увидела обычную для калмыков, страшную в своей действительности картину: посреди кибитки горел костер, вокруг костра не ходил, а бегал мужчина, на спине которого лежала молодая умирающая женщина. Оказывается, родился мертвый ребенок, а послед задержался, и потому в журул³ отвели корову, чтобы гелюнги отслужили молебен, а муж по приказанию гелюнгов должен был несколько раз обежать костер с женой на плечах и трясти ее. Пришлось срочно вмешаться, отобрать у него женщину, снарядить подводу в ближайший фельдшерский пункт на станцию Аксай Ростовской области. Наше вмешательство спасло женщине жизнь. Надо сказать, подобные случаи были в те времена обычными. Женорганизатор А. Ф. Менкенова в 1926 году стала свидетельницей такого трагического случая. В хотоне Бовра Яндыко-Мочажного улуса молодую калмычку девятнадцати лет родственники в морозную ночь отвели рожать в полукибитку, постелив ей две вязанки камыша и укрыв старой шубой. Утром ее вместе с новорожденным сыном нашли замерзшими. Менкенову и представителя сельсовета не допустили в полукибитку, чтобы не «опоганить» души умерших. Гелюнги, получив имущество и деньги покойной, всю ночь пьянствовали...

Менкенова тогда была комсомолкой, и в те далекие годы она была одной из тех, кто вел активную непримиримую борьбу с этими дикими пережитками прошлого. Впоследствии, окончив юридический институт, она работала судьей, и ей не раз приходилось судить преступников — носителей ужасных обычаев. Не раз гелюнги и калмыцкие богатеи грозили ей расправой.

В семье калмыка рождение мальчика приносило радость, так как он являлся продолжателем рода; по этому случаю устраивалось торжество. Рождение же девочки считалось

¹ Служители религиозного культа у калмыков.— *Ред.*

² Н. Х. Коваева в 1924—1925 годах работала заведующей женотделом Мало-Дербетовского уездного комитета партии.— *Ред.*

³ Место отправления религиозных обрядов.— *Ред.*

несчастьем. Девочка росла в иных условиях, чем мальчик. Никогда ее вдоволь не кормили, давали только остатки еды и снятое кислое молоко.

С раннего возраста девочка выполняла всю домашнюю работу. Замуж ее выдавали за выкуп. Бывало и так, что красивую, умную девушку отдавали за старого вдовца, слепого, хромого, лишь бы был зажиточным. Помню, нашего соседа, придурковатого сына богатея Нюнгия Каруева, женили на красавице Цагаде из Ики-Хурульского хотона. Муж постоянно бил ее.

Молодая калмычка после замужества становилась настоящей рабой и батрачкой мужа, его родственников. С раннего утра и до позднего вечера она должна была прислуживать всем старшим родственникам в хотоне. Варила чай, приготавливала кумыс, сбивала масло, ходила за водой, собирала и лепила кизяки, доила коров, кобылиц, ухаживала за скотом, караулила его по ночам, шила, вышивала, вила веревки, крутила арканы, плела тесемки для кибитки и делала многое, многое другое.

В день замужества у порога кибитки старших родственников калмычка молилась и давала клятву «быть всю жизнь покорной». Она не имела права произносить имена мужа, старших родственников, переходить им дорогу, показывать им темя головы, ноги, переступать порог второй половины кибитки, где находились ценности.

В случае смерти мужа, если не было детей, жена не имела права на получение части имущества, скота и должна была вернуться к своим родителям и находиться у них вне кибитки, за порогом до тех пор, пока ее снова просватают и отдадут замуж. Хозяйство, кибитка с имуществом после смерти хозяина передавались хурулу.

Малейшее стремление вырваться из-под гнета вековых традиций и суеверий всячески глушилось, вокруг непокорной создавалась атмосфера всеобщего презрения и осмеяния. Воля и прихоти мужа были законом для жены. Муж не терпел от нее ни малейших возражений, по любому поводу пускал в ход кулаки. По обычаю, муж должен три раза в месяц бить жену и без всякого повода. Спала она возле ложа мужа на земле, постелив свою кошму. Каждой калмычке внушали, что все ее испытания ниспосланы богом — Буддой. Калмычка, покупаемая и продаваемая как вещь, лишенная голоса даже в мелких семейных делах, была самым несчастным существом в калмыцких селениях.

Наша семья в своем роду была отмечена печатью позора,

так как у матери подряд родились три девочки. Особенно сокрушался мой дед Кова, и успокоился он лишь тогда, когда в 1912 году мать родила моего брата Ангрика (22 сентября 1942 года он погиб, будучи командиром отделения минометной роты, на территории Воронежской области).

Мать моя в угоду старшему нашего рода — деду — и духовенству надела на меня одежду мальчика, так как считалось, что средняя дочь будто бы самая грешная. С раннего детства на мне лежала вся тяжесть домашнего и хотонного труда: сбор кизяков в степи, уход за телятами хотона, ловля сусликов для еды. Часто в хотон приезжали гелюнги, и каждый их приезд сопровождался беспорядным пьянством. Моя мать была отсталой, забитой, суеверной. Поскольку я не любила религиозных обрядов и не всегда точно их выполняла, то старшие нападали на меня, говорили, что я чертенок, грешница и безбожница. На этой почве между дедом и матерью бывали частые скандалы, дед ее избивал, выгонял на ночь из кибитки.

Тяжелой и суровой была жизнь женщины-калмычки, и она еще больше отягощалась трудным экономическим положением всего калмыцкого народа. Калмыцкий народ был страдальцем из страдальцев.

Дыхание Октябрьской революции со всей силой почувствовалось в калмыцкой степи, когда туда пришло воззвание Совета Народных Комиссаров к калмыцкому народу, подписанное Лениным 22 июля 1919 года. Оно начиналось так:

«Братья калмыки! Все прошлое вашего народа — это непрерывная цепь страданий... Одним из первых шагов рабоче-крестьянской Советской власти было опубликование «Декларации прав народов России», где всем народам было обещано равенство, право самим определить свои судьбы, отмена всяких национальных и религиозных ограничений и свободное культурное развитие.

Но враги рабоче-крестьянской Советской власти, капиталисты и помещики, желая по-прежнему властвовать над рабочими и крестьянскими массами, все время не давали возможности Советской власти провести в жизнь данное обещание по отношению к калмыцкому народу. Ваша земля была опять захвачена насильниками, борющимися за восстановление прав капиталистов и помещиков. Им помогают заграничные английские, французские капиталисты, угнетающие сотни миллионов ваших соплеменников и единоверцев в Азии. Только слепой не видит, к чему стремятся эти господа. Они хотят восстановить старые порядки, при которых кал-

мыцкий народ будет страдать так же, как страдал сотни лет при царизме. Но теперь этого не будет».

Дальше в воззвании говорилось:

«Стоящее на защите интересов трудящихся масс всех народов рабоче-крестьянское Советское правительство сим заявляет вам, братья калмыки, что судьба вашего народа лежит в ваших собственных руках. Поэтому Совет Народных Комиссаров постановил содействовать трудовому калмыцкому народу в созыве общекалмыцкого трудового съезда... Братья калмыки! Для того, чтобы осуществить созыв общекалмыцкого съезда, надо освободить от белогвардейских банд значительную часть ваших земель. За это освобождение борется рабоче-крестьянское правительство и его Красная Армия. Но для того, чтобы освобождение совершилось как можно скорее и с меньшим кровопролитием, нужно, чтобы весь калмыцкий народ, как один человек, восстал против царских генералов, белогвардейцев и помог Красной Армии быстро смять Деникина.

Братья калмыки! Судьба вашего народа в ваших руках.

Все в ряды Красной Армии. Все против белогвардейских, казачьих банд Деникина. Все на защиту вашей Советской власти».

Это обращение к калмыцкому народу было напечатано на полотне. В годы гражданской войны молодые революционеры-калмыки возили этот кусок холста по степным хотонам, проникая даже на территорию, находившуюся под властью белогвардейцев.

Неграмотный народ, не имевший книг, газет, однако, хорошо знал, кто из русских людей его друзья, а кто — враги. И народ без колебаний шел за русским человеком — Лениным, отправившим в глубь калмыцкой степи гонцов-посланцев с воззванием к братьям калмыкам.

Лучшие сыны калмыцкого народа приняли участие в борьбе с белогвардейцами и интервентами. Героем гражданской войны стал не только славный сын нашего народа Ока Иванович Городовиков — побратим легендарного Семена Михайловича Буденного, но и многие другие калмыки и калмычки. И среди них — Нарма Дорджиевна Шапшукова. В 1918 году она вступила в красный партизанский отряд, а в 1919—1922 годах была бойцом-кавалеристом Красной Армии. За смелость и отвагу Н. Д. Шапшукова была награждена орденом Красного Знамени.

...Отгремели битвы гражданской войны, и партия начала разворачивать работу среди женщин-калмычек. Первый

женотдел был организован в Калмыкии в 1921 году. Заведующей областным женотделом стала калмычка Була Акугинова. Но на первых порах дело налаживалось с трудом. В 1922 году женотдел распался в связи с болезнью и смертью Акугиновой.

В июле 1923 года Калмыцкий обком партии образовал коллегия женотдела. Заведовала женотделом Эрдни Барванцикова, которая в 1924 году умерла от туберкулеза легких.

В 1924 году были проведены собрания и конференции женщин в Ики-Цохуровском, Приволжском и Мало-Дербетовском улусах. Первые 500 девушек-калмычек сняли и сожгли на кострах камзолы; им были вручены европейские платья. Но эти мероприятия не стали началом широких преобразований, ибо для них еще не было необходимых условий. Прочно держались старые привычки и традиции.

В условиях кочевья невозможно было организовать планомерную работу среди калмычек и приобщить их к культурной жизни. Проводились беседы по кибиткам, хотонам о равноправии женщин, о вредных обычаях, вроде ношения камзола, но вскоре после отъезда агитаторов под нажимом старших в роду и мужчин старое снова брало верх. Борьба против ношения камзолов, вредных обычаев продолжалась до начала 30-х годов — до перехода калмыков-кочевников к оседлости и коллективизации сельского хозяйства.

Помню, на одном из пленумов обкома партии инструктор облженотдела Шенина в своем выступлении говорила о том, что в Эркетеновском улусе большинство комсомолок под давлением родителей еще носят камзолы, что широко практикуется калым, как открыто, так и тайно. Шенина привела много фактов диких расправ родителей со своими дочерьми, которые сняли камзол и начали открыто дружить с парнями. Очень живучи были старые обычаи, и поэтому работу среди женщин приходилось начинать с самого начала много раз.

В улусах Калмыкии кипела острая классовая борьба. Бандиты-богатеи, остатки белогвардейцев ожесточенно сопротивлялись социалистическим преобразованиям в степном крае. Пытались они сорвать и нашу работу по раскрепощению женщин-калмычек, широко используя при этом старые реакционные привычки и предрассудки. Так, в Бага-Маллинском сельсовете бандиты зверски убили и бросили в колодезь шестнадцатилетнюю девушку Бахир Лиджиеву только за то, что она училась. В августе 1924 года бандиты напали на меня, когда я объезжала верхом на лошади хотоны Шарнутовского сельсовета. Спас меня старик-калмык, спрятав под

старой шубой и выдав за свою больную лихорадкой старуху жену. Накануне эти же бандиты из отряда кулака Шанунова убили председателя Шарнутовского сельсовета.

И все же, несмотря ни на какие трудности, женщины-калмычки все более активно участвовали в хозяйственной, политической и культурной жизни области.

Начиная с 1925 года работой среди женщин в Калмыкии руководили заведующая женотделом обкома ВКП(б) А. С. Майорова, заведующие женотделами Приволжского улусного комитета партии Урубджур Колпачкова, Манычского — Кооку Азидова, Ики-Цохуровского — Инджир Болдырева, Хошеутовского — Делгир Актюбеева, Янднакского — Джиргал Харгатаева.

Я в то время была завженотделом Мало-Дербетовского улусного комитета партии, членом бюро улускома. В калмыцких хотонах меня звали «коммункой», и эта моя кличка была хорошо известна степным бандитам — злейшим врагам Советской власти. Большую помощь оказали нам в тот период заведующая отделом по работе среди женщин ЦК ВКП(б) А. В. Артюхина и инструктор женотдела ЦК А. И. Нухрат. Много полезных мыслей и сведений о работе клубов, красных уголков, организации красных юрт и красных кибиток в кочевых районах мы почерпнули из их докладов, сделанных на Всесоюзном совещании клубных работников в 1925 году. Кроме того, в том же году А. И. Нухрат приезжала в Калмыкию обследовать работу женотделов. Вскоре ЦК ВКП(б) отпустил на организацию курсов волостных женорганизаторов в Калмыцкой автономной области 6 тысяч и на создание «красных кибиток» 8 тысяч рублей.

Создававшиеся женотделами «красные кибитки» сыграли поистине неопределимую роль в вовлечении женщин-калмычек в общественную деятельность, в санитарно-гигиеническом просвещении их в условиях перехода на оседлый образ жизни.

Каждая такая «красная кибитка» имела обычно родильную койку, сепаратор, сельскохозяйственные огородные инструменты, швейную машину, наглядные пособия, библиотечку. В ней работали опытная акушерка, подготовленные женорганизаторы, юристы. В Хошеутах в «красной кибитке» в 1927 году работала Абя Буринова, в Манычском улусе — Галя Боваева. «Красные кибитки» передвигались из хотона в хотон, из сельсовета в сельсовет по всему улусу, являясь школой воспитания, культурным очагом для калмычек.

В 1928 году при Калмыцком областном исполнительном

комитете была организована комиссия по улучшению труда и быта женщин. Комиссия послала двадцать женщин учиться в областную совпартшколу и троих в Москву на курсы медицинских сестер по охране материнства и младенчества. В области создавались женские трудовые артели, например по переработке чакана.

В начале 1928 года под руководством женотдела обкома ВКП(б), которым заведовала тогда Гилан Килганова, в Калмыкии работало 40 делегатских собраний, 39 в степных хотонах и одно в Элисте, в которых участвовало 800 делегатов. Через делегатские собрания женщины собирали деньги и вещи для оказания помощи нуждающимся и большим сыпным тифом. Когда на Каспийском море разразился сильный шторм, от которого пострадало много рыболовецких хозяйств (убытки исчислялись в размере более 335 тысяч рублей), женщины через делегатские собрания организовали помощь рыбакам.

В 1929 году в Калмыкии были избраны членами волисполкомов 78 женщин, членами Элистинского городского Совета — 35, Кануковского поселкового Совета — 8.

В условиях развернувшейся массовой коллективизации классовые враги — кулаки, гелюнги и другие контрреволюционные элементы — вели отчаянную антисоветскую агитацию среди калмычек. Они распускали клеветнические слухи о том, что в колхозах у женщин насильно забирают детей в ясли и увозят, что все женщины-калмычки будут спать под одним одеялом с русскими боролатыми мужиками и тому подобное.

Вместе с другими коммунистами мне, как члену бюро Маньчского улусного комитета партии, приходилось вести упорную разъяснительную работу среди населения, рассказывать о том, что представляет собою колхоз, о той новой зажиточной жизни, которую несет калмыку-скотоводу общественное хозяйство. А в это время на каждой степной тропе нас подкарауливали кулаки. Так, 23 сентября 1930 года они убили присланного к нам ленинградского рабочего-двадцатипятилетнего, председателя Уманцевского сельсовета коммуниста Войнова. 14 июня 1931 года кулаки Сыромятников и Медведев из села Ремонтного убили активного советского работника, сотрудника областной милиции Дорджи Балданова.

На рубеже 20-х и 30-х годов в Калмыкии велась ожесточенная борьба с остатками банд. Благодаря широкой поддержке бедноты кулацко-белогвардейский бандитизм в обла-

сти был ликвидирован. С конца 1929 года в Калмыкии проводилась конфискация скота у кулаков-скотопромышленников. Изъятый у них скот передавался вновь организующимся колхозам и совхозам. В 1930 году было объединено в колхозы около половины всех единоличных хозяйств области. Коллективные хозяйства крепили, постепенно набирали силу.

В укреплении колхозов, установлении прочных отношений дружбы между рабочим классом и колхозным крестьянством области важную роль сыграло начавшееся социалистическое соревнование между нашими женщинами-колхозницами и работницами предприятий Ленинграда. Например, к 8 марта 1931 года работницы фабрики «Пролетарская победа» № 2 прислали колхозницам Калмыкии письмо, в котором подчеркнули: «Принимая соцсоревнование, становясь ударниками коммунистического труда, вы победите в коллективизации сельского хозяйства, мы — в выпуске продукции на фабриках, и тогда ни один капиталистический черт нам не будет страшен... Дорогие товарищи из Калмыкии! Вы в песках, в степях, а мы в Ленинграде делаем одно дело — строим социализм. С горячим приветом, работницы туфельной фабрики «Пролетарская победа» № 2».

Скоро женщина в колхозах стала большой силой. В корне изменился весь облик прежде забитой, бесправной калмычки. Вот, например, Булгун Дертыева. До 1929 года она была неграмотной: затем, уехав в Сталинград и два года проработав на тракторном заводе, она научилась говорить по-русски, читать. Вернувшись в Калмыкию, стала колхозницей, позже работала председателем Кетченеро-Шевенеровского сельсовета, избиралась членом Калмыцкого облисполкома и Нижне-Волжского крайисполкома, была делегатом XVI Всероссийского и VII Всесоюзного съездов Советов. Или Нюдля Лиджиева, бывшая батрачка. Стала колхозницей и впоследствии была избрана членом ЦИК СССР.

И таких женщин нового склада было в Калмыкии много.

Начался быстрый подъем культурного уровня калмыцкого народа, зарождалась калмыцкая социалистическая культура. 17 марта 1932 года бюро обкома ВКП(б) создало штаб по проведению «культштурма». На первом этапе «культштурма» была ликвидирована неграмотность и малограмотность почти у 30 тысяч человек и на втором этапе — у 50 тысяч человек. К 1937 году была полностью завершена ликвидация неграмотности среди женщин и мужчин. Вслед за тем была поставлена задача ликвидировать политическую, агрономическую и кооперативную неграмотность. Было открыто

64. передвижных «красных кибитки», организована национальная труппа, поставившая калмыцкий музыкальный спектакль «Улан сар» («Большевистская весна»), который в 1932 году был показан в Москве. В 1936 году открылся калмыцкий драматический театр, был создан ансамбль песни и пляски...

С каждым годом росли промышленность и сельское хозяйство социалистической Калмыкии, расцветала культура ее народа. Счастливой и полноправной труженицей социалистического общества стала еще недавно униженная и бесправная женщина-калмычка.

Я счастлива, что моя молодость совпала с молодостью Советской Калмыкии. Радуюсь и горжусь, что во всем этом есть скромная частица и моего труда.

ОСЕТИНКА В ПУТИ

Воспоминания каждого человека всегда являются отражением той эпохи, в которую он жил. Окидывая мысленным взором свою жизнь, я с особой силой почувствовала, что жила в ногу со своим временем, и это было время, полное борьбы и упорного труда, когда наша Коммунистическая партия создавала новое, социалистическое общество.

Росла я в семье крестьянина-горца в Южной Осетии. Семья дедушки состояла из двадцати двух душ. Помню саклю, где еле размещалась наша многочисленная семья. Во время еды мужчины садились в один ряд, женщины и дети — в другой. Дедушка занимал центральное место и сидел в деревянном кресле, в которое не разрешалось садиться никому из нас. Причем в сакле царила абсолютная тишина, ибо на реплики дедушки могли отвечать только старшие его сыновья.

Казалось, что даже у себя дома, а тем более в общественных местах, никто никогда не услышит моего голоса, не узнает моих мыслей, чаяний. Однако в жизни все произошло совершенно иначе.

...Острая нужда и малоземелье вынудили отца уехать на заработки в Кутаиси, где он стал работать на лесопильном заводе. Здесь я поступила в учебное заведение святой Нины (типа прогимназии), где, кроме меня, не было ни одной осетинки.

Среди учащихся были девушки, связанные с кружками молодых марксистов. Один из этих кружков посещала и я. Занятия с нами проводила учительница Мария Платоновна, жена известного грузинского большевика, одного из видных революционных деятелей Закавказья Мамии Дмитриевича Орахелашвили. Их семья жила неподалеку от нас. Общение с ними оказало огромное влияние на мое политическое воспитание.

...Шла гражданская война. Вместе со всеми трудящимися России горская беднота Южной Осетии находилась в рядах

борцов за Советскую власть. В моем родном крае, как и по всей Грузии, развернулась подготовка к восстанию против меньшевистского господства. Хорошо помню, как в те дни у нас в доме в Кутаиси находился целый арсенал. Отец постепенно закупал винтовки и хранил их тайно в погребе. Помню, что из Кударского района, где мы жили до переезда в Кутаиси, и из других районов приезжали горцы и, замаскировав винтовки под бурками, увозили их к себе. Это были партизаны, которые вели ожесточенную борьбу против помещиков в районе Сачхери. Партизанский отряд возглавлял Тадеоз Гагиев, пользовавшийся большим авторитетом и влиянием среди горцев.

В феврале 1921 года вместе с отцом я уехала в наш родной аул в Южной Осетии навестить больного дядю. Здесь меня и застали события, связанные с утверждением Советской власти в области. Мне, как грамотной, предложили работать техническим секретарем ревкома.

Летом 1921 года в нашем Кударском районе состоялось открытое партийное собрание. На него пришло много народу. Старики просидели до конца собрания. Когда собрание закончилось, они обступили одного из руководителей местных коммунистов, Сергея Гаглоева, и стали спрашивать, почему на собрание не приехал Джатиев. Слышали, мол, что он мастер говорить речи, и все очень хотели бы его послушать... Александр Джатиев в то время был секретарем обкома партии Юго-Осетии. Задавали старики и другие вопросы.

В ревкоме я проработала до сентября 1921 года, а осенью уехала в Северную Осетию.

Осенью 1922 года по путевке обкома РКП(б) Горской республики в составе группы молодежи я была направлена на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Вместе с нами учились юноши и девушки из стран зарубежного Востока — иранцы, турки, индусы, китайцы, японцы.

Мы часто устраивали танцы. Танцевали все — осетины, ингуши, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы. А если танцы проходили на улице, то москвичи только диву давались невиданному дотоле зрелищу. Но через некоторое время наши танцы были отменены. Секретарь партийной ячейки КУТВа Коста Таболов как-то заявил:

— Советская власть заботится, чтобы вы получили образование, а вы, оказывается, приехали в Москву танцевать...

Вскоре часть студентов, в том числе и я, была переведена в Академию коммунистического воспитания имени

Крупской. Здесь перед нами часто выступали Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. В. Луначарский, В. Р. Менжинская, А. М. Коллонтай, другие видные деятели нашей партии, ведущие работники социалистического культурного фронта.

Незабываемым остался в памяти образ Н. К. Крупской. Надежда Константиновна читала в Академии лекции по вопросам теории и практики политико-просветительной работы. Читала просто, ясно, так что все, о чем она говорила нам, прочно входило в наше сознание. А когда Крупская приходила на семинарские занятия, то с каждым здоровалась за руку. Это было необычным, и ее рукопожатия были какими-то особенно радостными для нас.

Дипломную работу мы втроем — Раиса Белая, Циля Генкина и я — писали на тему: «Перспективный план развития политпросветработы в Дмитровском уезде Московской губернии». Нас консультировала Надежда Константиновна. Меня поражало глубокое знание ею условий работы в уезде. Она помнила фамилии многих заведующих избами-читальнями, клубами. Советовала нам побывать в местном краеведческом музее, познакомиться с планами уездного земельного управления, отдела народного образования, и только глубоко изучив их, на этой основе писать дипломную работу...

Наряду с учебой мы, слушатели академии, вели общественную работу на заводах и фабриках, выявляли беспризорников и определяли их в детские дома. Надежда Константиновна постоянно интересовалась нашей работой. Нередко мы вдвоем с Зиной Быковой отправлялись ночью на набережные реки Москвы и под мостами искали беспризорников. Обычно они сидели там вокруг костров. Завязывали беседы с ребятами, некоторых приводили в общежитие академии, а затем устраивали в детские дома.

Запомнились мне и собрания наших студенческих землячеств. Все они были пронизаны духом товарищества, интернациональной дружбы. На этих собраниях отмечались годовщины установления Советской власти в той или иной из кавказских республик. Помню, отмечали четвертую годовщину власти Советов в Абхазии. От Юго-Осетии, кроме меня, других представителей не было. Я осмелилась, взяла слово и сказала примерно так:

— От имени трудящихся Юго-Осетии разрешите приветствовать четырехлетнюю годовщину установления Советской власти в Абхазии. Да здравствует штаб мировой революции — Коминтерн!

Сказала я мало, а как аплодировали мне!

35 На собраниях осетинского землячества перед нами выступали секретари нашего обкома партии, руководители автономных областей, которые приезжали в Москву на сессии Центральных Исполнительных комитетов СССР и РСФСР. Они знакомили нас с перспективами развития хозяйства, народного образования в Северной и Южной Осетии.

В те годы существовала такая традиция: студенты, приезжавшие на летние каникулы во Владикавказ, сами, без вызова, являлись в обком комсомола и просили дать им какое-то поручение. Некоторые студентки с той же целью приходили в женотдел обкома партии. Это было хорошей практикой для нашей будущей работы по окончании учебного заведения.

Приехав в 1924 году на каникулы, я, как и другие студенты, пришла в обком комсомола за поручением. Секретарем обкома тогда был товарищ Хосроев.

Выслушав меня, Хосроев сказал, что недавно принято решение обкома об организации комсомольских ячеек в аулах. Мне было поручено организовать ячейку в высокогорном ауле Цей и одновременно проверить работу комсомольских ячеек в Садонском районе. Трудное было это поручение. Добираться туда надо было по Военно-Осетинской дороге пешком или верхом на лошади. Горская молодежь в то время была почти сплошь неграмотной, во многих аулах не было ни школ, ни красных уголков, коммунистов в горных селениях можно было буквально пересчитать по пальцам. Но несмотря на трудности, поручение нужно было выполнять.

Мне подобрали хорошего попутчика до Цея — Хаджи-Мурата Мамсурова, студента Московского горного института. Он болел туберкулезом легких и направлялся в горы на Цейский ледник для лечения. Однако, когда мы добрались до аула Цей, Мамсуров, забыв о своей болезни, стал моим деятельным помощником. Два дня он пробыл со мной в ауле. Чтобы созвать собрание, мы обошли все дворы, рассказали о цели нашего приезда. Но собрать молодежь оказалось не так-то легко: стояла пора сенокоса и вся молодежь находилась на горных лугах. Но через два дня вечером нам все же удалось провести организационное собрание.

Явились почти все мужчины аула. Старики степенно расселись впереди, а молодежь стояла позади. Ни одна горянка на собрание не пришла. Мы разъяснили Устав комсомола, ответили на вопросы. Причем вопросы задавали только старики, молодежь по обычаю в присутствии стариков не имела на это права.

Помню, как поднялся один старик и, опершись на палку, спросил, почему в комсомол не принимают стариков и будут ли комсомольцам платить зарплату.

На этом собрании мы оформили вступление в комсомольскую ячейку 15 человек. Никто из принятых не знал года своего рождения, пришлось возраст записывать приблизительно. Заявления за вступающих тоже пришлось писать нам. После того как ячейка была оформлена, мы попытались созвать отдельное собрание молодежи, чтобы избрать секретаря ячейки. Но старики решительно запротестовали. Пришлось пойти на уступки, и секретарем, по рекомендации стариков, был избран молодцеватый парень, который, как по всему было видно, пользовался в ауле авторитетом.

И на этот раз, когда комсомольцы уже стали расходиться, несколько стариков снова стали осаждать нас просьбами записать их в комсомол. «Ничего, что нам много лет, работать мы сумеем», — говорили они. Что ж, не все тогда в этом глухом горном краю понимали назначение комсомола — молодежной организации, а выход для их общественной активности был нужен...

В летние каникулы 1925 года проездом в родной аул я остановилась на несколько дней в Цхинвали, областном центре Юго-Осетии. К этому времени я уже была коммунисткой, и в обкоме партии мне предложили временно поработать заведующей женотделом вместо Вари Джикаевой, которая находилась на краткосрочных курсах. Принял меня тогда секретарь обкома партии Александр Джатиев. Он дружески поздоровался со мной, спросил, где я остановилась, имеются ли у меня деньги на жизнь, и тут же позвонил в бухгалтерию, чтобы мне выдали аванс.

Так я начала работать среди женщин.

В 1926 году во время летних каникул меня оставили на женотдельской работе в Центральном Комитете Компартии Грузии. Заведующей отделом по работе среди женщин тогда была Варвара Михайловна Джапаридзе. По ее ходатайству меня назначили до начала учебы инструктором женотдела.

В 1928 году по окончании Академии коммунистического воспитания имени Крупской ЦК ВКП(б) направил меня на работу в Закавказье, а затем в Южную Осетию. Несмотря на то, что у меня на руках была малолетняя дочь Фатима (муж, Коста Таболов, продолжал учебу в Институте красной професуры), я охотно согласилась поехать в свой родной край. Первое время работала заведующей Главполитпросветом области, но уже осенью того же 1928 года на съезде Советов

меня утвердили народным комиссаром просвещения Юго-Осетии.

Не сразу я дала согласие занять столь высокий пост. «Я же с этой работой не справлюсь», — помню, говорила секретарю обкома. «Не бойся, поможем», — убеждал Джатиев. Назначение женщины народным комиссаром в то время было делом необычным. Многие газеты, в том числе и «Правда», писали об этом.

С первых дней работы в Наркомпросе я столкнулась с большими трудностями.

Помня обещание секретаря обкома партии, я обратилась к нему за помощью. И уже в этой первой своей беседе, убедилась, как глубоко понимал он вопросы народного просвещения, как болел душой за этот один из важнейших участков социалистического строительства. Джатиев говорил о принципах преподавания в нашей советской школе, призванной готовить активных строителей нового общества, об охвате обучением всех детей, особенно девочек, чтобы вся работа по народному образованию была социалистической по содержанию, велась в духе ленинской национальной политики партии. Говорил он о важности ликвидации неграмотности среди взрослого населения, подготовке национальных кадров учителей.

С огромным вниманием слушала я секретаря обкома. Он нарисовал передо мной широкую программу действий Наркомпроса, и я ушла из обкома с чувством глубокого удовлетворения.

Секретарь обкома партии и в дальнейшем продолжал следить за моей работой, помогал мне. Как-то летом Джатиев вызвал меня и упрекнул, что мы мало показываем фильмов населению, а если и показываем, то в первую очередь для городских жителей. Потом спросил, какие кинокартины сейчас демонстрируются. Я ответила — «Абрек Заур» из осетинской жизни, с актером Бестаевым в главной роли.

— А ты сама-то видела эту картину? — обратился ко мне Джатиев. Я ответила, что нет, что ее, мол, смотрел заведующий политпросветом Чачко Санакоев. Тогда секретарь с упреком посмотрел на меня и сказал: «Спрашивать будем с тебя, ты нарком и отвечаешь не только за деятельность школ, но и за работу изб-читален, клубов и кино. Запомни, что в системе коммунистического воспитания важное место занимает кино, особенно в деревнях, аулах...»

.. Об Александре Джатиеве можно было бы много сказать благодарных слов. По какому бы вопросу к нему ни обраща-

лись или какие бы вопросы он сам ни выдвигал, Джадидов всегда намечал целую программу работы. А как он всегда заботился о расширении кругозора работников, оказании им практической помощи!

В то время в Южной Осетии было полное бездорожье. Чтобы попасть в районный центр, в села или аулы, надо было ехать горными тропинками верхом на лошади, а то и добираться пешком. Подчас опасно было совершать такой путь. Особенно опасными могли оказаться встречи с кровниками — тогда среди осетин еще не была изжита кровная месть между отдельными родами. А ведь часто приходилось ездить одной, без попутчиков. Но, к счастью, мои многочисленные путешествия в районы прошли благополучно.

В Южной Осетии застала меня и коллективизация. В то время я продолжала работать народным комиссаром просвещения. Нужно прямо сказать, что на начальном этапе коллективизации и ликвидации кулачества как класса целый ряд работников на местах, не понимая ясно значения этого коренного преобразования, допускали перегибы. Помню одно бурное заседание в обкоме комсомола, на котором выступили многие товарищи. Особенно запомнилось выступление бывшего редактора областной газеты Чермена Бегизова. Он доказывал, что обобществлять нужно все, вплоть до домашней птицы, а кто будет сопротивляться, тех высылать. Некоторых работников, в том числе меня, он обвинил в примиренчестве...

Для реализации решений ЦК ВКП(б) о коллективизации меня и работника ЦИКа Николая Дзасохова послали в Ахалгорский (ныне Лениногорский) район. И каково же было наше удивление и возмущение, когда мы узнали, что буквально за два дня до нашего приезда по указанию районных работников здесь провели обобществление поголовно всех крестьянских хозяйств. Были намечены к обобществлению даже куры. Хотя к тому времени еще не была опубликована в «Правде» статья «Головокружение от успехов», но партийное чутье нам подсказывало, что здесь допущены ошибки. Чтобы исправить положение и выявить кулацкие хозяйства, мы в первую очередь решили провести собрание бедноты. Но это оказалось нелегким делом. Здание школы, где должно было оно состояться, окружили кулаки и их подголоски. Они всячески пытались сорвать собрание, заглядывали в окна, выкрикивали угрозы. Но все же нам удалось уточнить список кулаков.

Участвовать в проведении коллективизации сельского хозяйства мне довелось в Армении и в Азербайджане. Особое

внимание приходилось обращать на вовлечение в колхозы женщин. Нужно было найти такие формы и методы коллективизации, которые учитывали бы местные бытовые условия. А условия эти были крайне тяжелые. Во многих районах женщины носили еще чадру, не показывались в общественных местах. Попробуй-ка их созвать на собрание! Когда мы прибыли к секретарю Гянджинского райкома партии товарищу Караеву и назвали цель своего приезда, тот невесело усмехнулся и сказал: «Собрать тюрчанок вряд ли вам удастся. Увидев ваши непокрытые головы, мужья их на собрание не пустят». Пришлось мне в срочном порядке приобрести платок.

На собрание пришло немного женщин. Среди них были армянки, русские и всего лишь несколько тюрчанок.

Как мы ни старались разъяснить преимущества коллективного труда, сколько ни говорили о правах женщин в колхозах, они оставались глухими к нашим словам. В умах горянок слишком прочно укоренились старые обычаи. Да и что говорить, когда многие мужчины в те годы еще крепко держались за старину, рассуждая примерно так: «Кому из нас будет приятно, если его жена начнет работать вместе с чужими мужчинами в поле?»

Однако, несмотря ни на что, проведенное нами собрание не прошло бесследно. Оно положило начало постепенному вовлечению женщин в колхозное строительство.

В 1930 году я стала работать в Москве в Наркомпросе РСФСР инструктором орготдела. Помню, нарком Андрей Сергеевич Бубнов командировал меня в Хабаровск на съезд работников просвещения Дальнего Востока. Перед поездкой обошла отделы наркомата, чтобы получить дополнительные задания, собрать нужные сведения. Зашла к Н. К. Крупской,— она тогда работала заместителем наркома просвещения. Надежда Константиновна рассказала, что поступили сообщения о том, что среди рабочих Сучанских рудников плохо ведется культурно-массовая работа, и попросила меня также поинтересоваться, как у них налажено с питанием. Потом она оглядела меня и сказала: «Сейчас зима, а вы едете в холодный край, оденьтесь потеплее, не забудьте запастись валенками».

С большой теплотой я вспоминаю этот случай, как одно из многих проявлений чуткости и внимания Надежды Константиновны к людям.

Закончил работу съезд учителей. Из Хабаровска я поехала во Владивосток, а оттуда в Сучан. Хозяйственное поло-

жение на Дальнем Востоке было очень тяжелым. И это бросалось в глаза даже с первого взгляда. Гостиница не отапливалась, водопровод не работал, командированные умывались снегом. Спали в пальто и шапках, валенок не снимали.

Секретарь Сучанского райкома партии товарищ Сажин произвел на меня хорошее впечатление. Простой в обращении, одет в красноармейскую шинель. Узнав, что я приехала в Сучан по заданию Н. К. Крупской, он вместе со мной объездил шахты, вместе заходили в рабочие общежития, в столовые. В течение нескольких дней нам удалось несколько улучшить обслуживание рабочих.

После Сучана я побывала в Никольске-Уссурийске, Бочкареве, Благовещенске.

В дальнейшем мне довелось работать научным сотрудником в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) в секторе истории партии. Вместе с научным сотрудником Коноваловой мне поручили подготовку к переизданию подпольных большевистских газет «Искра», «Правда», «Социал-демократ», «Звезда». Приходилось упорно работать над текстом, расшифровывать сокращенные слова, составлять примечания, но самое главное — расшифровывать имена авторов статей, так как часто статьи печатались в газетах без подписей или под псевдонимами. Неоднократно мы обращались и к Н. К. Крупской. Прочитав ту или иную статью, она нам говорила: «Это язык Ленина» — или называла другого автора — члена редколлегии «Искры».

Вместе с нами в то время в Институте Маркса — Энгельса — Ленина работали такие выдающиеся женщины-большевички, как С. С. Дзержинская, Подвойская, а также бывший библиотекарь Ленина Авилова. Приходилось выезжать в Белоруссию и в республики Закавказья с целью сбора материалов по истории коммунистических партий этих республик.

...За плечами долгая, насыщенная многими событиями жизнь, участницей или очевидцем которых мне выпало быть. И я счастлива, что эта жизнь прожита не напрасно, что в величественных свершениях народов нашего многонационального социалистического Отечества есть и мой скромный вклад.

ПОДНЯЛИСЬ «УГНЕТЕННЫЕ ИЗ УГНЕТЕННЫХ...»

Гонимый нуждой, один из моих старших братьев, Николай, без копейки денег ушел на заработки. Он пешком прошел 1200 верст из Бурятии до Ленских золотых приисков, поденщиной зарабатывая по дороге на пропитание. Помню, он писал матери, что ходит в семидесяти семи заплатах. В Бодайбо Николай, общаясь с большевиками и революционными рабочими, проникся революционными идеями и сам стал революционером.

Вернувшись домой, он в декабре 1917 года стал одним из организаторов большевистской группы в родной волости. Молькинская волость находилась вдали от промышленных центров и железной дороги. Но раскаты Октября докатились и до нашего глухого сибирского уголка. В период колчаковщины и интервенции большевистская группа, опираясь на деревенскую бедноту, организовала подполье.

...Ноябрь 1919 года. Я учусь в средней школе села Малышевки, что рядом с уездным центром Балаганском Иркутской губернии. В уезде еще колчаковская власть. В один из темных вечеров мы проводим нелегальное собрание сочувствующих Советской власти учащихся, на которое пришел к нам большевик Богоявленский. Он рассказал нам о Советской власти, о Ленине, о партии большевиков и о Коммунистическом союзе молодежи.

Все, о чем говорил Богоявленский, будило во мне желание борьбы, было моей мечтой. И когда, закончив доклад, Богоявленский спросил, кто хочет вступить в Коммунистический союз молодежи, «Я!» — воскликнула я, как бы боясь упустить момент, и по-школьному подняла руку. Я толкнула под локоть рядом стоявшего Васю Балтуева, чтобы он тоже поднял руку. Третьим поднял руку Петя Киселев — сын старого большевика, скрывавшегося тогда в Балаганском уезде, впоследствии ставшего известным советским дипломатом.

— Ну, товарищи, по уставу три человека составляют ячейку,— объявил товарищ Богоявленский и провел с нами первое собрание, на котором разъяснил наши задачи.

С этого времени мы развернули активную работу: Вскоре в нашу ячейку вступили еще восемь человек, больше девушек. Через месяц, в декабре 1919 года, в наш уезд вошел партизанский отряд под командованием Дворянова. Мы, комсомольцы, приняли самое деятельное участие во всех мероприятиях по восстановлению власти Советов.

Отсталость, консерватизм, религиозный дурман, почти полная неграмотность трудящихся-бурят — вот тяжелое наследие, доставшееся Советской власти от колониальной политики царизма. Оно и было причиной инертности, политической неразвитости бурятского населения, недостаточно ясного понимания сущности происходящих событий. В этих условиях особенно велика была роль комсомольцев — передовой, грамотной, революционной части молодежи, самоотверженных борцов за дело Ленина.

Маленькая комсомольская ячейка села Малышевки проводила важную работу. Мы выезжали в бурятские улусы, где устраивали собрания, концерты, митинги.

Своим энтузиазмом, несокрушимой верой в идеалы революции мы — первые бурятские комсомольцы — зажигали сердца юношей и девушек, звали их в ряды строителей новой жизни, и лучшие из них шли к нам, в комсомол.

Гражданская война в Сибири продолжалась. Повсюду разруха, голод. Бесчинствовали интервенты, внутренняя контрреволюция. В районах, где существовала Советская власть, прокатилась волна кулацких мятежей. Такой мятеж вспыхнул и на моей родине, в нашей Молькинской волости, в ноябре 1920 года.

...Однажды к нам в дом прибежал до смерти перепуганный мой двоюродный брат Митя и рассказал, что из всех улусов и деревень к волостному старшине кулаку Улаханову съехалось множество вооруженных верховых. Арестовали хошунного (волостного) военкома Далбаева, моего брата большевика Николая и милиционера Елистратова. Бьют их нещадно. Бандиты запихивают арестованных в рот солому, приговаривая: «Вот вам разверстка сена, жрите, дьяволы-большевики!..»

Митя ушел, а мы не спали всю ночь. У меня в голове зрели отчаянные планы, как пробраться в уездный центр Балаганск, сообщить о кулацком мятеже и просить подмоги.

Чуть свет снова прискакал Митя и сообщил, что в во-

лостном центре Мольке арестовали всех коммунистов и сочувствующих. Улахановцы бесчинствуют, зверствуют. Нашего Колю снова били, а потом его, Далбаева и молькинских большевиков — учителя Распопина и Косокова водили босыми по снегу, избивая прикладами. Коля едва держался на ногах, а Далбаев замертво упал в снег.

Я немедленно поехала в Мольку. Здание бывшего ревкома было занято мятежниками. У предводителя мятежников Улаханова я попыталась получить разрешение на выезд в Балаганск, сказав, что опаздываю в школу на занятия. Услышав грубый отказ, я не помня себя закричала:

— Прекратите издеваться над коммунистами! За все заплатите! Скоро придут красные — тогда вам конец!

Меня немедленно арестовали и приставили охрану — младшего сына Улаханова, Антипа. Ночью мне удалось бежать из-под ареста. По дороге в уездный центр Балаганск я неожиданно попала в засаду к вооруженным мятежникам. Меня привели в дом, избили до крови и бросили на пол. Я снова решила во что бы то ни стало бежать. Глубокой ночью, когда пьяный мятежник, стороживший меня, уснул, перешагнула через него, вышла на улицу. С трудом поднялась в гору и лесом побежала в свой улус, чтобы взять у матери лошадь и мчаться в Балаганск.

Вспоминая потом ту ночь, я всегда удивлялась, как это у меня хватило сил за несколько часов одолеть тяжелый путь в пятнадцать верст по непролазной таежной чащце.

Дома рассказала матери о случившемся, стала молить дать лошадь. Мать ни о чем и слушать не хотела. Она сообщила, что за мной приходили мятежники, всюду меня искали, все перетрясли, заглядывали даже в сундук. Поэтому мать немедля спрятала меня в большом стог сена.

Вскоре в доме появился незнакомый русский. Он сказал матери, что если я дома, то пусть она успокоит меня: в Балаганск уже пробрался наш человек, сообщил обо всем случившемся и скоро к нам в волость должны прийти красные.

Действительно, утром прибыл отряд красноармейцев во главе с комиссаром Худяковым, с которым я позже училась в Иркутске в партийной школе 5-й армии. Вместе с бойцами я обошла весь улус. Но нашли только одного мятежника — Гендеева, который с особым рвением истязал и пытал арестованных коммунистов. Гендеева расстреляли.

Худяков сообщил мне печальную весть о том, что мятежники увезли в лес учителя Василия Петровича Распопина и

там пытали и замучили его до смерти. Остальным арестованным коммунистам удалось спастись. В. П. Распопина похоронили у подножия горы недалеко от поселка Мольки...

На многочисленных собраниях Молькинской волости народ гневно клеймил белогвардейских мятежников. Трудящиеся крестьяне, поддавшиеся на первых порах кулацкой провокации, увидев зверства бандитов, стали активно поддерживать коммунистов, позднее многие из них вступили в организованную моим братом Н. М. Тарантаевым и О. А. Косоковым коммунистическую организацию, а также в боевую дружину для борьбы с белобандитами, которые еще не раз устраивали налеты на улусы.

После подавления мятежа мы провели во всех улусах массовые собрания крестьян и отдельно женские собрания. Женщины нашего хошуна избрали меня делегаткой на I Ангарскую аймачную конференцию. Конференцию проводила пламенная бурятская коммунистка, инструктор Иркутского губкома РКП(б) Мария Сагадарова. Затем меня послали делегаткой на Иркутскую губернскую женскую конференцию. Здесь я многое узнала, многое увидела, и это во многом определило мою дальнейшую судьбу. Я стала участником борьбы за раскрепощение женщин.

В 1921 году по решению Балаганского укома партии я была направлена на учебу в Иркутскую партийную школу 5-й армии. Время было тревожное, в Иркутске то и дело объявлялось военное положение, так как еще продолжалась война против японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Со стороны Монголии угрожал барон Унгерн. Местные белобандиты терроризировали население, нападали на партийные и советские учреждения. Слушатели партийной школы жили в постоянной боевой готовности.

Мы, курсанты, находились на полном самообслуживании. Полуголодные, плохо одетые, мы были полны энтузиазма, учились, постигая учение Маркса — Ленина. Занятия у нас вели опытные преподаватели, некоторые лекции читал сам командующий 5-й армией И. П. Уборевич. В партийной школе я получила неплохие знания, которые помогли мне в дальнейшей работе.

По окончании партийной школы я была назначена инструктором Бурятского обкома партии по работе среди женщин. Заведовала тогда женотделом Мария Сагадарова. Несмотря на мою молодость (мне было всего 19 лет), я не раз получала от нее ответственные поручения. Вспоминаю, как однажды она выложила передо мной на стол кучу бумаг и сказала:

— Вот материалы, разберись и напиши статью о задачах работы среди женщин-буряток.

Робость обуяла меня, но делать нечего, поручение надо было выполнять. Я взялась за перо. К моему большому удивлению и радости, Сагадарова одобрила мою статью, и ее опубликовали в губернской газете «Власть труда».

Нелишне будет сказать, что мы с Марией были единственными штатными работниками женотдела. Не было кадров, не хватало средств. А работа среди женщин была важнейшей политической задачей партии. Я тогда впервые прочтала слова, сказанные вождем партии В. И. Лениным в сентябре 1919 года на Московской общегородской конференции работниц: «Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено»¹.

В условиях далекой Бурятии нашей главной задачей было поднять на строительство новой жизни отсталых женщин-буряток, угнетенных из угнетенных. Эту ответственную работу обком партии послал меня проводить в самый крупный, Ангарский аймак (район) области, где в то время было засилье эсеров и где особенно люто бесчинствовали белобандиты.

С наганом под гимнастеркой, верхом на лошади или в тряской арбе, а порою и пешком кочевала я из улуса в улус, созывала первые в Бурятии женские собрания, конференции, проводила беседы в домах бедняков, разъясняла, что такое Советская власть и что она дает женщине.

В женотделе работала я одна. Но так как в аймачном районном комитете партии было всего четыре человека, мне довольно часто приходилось отрываться от выполнения своих прямых обязанностей и переключаться на общепартийные дела. Работали мы иногда целыми сутками.

В нашем аймаке кроме меня в парторганизации было всего две коммунистки. Одну из них, Нюту Хайдурову, мы отправили учиться в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока. Вторая, Ирина Мункоева — первая бурятка-врач, работала в улусе Закулей и очень много помогала мне. По ее инициативе открыли школу ликбеза, организовали комсомольскую ячейку; она же руководила делегатским собранием женщин. Ирина была прекрасным челове-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 204—205.

ком и коммунистом, хорошим специалистом. К сожалению, ее совсем молодую унес в могилу туберкулез. Прошло с тех пор много лет, но я до сих пор храню добрую память об этой самоотверженной коммунистке.

В каждом улусе или булуке (сельском обществе) я проводила женские собрания.

Активность трудящихся женщин, особенно беднячек, и молодежи постепенно росла. Вспоминаю одну из конференций. Делегатки сами обеспечивали себя продуктами питания, помогали убирать помещение, организовывали концерты. Они связались с располагавшейся неподалеку воинской частью и попросили прислать духовой оркестр, что по тем временам было неслыханной роскошью. Конференция вылилась в демонстрацию подлинной интернациональной дружбы, когда девушки-бурятки запросто танцевали с русскими красноармейцами, пели русские и бурятские песни.

В результате массовых женских собраний и у нас в Бурятии родились делегатские собрания — эта замечательная форма привлечения широких женских масс к строительству новой жизни.

Так как во многих местах не было партийных ячеек, некоторые делегатские собрания выбирали руководителем старшую делегатку. Впоследствии многие из этих делегатов вступили в партию.

Делегатки участвовали во всех мероприятиях партии и Советской власти. Вскоре райком партии открыл месячные курсы женорганизаторов. Девушки, занимавшиеся на этих курсах, за свой счет снимали койки у местных жителей и питались продуктами, привезенными из дома.

1922 год... Борьба с разрухой, новая экономическая политика. В этом же году Красная Армия освободила Дальний Восток от японских интервентов и белогвардейцев. Одной из насущных задач стала советизация бурятских районов. А в них орудовали кулаки, чрезвычайно сильным было влияние лам. Учитывая такое положение, по указанию ЦК РКП(б) часть и без того немногочисленных иркутских коммунистов-бурят была направлена в эти районы. Поэтому мне вскоре пришлось заведовать агитационно-пропагандистским и организационным отделами райкома партии, а в сентябре 1922 года я была избрана членом и секретарем райкома партии.

Но вскоре меня направили в новые бурятские районы, где я стала работать заведующей организационно-инструкторским отделом ревкома Бурятской автономной области

Дальнего Востока. С образованием в 1923 году Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики я вновь стала инструктором обкома партии.

Все шире развевывалась политико-просветительная работа среди широких масс трудящихся-буряток, росло число активисток, коммунисток, комсомолок. Бурятские женщины потянулись к просвещению, учебе. Стали открываться детские ясли и сады.

В наши дни среди женщин-буряток есть министры, ученые, директора предприятий, председатели колхозов, специалисты многих профессий. Половина интеллигенции Бурятской АССР — женщины. Все это наглядно убеждает, что женщины моего народа — равноправные члены социалистического общества и идут в ногу со всем многонациональным советским народом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вдохновила трудящихся соседней с нами Монголии во главе с Сухе-Батором и Чойбалсаном на борьбу против своих вековых угнетателей. С помощью Красной Армии они изгнали из своей страны интервентов, иноземных поработителей и установили народно-революционную власть под руководством Народно-революционной партии.

По приглашению ЦК Монгольской Народно-революционной партии и Монгольского правительства в МНР была направлена для оказания братской помощи группа коммунистов-бурят, в числе которых была и я.

Крайняя отсталость, полная безграмотность масс, болезни, высокая смертность среди населения, бесправие женщин — вот наследие многовекового господства феодалов в Монголии. Революционная партия записала в своей программе требование раскрепощения женщин. Я была первой представительницей Международного женского секретариата Коминтерна в Монголии. Приехала я в МНР в марте 1925 года.

У руководства партией и правительством в то время оказались правые элементы. «Правые во главе с Дамба-Дорджи и Джа-Дамба, — говорится в «Истории Монгольской Народной Республики», — ставили своей целью вернуть МНР на капиталистический путь развития. Они добивались отказа от некапиталистического пути развития, отхода от марксизма-ленинизма как теоретической основы МНРП, проповедовали буржуазный национализм, реакционную идею панмонголизма, пытались сохранить и приспособить ламаизм к новым условиям... Внешняя политика правых явно была

рассчитана на разрыв дружбы и союза монгольского народа с его верным другом — великим Советским Союзом»¹.

Еще до моего приезда при ЦК МНРП был создан подраздел по работе среди женщин. Работа велась только в столице республики — Улан-Баторе и среди узкого круга женщин — членов партии. Существовали женские партийные ячейки, в которых состояли привилегированные особы — жены высших руководителей. Подотделом по работе среди женщин ЦК МНРП руководила родственница Дамба-Дорджи, по национальности чахарка. Работа подотдела и женских партийных ячеек носила буржуазно-феминистский, развлекательный характер. Заслушивались доклады на разные темы и выпускался женский журнал «Мысли монгольской женщины» явно феминистского направления. Читательницами журнала были привилегированные женщины, ибо трудящиеся женщины страны были сплошь неграмотными и по-прежнему находились в бесправном, рабском положении, прозябали в темноте и невежестве.

В то время одна треть мужского населения Монголии, по закону буддийской религии, пожизненно находилась в дацанах (храмах-монастырях) в услужении богу, превратившись в паразитическое сословие, высасывавшее из народа все соки, отравлявшее его религиозным дурманом. Женщина-монголка в примитивном скотоводческом хозяйстве была едва ли не единственной рабочей силой и играла решающую роль в экономике страны.

Разбудить женщину, сделать ее активной строительницей новой жизни — этого добивалась Монгольская Народно-революционная партия. Такая линия стала последовательно осуществляться после прихода к руководству революционеров подлинно ленинского типа.

Монгольские женщины установили дружественные отношения с женщинами Советского Союза. В 1925 году группа монголок участвовала в работе I женского съезда Бурятии, а 8 марта 1926 года по приглашению работниц Москвы первая монгольская женская делегация посетила столицу СССР.

Для работы среди женщин-кочевниц худона (провинции) были организованы передвижные юрты с женорганизатором и медицинской сестрой, подготовленными на курсах. Эти «красные юрты» сыграли большую роль в осуществлении культурной революции в стране. В некоторых особенно отдаленных местах наши «красные юрты» были единственны-

¹ «История Монгольской Народной Республики». М., 1967, стр. 330.

ми носителями культуры. Зачастую работникам «красных юрт» приходилось выполнять обязанности врачей, учителей. В далеком Пригобийском районе я была свидетельницей того, как нашу передвижную юрту в буквальном смысле слова осаждали больные. Женорганизатора и медсестру считали докторами и обращались к ним по поводу не только простых, но и самых сложных заболеваний. По возвращении в Улан-Батор мы поставили в ЦК партии вопрос об организации медицинской помощи населению провинции. В срочном порядке были снаряжены на периферию медицинские экспедиции.

Знаменателен I Всемонгольский женский съезд, созванный к десятилетию Монгольской революции, в 1931 году. Помню, какой подъем царил среди делегатов, прибывших в столицу республики Улан-Батор. Проезд их на грузовых машинах Монголтранса не обошелся без курьезов. В некоторых местах делегаткам не предоставляли транспорта, выражая удивление, куда это и зачем отправляются женщины.

Правительству МНР пришлось издать специальную директиву о беспрепятственном предоставлении делегаткам транспортных средств. Съехалась ровно тысяча делегатов. Это были беднячки и батрачки, по одной от каждого сомона (сельского общества). Многие были плохо одеты, не имели обуви. Пришлось принять экстренные меры. Правительство республики выделило денежные средства на приобретение тысячи комплектов одежды. В то время в Улан-Баторе не было ни швейной фабрики, ни пошивочных мастерских, кроме военных. По заказу правительства эти мастерские в срочном порядке сшили тысячу дэлов¹ бордового цвета и тысячу пар белья.

В первый же день работы съезда каждая делегатка получила в подарок от правительства дэл, зеленый шелковый кушак к нему, комплект белья, пару новых сапог с чулками и красную делегатскую косынку. Съезд наш был приурочен к большому национальному празднику Надому, который продолжался ровно месяц. ЦК партии, учитывая, что трудящиеся аратки впервые собрались в столице страны на такой большой форум, разрешил делегаткам принять участие в празднествах, и поэтому съезд длился месяц и превратился в своеобразные курсы. Из состава делегатов было отобрано более 100 человек на курсы женорганизаторов, работников «красных передвижных юрт», для обучения в

¹ Дэл — национальная верхняя одежда.— Ред.

партийной школе ЦК партии, на курсах медицинских сестер и русского языка. Несколько делегатов было отправлено на учебу в СССР.

Творчески используя в условиях своей страны формы и методы работы среди женщин Советского Востока, Монгольская Народно-революционная партия добилась массовой активности трудящихся монголонок в социалистическом строительстве.

Радостно видеть, как неузнаваемо изменилось теперь положение монгольской женщины.

Выступая на Всемирном конгрессе женщин летом 1963 года, председатель Комитета монгольских женщин Удвал сказала: «Роль женщины в Монголии необычайно возросла. Она участвует в деятельности всех сфер жизни и своими руками строит социализм в стране. Она и член парламента, и директор фабрики, завода, школы, медицинских учреждений, она и писатель, строитель и художник, инженер и учитель... У нас теперь нет таких проблем, как защита прав женщин и детей, как уничтожение голода, безработицы. В нашей стране народное государство заботится о матерях, о счастье детей. Созданы все условия для того, чтобы они были здоровыми и жизнерадостными».

Для меня, представительницы одного из самых отсталых в прошлом бурятского народа, было великим счастьем работать в ЦК партии и в верховном органе власти нашей страны. С 1928 года я работала инструктором женотдела ЦК ВКП(б) под руководством старой большевички Александры Васильевны Артюхиной, а позднее — в Верховном Совете СССР, председателем Президиума которого был Михаил Иванович Калинин.

За прошедшие с той далекой поры годы наша партия добилась гигантских успехов в возрождении ранее отсталых народов. Теперь женщины — представительницы этих народов — активные участницы великого созидания: они учителя, врачи, инженеры, ученые, отличные производственники, руководители районов, округов, республик. Навсегда ушли в прошлое темнота и забитость, нужда и эксплуатация. Женщины любой национальности — полноправные члены общества, активные творцы коммунистического завтра.

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН ВОСТОКА

Совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21—22 декабря 1972 года подвело итоги борьбы и побед за пятьдесят лет существования Советского Союза. На нем присутствовали представители всех народов СССР и многих зарубежных стран Запада и Востока. Яркий доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, многочисленные приветствия свидетельствовали о триумфе ленинской национальной политики.

Присутствуя в зале заседания, я с волнением смотрела вокруг. Происходившее здесь воспринималось мною, как ставшее действительностью замечательное будущее, за которое боролись мы, коммунисты старших поколений, и все трудящиеся нашей великой Родины.

Депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР восточных национальностей, особенно женщины, привлекали мое внимание. Они воплощали в себе идеал равноправия граждан Страны Советов, к которому вела женщин ленинская партия по пути борьбы за социализм.

В год образования СССР я поступила учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москве. Здесь я познакомилась с передовыми женщинами восточных национальностей. Их в те годы насчитывались единицы. После Октябрьской революции с помощью женотделов партийных комитетов они приобщились к активной борьбе против темноты и невежества, против невыносимого гнета, за претворение в жизнь советских законов, уравнивших в правах женщин с мужчинами. Но к своему освобождению им довелось пройти нелегкий путь.

В судьбе многих женщин Востока близкое участие приняла Н. К. Крупская. Она определила на учёбу в КУТВ крестьянок Ф. Реззатову, К. Велину и многих других, стремившихся к образованию. В. И. Ленин, по воспоминаниям Н. К. Крупской, придавал большое значение подготовке кад-

ров для национальных республик Советского Востока из числа представителей самих коренных национальностей, особенно женщин. О тесных связях, которые существовали между Крупской и студентками Коммунистического университета трудящихся Востока, свидетельствует тот факт, что она и Клара Цеткин в 1923 году на собрании, посвященном Международному женскому дню 8 марта, на котором они присутствовали, были зачислены почетными студентками КУТВ.

Некоторые студентки КУТВ выразили желание по окончании университета работать в женотделах. Для них отдел по работе среди работниц и крестьянок ЦК РКП(б), которым в то время заведовала старая большевичка С. Н. Смидович, организовал специальный кружок. Без отрыва от учебы слушательницы регулярно, раз в неделю, занимались в этом кружке. Его старостой избрали студентку Федосью Осодоеву, бурятку по национальности. Занятия вели работницы женотдела Центрального Комитета партии Мойрова, Ньюрина, Каспарова, Миловидова, Сейфи и другие. Мы изучали в кружке директивы ЦК РКП(б) по работе среди женщин Советского Востока, знакомились с формами и методами этой работы.

Слушательницы кружка посещали проходившие тогда в Москве конференции работниц и крестьянок, делегатские собрания, совещания работников женотделов.

Сам быт студентов и студенток КУТВ прививал навыки коллективной работы. Мы убирали помещения, дежурили на кухне, в столовой. Летом во время каникул работали в совхозе, находившемся в ведении КУТВ. Совхоз был расположен примерно в двух километрах от станции Лопасня (теперь город Чехов) Курской железной дороги. Под опеку нам отвели бывший помещичий особняк, к которому примыкал большой старинный парк. Прямо под открытым небом в парке были поставлены длинные деревянные столы, чисто выскобленные и вымытые, без скатертей и клеенок. К ним по гонгу дежурных студенты собирались на завтрак, обед и ужин.

Я работала в этом совхозе летом 1923 года.

Совхоз имел картофельные поля, сенокосные угодья, фруктовый сад. Их обрабатывали студенты. Оттуда, где работали юноши и девушки, обычно доносились веселый смех, шутки, пение.

Мы вели шефскую работу в окрестных деревнях. В избах-читальнях деревень Васькино и Мелихово (теперь Че-

хово) давали концерты, делали доклады, проводили беседы, помогали оформлять стенные газеты, вели кружки.

Кроме обычной работы на совхозном поле мне было поручено дежурить в летней студенческой библиотеке. Она помещалась на первом этаже особняка, а читальным залом служила веранда, выходящая в парк. Среди студенток КУТВ большим спросом пользовались книги по женскому вопросу, такие, например, как «Женщина и социализм» А. Бебеля, «Женский вопрос в древности» Лилли Браун и другие.

Сдают бывало девушки восточных национальностей книгу и, лукаво подмигивая, говорят мне:

— Знаешь, как аргументировать право женщин на равноправие с мужчинами?

И сами же отвечают:

— В природе равноценны оба пола, для потомства необходимы тот и другой!

— Все? — Интересуюсь я.

— Половина ценностей мира создана руками женщин!

— Еще что?

— Без участия женских трудящихся масс не победит социализм, не свершится мировая революция!

Девушек с деланной серьезностью перебивают юноши:

— Женщины способны лишь кур от мешков с зерном отгонять!

— Мудрецы Древнего Востока говорят, что тот не мужчина, который не имел тринадцати жен! В мусульманском раю у каждого правоверного будет по семи гурий!

Длится веселая, шуточная перебранка-дискуссия, пока наконец кто-нибудь из девушек не прервет ее:

— Хватит выдумки пересказывать!

Быстро пролетело лето, и студенты снова возвратились в Москву в свой университет.

Под учебные аудитории и общежития КУТВ занимал несколько домов в районе Страстной (ныне Пушкинской) площади. Клуб университета находился в здании кинотеатра «Ша нуар» (в нем впоследствии длительное время был кинотеатр «Центральный»). В клубе проходили студенческие собрания и вечера, особенно запомнившиеся мне многонациональной художественной самодеятельностью.

По окончании КУТВ студенты и студентки нашего выпуска разъехались на работу в национальные республики, области и округа Советского Востока. Там большинство из них со временем выдвинулось на руководящие посты в пар-

тийных и советских организациях, некоторые возглавили правительства своих республик. Многие стали научными работниками, видными деятелями культуры, литературы и искусстваа.

В начале 1925 года мне довелось побывать в служебной командировке в Турции. Советский Союз имел уже добрососедские отношения с Афганистаном, Ираном, Турцией. Правительство последней возглавлял тогда Кемаль-паша. В Турции была свергнута власть султана и установлена буржуазная республика, начали проводиться некоторые прогрессивные реформы, важные и для других стран зарубежного Востока. Правительство Кемалья-паши отменило многоженство, обязательное ношение чадры, дало женщинам право участвовать в выборах в муниципальные органы, учиться в средних и высших учебных заведениях.

Сущность этих реформ точно определила турецкая писательница Халидэ (Эдиб). В одном из своих романов она писала, что эти реформы нужны только светским женщинам из высокопоставленных состоятельных и интеллигентных семей.

И это было верно, ибо реформы ни на йоту не облегчили положение трудящихся женщин. Крестьянки Анатолии, например, работая в сельском хозяйстве вместе с мужчинами, и до этого своих лиц никогда не закрывали. Работницы табачных и других фабрик тоже всегда работали с открытыми лицами в присутствии администраторов-мужчин, зачастую иностранцев.

Турецкие женщины-труженицы нуждались и нуждаются, даже после предоставления им права участвовать в выборах в меджлис (парламент) в 1935 году, в праве совместно с мужчинами бороться за свои экономические интересы, в равной оплате за равный труд, в охране женского труда, материнства и младенчества.

Однако и проводившиеся весьма ограниченные реформы далеко не одобрялись сторонниками обычаев времен султана. Один из реакционных журналистов, помню, писал: «В наш безалаберный и тревожный двадцатый век турчанка с закрытым лицом как женщина экзотического Востока успокаивает нервы и утверждает неизбежность домашнего уюта».

На улицах Стамбула мне довелось наблюдать сценки, наводившие на горькие мысли по поводу «решения» женского вопроса в этой мусульманской стране. Я видела однажды, как при многочисленном скоплении народа дервиши на виду у всех избивали на улице женщину-работницу табачной фаб-

рики, шедшую домой с открытым лицом. Они рвали на ней одежду, осыпали градом ударов и оскорблений, но никто не посмел защитить эту молодую работницу. С окровавленным лицом она вырвалась из рук истязателей и побежала от них под яростный рев толпы.

В другой раз я наблюдала, как на узкой улочке старого Стамбула, недалеко от знаменитого базара, молодые турчанки, почти девочки, с закрытыми чадрой лицами предлагали себя как проститутки иностранным любителям экзотики.

В европейской части Стамбула, на большом проспекте Перу, молодые турчанки из состоятельных семей в платые модного европейского покроя, с прозрачными, как паутинки, сетками на лицах посещали иностранные рестораны, кафе, кинотеатры, магазины, не вызывая возмущения ревнителей мусульманских обычаев.

После возвращения из Турции я начала работать в восточном секторе отдела работниц и крестьянок ЦК партии. Заведовала этим сектором Варвара Каспарова. Через нее я однажды получила приглашение прийти в Международный женский секретариат при Коминтерне к Кларе Цеткин. Она живо интересовалась положением трудящихся женщин в Турции, задавая мне вопросы через Миловидову, хорошо владевшую немецким языком. Помню, Клара Цеткин спросила меня:

— Борются ли за свое равноправие и раскрепощение трудящиеся женщины Турции? Напишите о ваших впечатлениях.

Выслушав мой ответ, она заключила:

— Только совместная борьба трудящихся мужчин и женщин, будь то на Востоке или на Западе, борьба за социалистическое преобразование жизни поможет трудящимся женщинам обрести подлинное гражданское равноправие...

В восточном секторе отдела работниц и крестьянок ЦК партии я работала до начала 1926 года. Кроме Каспаровой в сектор входили знавшая казахский язык М. Сейфи, чувашка А. И. Нухрат, болгарка-политэмигрантка Койка Тинева, покинувшая свою родину в 1923 году после происшедшего там фашистского переворота. Я как инструктор занималась обобщением опыта женотдельской работы, выезжала на места для инструктирования, составляла рекомендации по вопросам работы среди женщин, выступала на женских конференциях и собраниях.

Как-то, встретив меня в коридоре, заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК К. И. Николаева, с которой я

была знакома еще по Петрограду, полушутя-полусерьезно спросила:

— А что, не заразилась ли ты там, в Турции, буржуазным феминизмом?

Клавдию Ивановну Николаеву впервые я встретила в марте 1917 года, вскоре после свержения самодержавия, когда она выступала на митинге работниц Выборгской стороны. К. И. Николаева только что вернулась из царской ссылки. Из ее речи я, тогда шестнадцатилетняя работница военного оптического завода, впервые узнала о программных требованиях большевиков по женскому вопросу. Изложив их, Николаева призывала работниц не поддаваться влиянию буржуазных «равноправок», или феминисток, как они себя на иностранный лад называли.

— Может ли быть общий интерес между помещицей и батрачкой? Между работницей и фабрикантшей? Между барыней и прислугой? — говорила Клавдия Ивановна на митинге. — Нет! Буржуазные дамы вместе с мужчинами своего класса поддерживают капиталистические устои общества, стоят за политическое бесправие рабочих, выступают против требований масс прекратить империалистическую войну и ввести восьмичасовой рабочий день!

Все это живо вспомнилось мне во время разговора с Николаевой. В ее полушутливом вопросе-предостережении нетрудно было уловить большую заботу о большевистском, подлинно ленинском решении женского вопроса в нашей стране, строившей социализм.

В конце 20-х — начале 30-х годов, работая в органах печати в Средней Азии, я часто бывала во многих районных центрах, кишлаках, аулах, аилах Узбекистана, Туркмении, Киргизии. На основе развернувшейся индустриализации, начавшейся коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации байско-кулацких хозяйств были заметно подорваны устои женского бесправия и угнетения на территории в прошлом отсталых национальных окраин.

Работа на текстильных фабриках, построенных в те годы в Маргелане, Бухаре и других городах, обеспечивала узбечкам независимое существование, делала их равноправными в семьях. Работницы становились авангардом трудящихся женщин Узбекистана.

Помню, как в огромном светлом цехе Маргеланской шелкомотальной фабрики, являвшейся по тем временам крупнейшим предприятием, работали молодые узбечки, навсегда сбросившие паранджу. Я смотрела на их ловкие движения,

когда они заправляли тонкие, еле видимые нити из коконов шелкопрядов или снимали готовую продукцию — шелк-сырец, и меня охватывала радость: вот оно — настоящее решение женского вопроса в республиках нашего Востока, вот оно — подлинное равноправие в труде, а следовательно, и во всей жизни.

Почти такая же, как в Маргелане, шелкомотальная фабрика была сооружена в Бухаре. На этих фабриках работали женщины и девушки разных национальностей, но большинство составляли узбечки.

Женотделы много сил отдавали организации промышленных женских кооперативных артелей, налаживанию работы делегатских собраний дехканок в хлопковых колхозах. Вся работа женотделов в республиках Советского Востока была направлена на вовлечение трудящихся женщин в процесс общественного производства, в управление государством через Советы, на подъем их культурного уровня.

Эта работа была трудной и упорной — слишком живучими оказывались пережитки патриархального быта. Расскажу о таком случае. Как-то в Бухаре я встретила женщину-татарку средних лет, выпускницу Коммунистического университета трудящихся Востока, которую знала еще в Москве. Фамилия ее в моей памяти не сохранилась, но я живо помню ее облик: коротко стриженная, в узбекской тюбетейке, в выцветшей красноармейской гимнастерке, с промтоварным лотком в руках. Она заведовала женской промтоварной лавкой и разносила разные товары в ичкари (женские половины в старых узбекских домах). Приходя в ичкари, она рассказывала затворницам-узбечкам о законах Советской власти, о том, что партия большевиков добивается гражданского равноправия женщин. Вместе с ней и я побывала у одной из таких затворниц.

Это была молодая узбечка, проданная родителями за калым старому мулле в качестве одной из его жен. Кроме маленького дворика, примыкавшего к дому, обнесенного высоким глиняным дувалом, она почти никуда не выходила; если ей это изредка и разрешали, то заставляли облачаться в серый балахон-паранджу и закрывать лицо плотной сеткой из черного конского волоса. Узбечка была неграмотна, имела очень смутное представление о событиях, происходивших за стенами своего дома. Но в ней жило стремление к свободе, и женотдел всячески боролся за нее. Заведующая женской лавкой принимала посильные меры помощи этой затворнице для ее освобождения.

Приходилось мне бывать и на судебных процессах, когда разбирались дела, связанные с преследованием, а то и с убийством женщин, ставших на путь раскрепощения с помощью женотделов, активисток, делегаток. Такие процессы обычно проводились в тех кишлаках, где были совершены преступления. Убийцы, приверженцы старого быта, как правило, были связаны с баями, с басмачами.

Разъезды по моим газетным делам были в то время довольно нелегким делом. Несмотря на большие сдвиги в развитии экономики Средней Азии, пути сообщения и транспортные средства мало благоприятствовали путешествиям. Чуть ли не единственными средствами передвижения были верховые лошади и верблюды. Низкорослые выносливые туркменские лошадки помогали преодолевать расстояния в сотни километров от железных дорог, добираться в кишлаки и аулы.

В те годы, когда такие каналы, как Ферганский и Каракумский, были только в проекте, орошение, крайне необходимое в среднеазиатских условиях, проводилось путем сооружения арыков, которые дежкане рыли вручную. Каждый новый арык был значительным событием, и газеты стремились обязательно отметить такое событие. С этой целью на праздники по случаю окончания рытья арыков и пуска воды редакции посылали своих корреспондентов.

Помню, как я ехала из Самарканда в один кишлак, расположенный в долине Тай-Пахсай (Верблюжье Копыто). Дорога проходила по пустынной местности. Зной, нещадно палит солнце, сильно мучит жажда. До колодца далеко. Только лошадь чувствует, где вода. Вот она резко свернула в сторону с пыльной дороги и остановилась у круглой ямки, наполненной желтой, мутной жидкостью, и припала к ней мордой.

От колодца лошадка бойкой трусцой несла меня вдоль горной цепи Тянь-Шаня, мимо видневшихся вдалеке юрт киргизов, к кишлаку Нур-Ата. В этом кишлаке отдохали все путники, едущие в долину Тай-Пахсай. Лошадь, словно зная это, бежала туда, к чайхане, и скоро я уже сидела на кошме в чайхане и слушала местного аксакала. Он рассказывал о том, что кишлаку Нур-Ата больше тысячи лет, когда-то он был большим торговым городом, на его базар пригоняли из-за гор захваченных в плен мужчин и женщин, молодых и старых, и здесь продавали их в рабство.

Короткий отдых окончен, и лошадь снова несет меня мимо гор. Стало смеркаться, и с предгорья послышался вой шакалов. Было уже совсем темно, когда я добралась до до-

лины Тай-Пахсай. Еще издали заметила маячившие огни факелов и костров. Сдав лошадь на постой, я стала наблюдать праздник. Дежкане в праздничных халатах и тюбетейках сидели прямо на земле, полукругом, курили глиняные трубки и с большим интересом смотрели на все, что происходило на наскоро сколоченной сцене. Участники концерта пели и танцевали, играли на народных инструментах. Из выступавших особенно сильное впечатление оставила малоизвестная тогда еще жительница Бухары Тамара Ханум, впоследствии народная артистка СССР...

В новом, социалистическом мире, в котором мы теперь живем, женщины Советского Востока являются равноправными труженицами, широко расцвели их таланты, многие стали учеными, государственными и общественными деятельницами. Они — дочери и внучки тех, кто первыми под руководством ленинской партии прокладывали путь к счастью. Теперь они служат примером для трудящихся женщин всех стран мира.

СТУПЕНИ РОСТА

Город Витебск в течение четырех лет империалистической, а затем в годы гражданской войны был прифронтовым. Он имел тогда значение стратегического тыла Северного фронта как узел железнодорожных путей, связывающих Витебск с Петроградом, Ригой, Полоцком, Двинском и Могилевым.

Здесь был расквартирован почти пятидесятитысячный гарнизон. К стотысячному населению города прибавились беженцы из Латвии и других районов, оккупированных немцами. Неизбежным следствием скученности, холода, голода были болезни — эпидемия сыпного тифа и другие. В такой обстановке началась работа профсоюза фармацевтов, организованного в апреле 1917 года, и моя работа в нем в качестве члена правления и ответственного секретаря союза. Революционная часть союза поддерживала большевиков, активно выступая против меньшевистско-эсеровских и бундовских краснобаев, скатившихся в лагерь контрреволюции.

В октябре 1918 года наш профсоюз одним из первых в стране провел национализацию аптек. Работа в профсоюзе стала для меня первой школой коммунистического воспитания. Я участвовала во всероссийских съездах нашего союза, а в 1920 году была избрана членом центрального комитета союза аптечных работников, делегатом II Всероссийского съезда работников медико-санитарного труда и делегатом III Всероссийского съезда профсоюзов. На обоих съездах имела счастье видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Секретарем Витебского губкома партии была в то время товарищ Шейдлина, активная участница Октябрьской революции, член ревкома и первого состава губкома партии. Она была видным работником на Витебщине, любимицей рабочих, а ей было всего-навсего двадцать лет.

Вспоминается Мария Долгат, первый красный директор чулочной фабрики, ныне прославленного предприятия Белоруссии «КИМ». Вместе с передовыми работницами льнопрядильной фабрики «Двина» Цыганковой, Саввой, Рыбаковой,

Максимовой и другими они много сделали для укрепления Советской власти в Витебске и вели за собой всех остальных женщин. Благодаря их энергии были организованы первые в городе столовые, школы ликбеза, детские ясли.

В начале ноября 1918 года мы получили из Москвы известие о созыве I Всероссийского съезда работниц и предложение прислать делегатов.

От Витебской губернии на съезд поехали девять работниц и шесть крестьянок. Об этом съезде много писалось в мемуарной литературе, в частности и мною. Поэтому не буду повторяться, скажу лишь, что съезд имел огромное значение для пробуждения и вовлечения тружениц города и деревни в строительство новой жизни. Никто из нас не забыл огромного счастья от встречи с Лениным, его теплого рукопожатия, когда мы преподнесли ему цветы. По возвращении домой все беспартийные делегаты вступили в Коммунистическую партию. Почти все получили высшее образование — стали инженерами, партийными работниками.

Вскоре после съезда работниц, в декабре 1918 года, при Витебском губкоме партии была создана комиссия по агитации и пропаганде среди женщин; я стала членом ее. Мы пошли к работницам на фабрики, заводы, в мастерские, к женам рабочих, поехали в уезды и волости, чтобы рассказать о решениях I Всероссийского съезда работниц и вовлечь массы тружениц в практическую работу.

А трудности росли, положение в стране обострялось, не хватало самого необходимого — пищи, одежды, обуви.

Витебский губком решил созвать в мае 1919 года губернский съезд работниц и крестьянок. Мне и коммунистке Стольской, председателю женкомиссии губкома РКП(б), было поручено подготовить этот съезд. Работницы города оказали делегаткам-крестьянкам самый радушный прием. Большую роль в работе съезда сыграл приезд К. И. Николаевой, представительницы женкомиссии ЦК партии. Она председательствовала на съезде, выступала с докладом и в прениях. В перерывах между заседаниями вела с нами продолжительные беседы, учила, инструктировала, передавала свой богатый опыт партийной работы в массах.

Приехала к нам Клавдия Ивановна с маленьким сыном и поселилась в общежитии гостиницы «Брози», где жили наши товарищи по работе. Мы по очереди оставались с ее ребенком в гостинице, с большим трудом доставали для него молоко.

Съезд избрал губернскую женкомиссию, в которую вош-

ли из ныне здравствующих старые большевички Е. Левина, С. Левина-Муранова и я.

Вскоре меня выдвинули на должность инспектора труда (одновременно я продолжала работать ответственным секретарем нашего профсоюза и членом губернской комиссии по работе среди женщин). Это была уже третья нагрузка. Отказываться и в мыслях не было: в те годы многие коммунистки имели не меньше нагрузок. Самой напряженной, трудной и необходимой оказалась работа по охране женского труда. На предприятиях, в особенности находившихся в частном владении, нередко нарушались законы об охране труда, не соблюдались самые элементарные нормы. На кожевенных заводах рабочие буквально задыхались от едкого запаха вымачиваемых кож. Вентиляция отсутствовала. Спецодежда если и была, то ветхая, не хватало даже рукавиц.

Особое внимание я обращала, как мне было рекомендовано губкомом партии и отделом труда, на положение женщин на производстве. Получасовой перерыв для кормления ребенка не всегда соблюдался, не было специальных комнат для этого. В антисанитарных условиях трудились работницы на чулочной фабрике, особенно в обмундировочных мастерских фабрики, где перешивали ношенные шинели, рубашки,— там была ужасающая грязь. Я требовала, чтобы вещи поступали в переделку после стирки и дезинфекции. А хозяева частных предприятий старались «втереть очки» двадцатилетней инспектрисе, спорили, находили тысячи отговорок, убеждали, ссылались на то, что предприятие и без того терпит убытки, и даже намекали, что не сносить мне головы. А я приходила снова и снова, отмеряя много верст пешком: трамваи стояли, автомашин не было. Я полюбила свою нелегкую работу, так как видела, что она необходима для рабочих, для нашего государства.

1919 год, как известно, был самым напряженным годом гражданской войны. Страна находилась во вражеском кольце. В июле — августе белопольские легионеры заняли Молодечно и подступили к станции Вилейка. Полоцк был захвачен белополяками. Витебская партийная организация сделала все возможное, чтобы организовать защиту родного города. Еще в июле 1919 года была создана внутренняя охрана города.

— К оружию! — звала партия.— На защиту красного Витебска!

Работницы дружно отозвались на призыв. Комиссия по работе среди женщин начала запись добровольцев; прово-

дился сбор одежды, обуви, рукавиц для Красной Армии, подарков для бойцов. Женщины Витебска с честью выполнили свой патриотический долг в годы гражданской войны.

В июле 1919 года с агитпоездом имени Октябрьской революции к нам в город приехал Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин. Это вызвало большой подъем во всей нашей партийно-массовой работе, направленной на помощь Красной Армии. В своем выступлении в Витебске, касаясь международной и внутренней обстановки в стране, Михаил Иванович сказал: «...мы переживаем полосу беспощадной борьбы.. Сейчас нельзя стоять со скрещенными руками и дожидаться, когда кончится кровавая борьба. Такие люди заслуживают глубокого презрения... Недалек тот день, когда русский народ покажет всему миру, как должна строиться жизнь человеческого общества».

Выступление «всероссийского старосты» побудило нас ускорить обучение медицинских сестер и санитарок. Уже в августе они отправились на деникинский и врангелевский фронты. Как много человеческого тепла вносили эти юные девушки в жизнь и быт красноармейцев, помогая и постирать белье, и написать письмо.

Я тоже вступила в ряды Красной Армии и получила назначение в политотдел отдельной Башкирской стрелковой бригады. Здесь меня приняли по-товарищески, просто и деловито. Выбрали секретарем парторганизации санитарной части бригады. В центре внимания была агитационная работа. Молодая коммунистка, я, естественно, сомневалась, справлюсь ли? Бригада состояла из башкир, татар и русских. Политические занятия велись на их родном языке или с переводчиком. Хорошими агитаторами были мои боевые товарищи — Усманов (позже он учился в Институте красной профессуры), Нургалеев, Кадырматов, Уразов, политически подготовленные, владевшие русским языком.

Вскоре меня назначили начальником политпросветчасти политотдела 43-й дивизии. Дислоцировалась дивизия в Петрозаводске, а затем в Петрограде.

Запомнилось мне 18 марта 1921 года, когда по поручению политотдела я поехала в одну из воинских частей выступать с докладом о Парижской коммуне. День был холодный, с Невы дул резкий, порывистый ветер. Шинель не грела, а политотдельская двуколка, запряженная смирной лошадкой, еле двигалась; холод пронизывал насквозь. Как всегда, перед докладом было беспокойно на сердце. Дорогой я обдумывала свою речь: как сблизить далекое время великой Парижской

коммуны с событиями у нас? Как раз в эти дни в Москве заседал X съезд партии, принявший исторические решения о переходе к нэпу.

Тысячная аудитория красноармейцев с любопытством глядела на худенькую, съезжившуюся от холода фигурку докладчицы.

Во взглядах — доброжелательность. В зале было сравнительно тепло (успели надышаться). Я сразу успокоилась и начала говорить, все более вдохновляясь, о великом историческом подвиге коммунаров, о трагическом поражении и уроках Коммуны, ее значении в международной революционной борьбе пролетариата против капитала. Красноармейцы аплодировали. Задавали вопросы, с интересом слушали ответы. Потом я обратилась к ним с неожиданной не только для них, но и для себя просьбой о том, чтобы, возвратившись домой, они помогли крестьянкам овладеть грамотой, втянули их в общественную жизнь. Ссылаясь на свой, хотя еще и небольшой опыт, я говорила красноармейцам, что крестьянки на общественном поприще проявят себя не хуже, чем мужчины, нужно только поддержать их. И получила в ответ шумное одобрение — лица молодых красноармейцев как-то пообредели, смягчились, повеселели.

Осенью 1921 года, после демобилизации из Красной Армии, я вернулась в родную Белоруссию. Вначале меня назначили заведующей женотделом Витебского губкома партии, затем я работала в женотделе Гомельского губкома, а с 1923 года стала заместителем заведующей отдела по работе среди женщин ЦК КП(б) Белоруссии. Это была уже широкая по масштабам работа, требовавшая все большего углубления в суть дела. Она приносила радость и удовлетворение еще и тем, что теперь поднялись к общественной деятельности сотни и тысячи тружениц.

Заведующей женотделом ЦК Компартии Белоруссии работала Мария Федоровна Муратова, которую мы звали просто Марусей. Это была двадцатичетырехлетняя красавица с черными косами, уложенными короной, в пламенно-красной косынке на голове. Инициативная, настойчивая, Муратова умела зажечь вдохновением своих подруг по работе. Вместе с ней увлеченно работали коммунистки А. Сапун, О. Ноздровская, С. Шамардина, П. Разовская, Э. Лиходиевская, Э. Марецкая, член партии с 1914 года. Это были опытные товарищи, на которых можно было положиться.

В характере Марии Федоровны удивительно сочетались душевность, мягкая женственность, нежность с твердой

мужской хваткой. Превосходный оратор, она умела зажечь большевистским словом любую аудиторию. Я познакомилась и подружилась с Муратовой еще в 1919 году в уездном городе Невеле, куда приехала по поручению женкомиссии Витебского губкома партии. Тогда Марусе было всего девятнадцать лет, а партия уже доверила ей опаснейшее задание — выследить и обезвредить с помощью местных чекистов кулацкую банду атамана Воробьева, терроризировавшую уезд, нападавшую на советские учреждения, жестоко расправлявшуюся с коммунистами, активистами из бедноты. И Муратова с честью справилась с этим поручением, требовавшим большой смелости и риска.

Были в нашей работе огромные трудности, иногда мы переживали неудачи, но немало испытали и радостей. Мы были по-настоящему счастливы, когда увидели первый номер выпущенного нами в ноябре 1924 года женского журнала «Белорусская работница и селянка». Журнал получил теплое напутствие Надежды Константиновны Крупской и заведующей женотделом ЦК партии Клавдии Ивановны Николаевой. Журнал сразу нашел дорогу к сердцам женщин Белоруссии и вскоре стал их постоянным верным другом, советчиком и наставником в труде и в жизни.

Иллюстрации журнала знакомили читателей с первыми выдвиженками на руководящую работу, членами ЦИК Белоруссии и ЦИК СССР. Журнал призывал работниц повышать производственную квалификацию, братья за освоение сложной техники, подробно освещал сельскохозяйственные темы, пропагандировал агрономические знания. Много внимания уделялось борьбе с неграмотностью, суевериями, религиозными предрассудками, популяризировались новые революционные обряды — красные свадьбы, октябрины. Журнал писал, что имя Владимир в честь великого Ленина становится самым любимым в тысячах семей. Освещались также хозяйственные успехи Советского Союза, просто и доходчиво рассказывалось об основных политических событиях в Советской стране и за ее рубежами.

Выход журнала был большим политическим событием в жизни республики. В работе над журналом нам неизменно помогали не только видные партийные и советские деятели, но и писатели, поэты, врачи, учителя. Редакция постоянно привлекала делегатов, работниц женотделов для обсуждения своих планов и вышедших номеров. В связи с двухлетием журнала редакция получила много приветствий, в том числе и из-за границы — от издававшегося в Лондоне женского

журнала «Рабочая жизнь». Тем самым было положено начало интернациональным связям журнала.

С тех пор прошло много времени. Журнал возмужал, вырос и уже отметил свой полувековой юбилей. Начав жизнь с трехтысячного тиража, он сейчас имеет тираж почти полмиллиона экземпляров!

Опыт, приобретенный в Белоруссии, весьма пригодился мне, когда я с 1925 года стала заместителем редактора московского журнала «Делегатка». Этот журнал, как показывает его название, ориентировался в первую очередь на женщин-делегаток города и деревни и, разумеется, на широкую массу рабочих и крестьянок Московской области. Он начал выходить 8 марта 1923 года. «Делегатка» была журналом тружениц столицы — крупнейшего промышленного центра нашей Родины, а потому вопросы производства, его рационализации, качества продукции, борьбы за добросовестное использование каждой рабочей минуты всегда стояли в центре нашего внимания.

Из номера в номер журнал писал об опыте лучших работниц, показывавших примеры социалистического отношения к производству, борьбы за чистоту в цехе и на фабричном дворе. Журнал рассказывал о первых женщинах-мастерах и инженерах. Мне приходилось бывать на предприятиях, прямо на рабочих местах собирать материалы для статей. Мы часто освещали работу лучших тружениц «Трехгорки», «Богатыря», фабрик «Свобода», «Освобожденный труд», «Красная роза», завода «Каучук» и других...

Особенно тщательно готовились номера к Международному женскому дню 8 марта. В этих номерах подводились итоги достижений, освещались первоочередные проблемы производственной деятельности, культурного развития, бытового раскрепощения женщин, рассказывалось о труде и жизни лучших делегаток-общественниц, которых делегатские собрания работниц рекомендовали к вступлению в Коммунистическую партию.

Очень важной задачей журнала было укрепление интернациональных связей работниц. Помню, как в редакцию «Делегатки» приехали гости из Скандинавских стран и подарили нам на память альбом с фотографиями, изображавшими жизнь женщины-работницы в этих странах. На страницах журнала была напечатана переписка с итальянскими и немецкими пролетарками. В редакцию часто приходили письма непосредственно от работниц разных зарубежных стран.

Редакция создала широкий актив женщин-работниц,

вела с ними систематическую работу, организовывала читательские конференции. При делегатских собраниях действовали секции печати, которые выпускали свои стенные газеты.

На наших читательских конференциях частыми гостями были известные писатели Ф. Гладков, А. Караваева, А. Серафимович, поэты А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, Э. Багрицкий, М. Голодный. В журнале печатались Маяковский, Инбер, Неверов, Шолохов, Серафимович и другие. Не раз бывала у нас Мария Ильинична Ульянова, помогавшая нам организовать работу с корреспондентами. Работницы просили пролетарских писателей больше создавать произведений о новых советских женщинах, передовых общественницах, о том, как буквально на глазах меняется положение женщин на производстве, как преобразуется их быт. Эти встречи расширяли кругозор работниц, пробуждали у них глубокий интерес к литературе. Много поучительного давали они и приходившим на конференции литераторам.

Журнал помещал рассказы, очерки, написанные нашими рабкорками. Для помощи им при редакции был организован «Кружок пролетарских писательниц имени 8 Марта». Руководила им старая большевичка Людмила Николаевна Сталь. Она уделяла внимание каждой работнице, в которой видела хотя бы маленькую искорку таланта, в любой час была готова прийти на помощь. Людмила Николаевна была удивительно добрым, отзывчивым человеком. В частности, мне именно она посоветовала поступить учиться на литературное отделение Института красной профессуры.

Кружок пролетарских писательниц помог раскрыться таланту Елены Новиковой. Помню, как с большим смущением она в первый раз переступила порог редакции «Делегатки» и подала свою заметку о московской таможне, где тогда работала. Круглолицая, очень моложавая для своих шестидесяти лет, в неизменном темном сарафане поверх светлой кофточки и белом платочке, она стала часто приходить в редакцию. Мы знали о ее нелегкой доле крестьянки, о том, что она, работая простой санитаркой в госпитале, участвовала в гражданской войне. Знали, что она лишь на пятом десятилетии жизни выучилась грамоте. Все мы в первую очередь помогали ей ликвидировать малограмотность. Шаг за шагом прошла она путь от маленькой заметки к небольшому очерку, а затем к рассказу. У нас на глазах расцвел удивительный талант человека, от природы наблюдательного, обладающего даром обобщать увиденное, замечать все новое и важное в

жизни. Новикова стала одним из активных авторов журнала.

В 1928 году в связи с шестидесятилетием А. М. Горького было организовано много встреч с великим пролетарским писателем. Наша редакция тоже получила согласие Алексея Максимовича встретиться с активом рабочих корреспондентов. Сопровождать Горького к нам женотдел МК ВКП(б) поручил Новиковой, рабкоровке Другановой и мне. Мы отправились к нему на квартиру. Алексей Максимович по-дружески встретил нас и сразу же стал собираться в дорогу. Я познакомила его с моими спутницами. Он обнял за плечи Елену Новикову и сказал, что знает Аленушку давно, знаком с ее рассказами и рекомендовал ей обязательно писать. В дальнейшем Алексей Максимович помог ей в печатании романа «Маринкина жизнь» и написал теплое предисловие. Новикова стала членом Союза советских писателей.

Встреча с А. М. Горьким в Зеркальном зале Московского комитета партии навсегда сохранилась в моей памяти, а фотоснимки в номере «Делегатки» более чем сорокапятилетней давности живо напоминают о том счастливом дне моей жизни. Великий писатель рассказал рабочим корреспонденткам, как он начинал писать, ответил на наши многочисленные вопросы. Говорил Алексей Максимович задушевно, просто, с юмором. На прощание он пообещал прислать в редакцию «Делегатки» статью о творчестве Новиковой и выполнил свое обещание.

Для меня встреча эта имела свое продолжение, правда несколько иного порядка. В Институте красной профессуры, где я училась, работал семинар, в котором изучалось творчество Горького. Им руководил А. В. Луначарский. Его эрудицию, блестящий стиль бесед с нами трудно описать. Скажу только, что Анатолия Васильевича приходили слушать со всех отделений ИКП, студенты переполняли аудиторию, двери невозможно было закрыть. Мне было поручено сделать доклад на тему «Горький-публицист» и я его подготовила. С этим докладом, одобренным Луначарским, я выступила сначала на семинаре, а потом по Центральному радио. Нужно ли говорить, как я волновалась, ведь меня, возможно, слушал и сам Горький. Товарищи по институту одобрили мое выступление.

Мне посчастливилось не раз видеть и слышать на съездах и собраниях Надежду Константиновну Крупскую. Одно из выступлений было посвящено десятилетию Октябрьской революции. В президиуме собрания находились Н. К. Круп-

ская, Клара Цеткин, А. М. Коллонтай, А. В. Артюхина и другие. На собрание были приглашены крестьянки Московской области. Как сердечно, с какой любовью и нежностью относились они к Крупской! Клару Цеткин, выдающуюся деятельницу международного коммунистического и женского движения, я также не раз видела и слышала. Пламенная революционерка считала Советский Союз своей второй родиной и с искренней теплотой относилась к московским работницам, много раз перед ними выступала, писала для них в наш журнал.

Дважды мне пришлось видеть Клару Цеткин и в домашней обстановке. В 1927 году в Большом театре отмечалось ее семидесятилетие. С делегацией работниц женотдела МК ВКП(б) я ездила в Архангельское, где после болезни отдыхала Клара. Мы везли ей цветы и приглашение на празднование юбилея. Дорогой очень беспокоились, удастся ли нам с ней встретиться. Тревога была напрасной. Хотя она только что поднялась после тяжелой болезни, но встретила нас очень радостно. Она обняла, расцеловала каждую из нас и, тронутая до слез приглашением, сказала, что врачи пока не разрешают ей выезжать, но душой она будет с нами. Клара Цеткин просила передать самый сердечный привет московским работницам.

После торжественного собрания женотдел Московского комитета партии поручил группе активисток снова поехать к Кларе Цеткин, рассказать ей о собрании и передать подарки московских работниц. Во второй раз она встретила нас как старых знакомых, долго не отпускала, благодарила и радовалась подаркам «Трехгорки», среди которых была расшитая полотняная ткань на платье. Клара Цеткин была тронута, когда мы сообщили ей, что скоро построят самолет и откроется родильный дом, которым присвоят ее имя.

— У меня будет много внуков,— сказала она.

С особым волнением Клара вглядывалась в подаренный ей работницами портрет Владимира Ильича Ленина и со слезами на глазах говорила, как дорог он ей...

За десять лет своей работы среди женщин мне посчастливилось близко познакомиться с работниками женотдела Центрального Комитета партии, возглавлявшегося А. В. Артюхиной. Я близко знала и не раз работала вместе с ее заместительницей Калыгиной, сотрудниками женотдела ЦК Нюриной, Тормасовой. Воспоминания о них, ушедших от нас, согревают сейчас мое сердце.

ПУТЬ В НАУКУ

В один из августовских дней 1920 года меня вызвали в Одесский губернский комитет партии:

— Решением бюро губкома,— сказали мне,— ты направляешься на учебу в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

Своим ушам не поверила: кто из молодых коммунистов не мечтал повидать Москву.

— Кстати,— продолжал наш учраспред,— завтра уезжает в Харьков зампредгубисполкома Бляхин, постарайся попасть в его вагон. Это упростит оформление твоего выезда.

Тогда выезжали по специальному разрешению.

Вечером того же дня я подошла к двери одной из комнат гостиницы «Лондон», в которой жил Бляхин, и робко постучала. Ждала обычного «Войдите», но дверь открылась, и появился сам Бляхин. В какие-то доли минуты разглядела его: простое лицо русского парня, усеянное веснушками, добрые серые глаза, буйный хохол, ниспадавший на правый висок.

Его приветливость и простота сразу рассеяли мое смущение, робость, и я с места в карьер выпалила:

— Разрешите проехать до Харькова в вашем вагоне. Меня губком посылает в Москву на учебу.

— Садитесь и езжайте,— сказал он,— вагон такой же мой, как и ваш, народный.

На следующий день я сидела на нижней полке жесткого вагона, а на платформе собрался чуть ли не весь актив Одесской партийной организации. Провожали Бляхина — уж очень, видно, всем полюбилися этот простой, обаятельный волжанин!

Поезд тронулся. Бляхин вошел в вагон:

— Вы здесь? Ну, вот и поехали!— сказал он и сразу забрался на верхнюю полку. Слышно было, как снимал ремень с кобуры, и мгновенно все затихло. Уснул.

Так на голой полке жесткого вагона он проспал пятнадцать часов, и, кто знает, может быть, так и спал бы до Харь-

кова, отсыпаясь за прежние бессонные ночи, но случилось дорожное происшествие, какие были не столь уж редкими в те годы.

Наш поезд вдруг рвануло толчком, и он остановился. По вагону пробежали люди, крикнув на бегу:

— Бандиты!

— Товарищ Бляхин, проснитесь, бандиты,— дергала я его за сапог. Он мгновенно вскочил. Привычно пристегнул ремень с кобурой, провел рукой по лицу и быстрее из вагона. Я за ним.

Люди стояли на насыпи: кто с ребенком на руках, кто с винтовкой. Беспорядочные выстрелы в отдалении нарушали предутреннюю тишину. Бойцы охраны из районной транспортной чрезвычайной комиссии что-то разъясняли пассажирам, успокаивали перепуганных ребятишек. У пулемета на товарной площадке возился пулеметчик. Стояли долго, пока не вернулась разведка.

— По ва-го-на-ам! — раздалась команда, и люди с облегчением вернулись на свои места.

— Кажется, отоспался малость,— сказал Бляхин, усаживаясь за столик.— Теперь бы и подкрепиться не грех.

Он достал свой скромный паек и стал меня потчевать. Так началось наше путешествие, длившееся восемь дней. Восемь дней от Одессы до Харькова! Восемь дней в купе, с глазу на глаз, когда душа распахивается настезью...

С каждым днем Павел Бляхин все больше раскрывался: передо мной вставал шестнадцатилетний юноша, вступивший в партию в 1903 году, в семнадцать мальчишеских лет познавший царские нагайки, мрачные казематы Метехского замка, Карсской крепости, баррикады рабочей Пресни. Нелегальная жизнь подпольщика. Ссылки, этапы, тюрьмы, побег.

Мое пребывание в деникинской тюрьме показалось мне по сравнению с пережитым Бляхиным кратким эпизодом.

— Знаете, мне страстно хочется писать,— сказал как-то Бляхин,— а тут, видите, надо «губкомствовать»...

Кто бы мог подумать, что через год появится его книжка «Красные дьяволята», получившая известность во всей стране, а еще через два года «дьяволята» замелькают на экранах страны. А тогда в жестком вагоне поезда Одесса—Харьков Бляхин, ставший потом известным советским писателем, рассказывал лишь о своей мечте.

В Харькове наши пути разошлись: Бляхин уезжал в Екатеринбург, я — в Москву.

Центральный Комитет партии. Принял меня секретарь ЦК, расспросил о деникинщине в Одессе и предложил:

— Поработайте в Московском комитете партии, пока в Свердловке еще не начались занятия.

Мне дали направление в МК и талон в 3-й Дом Советов в Божедомском переулке.

В Московском комитете я встретила с Софьей Николаевной Смидович. Добрые глаза, гладко причесанные волосы, заложенные узлом сзади. Скромно одета. Она встретила меня очень приветливо, а когда узнала, что я недавно вышла из деникинской тюрьмы, еще теплее стала разговаривать со мной.

— Оставайся у меня в отделе, — Софья Николаевна ведала отделом по работе среди работниц и крестьянок, — завтра у нас совещание. Познакомишься с нашими активистками — работницами, крестьянками, а сегодня вечером пойдем на встречу с Кларой Цеткин.

Софья Николаевна снабдила меня талоном на обед и тут же стала хлопотать о постоянном жилье для меня.

...Большой театр. Ярко горят люстры. Красный бархат окаймляет ярусы. В зале приподнятое, торжественное настроение.

Звонок председателя.

— Слово предоставляется ветерану революционного движения, вождю германского пролетариата...

Не дают закончить фразу. Весь зал поднимается и в едином порыве приветствует женщину, быстро подошедшую к рампе. Она пытается заговорить, но ей это удается не сразу — буря аплодисментов.

Вот она, Клара Цеткин. Невысокого роста, сутуловатая, с седыми волосами, ясными глазами. Она заговорила голосом трибуна, огненно, страстно:

— С глубоким волнением я стою перед вами, пробившими первую брешь в твердыне капитала...

Я немного ее понимаю — учила немецкий язык, но, кажется, ее понимают все — по ее экспрессии, по знакомым словам — пролетариат, солидарность, Интернационал.

Зал бурно ее провожает.

Сердце не в силах вместить всего пережитого в тот памятный вечер, и я брожу по незнакомым улицам Москвы, чтобы дать улечься всему увиденному, услышанному.

Совещание в женотделе ЦК партии. Его открывает Коллонтай. У меня смешанное чувство: вождь пролетарок и крестьянок, а такая нарядная. Посмотрела на свою обувь, сит-

цвое платье и приуныла. Сказалась сила контраста. Но вот Коллонтай заговорила, и все внешнее ушло на задний план. Передо мной стоял пламенный борец, революционер. Первая в истории женщина — член правительства государства рабочих и крестьян, Александра Коллонтай пленила меня мудростью государственного деятеля и большим женским обаянием.

Я много раз потом встречала Александру Михайловну, но первая встреча осталась незабываемой на всю жизнь...

В сентябре начались занятия в Свердловке. Народу съехало много. Занятия проходили в доме на Малой Дмитровке (ныне Театр имени Ленинского комсомола).

Всего шесть месяцев проучилась — курсы краткосрочные, но это была незабываемая пора юности. Наша вера в светлый мир помогала преодолевать неизвестные нынешнему поколению трудности, лишения. Черный хлеб, сандалии на деревянной подошве, кожаная куртка на «рыбьем меху», так мало согревавшая в суровую зиму 1920 года, — все воспринималось как естественные трудности того тяжелого для страны времени. Впереди — огни мировой революции. Каждому хотелось быть ее участником.

Весна 1921 года. X съезд РКП(б). Мне выпало счастье увидеть и услышать Ленина. Я была на съезде гостьей от Свердловки.

Ленин открывал съезд. Делегаты встретили его бурной овацией.

«Россия из войны вышла в таком положении, — говорил Владимир Ильич, — что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!»¹

Я вглядывалась в Ленина: перед нами стоял человек, который поворачивал нашу жизнь в русло новой экономической политики.

Свердловцы разъехались по стране. Я — на Урал, на Челябинские угольные копи (ныне город Копейск). Маленькая выбеленная комната. Небольшой столик. На нем школьная чернильница-непроливайка, ручки с перьями — это рудничный комитет союза горнорабочих. Я секретарь первичной организации. Рядом комната еще меньше, с подслеповатым окошком. Железная койка, столик, табурет — мое новое жилье. Многие жили тогда в землянках. Голод наложил свой отпечаток на всех, но работали что было мочи. Челя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

бинский уголь питал всю Уральскую железную дорогу, и рабочие это понимали.

Единственный клуб был на соседнем руднике — Уфалейском. Туда ездили на собрания, праздники. В те годы принято было отмечать день расстрела рабочих на Ленских приисках. Я рассказывала собравшимся о том, как 4 апреля 1912 года царские сатрапы расстреляли мирное шествие безоружных рабочих, поднявшихся против произвола и насилия.

...На конференции горняков меня избрали секретарем райкома профсоюза. Перевели с копей в Челябинск.

Работы в райкоме непочатый край, но каждый день бывала на руднике. Поговоришь с рабочими — легче ориентироваться в райкомовских делах. Уж очень нелегкое было время!

Вскоре меня послали в Екатеринбург на областную конференцию горняков. Город показался тихим, малолюдным.

На конференции меня избрали членом Уралбюро ЦК профсоюза горняков. Не заезжая в Челябинск, выехала с делегацией на V Всероссийский съезд профессиональных союзов¹.

Москва. Колонный зал Дома союзов.

Большое оживление, приподнятое настроение.

Впервые после ликвидации фронтов гражданской войны съехались делегаты со всех концов страны.

Председатель президиума зачитывает приветствие Ленина съезду. Съезд шлет ему горячий привет от имени организованных в профсоюзы рабочих.

Закончился съезд, и вот уже друзья, товарищи по Свердловке, оставшиеся в Москве на двухгодичных курсах, провожают меня обратно на Урал. Они веселы, беспечны. А я чувствую себя старше, озабоченней — я жду ребенка.

Мой первенец родился в Челябинске. Отец, Владимир Федорович Воронин, управляющий Челябинскими копами, души не чаял в мальчике и закалял его по-горняцки.

В угольной промышленности, как и во всем народном хозяйстве, ощущалась острая потребность в технической реконструкции. Нужно было готовить свои технические кадры. В конце 20-х годов партия совершает невиданный в истории эксперимент: коммунистов, прошедших школу партийной, военной, хозяйственной работы, направляют в высшие учебные заведения — первая «парттысяча». В числе «парттысячников» и я.

¹ Съезд состоялся в Москве 17—22 сентября 1922 года.— Ред.

Впервые переступаю порог Московского химико-технологического института имени Менделеева. Страшновато. За спиной лишь профессиональное училище — знания в пределах шести классов средней школы. А у некоторых и того меньше.

Как слушать лекции по программе высшей школы?

Выход найден: с семи утра занимаемся по средней математике, а в девять — вливаемся в общую аудиторию и слушаем о неведомых, таинственных интегралах и дифференциалах — высшую математику. Математика нам всем доставалась нелегко.

Меня захватила химия: передо мной открылся необъятный мир новых веществ. Еще не открыты были тайны химии белка, еще неизвестны были полимеры, способные дать человеку одежду, жилище, но все, что приносил мне каждый новый день, делал мою жизнь, жизнь двадцатидевятилетней матери двоих сыновей, полной захватывающего интереса, правда, напряженной и нелегкой.

Быстро пролетели три года. Дипломный проект. Кончила вуз с отличием. Направили в совершенно новую для меня отрасль — производство дубителей.

Станция Шумерля Чувашской автономной республики. Ныне это крупный промышленный центр, а тогда, в начале 30-х годов, Шумерля представляла собой небольшой рабочий поселок в лесу, два предприятия. Люди жили в бараках. Два-три дома для инженерно-технического персонала, столовая, клуб.

Здесь крупный завод дубителей. Сырье — дубовая древесина. Измельченную в тонкую щепу, ее выщелачивают (вымывают) водой. Полученный дубильный сок выпаривают в выпарных аппаратах и в виде остывшей в мешках твердой массы отправляют потребителю — кожевенному заводу. Там с помощью дубителя шкуры животных превращают в кожи, в сырье для легкой промышленности.

Несмотря на большие трудности — не хватало сырья, рабочих, плохо было с техникой, — работа на заводе была очень интересной. Завод — лучшая школа для начинающего специалиста. Сразу установились хорошие деловые отношения с коллективом.

На районной партийной конференции меня избрали членом контрольной комиссии; на областной конференции — в состав Чувашского обкома партии.

Шел второй год работы на заводе, как вдруг меня вызвали в Москву, в наркомат.

— Мы намечаем построить в стране первый завод синтетических дубителей, — сказал мне в наркомате руководящий товарищ, — поезжайте в Харьков на менделеевский съезд, там будет специальное сообщение о синтетических дубителях.

Судьба моя определилась по-новому: приказом наркома легкой промышленности СССР я назначена заместителем управляющего трестом «Дубитель».

Донбасс. Константиновка. Город химии. Здесь закладывался первый камень отечественного завода синтетических дубителей. Месяцами не выезжала из Константиновки. Через полтора года завод был сдан в эксплуатацию.

Не успела нарадоваться первой выпущенной продукции, как снова вызвали в наркомат:

— За строительство завода вы премированы командировкой в Германию и Соединенные Штаты Америки, а также денежной премией, — сообщил мне начальник главка.

Берлин. По улицам маршируют коричневорубашечники. Фашистские штурмовики жестоко расправляются со всеми инакомыслящими.

В Германии в то время уже разработали обширный ассортимент синтетических дубителей. Специализированного завода не было: синтаты производились в одном из цехов фирмы «ИГ Фарбениндустри». Здесь познакомились с производством и применением синтатов в кожевенной промышленности.

В Гамбурге сели на пароход и отплыли за океан. Лишь на восьмые сутки показались огоньки нью-йоркских небоскребов.

В Америке, в отличие от Германии, широко было развито производство натуральных дубителей, синтетические же составляли едва ли один процент в общем балансе дубителей. Их производили из чистых фенолов — они очень дороги.

На заводах растительных дубителей наше внимание привлекла рациональная конструкция основных диффузионных аппаратов. Они здесь металлические с широким выгрузочным люком, в отличие от наших деревянных, с меньшим диаметром люка. С большим интересом мы наблюдали за процессом очистки дубителей от зольного балласта. Новым тогда для нас был выпуск дубителей в виде порошка, а также использование отходов для получения нового продукта — картона.

Все эти вопросы были предметом тщательного обсуждения на съезде специалистов после нашего возвращения в

Москву. Все рациональное и передовое из опыта Америки и Германии было перенесено в нашу отечественную дубильно-экстрактовую промышленность.

1938 год. Я на подступах к науке. Центральный научно-исследовательский институт кожевенно-обувной промышленности. Лаборатория дубильных материалов. Одна из ведущих лабораторий, сыгравшая решающую роль в создании отечественного дубильно-экстрактового производства.

В стране не хватало дубителей. Их ввозили из-за границы за золотую валюту, а рядом целлюлозники спускали в канализацию обильные отходы, содержащие дубящее вещество — лигносульфонаты. Изготовление дубителей на базе этих отходов пока не превышало 20—25 процентов.

Причина слабой дубящей способности лигносульфонатов в самых общих чертах заключается в том, что молекула лигносульфоната лишена самых важных для дубителей групп — фенольных, которыми природа так щедро одарила древесину дуба.

Обогащение лигносульфонатов фенолами могло бы решить важную народнохозяйственную задачу — освобождение страны от импорта дубителей и сохранение ценной дубовой древесины.

Стремление решить эту задачу легло в основу поисков советских ученых на долгие годы. В этой области химической науки довелось трудиться и мне.

Лаборатория, в которую я впервые вошла, представляла собой небольшую комнату с низким потолком и четырьмя небольшими окнами. Обилие посуды на лабораторных столах и подоконниках скрадывало свет, в комнате всегда царил полумрак. Лишь кое-где сквозь стекла окон прорывались лучи солнца, высвечивая на полках банки с реактивами. Воздух был насыщен запахом сульфитцеллюлозных щелоков, парами водяных бань.

Начались мои лабораторные будни: длительные кропотливые опыты по обогащению лигносульфонатов фенолом. В результате был получен искусственный дубитель, позволивший заменить до 60 процентов натуральных дубителей. Это была неоспоримая удача. Однако самое решающее испытание — проверка прочности кожи при носке обуви — было впереди. Испытание обуви проводили в одной из армейских частей.

Какова же была наша радость, когда результаты носки обуви подтвердили способность нового синтетического дубителя вытеснить в производстве подошвенной кожи 60 про-

центров, а верхней — все 100 процентов натуральных дубителей!

Настал долгожданный и тревожный день — еду на завод внедрять новый дубитель.

Печаткино Вологодской области. Завод «Дубитель» на территории целлюлозно-бумажного комбината.

— У нас новые люди на заводе, — встретил меня главный инженер, — о дубителях почти ничего не знают, а о новом дубителе, который мы начнем выпускать, и старые кадры должного представления не имеют. Не организовать ли ваше сообщение до начала работы?

На стыке двух смен собрались рабочие, специалисты, представители бумажного комбината — поставщики сырья.

— Товарищи, — начала я, — наша беседа будет о дубителях — области малоизвестной, но народнохозяйственное значение которой очень велико.

Что такое дубитель? Это такой класс химических соединений, которые способны превратить шкуры животных в кожи. Из кожи шьют обувь — самый широкий предмет народного потребления.

— Из чего же производят дубители? — продолжала я. — Пока главным образом из дуба. Ежегодно переводим на технические нужды миллион кубических метров этой ценной древесины, только перевозка которой составляет суточный пробег поездов по всем железным дорогам страны. Вот почему возникла проблема создания искусственных, синтетических дубителей — синтанов. Из чего же синтезируют дубители? Главным образом из фенолов. Фенол — это карболовая кислота. В медицине ее применяют в виде жидкости, в технике — в виде кристаллов. Разработанный нами способ позволил из отходов вашего комбината — щелоков получить при помощи фенола дубитель, настолько близкий по своим дубящим свойствам к натуральным, что выдубленную им подошву красноармейцы изнашивали за такой же срок, как и подошву натурального дубления.

Образцы подошвы пошли по рукам: их нюхали, сгибали, надрезывали. Меня уже не слушали. Настроение было приподнятое: люди почувствовали, что пришло что-то новое, обещающее.

Признаться, я испытывала сильное душевное волнение, но старалась виду не показывать.

Новый дубитель шагнул в производство.

И вот настал день, когда ящики с опытным дубителем были готовы к отправке потребителю. Но железная дорога

нашего груза не принимала, вагон для нас не был запланирован. Решили отправить опытные образцы по воде.

— Пришел пароход, но наши ящики не погрузили,— сообщил взволнованный экспедитор.

Помчалась на пристань — и прямо в каюту капитана.

— Во имя науки,— взмолилась я,— распорядитесь принять груз «Дубителя». Там опытная продукция. С помощью этой продукции московский завод должен выработать кожи, которые, возможно, будут годны для армии.

Едва я упомянула армию, капитан встал. Высокий, широкоплечий, с обветренным лицом, подал мне руку:

— Позвольте познакомиться, Сергей Яковлевич.

— Очень приятно.

Представилась и я.

— Ну, так как, Сергей Яковлевич?

— Во имя науки все сделаем,— сказал капитан, посмотрев на меня подобранными глазами, и вызвал старпома.

Вскоре матросы забегали по трапу с нашими ящиками с клеймом «Опытные».

Технический совет наркомата. Горячее и долгое обсуждение, и наконец самое радостное для исследователя: «Рекомендовать новый дубитель для промышленного применения».

Так наш первенец входил в жизнь...

А однажды в дверь позвонил почтальон: вытащил из сумки длинный желтого цвета конверт и предложил расписаться.

Распечатала конверт: «Авторское свидетельство на «Способ получения искусственного дубителя»... Зарегистрировано в Бюро изобретений Госплана СССР...» — прочитала я волнующие строки. Значит, разработанный способ признан!

Шли годы. Присуждали новые авторские свидетельства, второе, третье, восьмое... но волнение от первого свидетельства — ни с чем не сравнимо.

Начало июня 1941 года. Выехала на Сокольский завод Вологодской области внедрять новый дубитель. На этот раз вместе с лаборанткой. Трудно бывало одной наблюдать за работой во все три смены. Особенно тяжело приходилось под утро: часа в четыре-пять сон буквально валил с ног. Нет, нет, да и заберешься в комнату мастеров, ляжешь на скамью, под голову рулон бумаги (благо, бумажный комбинат по соседству) и забудешься. Но и в полузабытьи продолжаешь слышать привычный шум насосов, звуки вращения мешалок. Одолеешь сон, и снова на ногах.

Воскресенье 22 июня 1941 года. На заводе тише обычного. Людей не видно.

— Слышали? — подбежал ко мне сменный мастер. — Гитлер на нас напал... Мы вступили в войну...

Я окаменела...

— Постойте у аппарата, я сбегая в дежурку.

Включила репродуктор и услышала последние слова речи Молотова.

У меня перехватило дыхание. Да, война стала фактом. Оказалась неотвратимой. Вторая мировая война при жизни моего поколения.

Пришел директор завода.

— Вам звонили из института. Велели немедленно возвращаться в Москву.

Лишь через несколько дней удалось выбраться из Сокола.

В институте с каждым днем все меньше и меньше остается мужчин.

Пришел проститься Павел Андреевич Бляхин. Казалось, только недавно отправлялся на борьбу с Махно, Врангелем, и вот опять на фронт против Гитлера. С тех пор как пробирались в поезде Одесса — Харьков в Центральный Комитет Компартии Украины, прошло двадцать лет, но каждый что-то унес в своем сердце, чего не заглушило время. Встречались на съездах, конференциях и вели долгую и непрерывную переписку, сближающую иной раз больше, чем непосредственное общение.

Бляхин уходит на фронт с Краснопресненской дивизией народного ополчения. Увидимся ли еще когда-нибудь? Можно ли словами передать пережитое в те краткие, торопливые минуты?..

Днем — в институте, ночью — с младшим сыном в бомбоубежище. Старший пошел в военкомат. Враг насеждает. Институт эвакуируется. Уехала с младшим в Казань. Назначена директором республиканской научно-исследовательской лаборатории Наркомата легкой промышленности.

В октябре в Казань приехала Анна Михайловна Панкратова, выдающийся советский историк (которую я знала еще со времен одесского подполья). Академия наук СССР эвакуирована.

— Москва в опасности, — с тревогой сообщила она мне.

— Неужели сдадим Москву? — спрашивала и не верила, не верила, а сердце сжимала боль...

А в первых числах декабря мы услышали по радио о

поражении немецких войск на подступах к Москве: «...враг отступает, бросая технику и неся большие потери...»

Где-то мой старший? После письма с дороги в воинскую часть ничего не пишет долгие месяцы. И вдруг долгожданный треугольник:

«...Мамочка, дорогая, сегодня узнал, что разбили Гитлера на том участке, где меня ранило. Мамусь, не волнуйся. Теперь могу ответить на твой вопрос: «Как я буду себя чувствовать в бою?» Если у тебя оружие в порядке и командир хороший, так не страшно... В последнем бою остались без командира. Вначале растерялись, но потом повел роту, и хорошо получилось, как у настоящего командира... Сейчас мне в госпитале хуже, чем на передовой. Уже полгода от вас ничего не имею. Целую вас крепко, мои дорогие».

На пароходе плыву по Каме. Здесь недавно нашли сырье для синтанов. Где только его не искали в то тяжелое военное время! А когда вернулась в Казань, телеграмма: «Правительственная. Командируйте Топоровскую Москву доклада дубителях. Наркомлегпром».

В конце июля 1942 года сдала дела лаборатории и вернулась в Москву.

Людей в институте мало. Есть уже вдовы. Припадут к плечу и тихо плачут...

Надвигалась тяжелая зима 1942/43 года. Все сгрудилось в одной лаборатории — топлива не хватает. Все в ватниках, платках. Неуклюжие, с посиневшими губами. Из обеда в столовой для научных работников на Калужской площади съедаю только первое; остальное отношу домой сынишке. А он покушает и спрашивает: «Мам, когда же я поем досье?»

В те нелегкие дни засела за диссертацию. В почти неотопленной квартире, в пальто, варежках вечерами садилась в глубокое кресло (так, казалось, теплей) при свете фитилька из ватного жгутика, опущенного в блюдечко с подсолнечным маслом, и так работала до глубокой ночи, пока холод не добирался до самых костей.

25 августа 1943 года — один из самых памятных дней моей жизни в науке. Ученый совет Московского технологического института легкой промышленности. Здесь двенадцать лет назад мне вручили диплом инженера¹. Сейчас я

¹ Оканчивать мне пришлось Московский технологический институт легкой промышленности, созданный на базе соответствующей кафедры Московского химико-технологического института имени Менделеева. — Х. Т.

снова среди моих учителей, которые, наверное, сопереживают со мной. Вышла на трибуну и почувствовала небывалое волнение: руки задрожали, а с ними и листочек-памятка. Но это длилось недолго, и я стала спокойно, уверенно докладывать, комментируя диаграммы, развешенные по стенам, и схему основной химической реакции синтеза дубителя.

Обсуждение было доброжелательным, ободряющим:

— Пожелаем вам,— сказал директор и основатель института Петр Гермогенович Павлович,— обрадовать нас вскоре докторской.

Тайное голосование. Единогласно.

Меня поздравляли, пожимали руки, а я чувствовала себя в положении человека, сбросившего с себя тяжелый груз и тотчас же ощутившего небывалую легкость, почти невесомость.

В институте все переключились на тематику, продиктованную войной. Жизнь свела меня с нефтью. Казалось бы, что общего между дубителями и нефтью? Однако именно в отходах переработки нефти перед нами открылась кладовая того органического сырья, которого мы лишились в связи с временной оккупацией Константиновки (Донбасса). Константиновский завод выпускал синтаны, полученные из отходов переработки каменного угля, подобные по своему химическому составу отходам переработки — пиролиза — нефти. Уже был накоплен некоторый опыт по синтезу таких продуктов. Это позволило в короткий срок получить дубитель, названный ПС — пиролизный синтан.

Июнь 1944 года. Баку. Здесь создана была первая производственная установка по выпуску нефтяного синтана.

Вскоре после возвращения из Баку выехала в Тбилиси для организации такого же производства. Договорились по всем позициям проекта, и я вернулась в Москву. Не заезжая домой, направилась в наркомат. Нарком сразу меня принял.

— Мне звонили из Баку. Нефтяным синтаном мы сумеем снабжать все закавказские республики,— намечал перспективу нарком легкой промышленности Сергей Георгиевич Лукин.

В начале победного 1945 года в институт прислали приказ наркома. В нем были такие строки: «...получение нового синтетического дубителя на базе отходов пиролиза нефти приобретает исключительное значение в условиях военного времени... Обеспечить оказание помощи в расширении про-

изводства в Баку, в соответствии с постановлением Совнаркома от 4 января 1945 года».

Этим же приказом я и моя лаборантка отмечены были премией наркома.

По окончании войны снова усилились поиски фенолов.
Звонок из Госплана СССР:

— Приезжайте, вас ждут фенолы.

А. М. Жоров, начальник отдела легкой промышленности Госплана, предложил мне ознакомиться с солидной папкой. По мере того как читала страницы докладных записок, росло волнение: это же настоящий кладезь! Двухатомные фенолы. Мечта!

С той доброй минуты в лаборатории началась упорная работа по созданию первого отечественного синтетического дубителя на базе двухатомных фенолов.

Правдинск. Целлюлозно-бумажный комбинат, вырабатывающий бумагу для газеты «Правда». Здесь и завод «Дубитель». На этом заводе суждено было положить начало промышленному выпуску высококачественного синтана-замениителя с применением отходов переработки бурых углей, содержащих до 75 процентов двухатомных фенолов.

И этот синтан, прежде чем попасть в заводской аппарат, прошел всю цепь лабораторных исследований и полужаводских испытаний.

И вот завод. Первый готовый продукт, и пробирер отбирает пробу для анализа. Проходят долгие, нелегкие дни внедрения нового синтана. Не обходится и без срывов, тревог: сырье дорогое, получают его из Чехословакии. Большая ответственность! И как важно бодрящее слово, моральная поддержка в те дни! Как нужны они исследователю, когда замысел воплощается в промышленный продукт! И это слово ободрения пришло:

«Я очень доволен,— писал мне заместитель наркома Д. Г. Костенко,— что Вы продолжаете оставаться на заводе. Понимаю Ваши переживания, тревогу за работу, которая, по моему мнению, является большой, созидательной и очень нужной для страны.. Большие дела сопряжены с большими переживаниями. Радует Ваша уверенность в победе... Запаситесь терпением на год. Мой план заключается в том, чтобы промышленность в течение года поработала с новым дубителем, и она — промышленность, ее люди скажут то, что Вы, с понятным мне нетерпением, ждете.

Работайте уверенно. Желаю успеха.

Уважающий Вас Д. Костенко»

Постепенно новый синтан завоевывал все более прочное положение в кожевенном производстве. Его использовали для выработки подошвенной и верхней кожи, мехов и овчино-шубных изделий в течение многих лет. Синтан заменял до 80 процентов натуральных дубителей. Экономисты исчисляли эффективность его применения в миллионах рублей.

По мере насыщения кожевенной промышленности синтанами все острее вставали вопросы качества дубителя. Наши синтаны отличались высоким содержанием зольного балласта, достигавшего 35 процентов. Этот балласт вместе с дубильным веществом попадал в кожу, и подошва, сделанная из такой кожи, быстро промокала. Специальными исследованиями было установлено, что намокает подошва находится в прямой зависимости от содержания в ней золы. Еще с тех пор, как я побывала на американских заводах и наблюдала очистку натуральных дубителей, у меня возникла идея разработать способ очистки синтетических дубителей. Настала пора воплотить ее в жизнь. Способ очистки дубителей был найден. В результате длительных лабораторных экспериментов удалось при помощи ионнообменных смол довести содержание золы в синтанах до 0,3 процента против 35. Это была осязаемая победа. В очищенных синтанах улучшились все химические, а также кожевенно-технологические показатели. Выдубленные кожи почти не намокали и отличались высоким сопротивлением стиранию. Это означало удлинение жизни кожи. А ведь удлинение срока службы подошвы всего лишь на один процент давало огромную экономию. Моя работа была опубликована.

Шли годы. Создавали новые дубители. Не всегда поиск приводил прямо к цели. Но упорство и притягательная сила познания неизведанного не давали впасть в уныние, отчаяние. Всякий раз, когда казалось, что дальнейшее исследование надо прекратить, мы с новыми силами ставили повторные опыты, и вдруг открывалось что-то незамеченное, неучтенное в предыдущих опытах.

Давно известно, что упорство и настойчивость — решающие факторы в исследовательской, экспериментальной работе. Меня редко покидала вера в то, что я делаю. А когда уже ясно вырисовывалась возможность претворить замысел в практику, мы расширяли фронт работы и с какой-то страстностью доводили ее до промышленного внедрения.

Писать обо всех исследованиях, которые мне довелось выполнить на протяжении двух с лишним десятков лет, трудно, да и вряд ли нужно. На этих страницах я рассказала

лишь о том, как человек уже в зрелом возрасте включился в научный поиск и год за годом, по мере своих сил и умения, создавал отечественные синтетические дубители.

Перечитывая теперь публикации моих работ в отечественной отраслевой печати и в зарубежной патентной литературе, дневниковые записи, которые я вела в лаборатории, на заводах, в поездках, я снова переживаю тот подъем, стремительность, которые не покидали меня все годы. И снова испытываю радость удач и горечь срывов...

Убеленная сединой, оглядываюсь на пройденный путь и думаю, что стало бы со мной, девочкой из бедной семьи, работницей дореволюционных кустарных швейных мастерских, если бы не Великий Октябрь?

Октябрь помог мне, как и тысячам людей из народа, приблизиться к науке.

Наука безбрежна, и овладеть ею даже в одной, узкой отрасли не хватит целой жизни. У меня такое ощущение, что я едва только подступилась к науке.

СТРАНИЦЫ ЛЕТ ПЕРЕБИРАЯ...

«Прочь с дороги, мир отживший, сверху донизу прогнивший! Молодая Русь идет!» — прокричала я, взглянув на маленькие мутные окна с внутренними ставнями и втянув в себя сырой застоявшийся воздух.

Это было не совсем тактично, и моя тетья, опустив руки с шитьем, осуждающе посмотрела на меня и обиженно поджала губы. Я и сама почувствовала, что моя задиристая декламация была неуместной, но эта представившаяся мне убогая обстановка старого домика на окраине Москвы являла собой уж слишком резкий контраст с просторными помещениями трудовой школы, с полями и свежим воздухом Узбекистана, откуда я приехала. Даже домашние блинчики, трогательно приготовленные к моему приезду, показались мне неаппетитными по сравнению с кипятком из титана в жестяной кружке, куском черного хлеба и уж совсем крошечным кусочком колотого сахара.

Шел 1928 год. Мне было семнадцать лет, и я приехала из Ташкента в Москву к своей парализованной маме после четырех лет пребывания в трудовой опытно-показательной школе-коммуне имени Карла Либкнехта в селе Луначарском под Ташкентом. Моя не особенно вежливая выходка не была характерна для меня, но она отразила происшедшие во мне изменения, так сказать, в концентрированном виде. Я стала совсем другая по сравнению с той замученной и бледной сироткой, которая в 1924 году уехала в ташкентский «приют», как тогда назвала школу моя тетья. Перед тетей стоял уже взрослый человек с определенными взглядами на свое место в социалистическом обществе и на сложные задачи, стоящие перед этим обществом. Моральные, этические, социальные воззрения, сложившиеся у меня за эти годы, ни разу не были поколеблены в моей жизни, и этим я во многом обязана школе-коммуне, в которой жила именно в те годы, когда шло становление первой в мире молодой Страны Советов и вместе с новым, социалистическим укла-

дом жизни формировались самосознание и психика подростка.

Школа имени Либкнехта была действительно необыкновенная. Здесь триста ребят, потерявших родителей и не имевших средств к существованию, учились, жили и работали под собственным управлением и неустанным товарищеским руководством учителей во главе с нашим горячо любимым строгим заведующим Всеволодом Федоровичем Лубенцовым. Школа воспитала много рабочих и большое количество работников умственного труда средней и высшей квалификации. Отличительной чертой «трудовиков», как называют себя ее воспитанники, была любовь к труду, стремление к знанию, гражданское видение мира, чистота помыслов и коммунистическое мировоззрение. Н. К. Крупская писала в своих трудах, что для современного учителя — воспитателя молодого поколения очень важно знакомство с опытом работы школы-коммуны имени Карла Либкнехта.

Школа была организована в 1918 году. Много сил отдал ее созданию молодой тогда народный учитель Всеволод Лубенцов, окончивший в 1912 году Нежинский педагогический институт, один из первых пропагандистов и организаторов советской трудовой школы. Лубенцов поставил задачу: из детей, не имевших родителей, подготовить общественных работников и культурных тружеников для социалистического строительства. Силами преподавателей, учеников и небольшого количества сельскохозяйственных рабочих было капитально отремонтировано старое приютское здание, приведены в порядок сады и поля, экспроприированные у местных богатей, налажены классная работа, трудовые процессы и школьное самоуправление.

Мы с братом поступили в школу в 1924 году. Хилые и бледные городские дети, мы представляли резкий контраст крепким, загорелым, бойким босоногим ребятам, которые окружили нас. Но скоро мы и сами стали такими же.

В первые недели я удивлялась слаженности и незримой организованности жизни всего коллектива. Каждый куда-то стремился, что-то делал, босой и не всегда сытый ребенок был весел. У нас, воспитанников школы, не было потерянного детства, хотя наряду с обучением мы были вынуждены работать, так как государство в то время не могло нас всем обеспечить. И мы много трудились в садах, на огородах, в столярной, слесарной, портновской мастерских, дежурили на кухне, в столовой, буфете. Мы были и «материально ответственными лицами», так как за порчу или потерю инвен-

таря, носильных вещей взыскивалось строго. Наряду с этим коллектив учителей, пораженных универсальностью своих знаний и занятий, делал все возможное для развития наших дарований. Мы пели, рисовали, лепили, играли в драмкружке, декламировали и много читали. Находясь в семи километрах от Ташкента, мы пешком вечерами ходили в театр «Колизей», рассаживались на галерке и наслаждались «Пиковой дамой», «Евгением Онегиным», пьесами классиков и новых драматургов. Духовно обогащенные, мы глубокой ночью возвращались обратно, нисколько не беспокоясь о том, что завтра в семь часов утра надо вставать, приниматься за учение и работу.

Трудовая школа давала нам многое. Она раскрывала перед нами прекрасный мир чувств и знаний. Наши педагоги и старшие товарищи были твердо убеждены, что стать настоящими воспитателями детей и вырастить из них людей социалистического общества можно, только отдав им свое сердце. И они щедро его отдавали, они сумели стать для нас старшими друзьями. Беря с них пример, мы учились видеть мир прекрасным. Педагоги добивались, чтобы мир собственных переживаний подростков расширялся в конкретной работе до сознания интересов общества. Умело разъяснялись вопросы взаимоотношения полов, красота жизни и любви. Не было праздности.

В школе я вступила в пионерскую организацию, и сразу пионерская дисциплина, политические беседы, походы, художественное чтение, пение песен у костра стали важнейшей составной частью моей жизни. Позже вступила в члены Ленинского комсомола, в эту боевую организацию молодежи.

Из школы я вышла не столько с большим запасом знаний, сколько с устойчивым стремлением их иметь, с умением не бояться никакой работы и не приходить в уныние от жизненных трудностей. В 1928 году я поступила на физико-математический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Неоценим его вклад в подготовку специалистов для отсталой в дореволюционное время Средней Азии. Когда Советская страна завершила восстановление народного хозяйства и перед ней вплотную встала задача создать прочный фундамент социалистического общества, для осуществления решающих сдвигов в этой области — индустриализации и коллективизации — потребовалось огромное число кадров квалифицированных специалистов. Нужно было организовать подготовку преподавателей для высших учебных заведений, организовать научную работу.

И хотя мы были студентами, лишь недавно пришедшими на вузовскую скамью, мы все это очень хорошо понимали.

«Ноги босы, грязно тело и едва прикрыта грудь. Не стыдися! Что за дело! Это многих славных путь», — эти слова Некрасова как нельзя лучше отражали наше настроение.

Меня приняли в университет без стипендии, но зато я получила место в общежитии. Училась и подрабатывала на жизнь — благодаря заботам общества «Пролетстуд» — уроками и нанимаясь караулить книжный магазин. Последнее было особенно весело и романтично. Целые ночи с ружьем в руках; на дежурство ко мне приходили ребята, вместе готовились к лекциям, спорили. Получала на руки всего три рубля. После ночных бдений безумно хотелось спать, и помню, как-то, сидя в первом ряду на лекции по биологии, я проснулась от возгласа профессора: «Разбудите ее, а то она упадет!» Но это не помешало мне хорошо заниматься по этому предмету. Вспоминается и такой штрих. Как-то одна наша студентка из обеспеченных сказала с возмущением: «Понимаешь, Денисюков сошел с ума: лежит на тротуаре и читает том по философии!» «Что же тут удивительного? — ответила я, — он караулит магазин и, чтобы не терять времени даром, готовится к экзамену».

Жили коллективом, часто брали в общежитие один обед на нескольких человек, а бывало, и ничего не ели. Одевались во что придется. Одна студентка, у которой было три простеньких платья, казалась мне настоящей богачкой. А моя мечта иметь юнгштурмовку — гимнастерку с портупеей и юбку защитного цвета — так и осталась неосуществленной.

Такую жизнь вели мы все, за небольшим исключением. Помню, как-то рано утром я бегу на факультет позаниматься немецким языком и вижу подводу, груженную мясом, а рядом с лошадью с поводьями в руках, в шинели и буденовке, босой, шагает студент нашего курса — тоже подрабатывает.

Необычайно широкий круг новых проблем и впечатлений захватил меня именно на первом курсе физмата. Диалектический материализм, высшая математика, физика, новая экономическая политика, борьба с басмачами, ликвидация неграмотности, раскрепощение женщин, ирригация, коллективизация дехкан — все это мы не просто изучали на лекциях и семинарах, узнавали из газет, но это стало также нашим личным делом, обсуждалось на комсомольских и студенческих собраниях. Коммунистическая партия тогда ре-

шала задачу воспитания кадров из среды рабочих и трудящихся крестьян, а в таких вузах, как Среднеазиатский университет, особенно остро стояла задача подготовки специалистов из числа представителей местных национальностей. Меньше всего думая о себе лично, мы, комсомольцы, наряду с усвоением специальных знаний, старались, насколько было в наших силах, принимать самое активное участие во всей жизни страны.

После первого курса я переехала в Ленинградский политехнический институт. Вскоре постановлением правительства химический факультет Политехнического института был передан в Ленинградский химико-технологический институт (теперь Ленинградский технологический институт имени Ленсовета).

В Ленинграде бросилось в глаза большое количество студентов, которые были гораздо старше по возрасту, чем мои сверстники. Это были рабочие, члены партии, направленные на обучение в счет «партийной тысячи» — парттысячники. Многие жили с семьями. Некоторых студентов послали учиться с предприятий; получив специальность, они должны были вернуться на свои заводы. Все это нас не удивляло, ибо по-прежнему, и даже еще более настойчиво, осуществлялся лозунг «Кадры решают все!». Студенты-парттысячники были солидными, серьезными людьми. Не всем им легко давалось учение, оно требовало от них упорного труда. Занятия проводились бригадами, где хорошо подготовленные студенты по решению общемагистерских и курсовых собраний объединялись с отстающими. Рабочая закалка и жизненный опыт старших уравновешивали наши скороспелые суждения и охлаждали стремление немедленно все переделать, построить социализм сразу, немедленно искоренить буржуазные предрассудки.

В значительной мере под влиянием парттысячников у нас появился интерес к рабочим собраниям. Мы бывали на «Электросиле», «Светлане», Путиловском заводе. Вообще общественным делам уделяли много внимания: принимали участие в шефской работе в колхозах, в сборе средств на приобретение сельхозинвентаря только что образовавшимся артелями, вели культурно-просветительную работу, особенно антирелигиозную.

Сочетание юношеского, незрелого в моем характере со стремлением как можно больше участвовать в жизни государства, строящего социалистическое общество, выражалось подчас в таких фактах. С большой энергией, например, я

занималась сбором денег на приобретение трактора для подшефного колхоза. Уговаривала профессоров и преподавателей, собирала деньги у студентов. Набрала крупную сумму — тысячу рублей и, не имея понятия, что существуют сберегательные кассы, носила деньги всегда с собой. Как-то обнаружилась, что у меня их нет, и пришла в полное отчаяние. Но вот через некоторое время вижу объявление: «Кто потерял деньги, пусть зайдет в общежитие семейных». Захожу — мужчина и женщина, маленький ребенок, пеленки, в жестяном чайнике (видимо, не было кастрюли) варится картошка в мундире. Чистосердечно рассказываю о своем горе. Студент как-то по-отечески журит меня и вручает мою тысячу. Оказывается, деньги он нашел на хорах актового зала, где мы готовились к зачету...

В 1930 году после опубликования известной статьи «Головокружение от успехов» большое число студентов-коммунистов было направлено в села Ленинградской области для оказания помощи в исправлении ошибок, допущенных при организации коллективных хозяйств (обобществление мелкого скота и птицы, нарушение добровольности при записи в колхозы и другие). Работа была очень трудная и опасная, были случаи убийств активистов, поджогов построек.

Вместе с членами партии вызвались принять участие в оказании помощи колхозам и комсомольцы, в том числе и я. Студентов распределили по районам, но меня послать отказались, сославшись на мой юный возраст. Я не хотела сдаваться и вместе со всеми выехала в район, не имея командировочных денег. Там я явилась в райисполком и сказала, что все равно буду работать. Подумали, подумали и решили присоединить настойчиво рвущуюся бороться с кулаками девицу к студенту первого курса, бывшему рабочему Путиловского завода Иванову. Я была моложе его на шесть лет, хотя и училась на втором курсе. Ему на свои командировочные пришлось еще и меня кормить и покупать мне билеты на поезд. Так мы и ходили с ним по проселочным дорогам, по тальмы снегам и оврагам, разъясняя в деревнях политику партии, помогая честным труженикам восстанавливать развалившиеся колхозы. Каждый день мы делали километров двадцать в сутки, а потом еще поездом и трамваями добирались до Лесного, чтобы переночевать, не мечтая даже об ужине в нашей столовой и довольствуясь несвежим винегретом или ржавой селедкой в станционном буфете...

Заниматься в институте приходилось много. Мы слушали лекции выдающихся ученых — Фаворского, Тищенко, Мен-

шуткина, Байкова, Курбатова, Залькинда, Иоффе, Френкеля. Изучали «Философские тетради» Ленина. Помню поразившую нас дискуссию между профессором Френкелем и академиком Миткевичем о природе электрического тока, вскрывавшую единство противоположных друг другу волновой и корпускулярной теорий магнитных колебаний.

Не раз к нам приезжали писатели и поэты. Очень хорошо помню выступления Маяковского и потрясение, которое вызвала у всех нас его неожиданная смерть.

В 1932 году я окончила институт, получив специальность инженера технолога-химика. Но еще до окончания института, отправившись в 1931 году на практику в Москву на химзавод № 1, я была оставлена там на должности сменного инженера. Меня периодически отпускали в Ленинград сдавать экзамены и курсовой проект.

В 1934 году я поступила в аспирантуру Ленинградского университета. Передо мной открылся увлекательный мир науки, творческой работы. Я стала работать под руководством академика Фаворского. Всем нам, учившимся у Фаворского, довелось пройти суровую школу, в полной мере на себе испытать высокую требовательность этого выдающегося ученого. Мы работали в его лаборатории часов по двенадцать в день, отлучаясь лишь для посещения некоторых обязательных занятий.

Скоре я переехала в столицу, где стала продолжать занятия в аспирантуре Московского университета. Еще через некоторое время я была принята на работу в Институт горючих ископаемых (ИГИ) Академии наук СССР. Институт был основан в 1934 году по инициативе академика И. М. Губкина, ставшего его директором. Это был комплексный институт, занимавшийся проблемами изучения и использования в народном хозяйстве газа, нефти и углей. Здесь исследовали происхождение, химические и технологические свойства, разрабатывали методы разведки и эксплуатации большого комплекса горючих ископаемых. Широкое научное и хозяйственное предвидение Губкина и его незаурядные организаторские способности привлекли в институт многих крупных ученых того времени — академиков Зелинского, Наметкина, Чижевского, профессоров Нагорского, Скадовского, Климова, Ланина, Гинзбург-Карагичеву, Дубровая, Фроста, Сапожникова и других.

С первых дней поступления в ИГИ меня захватили интересы его коллектива. Судьба свела меня с профессором Г. Л. Стадниковым, занимавшимся химией углей. Он оказал

большое влияние на направление всей моей последующей научной работы.

Профессор Стадников сразу же предложил мне разработку темы, на первый взгляд отдаленную от практических вопросов.

Но постепенно для меня все яснее вырисовывалась ее актуальность, ее народнохозяйственное значение, и за все почти сорок лет работы в области химии и переработки углей я никогда в ней не разочаровывалась. Своими глубокими наставлениями, беседами профессор зажег во мне тот «священный огонь», то страстное стремление как можно больше узнать и сделать, без которого невозможна настоящая научная деятельность. Стадников поручил мне разработку методов исследования молекулярной структуры так называемых гуминовых кислот. Эти кислоты образуются из отмерших растений и далее преобразуются в вещество торфов, бурых и каменных углей. Они входят в состав почв, обуславливают их плодородие, обладают многими практически важными свойствами, а также играют значительную роль в образовании месторождений рудных ископаемых и в миграции химических элементов в земной коре.

Энергией, трудолюбием и настойчивостью, пробужденными сознанием важности этой работы, мне удалось за сравнительно небольшое время разработать удовлетворительный метод и даже показать с его помощью, что гуминовые кислоты бывают разные. Это был шаг вперед в науке об углях. Этот метод до сих пор, вот уже более тридцати пяти лет, используется во многих странах.

В 1937 году, сдав кандидатский экзамен по специальному предмету академику Н. Д. Зелинскому и по органической химии профессору А. Н. Несмеянову, я написала и защитила в результате очень бурной дискуссии диссертацию. А через месяц у меня родился сын, уже второй. Это событие, происшедшее с двадцатипятилетней комсомолкой, матерью двоих детей, во времена, когда ученые степени в СССР были лишь совсем недавно введены, было не совсем обычным явлением. Я получила много поздравлений, но особенно порадовало меня приветствие от ЦК ВЛКСМ. Тогда еще не было обычая отмечать подобные торжества, дарить цветы. Помню, я была необычайно смущена большим букетом цветов, преподнесенным комсомольской организацией. Я подошла положить его на подоконник, чтобы потом, когда буду выходить из здания, незаметно унести. Вдруг слышу громкие голоса: показалась группа людей и среди них мой науч-

ный руководитель. Заметив меня у окна, Г. Л. Стадников взял цветы и стал показывать букет академику Н. Д. Зелинскому и шедшим с ним профессорам, говоря, что он счастлив и горд такой защитой своей ученицы.

Шло время. Я продолжала работать над теми же проблемами, вела комсомольский политкружок, руководила «легкой кавалерией» в институте...

Грянула война. Вместе с детьми я эвакуировалась в Алма-Ату. Там в Казахском филиале Академии наук СССР предложила организовать лабораторию химии углей (забегая вперед, скажу, что она существует до сих пор). Крупный ученый-геолог К. И. Сатпаев, возглавлявший филиал академии, при всей своей занятости в то тяжелое время сразу оценил значение организации глубоких исследований местных углей и, верный своему методу не откладывать нужные дела в долгий ящик, распорядился подыскать помещение, выделить средства и лично курировал работу молодой лаборатории. Нами были изучены коксующиеся угли Экибастузского бассейна, Ленгерского и других месторождений, подготовлены специалисты по анализу и исследованию углей. Мы предложили начать брикетирование бурых углей и скопившейся на складах саксаульной крошки, разработали способ получения бензина и керосина из газогенераторной смолы и горючих казахстанских сланцев, а также способ применения бурых углей в шихте для коксования; из смолы местных углей был приготовлен креолин для борьбы с овечьим клещом и многое другое.

Всеми силами мы стремились выполнять любые задания ЦК КП Казахстана, Совнаркома республики, работали ночами, мерзли. В конце Великой Отечественной войны я возвратилась в Москву.

Меня влекла прежняя тематика — структура и свойства гуминовых кислот торфов и углей. За эти годы появились новые идеи, было горячее желание воплотить их в жизнь. Удалось разработать новые методы исследования свойств углей.

В 1950 году на I Всесоюзном совещании по химии и происхождению углей я выступила с двумя докладами. Совещание было важной вехой в истории этой отрасли науки, труды его были изданы отдельным сборником и стали пособием для преподавателей, студентов и специалистов, занимающихся добычей, использованием, переработкой и исследованием углей. Выступала я с докладами и на II и на III Всесоюзных совещаниях по углю.

В то время я руководила группой сотрудников в составе лаборатории химии угля Института горючих ископаемых. Большую помощь в работе оказывал второй директор ИГИ академик С. С. Наметкин, а после того как разработка тем, связанных с изучением нефти и газа, была передана в другие исследовательские учреждения, очень помог новый директор института член-корреспондент АН СССР А. Б. Чернышев. Оба эти ученые умели глубоко сочетать научные исследования с народнохозяйственными задачами, всегда видели и поддерживали новое, прогрессивное.

В 1946 году я вступила в члены ВКП(б) и до 1961 года почти бесменно работала членом партийного бюро своего института. Много лет вела семинар по диалектическому материализму на кондитерской фабрике «Красный Октябрь», на заводе «Красный пролетарий» и кружки у себя в институте.

Росли и учились дети, им тоже надо было уделять внимание, учить трудолюбию, гражданскому видению мира.

В 1951 году я защитила докторскую диссертацию на тему: «Гуминовые кислоты и изменение их химической природы в процессе образования ископаемых углей». Содержание диссертации вызвало немалую дискуссию. В острых спорах пришлось отстаивать правильность новых взглядов, доказывать достоверность примененных новых методов и найденных закономерностей. Но зато как потом было радостно от трудной победы, от сознания того, что твоими усилиями расширился круг решаемых вопросов, что твои разработки найдут применение. В результате исследований ряда ученых выяснилось, что гуминовые кислоты обладают интересными свойствами, позволяющими использовать их в различных отраслях народного хозяйства — в качестве стимуляторов роста сельскохозяйственных растений, в качестве реагентов для улучшения качества промывочных растворов при бурении скважин, для улучшения электрических свойств аккумуляторов и т. д.

В Советском Союзе возникла проблема нетопливного использования углей. Экономический интерес она представляла и потому, что для такой цели наилучшим сырьем являются низкокачественные, непригодные для коксования и энергетики угли. В связи с этим встал вопрос об изучении выветрившихся углей Кузнецкого и Канско-Ачинского бассейнов Сибири. Мы разработали государственные стандарты, получили авторские свидетельства на новые способы использования углей на нетопливные продукты и техноло-

гию их переработки. Я сделала доклады на Всесоюзных совещаниях по так называемым гуминовым удобрениям в Москве, Днепропетровске, Уфе, в которых была показана эффективность этих удобрений. Совместно с Тюменским заводом впервые в СССР, да и пожалуй, в мире, наладили механизированное поточное производство гуминовых кислот для аккумуляторной промышленности.

Результаты теоретических исследований по структуре гуминовых кислот, их образованию при выветривании углей и геохимической роли, о свойствах выветрившихся углей мне довелось докладывать на Всесоюзных геологических совещаниях в Ленинграде, Ростове, Ворошиловграде, на трех международных конференциях по науке об углях — в Индии, Англии, Чехословакии.

В дополнение к этому был проведен ряд работ по изучению структуры углей различных типов методами окисления и разработана технология окисления углей с целью получения из них ароматических кислот для промышленности органического синтеза и синтетических материалов.

И в этом случае выветрившиеся, считающиеся низкокачественными, угли являются лучшим сырьем. Было найдено еще одно направление применения гуминовых кислот — их ускоряющее действие при меднении неметаллических материалов, благодаря чему такие материалы приобретают свойство проводить электрический ток. Таким образом, возникло новое комплексное научное направление в изучении углей..

Под моим руководством выполнено двенадцать диссертаций, по результатам которых присвоены ученые степени кандидатов технических и химических наук. Среди получивших ученые степени главный инженер Тюменского аккумуляторного завода, научные сотрудники Донецкого и Новокузнецкого угольных институтов, Бурятского естественного института, сотрудники Института горючих ископаемых.

Несколько лет я читала в нашем институте курс лекций по химии углей для аспирантов и научных сотрудников, готовящихся к сдаче кандидатского минимума. На основе этих лекций вышла в свет книга «Химия и генезис ископаемых углей». Всесоюзное химическое общество имени Д. И. Менделеева отметило ее почетной грамотой.

В 1963 году решением коллегии Министерства угольной промышленности СССР была создана лаборатория химии окисленных углей. Я была ее научным руководителем в течение восьми лет. Лаборатория разрабатывала конкретные

направления изучения свойств и использования бурых и выветрившихся углей, содержащих гуминовые кислоты. Не раз нас заслушивали на коллегии министерства и различных всесоюзных и международных встречах. В частности, на Всесоюзных совещаниях по окислению углей сотрудниками лаборатории были сделаны три основных доклада и шесть сообщений. Наши разработки еще ждут своего внедрения в народное хозяйство; они включены в планы международного сотрудничества стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Выполненная нашей лабораторией работа по технологическому окислению углей была высоко оценена химиками ГДР, подтвердившими преимущества предложенных нами методов перед другими. Разработанный нами стандартный метод определения выхода гуминовых кислот в углях принят с небольшими поправками в странах СЭВ.

Недавно вышла из печати вторая моя монография по химии углей «Окисление в пластах бурых и каменных углей», где подведены основные итоги моей научной работы.

Скажу также, что мне довелось быть организатором и первым председателем ячейки Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева в Институте горючих ископаемых и членом Центрального правления этого общества. Приходилось выступать с докладами на двух съездах менделеевского общества. Сейчас продолжаю работать членом Научного совета при Академии наук СССР, Ученого совета института и национальной группы Международного торфяного общества, а также в редакционной коллегии всесоюзного периодического журнала «Химия твердого топлива».

8 марта 1959 года я выступала в Большом театре на торжественном заседании, посвященном Международному женскому дню, с приветствием от женщин-ученых. В президиуме были члены ЦК КПСС, видные деятельницы международного рабочего движения. Один вид легендарной Пасионарии — Долорес Ибаррури — заставил сильно забиться мое сердце. Я не удержалась и бросилась целовать ее.

...Завершается девятая пятилетка — еще одна пятилетка мирного созидательного труда советских людей, пятилетка усиления борьбы за мир и за разрядку международной напряженности на нашей планете. И радостно сознавать, что в общем труде нашего народа есть и моя скромная доля.

Последние дни 1973 года. Я только что вернулась из Минска, где была оппонентом диссертации о гуминовых кислотах. На моем столе множество поздравительных телеграммы, писем и открыток от моих бывших аспирантов и соискателей

ученых степеней из Истры, Новокузнецка, Донецка, Улан-Удэ, Ташкента, от москвичей, друзей и коллег по работе, от зарубежных друзей из Болгарии, Югославии, Монголии, ГДР, Венгрии.

Мой сын, биофизик, нарядился в свой лучший костюм и первый раз в своей жизни поехал «оппонировать» диссертацию. Другой сын, геолог, пишет объемистый отчет о работе для ВНИИЯГГ и готовится к докладу. Внук учит таблицу умножения. А я сижу и думаю о новой задуманной книге по химии углей, о статье в журнал «Химия твердого топлива», над которой сейчас работаю. И не только об этом думаю, думаю, о прожитой и грядущей жизни, о ее радостях и красоте...

Жизнь проходит в трудах и заботах. Но, вероятно, в этом и есть счастье — трудиться во имя жизни, на благо нашей великой Родины, ставшей оплотом мира во всем мире, надеждой и символом лучшего будущего всех народов.

МЫ ЗА РУБЕЖОМ

В 1925 году ЦК партии направил меня в Центросоюз в качестве инструктора по работе среди женщин. Потребительская кооперация как организация, в которой участвовали паевыми взносами рабочие, крестьяне и все трудящиеся нашей страны, до 1935 года вела торговлю как в городе, так и на селе.

В годы первых пятилеток потребкооперация была одной из самых массовых организаций в стране. А кто как не женщины были связаны с магазином, лавкой? Они же, основные закупщики всего необходимого для семьи, больше всего чувствовали неполадки торговой системы. Поэтому наша деятельность как инструкторов Центросоюза и была направлена главным образом на то, чтобы втянуть женщин в активную работу по оказанию помощи потребкооперации с целью ликвидировать имеющиеся неполадки.

В первую очередь надо было вовлечь побольше женщин в потребительские общества, выдвинуть их в состав лавочных комиссий, правлений и ревизионных комиссий кооперативов.

Эти задачи были выполнены в короткий срок. Активность женщин быстро выросла буквально во всех областях деятельности кооперации.

А широта и объем кооперативной работы были очень велики. Помимо решения своих внутренних организационных и хозяйственных вопросов наша потребительская кооперация участвовала в международном кооперативном движении.

В чем же проявилась деятельность наших женщин-кооператоров в этом движении?

Как известно, еще до того, как кончилась первая мировая война, в отдельных странах уже существовали обособленные женские кооперативные организации, например, в Англии, Шотландии, Швеции. В 1921 году в Базеле состоялся конгресс Международного кооперативного альянса, на котором группа женщин, участниц конгресса, решила вести подготовку к созданию женского кооперативного объединения.

В доказательство необходимости существования специальной женской кооперативной организации приводились такие доводы: интересы кооператоров-мужчин и кооператоров-женщин якобы различны, что «вообще равную работу мужчины и женщины в кооперации нести не могут»; «требования уравнивать мужчин и женщин в кооперации неосуществимы» и тому подобное.

На Базельском конгрессе альянса был создан Международный женский кооперативный комитет. Задачи его сформулировали так: подготовка организации Международной женской кооперативной гильдии (Женского кооперативного интернационала); поддержание связи между национальными женскими кооперативными гильдиями.

В этот организационный комитет были делегированы представительницы кооперативного движения из десяти стран. Советская кооперация отказалась участвовать в этом комитете. Наши кооператоры придерживались такой точки зрения, что только в общей с рабочим классом борьбе против капиталистического строя, ставящего женщину в неравное положение, может быть достигнута возможность для женщин работать в кооперации наравне со всеми ее членами.

Во главе подготовительного комитета Международной женской кооперативной гильдии стала Эмми Фрейндлих, австрийская социал-демократка, член парламента. Главной ее помощницей и генеральным секретарем этой международной организации была активная деятельница Английской женской кооперативной гильдии Онора Энфильд.

Прошло три года. В 1924 году в Генте состоялся очередной конгресс Международного кооперативного альянса. Сразу же после него открылась конференция Международной кооперативной женской гильдии (29—30 августа). На конференции присутствовало уже более ста делегатов от тех стран, которые были представлены в подготовительном комитете. Были и гости с совещательным голосом, в том числе от нашей страны. Советские кооперативные организации на этой конференции представляли Островская и М. О. Левкович.

Вот повестка дня конференции:

1. Отчет о деятельности подготовительного комитета.
2. Устав женской гильдии.
3. Что может сделать женщина для кооперации?
4. Женщина и война.
5. Кооперирование женщин в сельских местностях.

Основные задачи в уставе гильдии были сформулированы так: объединить женщин — членов кооперативов всех

стран в целях развития кооперативного духа и содействия проведению в жизнь кооперативных основ, улучшения домашнего хозяйства, укрепления и содействия миру между народами.

Наши делегатки не соглашались с обособлением женского кооперативного движения. Они защищали ту точку зрения, что трудящиеся женщины вместе с мужчинами должны вести борьбу за переустройство общества, не раздробляя свои силы участием в особом женском кооперативном движении.

С течением времени Женская гильдия, занимая в целом реформистско-либеральную позицию, составила левое крыло в кооперативном движении. Учитывая это, а также и то, что в рядах гильдии объединилась небольшая часть трудящихся женщин, в дальнейшем наша кооперация решила установить с нею связь.

По уставу Международной женской кооперативной гильдии ее членом могли быть национальные женские кооперативные организации, имеющие свой устав, свой выборный женский комитет и вносящие в гильдию членские взносы. Однако устав гильдии предусматривал возможность вхождения в ее состав и таких кооперативных организаций, в которых не было отдельного женского кооперативного движения, но где велась специальная работа по приобщению женщин к участию в работе кооперации.

Летом 1925 года секретарь Международной женской кооперативной гильдии Энфильд посетила Советский Союз, ознакомилась с работой кооперации среди женщин и предложила Центросоюзу вступить в гильдию, но вначале на правах консультанта. Представительницы такой кооперативной организации имели право присутствовать на заседаниях центрального комитета гильдии в качестве консультанток. Организация консультантской работы советской кооперации в Международной женской гильдии была поручена мне как члену правления Центросоюза.

В августе 1927 года в Стокгольме состоялись очередной конгресс Международного кооперативного альянса, а затем конференция Международной женской кооперативной гильдии. От нашей страны в работе этой конференции участвовали десять делегатов — представительниц кооперации РСФСР, Украины, Белоруссии, сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации. В числе советских делегатов были старые большевички Е. К. Кравченко (от сельхозкооперации), Ольга Пилацкая (от УССР), А. Тихомирова. В качестве делегатки довелось присутствовать на конференции

и мне. Это наше участие в заседании комитета гильдии и международной конференции, пожалуй, и можно считать началом наших связей с женским кооперативным движением.

Несмотря на то что мы не являлись полноправными членами Международной гильдии, по предложению советской делегации были приняты резолюции о борьбе против военной опасности, против казни Сакко и Ванцетти. Мы добились разрешения выступать на конференциях на русском языке, тогда как официальными языками считались английский, французский и немецкий. Наша делегация пользовалась явной симпатией многих делегатов. Важно было установить личный контакт с коммунистками-делегатками от английской, чехословацкой, немецкой кооперативных организаций.

Во время празднования десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции от имени активисток Центросоюза и московской организации были посланы приглашения участвовать в нашем празднике женским гильдиям Англии, Шотландии, Чехословакии и другим. Ответила согласием на приглашение английская гильдия; чехословацкая сообщила, что приехать не может, так как их делегация недавно уже побывала в Советском Союзе. Все же из Чехословакии приехали три коммунистки-кооператора. Не дали ответа на приглашения бельгийская и австрийская гильдии. Остальные, поблагодарив за приглашение и поздравив с праздником, ответили, что прислать делегации не смогут.

В составе приехавшей к нам английской делегации были тринадцать женщин-кооператоров, в том числе одна коммунистка. Они пробыли в СССР месяц, участвовали в октябрьских торжествах в Москве, посетили Харьков, Ленинград, Киев, Тверь.

Делегация приехала с заранее намеченным планом ознакомления с первой в мире страной, строящей социализм.

Центросоюз сделал все, чтобы удовлетворить желания делегации, и как потом писали делегатки в обращении к кооператорам СССР при отъезде на родину, «они имели полную возможность видеть все то, чем... более всего интересовались», и все их запросы «были встречены с максимальным вниманием».

В обращении делегации к советским кооператорам говорилось: «Кооперация в СССР избрана в качестве средства к установлению социализма, и всюду можно видеть быстрое ее развитие и расширение. Принимая во внимание короткий срок, который кооперативное движение имело на развитие

своего нового расширенного обслуживания населения, мы должны охарактеризовать его как феноменальное». В обращении далее были такие слова: «Одной из поражающих нас черт кооперативного движения является полная связь различных форм кооперации с рабочими организациями на фабриках и заводах. Такое взаимное переплетение обоих движений обеспечит рост успешности их обоих». Эта часть заявления делегации была особенно ценной для нас потому, что против единой работы с профсоюзами и рабочим классом резко выступала бюрократическая верхушка Международного кооперативного альянса.

И в заключение своего обращения к кооператорам СССР делегатки писали: «Мы торжественно обещаем, что все силы приложим к тому, чтобы убедить английское кооперативное движение сделать максимальные усилия в направлении защиты СССР от воинственных нападок английских империалистов, так как мы убеждены, что, если СССР будет дан определенный период для спокойной работы, он построит социалистическое здание, которое не смогут разрушить никакие нападения».

По возвращении в Англию большинство делегатов поддерживало с нами связь. В первых же письмах говорилось о большом желании делегатов довести до сведения трудящихся Англии «правду о СССР». Они писали о том, что некоторых делегатов приглашали с докладами о поездке в СССР в десятки различных организаций, им приходилось отчетываться не только перед своими выборщиками, но и выступать в тех городах, от которых в делегации не было представителей.

Вот выдержка из одного письма: «На нас лежит большой долг правильно изложить все, что мы видели в СССР». Другая делегатка писала: «Дома я застала несколько писем с просьбой выступить с докладом о моей поездке, и, кроме того, я буду иметь возможность написать несколько статей. Здесь все очень интересуются СССР, хотят послушать о нем, и я надеюсь написать о нем большую книгу». Она же пишет: «Ваша страна развивается по правильному пути, и было просто замечательно убедиться, что те мечты, которые мы лелеяли в отношении нашей страны, осуществлены в вашей».

На состоявшемся очередном кооперативном конгрессе в Вене в 1930 году наш женский кооперативный актив входил в Международную кооперативную гильдию уже полноправным ее членом, имеющим право решающего голоса. На вен-

ской конференции мне довелось выступить с докладом на тему «Мать будущего». Я говорила в докладе о том, что счастливое материнство возможно только в стране, где нет угнетателей и угнетенных, где женщина занимает в обществе равное с мужчиной положение строителя своей жизни.

Доклад был полностью напечатан в газете австрийских коммунистов «Роте фанэ». Правда, на Венской конференции Женской кооперативной гильдии наша делегация была малочисленной, но тот интерес, который проявили к нам представительницы других стран, говорил о том, что мы заняли прочную позицию в этом женском движении, что за рубежом появляется все больше и больше людей, дружески относящихся не только к нашей кооперации, но и ко всей нашей великой Родине.

Женские кооперативные организации ряда стран стали приглашать советских представителей на свои национальные конференции, а еще до этого, в 1926 году, Советский Союз посетила делегация Английской женской кооперативной гильдии в составе пятнадцати человек. Члены этой делегации называли себя «вестницами мира». Впоследствии они писали, что проехали по СССР более шести тысяч миль и подробно ознакомились с многими сторонами жизни Страны Советов. Делегатки очень просили организовать для них встречу с «первой леди мира», как они называли Н. К. Крупскую. Такая встреча состоялась. Надежда Константиновна приняла представительниц английских кооперативов в здании Коминтерна. И, как потом говорили делегатки, это была их самая впечатляющая встреча в Советском Союзе.

В 1928 году Центросоюз в целом и мы, женщины-кооператоры, были приглашены на ежегодный конгресс потребительской кооперации Англии и на конференцию женской кооперативной гильдии. Однако английское правительство отказало нам во въездных визах. От имени Центросоюза я послала в Плимут, где проходили конгресс и конференция гильдии, телеграмму следующего содержания: «Я крайне сожалею, что отказ английского правительства в визе лишает меня возможности лично принять участие в вашей конференции. Мы глубоко убеждены, что это обстоятельство не послужит препятствием для нашей дружбы, а только углубит ее и сделает нашу связь более тесной. Я уполномочена передать братский привет и пожелания успеха вашей конференции от имени трех миллионов женщин-кооператоров, объединяемых Центросоюзом, и от имени правления Центросоюза».

После этого в газете «Санди уоркер» появилась статья известной деятельницы кооперативного движения Англии Ренсом «Женщина, которую не допустил Джонсон Хигс»¹. Ренсом писала: «Джонсон Хигс допустил нелепую, наиболее абсурдную ошибку, не разрешив въезд двум русским кооператорам — Киссину и Бутузовой для участия в качестве гостей в конгрессе кооперативного союза и конференции женской кооперативной гильдии». Далее она подробно рассказывала о своем посещении нашей страны в 1926 году и об оказанном ей гостеприимстве.

В 1934 году в Лондоне и в 1937 году в Париже состоялись конгрессы Международного кооперативного альянса и Международной женской кооперативной гильдии. В них участвовали наши немногочисленные делегации. Это были последние наши встречи с кооператорами других стран перед войной, развязанной гитлеровским фашизмом.

Последнее посещение нашей страны генеральным секретарем Международной женской кооперативной гильдии Нафтель, занявшей этот пост после смерти Энсфильд, состоялось в 1939 году. Мы с ней побывали на Украине, в Сочи, на Кавказе.

Мне пришлось сопровождать госпожу Нафтель в поездке вместе с моим восьмимесячным сынишкой, которого я не могла отнять от груди в разгар лета. Потом Нафтель писала, что она путешествовала по России как член русской семьи. В это время началась вторая мировая война, и наша гостья не могла уже вернуться к себе на родину тем путем, каким приехала к нам. Мы были вынуждены отправить ее в Англию через Мурманск.

С того времени прервались наши предвоенные контакты и связи с международным женским кооперативным движением. Но все наши старания к укреплению дружбы народов, мирному сосуществованию, донесению правды о первом в мире социалистическом государстве, конечно, оставили свой след.

¹ Дж. Хигс — министр внутренних дел английского правительства.— *Ред.*

ИНЖЕНЕР, ПРОФЕССОР, АКАДЕМИК

Это было больше полувека тому назад. Победа пролетарской революции в России вызвала смертельный страх эксплуататорских классов всего мира. Иностранцы капиталисты объединились с силами внутренней российской контрреволюции для удушения первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Тяжелые испытания выпали тогда на долю Одессы, которая на протяжении двух лет была ареной ожесточенной борьбы. В ту мрачную пору в городе хозяйничали австро-германские оккупанты, англо-французские интервенты, белогвардейцы Деникина.

Тяжелая разруха, безработица, голод были уделом трудящегося населения.

Множество контрразведок — французская, английская, польская, греческая, белогвардейская, десятки жандармских отделений и полицейских участков чинили суд и расправу над жителями города — коммунистами и некоммунистами.

Но несмотря ни на что, в этих тяжелейших условиях в Одессе жило и действовало большевистское подполье. В нем бесстрашно боролись с врагами революции многие женщины. Участницами одесского подполья были такие отважные революционерки, как секретарь подпольного обкома Елена Соколовская, славная французженка Жанна Лябурб, полька Галена Гржелякова.

Среди героинь подполья мы встречаем имена прекрасного большевистского агитатора Лидии Петренко, секретаря редакции подпольной газеты «Коммунист» — органа Одесского комитета КП(б)У Софьи Яновской, секретаря Пересыпско-Слободского райкома, потом Одесского нелегального губкома партии Анны Панкратовой. Удивительно и ярко сложилась судьба этих трех женщин, которых я хорошо знала в ту далекую пору, а затем многие годы их дальнейшей жизни. О них я и хочу рассказать в этих моих коротких воспоминаниях.

...Двадцатые годы. Страна решает задачи подготовки кадров пролетарских специалистов. Лидия Петренко попадает в первую тысячу коммунистов («парттысячу», как ее тогда называли), направленных партией в вузы для учебы. Она учится в Ленинградском металлургическом институте. Среди студентов факультета она единственная женщина. С недоверием относятся к ней студенты, преподаватели. «Не потянет», «не выдержит», «бросит», полагали они. Но Лида не такая! Хотя на руках у нее грудной ребенок, она упорно учится, преодолевая все трудности, оканчивает институт. А дальше работа в Нижнем Тагиле, Кузнецке... Потом ее переводят в аппарат наркомата в Москву. Здесь у нее квартира, семья, но Петренко не сидится в столице. Вскоре она оказывается на Кузнецкстрое. И здесь ее встречают с недоверием. Старший прораб, взяв в руки направление начальника и взглянув на Лидию, заявляет:

— Мне мамзель не нужна.

— Он думал,— говорила потом Лида,— что я испугаюсь работы и попрошусь куда-нибудь в отдел.

Лиду послали на работу в один из цехов. Вскоре она уже десятник на футеровке (защитной внутренней облицовке) дымовой трубы первой мартеновской печи.

Однажды сильный ветер раскачивал трубу, тонкие доски гнулись под ногами, внизу страшными провалами пугали котлованы, металл жег руки. А нужно было подняться на 65-метровую высоту и дать точку для начала кладки — спустить сверху отвес в центр дымовой трубы.

Сначала поднялись монтажники. Но ветер был настолько сильный, железная массивная труба раскачивалась так страшно, что монтажники спустились назад. Пока инженеры решали, кому идти, Лидия Петренко поднялась на головокруглительную высоту сама.

«Это было во всех отношениях замечательное событие»,— писала тогда газета «Большевицкая сталь», выходящая в городе Сталинске Кемеровской области.

Мистер Вейл, американец, инженер, старший консультант, образец хладнокровия и выдержки, смущенно снял шляпу и низко поклонился Лидии Ивановне Петренко.

— Много бесстрашных я видел за свою жизнь, но никогда не видел такой смелой женщины... Я снимаю свою шляпу перед этим замечательным русским инженером. Американская женщина никогда бы этого не сделала...

Лидия Петренко, пришедшая на завод инженером-практикантом и начавшая работать на возведении дымовой тру-

бы, за два года выросла в старшего прораба, самостоятельно ведущего все работы по кладке огнеупоров в цехе.

В 1938 году инженер Петренко возглавила цех по ремонту печей. Женщина — начальник цеха на металлургическом заводе! Это было необычно.

Когда началась война, Лидия сутками не уходила с завода. Было просто непонятно, откуда у этой женщины столько сил и энергии.

Сейчас после перенесенной тяжелой болезни Лидия Ивановна находится на заслуженном отдыхе, но как слово «отдых» не подходит к ней! «Мне трудно проявлять «бурную общественную деятельность», — пишет она мне, — но я веду небольшую пропагандистскую работу. Аудитория — комсомол и пионеры. Часто приглашают меня в школы... делаю доклады жильцам по красному календарю». Дочь ее Анна Емельяновна унаследовала от матери интерес к технике. Она инженер, работает главным конструктором теплосилового отдела Института по проектированию металлургических заводов.

В связи с сорокалетием освобождения Одессы от интервентов из Франции в СССР приехала в 1959 году группа бывших военных моряков, поднявших знамя революционного восстания в 1919 году. Эти моряки — Л. Добрей, Ф. Боссе, Ф. Лоз, Э. Кеснель.

Вместе с ними мы, группа участников большевистского подполья в период интервенции, посетили Музей Революции и здесь сфотографировались. На этой фотографии рядом со мной стоит маленькая женщина в берете — доктор физико-математических наук Софья Александровна Яновская.

С. А. Яновская родилась 31 января 1896 года в местечке Пружаны Гродненской губернии. Еще ребенком она вместе с родителями переезжает в Одессу. Учится во 2-й городской женской гимназии, по окончании которой в 1914 году поступает на естественное отделение Высших женских курсов. Вскоре по совету известного математика С. О. Шатуновского, обратившего внимание на незаурядные способности Яновской, она переходит на математическое отделение.

Наступает 1917 год. Революционные события, развернувшиеся в стране, захватывают Яновскую. Занятия математикой прерываются. Курсистка связывается с революционным подпольем и в ноябре 1918 года вступает в ряды Коммунистической партии. Перед ней открылся широкий мир борьбы

за лучшее будущее, за власть Советов. Этой борьбе она отдается целиком.

Подполье. Сражения на фронтах гражданской войны. Только в 1923 году Яновская возвращается к научной деятельности. Ее командируют в Москву, в Институт красной профессуры (ИКП). В этом институте Софья Александровна начинает серьезно заниматься проблемами философии и философского обоснования математики, историей математики. В январе 1925 года, еще будучи слушательницей ИКП, Яновская начинает вести в Московском государственном университете семинары по методологии математики и естествознания для студентов и аспирантов.

В 1929 году Софья Александровна заканчивает ИКП. К тому времени она уже ряд лет работает преподавателем математики в Институте красной профессуры и научным сотрудником секции естествознания Коммунистической академии.

С 30-х годов Софья Александровна совмещает работу в Москве с руководством методологическим семинаром по математике в Академии наук в Ленинграде. Но основное место ее деятельности до конца жизни — Московский государственный университет. Здесь она помимо руководства семинарами по истории и философии естествознания читает систематический курс истории математики. В начале 30-х годов Яновская вместе с группой научных сотрудников выполнила очень важную работу по расшифровке и изучению математических рукописей Карла Маркса. Эти рукописи и статьи о них С. А. Яновской были опубликованы в сборнике «Естествознание и марксизм», посвященном пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса.

Большое значение для развития истории математики в нашей стране имел организованный Софьей Александровной в 1935 году специальный семинар по истории математики. Семинар объединял большинство советских ученых, работавших в этой отрасли математической науки.

Под руководством Яновской было написано много диссертаций как математического, так и философского профиля.

Первая работа Яновской «Категория количества у Гегеля и сущность математики», относящаяся к 1928 году, — открыла цикл ее исследований методологического характера, из которых наибольший интерес представляет статья «О так называемых определениях через абстракцию», опубликованная в 1936 году. На эту же тему она сделала доклад на II Всесоюзном съезде математиков в Ленинграде.

В этой работе Яновская проанализировала метод образования абстрактных понятий в математике и сопоставила его с методом, примененным К. Марксом в «Капитале» при определении понятия стоимости. Статья эта была широко использована многими философами. В общей сложности Софья Александровна Яновская опубликовала около семидесяти научных работ.

С. А. Яновская — прекрасный педагог. Ее педагогическое мастерство ярко проявилось в годы работы в Пермском государственном университете (1941—1943 годы), где она руководила кафедрой алгебры. Ее семинары и спецкурсы в этом университете объединили большую группу одаренных студентов, из которых впоследствии выросло девять докторов и кандидатов физико-математических наук.

Яновская много лет являлась членом правления Московского математического общества и, по существу, руководила работой общества по методологии математики.

Научная и педагогическая деятельность Софьи Александровны не мешала ей быть примерной матерью и очень чутким, добрым и отзывчивым товарищем. Она никогда никому ни в чем не отказывала, если нужна была ее помощь. Не щадила своего времени и сил, не жалела и материальных средств для оказания помощи нуждающемуся.

Она снискала искреннюю любовь и уважение всех, кто хоть когда-нибудь сталкивался с ней.

Вспоминается 1966 год. Морозный зимний день 2 февраля. В большой аудитории МГУ необычное оживление. Все места заполнены, люди стоят в проходах, а народ все прибывает. Сегодня здесь отмечается семидесятилетие старейшего профессора МГУ, доктора физико-математических наук Софьи Александровны Яновской.

Заседает Ученый совет механико-математического факультета. Здесь собрались ученые разных возрастов, аспиранты, студенты, друзья и товарищи С. А. Яновской по подполью. Букеты, корзины цветов, памятные подарки преподносятся той, которая не щадила себя в борьбе за лучшее будущее, отдавала все силы развитию науки.

А вот и она сама, виновница торжества, сидит за столом президиума. Маленькая, как и в молодые годы гладко причесанная, с вдумчивым взглядом больших умных глаз на открытом лице. Она в обычном своем, уже не новом, черном, строгого покроя костюме и белой блузке. Как всегда, удивительно скромна. Софья Александровна явно смущена восторженными речами выступающих. Я сижу рядом с ней и слы-

шу, как она время от времени смущенно тихо говорит оратору: «Ну зачем?», «Не надо так...»

Она произносит ответное слово. В торжественной тишине разносится звонкий, молодой, несмотря на возраст, голос Яновской:

— Тут говорили о моих заслугах, но это заслуги и тех, кто заметил меня, вовремя направил на выбранный мною раз и навсегда путь... Это учитель математики И. Ю. Тимченко, это математик С. О. Шатуновский. Огромная доля моих заслуг принадлежит им, и им я приношу мою благодарность.

Будучи уже несколько лет тяжелобольной, Софья Александровна оставалась на своем посту и продолжала научную и педагогическую работу, была деятельной до последних дней своей жизни. В октябре 1966 года ее не стало.

«Уход из жизни С. А. Яновской, старейшего профессора Московского университета и большого ученого-математика, логика и философа,—тяжелая потеря для советской науки, для всех ее близких и друзей, для ее учеников. Жизнь ее, всецело отданная служению Родине и борьбе за светлое будущее человечества, принесла замечательные плоды. Жизнь Софьи Александровны, как ученого, коммуниста и человека, может быть ярким примером для всех тех, кто посвятил себя науке»,— писал журнал «Вопросы философии».

Вспоминаю близкого друга и однокашника С. А. Яновской Анну Михайловну Панкратову—они вместе учились на Высших женских курсах и сражались с врагами Советской власти.

Анна Михайловна родилась в 1897 году в семье одесского рабочего. Тяжелое было у нее детство. Рано потеряв отца, она, самая старшая из четырех детей (ей было десять лет), должна была помогать матери выполнять надомную работу по заказу небольшой фабрики, изготовляющей фитильки для лампадок. Эта работа служила основным источником существования семьи.

Самоучкой овладев грамотой, Панкратова поступает в народную школу. Очень хорошо учится. Полюбившая ее за необычайную жажду знаний и трудолюбие учительница готовит Анну к экзаменам в гимназию. И здесь проявляются ее незаурядные способности. За успехи она освобождается от платы за учение, а в восьмом классе гимназии получает стипендию имени Л. Н. Толстого.

По окончании гимназии Анна поступает на открывшиеся в Одессе Высшие женские курсы. Одновременно преподаёт в воскресной школе для взрослых. Курсистка Панкратова участвует в революционных кружках, возглавляет общестуденческую кассу взаимопомощи, студенческое бюро труда.

После Октябрьской революции она связывает свою судьбу с борьбой рабочего класса. В феврале 1919 года, во время хозяйничанья в городе англо-французских интервентов, А. М. Панкратова становится членом Коммунистической партии.

...Интервенты и белогвардейцы разгромлены. А. М. Панкратова направляется на партийную работу. После освобождения Одессы от деникинской белогвардейщины в начале 1920 года она организует при губкоме партии отдел по работе среди женщин. Позже, осенью 1920 года, она назначается заместителем заведующей женотделом ЦК КП(б)У. После гражданской войны одним из важнейших участков восстановления разрушенного хозяйства стал промышленный Урал. Туда ЦК партии направляет лучшие партийные, профессиональные и хозяйственные кадры. Среди посланцев партии Анна Михайловна. Она ответственный секретарь профессионального союза металлистов в Екатеринбурге, позже секретарь губпрофсовета.

Осенью 1922 года А. М. Панкратову посылают в Москву на партийную учебу. В это время открывается Институт красной профессуры. Анна Михайловна была принята сразу на второй курс исторического отделения, так как поданная ею в качестве вступительной работы рукопись по истории революционной борьбы рабочих получила высокую оценку.

В годы учебы Панкратова преподает историю СССР и историю партии в Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской и на Военно-политических курсах РККА, одновременно пишет свои исследования по истории рабочего класса и революционного движения в России.

После окончания ИКП Панкратова преподает историю в вузах Москвы и Ленинграда. В 1928 году она одной из первых в Советской стране получила звание профессора, а в 1929 году стала действительным членом Коммунистической академии. Она организует в Институте истории Комкадемии секцию по изучению истории рабочего класса и руководит изданием двадцати двух сборников «Истории пролетариата СССР», активно участвует в подготовке книг серии «История фабрик и заводов», организованной А. М. Горьким. Ею написано около двухсот исследований, главным об-

разом по вопросам истории пролетариата и пролетарского движения, а также по другим коренным проблемам советской исторической науки.

А кто не знаком с учебниками по истории СССР, изданными под редакцией и при активном участии А. М. Панкратовой? Семнадцать поколений советских школьников изучали историю СССР по этому учебнику.

В 1933 году Анна Михайловна Панкратова вместе с другими виднейшими советскими историками участвовала в VII Международном конгрессе историков в Варшаве. Здесь она сделала доклад «История заводов СССР».

С июня 1953 года она главный редактор журнала «Вопросы истории».

В сентябре 1955 года в Риме состоялся X Международный конгресс историков, в котором принимала участие группа советских историков, возглавляемая А. М. Панкратовой. На конгрессе присутствовало 1800 историков. Анна Михайловна избирается членом бюро Международного комитета исторических наук. Она первая женщина в составе бюро этого комитета.

В том же 1955 году Анна Михайловна становится председателем Национального комитета историков Советского Союза. Немало усилий вложила она в развитие научных связей с историками всех стран. Она была избрана членом-корреспондентом Академий Германской Демократической и Румынской Народной Республик. Венгерская Академия наук избрала ее в число своих почетных членов.

С 1944 года А. М. Панкратова — действительный член Академии педагогических наук. В 1953 году она становится действительным членом Академии наук СССР. До самой своей кончины она являлась профессором Академии общественных наук.

А. М. Панкратова была не только одним из виднейших советских ученых с мировым именем, но и политическим и государственным деятелем. На XIX и XX съездах партии ее избирают членом ЦК КПСС, а в 1954 году — депутатом Верховного Совета СССР и членом его Президиума.

Отдавая дань признательности и благодарности далекому времени, академик А. Н. Панкратова писала 21 июня 1946 года своим товарищам по одесскому подполью:

«Я, ведь была в 1919—1920 гг. совсем молодой и по возрасту, и по партстажу, и по опыту жизни. Но была у меня безраздельная вера в победу нашего большого дела, была юношеская готовность всю себя отдать делу партии и Со-

ветской власти, не считаясь ни с чем личным, и был тот энтузиазм творческий, перед которым не существует преград. Как мне кажется, я сохранила кое-что из этого арсенала моей боевой юности. По крайней мере стараюсь сохранить».

Вспоминается 21 февраля 1957 года. Торжественное заседание Института истории Академии наук СССР, посвященное шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научно-педагогической и общественно-политической деятельности академика А. М. Панкратовой. Присутствует многочисленная группа соратников Анны Михайловны по борьбе с деникинщиной, молодые и не столь молодые историки, готовившие под ее руководством кандидатские и докторские диссертации. На трибуну выходят представители делегаций от академий и институтов страны. И каждый из них называет Панкратову «нашей». Но чья же на самом деле она?

«Мне выпало огромное счастье,—говорила в ответном слове она,—бороться за новую, лучшую жизнь рабочего класса. Тут товарищи спрашивают: «Чья она?» Я — дочь рабочего класса, дочь нашей Коммунистической партии. Партия дала мне возможность стать на путь научной работы... я постараюсь весь остаток моей жизни, независимо от того, сколько она будет продолжаться, быть на своем посту, работать на благо советского народа, для нашей родной советской исторической науки...»

Таков был жизненный путь трех замечательных женщин большой души и возвышенных идеалов.

ЖЕНЩИНЫ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ И МИР

Работу среди женщин в первые годы Советской власти мне пришлось вести в Юхновском уезде на Смоленщине. Обстановка была очень трудной: не хватало хлеба, шла острая классовая борьба. В деревне женщины в подавляющем большинстве были неграмотные и религиозные. Попы и кулаки запугивали темных крестьянок «страшной коммунией». Многие родители, поддавшись злостной клевете классовых врагов, не разрешали своим дочерям посещать культурно-просветительные кружки.

Перед нами стояла ответственная задача — доходчиво и убедительно разъяснять сущность политики партии и Советской власти. Нужно было втянуть женщин в социалистическое строительство, сделать их активными участницами новой жизни, научить пользоваться своими правами.

Уже в первые годы Советской власти юридически были созданы все условия для достижения полного равноправия женщин. Женщина превращалась в свободную, полноправную гражданку, освобожденную от всех пут старого режима и быта. Но предстояло, как учил Ленин, добиться осуществления фактического равноправия женщин, ибо равенство по закону не означало еще равенства в жизни.

Огромное влияние на приобщение женщин к строительству новой жизни оказал I Всероссийский съезд женщин-работниц, созванный ЦК партии в Москве 16 ноября 1918 года. Газета «Бедняк» 27 ноября 1918 года писала: «Тут не было ни пышных широких шляп, не блистали ряды стульев роскошными туалетами и не слышно здесь было светских, с примесью иностранных слов фраз, которыми были богаты раньше всякие барыньки. Здесь преобладали скромные, бедно одетые работницы. Их лица были сосредоточены. Ясно можно было видеть, что они хорошо сознают, понимают, зачем их сюда призвали, и учитывают, чего от них требует жизнь».

Съезд подвел итоги деятельности партии среди женских

масс и определил задачи женщин в дальнейшей работе. Выступившая на съезде А. М. Коллонтай огласила приветствия¹, которые поступили в адрес съезда. В одном из них говорилось: «Идет на помощь новая рать свежих борцов, новые и решительные силы работниц, женщин». Огромное значение имела речь Ленина, произнесенная на этом съезде и выслушанная всеми делегатками с большим вниманием. Вождь партии говорил: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»¹. Это была программа для всех коммунистов и беспартийных.

Решения I съезда женщин-работниц мы тщательно изучали, широко пропагандировали среди трудящихся. Нам хотелось довести призыв Ленина о необходимости активного участия женщин в социалистическом строительстве и устройстве новой жизни в стране до каждой труженицы, хотелось, чтобы решения съезда еще больше воодушевили женщин на большие серьезные дела, которых от них ждала Коммунистическая партия.

Непосредственным ответом съезду было: оживление работы среди женщин, более широкое участие их в деятельности советских организаций. Женщины избирались в сельские Советы, волостные исполкомы.

Особенно широко развернулась работа среди женщин после VIII съезда РКП(б), потребовавшего от партийных организаций усилить эту работу. С осени 1919 года по указанию ЦК партии при партийных комитетах начали создаваться отделы по работе среди женщин.

В начале августа 1919 года в нашей уездной газете «Путь коммуниста» было опубликовано объявление, в котором говорилось, что 10 августа Юхновский уездный комитет РКП(б) созывает женщин-коммунисток для организации при укоме бюро женщин. Необходимо было определить ближайшие задачи и выработать план наиболее необходимых мероприятий.

Коммунистка А. Алтыникова, мать четверых детей, впоследствии активнейшая женработница, как бы в ответ на призыв укома писала в нашу газету: «Женщины! Теперь нужно нам приложить все силы, все знания, всю энергию к советскому строительству новой молодой России. Мы, женщины маленького заброшенного городка, должны работать так же, как и женщины-работницы в столице».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37; стр. 185.

24 ноября 1919 года бюро женщин было реорганизовано в отдел по работе среди женщин при уездном комитете РКП(б). Женотдел вскоре завоевал широкую популярность среди женских масс. Аппарат женотдела состоял всего из трех человек.

Трудно приходилось небольшой группе сотрудниц женотдела, в большинстве своем молодых по возрасту, не имевших достаточного опыта партийно-массовой работы. Но наш революционный энтузиазм и сознание того, что ты делаешь полезное дело и нужен партии, позволяли преодолевать все препятствия.

Огромные трудности встали в связи с поисками организационных форм работы среди женщин. Это заставило нас обратиться с письмом непосредственно в ЦК РКП(б). И какова же была наша радость, когда буквально через десять или немногим более дней мы получили большое письмо, написанное по поручению ЦК А. М. Коллонтай (к сожалению, это письмо сгорело вместе с другими документами при пожаре в Юхнове в апреле 1921 года).

Александра Михайловна выражала большое удовлетворение, что решение Центрального Комитета о развертывании работы среди женщин так быстро подхвачено в нашем Юхновском уезде. Она желала нам успеха и давала много ценных советов, как лучше организовать работу. Главное в работе женотдела, говорилось в письме,— это в деревне прочно опираться на крестьянок-беднячек, особенно на солдаток, на плечи которых легло все хозяйство и заботы о семье, а в городе — на пролетарские и полупролетарские женские массы. В письме указывалось, что никаких членских билетов и взносов, как думали некоторые из нас, вводить не следует. Из ЦК советовали, что нужно создать широкий круг активисток, по всем актуальным вопросам периодически созывать общие собрания и конференции женщин.

Письмо ЦК РКП(б) легло в основу деятельности женотдела. Надо сказать, что и уездный комитет партии уделял много внимания работе среди женщин. Эти вопросы не только не сходили с повестки дня бюро укома, но и выносились на обсуждение уездных партконференций.

В уездной газете «Путь коммуниста» часто помещались статьи, в которых рассказывалось о работе среди женщин. На страницах газеты выступали не только руководители женотдела, но и секретари уездного комитета и другие партийные работники. В газете систематически печаталась специальная «Страничка женщины».

Уездный комитет РКП(б) находил средства на организацию курсов-семинаров для подготовки женорганизаторов, женского актива. Работники укома часто выступали перед женщинами с докладами. Такое внимание укома служило хорошим примером и для волостных комитетов партии.

До того как возникли женские делегатские собрания, мы практиковали собрания женщин-крестьянок в деревнях и селах, в городе — женщин-работниц, служащих и домашних хозяек. Кроме того, проводились волостные собрания женщин. Для участия в них выбирались крестьянки по одной от каждого селения, совхоза, коммуны, товарищества по совместной обработке земли. Обсуждались вопросы, которыми жила наша страна.

Но особенно важной и плодотворной формой работы явились делегатские собрания женщин в деревнях, волостях и в городе, которые стали регулярно проводиться с осени 1920 года. Эти собрания, созывавшиеся обычно два раза в месяц, имели постоянный состав. Делегатки избирались на общих женских собраниях по норме одна делегатка от тридцати крестьянок или работниц.

Делегатские собрания работали по определенной программе, рассчитанной на год. Программа предусматривала изучение общеполитических вопросов и вопросов местного характера. Они явились настоящей школой политического воспитания женщин, своеобразным приводным ремнем, соединявшим партию с трудящимися женщинами.

Волостные и городские делегатские собрания избирали женщин-практиканток для работы в советских органах и учреждениях — волисполкомах, отделах социального обеспечения, народного образования, сельсоветах, комитетах крестьянских обществ взаимопомощи (кресткомах) и т. д. Отчеты о работе и учебе практиканток периодически заслушивались на делегатских собраниях.

Кроме делегатских собраний часто проводились уездные конференции женщин, на которые посылалась, как правило, одна делегатка от 1000 женщин.

Особенно памятна мне 1-я уездная конференция женщин-работниц и крестьянок, проходившая 16 января 1920 года в селе Климов-Завод. Эта конференция, как писала наша уездная газета, началась с приветствий от различных местных организаций. Ораторы в своих речах призывали женщин к объединению, к сознательному участию в строительстве новой жизни.

Конференция обсудила ряд вопросов, в том числе о том,

что дала женщине-крестьянке и работнице Советская власть, очереди женщины-крестьянки и работницы в деле социалистического воспитания детей и социального обеспечения, о помощи фронту и другие.

По каждому из вопросов конференция приняла решения, которые представляли собой конкретную программу действий, ясную и понятную для каждой работницы и крестьянки. Были внесены предложения по улучшению работы отдельных уездных и волостных учреждений.

Помню, как член уездного комитета партии товарищ Абрамов в своем заключительном слове указал на отрадный факт сближения пролетарок города с крестьянками и выразил надежду, что делегатки, разъехавшись на места, будут принимать горячее участие в строительстве новой жизни.

Конференция закончилась пением «Интернационала». Она наглядно показала сплоченность трудящихся женщин вокруг большевистской партии, их готовность отдать все свои силы на защиту родной Советской власти.

15 октября 1920 года состоялась 2-я уездная конференция крестьянок. Обсуждавшиеся ею вопросы еще теснее были увязаны с насущными интересами женщин и задачами момента. В течение трех дней делегатки обсуждали вопросы об общей и продовольственной политике Советской власти и роли женщины в ее проведении, о выборах крестьянок для работы в советских и кооперативных органах. Были рассмотрены задачи уездного женотдела на будущее, избраны делегатки на губернский съезд женщин. С докладами выступили руководящие партийные и советские работники уезда. После конференции для активисток-крестьянок были проведены трехдневные семинары-курсы.

Женотдел уездного комитета РКП(б) имел постоянную и непосредственную связь с волостными партийными ячейками, женорганизаторами, активистками. Это в немалой степени способствовало тому, что все новые важные начинания быстро подхватывались на местах, помогало обобщать и распространять передовой опыт работы.

Вспоминается одна из энтузиасток работы среди женщин, А. Перцева, которой в 1921 году довелось побывать на Международной конференции коммунисток в Москве. А произошло это так. В конце июля Перцева была командирована Юхновским женотделом в Москву в Центральный Комитет партии, чтобы получить литературу по женскому движению. В то время как она находилась в Москве, там открылась Международная конференция коммунисток. Работники жен-

отдела ЦК РКП(б) помогли Перцевой получить пропуск на конференцию, и там ей посчастливилось слушать выступление В. И. Ленина, а также Н. К. Крупской, А. М. Коллонтай и других руководителей женского движения.

Все, что увидела и услышала Перцева на конференции, произвело на нее неизгладимое впечатление, и, вернувшись в уезд, она с еще большей энергией отдалась работе среди женских масс.

О встрече с Лениным она написала в газете, рассказывала об этом на женских собраниях, в беседах с крестьянками. Перцева разъясняла юхновским крестьянкам те задачи, которые выдвинул вождь революции, и это воодушевляло женщин, вливало в них новые силы для борьбы за переустройство своей жизни на началах социализма.

Уездная партийная организация изо дня в день вела кропотливую работу по организации женщин, их политическому воспитанию, ликвидации неграмотности. Женщины садились за буквари, учились читать и писать. Наиболее политически сознательные из них вовлекались в работу советских учреждений, учились управлять своим государством.

Трудящиеся женщины вели работу в Советах, кооперации, детских учреждениях, учреждениях здравоохранения. Они все больше и больше осознавали, что дело социального обеспечения, забота о семьях красноармейцев, помощь фронту, борьба с разрухой и голодом — это те вопросы, в решении которых они должны принимать самое активное участие. Женщина становилась равноправной с мужчиной не только по закону, но и в жизни. И действительно, не было ни одного большого или малого дела, за которое не брались бы умелые и заботливые женские руки.

Шел последний год гражданской войны. Снова лучшие коммунисты и беспартийные уходили на фронт, на «последний и решительный бой», на борьбу с Врангелем, белополяками... «Все силы на разгром врага!» — было лозунгом партии в те дни. Этот призыв нашел горячий отклик в Юхновской парторганизации. Помощь фронту, забота о Красной Армии и семьях красноармейцев, укрепление связи тыла с фронтом — эти задачи во всей своей широте стояли перед нами, как и перед всей Республикой Советов.

Вспоминается, как в связи с проведением «Недели раненого красноармейца» и «Недели помощи фронту» женщины уезда проявляли много инициативы и изобретательности в изыскании средств помощи Красной Армии. В каждое дело они вкладывали всю сердечность и теплоту материнской

любви к красным воинам. Началось движение женщин за сбор продовольствия, теплых и других вещей — белья, рукавиц, обуви, а также холста. «Каждый из нас должен порыться в своем хозяйстве, — говорили женщины, — и отдать лишнюю рубаху, сапоги нашему защитнику-красноармейцу». Годилось все — портянки, носки, шерсть, овчина, валенки и даже... лапти.

Женщины создавали комиссии, организовывали сбор денег, устраивали субботники и воскресники. В такие дни служебные комнаты учреждений, волисполкомов и школ превращались в пошивочные мастерские, в которых кроилось и шилось обмундирование для бойцов Красной Армии. Швейные машины, нитки, пуговицы и все прочее доставали сами женщины. Из уст в уста передавался призыв: «Каждый лишний сапог или фуражка, шинель или фунт хлеба — дальнебойный снаряд по панско-баронским бандам».

Одеть, обуть и накормить армию — это была лишь одна из задач. Другая, не менее сложная и трудная — преодоление разрухи. Огромную роль в борьбе с ней сыграли субботники и воскресники, проводившиеся по инициативе трудящихся. Женщины принимали в них самое горячее участие.

Южновский уездный исполком обратился к населению с воззванием: «Все работоспособные граждане! Дружно, как один, становитесь на работу по заготовке топлива!» И в этом деле женщины были в первых рядах. Нужно было отремонтировать дороги — и женщины шли на ремонтные работы, нужно было подвезти топливо к железнодорожным станциям — и они возили его.

Своим самоотверженным трудом советские женщины отстаивали завоевания Октября. А сколько их работало в госпиталях сестрами и санитарками, вступало в ряды народной милиции, заменяя мужчин, ушедших на фронт.

Вспоминается в этой связи одна из наших активисток — Анна Яковлевна Антипова. Родилась она в семье бедняка в деревне Коптево Городищенской волости. Пятнадцатилетней девочкой уехала на заработки в Петроград. Там ее застала Октябрьская революция. Вернувшись в 1919 году в Южновский уезд, она сразу же включилась в общественную работу, вступила в партию большевиков. Крестьяне избрали ее председателем комитета бедноты. Когда потребовалось, прошла всеобуч, состояла в ЧОНе. Потом она почти тридцать лет работала в органах милиции на Смоленщине и в Москве. За боевые заслуги Анна Яковлевна была награждена орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

Большую помощь в организации женщин оказывала наша уездная газета «Путь коммуниста». В газете, как уже отмечалось, регулярно печаталась «Страничка женщины». Она готовилась отделом уездного комитета партии по работе среди женщин и выходила один раз в две-три недели. Женщины писали о себе и своей работе, о первых шагах своей деятельности в сельских Советах и волисполкомах, о том, что дала им Советская власть. «Странички» откликались на самые животрепещущие вопросы, которыми жила страна, весь народ, они звали к решению важных задач, не проходили и мимо чисто женских вопросов.

Например, «Страничка женщины» одного из номеров была посвящена борьбе с детской беспризорностью, которая стала в те годы общегосударственным делом. Женщины со всей страстью матерей откликнулись на этот призыв. Они пришли на помощь отделам народного образования, собирали беспризорных, подыскивали помещения для детских домов, оборудовали для них. В то время создаются и другие детские учреждения. Так, в Юхнове единое потребительское общество открыло бесплатную столовую для детей и подростков, появились первые детские ясли и сады.

На «Страничка» систематически рассказывалось о работе лучших волженорганизаторов, делегатских собраний, отдельных делегатов, прикрепленных к советским учреждениям. Одновременно вскрывались и недостатки, с тем чтобы избежать их в последующей работе.

Кроме того, женотдел эпизодически издавал специальную газету «Крестьянка-коммунистка». В этой газете были отделы: «РКП(б) и раскрепощение крестьянки»; «Что дала Советская власть крестьянам и крестьянкам»; «Забота Советской власти о женщине»; «Долой поповский дурман!» В последнем отделе печатались материалы о происхождении жизни на Земле, рассказывалось о причинах и вреде суеверий, разъяснялось, почему не преподается закон божий в школах, и т. д. Большое место отводилось хронике работы среди женщин в уезде. Газета часто читалась на собраниях женщин и кружках.

Исклнительное внимание уделяла партийная организация воспитанию женских кадров. Несмотря на трудности, работа в этом отношении велась большая. Так, например, был организован и проведен семинар волостных женорганизаторов и делегатов, прикрепленных для работы к советским учреждениям и организациям. На этом и других подобных семинарах изучался передовой опыт, намечались мероприятия

по улучшению работы среди женщин. По решению укома в уезде была открыта семимесячная партийная школа, в которой училось много женщин.

Южновская парторганизация постоянно воспитывала женщин, привлекала их к активному участию в социалистическом строительстве. По-боевому поставленная партийная работа в женотделах способствовала росту политической сознательности женских кадров, подготавливала их к работе на идеологическом фронте и в органах Советской власти.

После Южнова я в течение четырех лет работала в Смоленске заведующей женотделом Верхне-Городского райкома, а затем инструктором Смоленского губженотдела. Надо сказать, что работа среди женщин в первые годы Советской власти явилась для меня прекрасной политической школой, во многом подготовила меня к выполнению новых ответственных поручений партии.

Спустя двадцать лет мне снова пришлось включиться в женское движение, но теперь уже в новых условиях.

Шла Великая Отечественная война. Как и весь наш народ, советские женщины были охвачены одним могучим порывом, одним чувством, одним стремлением — дать сокрушительный отпор врагу, разгромить фашизм. Миллионы женщин в городах и селах поднялись на помощь государству, встали на защиту Родины. Всему миру известны трудовые подвиги советских патриоток в тылу и их самоотверженная борьба на фронтах Отечественной войны, в партизанских отрядах.

В сентябре 1941 года в Москве состоялся I Всесоюзный антифашистский митинг советских женщин. В Колонном зале Дома союзов собрались представительницы работниц, крестьянок, интеллигенции, женщин-фронтовичек и партизанок. Участники митинга выступили инициаторами сплочения и объединения демократических сил женщин всех стран для разгрома фашизма. Они призвали женщин Великобритании, США, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии и других стран подняться на защиту народов от гитлеризма, укреплять единый фронт борьбы против фашизма.

Этот призыв нашел широкий отклик за рубежом. Во многих странах прокатилась волна женских митингов, собраний, демонстраций. Женщины Англии, Индии, США выражали солидарность с советскими женщинами и энергичнее спла-

чивали силы для отпора гитлеровскому фашизму и японскому империализму.

На I Всесоюзном митинге был создан Антифашистский комитет советских женщин (с 1956 года — Комитет советских женщин).

В условиях войны задачей Антифашистского комитета советских женщин как общественной организации стало сплачивание советских женщин под руководством партии на защиту Родины, на разгром врага. Комитет активно содействовал развитию международного демократического женского движения, участвовал в создании и работе Международной демократической федерации женщин (МДФЖ); сейчас эта организация стала самой массовой женской организацией в мире.

Уже в 50-х годах советские женщины поддерживали через комитет письменные дружеские связи с женщинами и демократическими женскими организациями семидесяти стран мира, использовали самые разнообразные формы и методы установления связей и контактов. Наиболее действенным явился взаимный обмен делегациями. Только в 1958 году по приглашению комитета в нашей стране побывали делегации и отдельные деятельницы из тридцати пяти стран. В свою очередь по приглашению зарубежных организаций в этом году комитет направил делегации в двадцать девять стран мира.

В течение тринадцати лет я являлась заместителем председателя Комитета советских женщин Н. В. Поповой. В качестве одного из пяти членов советской делегации мне довелось участвовать в работе Совета и Исполкома Международной демократической федерации женщин.

Мы участвовали в заседаниях международных женских конгрессов и конференций в Париже, Будапеште, Копенгагене, Вене, выезжали в составе делегаций за границу. Там мы рассказывали о жизни советских женщин, о значении Великой Октябрьской социалистической революции в решении женского вопроса в СССР, о путях и методах его решения. И каждый раз особенно ясно осознавали, какое огромное значение для международного женского движения имеет пример равноправия женщин в советском обществе.

Незабываемое впечатление оставило у меня и у всех членов делегации советских женщин посещение Болгарии сразу же после войны. В числе делегатов были Герой Советского Союза Руфина Гашева, уничтожившая в боях с фашистами не один десяток вражеских самолетов, генерал-директор

тutti, заместитель начальника Московского метрополитена Зинаида Троицкая, профессор Зинаида Лебедева, ткачиха Зинаида Меньшикова, трактористка Мария Белоусова, известная пианистка Нина Емельянова и другие. Всех нас вырастила и воспитала Советская власть, и мы были для болгарских женщин наглядным примером того, как раскрепостила и на какую высоту подняла женщин великая Страна Советов.

Это было в июне 1945 года. Только что освобожденный с помощью Красной Армии болгарский народ переживал радостные дни. На улицах городов и сел царило необычайное оживление, повсюду мы слышали слова глубокой любви и благодарности братскому русскому народу.

Помню, в одной из деревень Плевенской околии к нам подошел древний старик. «Мы перед вами в долгу,— сказал он.— Вы, русские, нас освободили дважды. Я сам в 1877 году сражался плечом к плечу с русскими солдатами против турок. И вот теперь вы снова освободили нас. Наша дружба скреплена кровью».

Когда на митингах и собраниях мы рассказывали о Советском Союзе, болгары слушали нас, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы одно слово. Когда мы ходили по улицам городов и сел Болгарии, сотни мужчин и женщин старались дотронуться до нас, до нашей одежды. И этими прикосновениями они выражали свои чувства. Нам протягивали детей, дарили свои фотокарточки, фотоснимки своих детей, близких.

В селах и деревнях нас встречали по старому славянскому обычаю хлебом-солью. Женщины преподносили нам памятные подарки как самым близким и дорогим друзьям. Вспоминаю, как одна женщина сняла с пальца простенькое колечко и подарила его нашей делегатке-колхознице, поклонившись ей при этом до земли.

А случай в Тырнове буквально потряс всех нас. Никогда впоследствии я не могла вспоминать о нем без волнения. Было так, что после выступления перед воинами местного гарнизона Героя Советского Союза Руфы Гашевой молодые офицеры и партизаны-антифашисты подняли на руки автомашину, в которую она садилась, и с пением революционных песен понесли мимо ликующей толпы.

В течение месяца наша делегация побывала в десятках городов и селений Болгарии, и везде все больше и больше мы убеждались в великой любви болгарского народа к братским народам Советского Союза.

В юбилейные дни сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции советские женщины были гостя-

ми своих чехословацких друзей. В состав делегации входили член исполкома Моссовета В. Я. Богачева, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Р. П. Гончарова и я. Многие часы длились откровенные, душевные беседы с женщинами-работницами и крестьянками, сотрудницами научных учреждений, с государственными и общественными деятелями. В этих беседах наши друзья много раз говорили о том, что пример Октябрьской революции, сила и убедительность гениального учения В. И. Ленина явились решающими предпосылками для победы социализма в Чехословакии. Без Октября, говорили они, не было бы Чехословацкой Социалистической Республики. Победа Октября вдохновляла нас в течение многих лет в борьбе против буржуазии. Победа Октября явилась для нас источником силы и порукой тому, что и мы построим социалистическое общество.

На заседании пленума Комитета чехословацких женщин одна из его участниц, семидесятичетырехлетняя учительница, восхищалась героизмом советских женщин в дни Отечественной войны. В притихшем зале взволнованно звучали ее слова: «Шестьсот фашистских стервятников всю ночь напролет бомбили город. Сотни людей сгрудились в подвале, с ужасом слушая гул взрывов. И всю ночь молодая русская женщина-хирург оперировала при свете коптилок раненых чехов и советских солдат. Потолок подвала сотрясаясь, готовый рухнуть, а она спокойно делала свое благородное дело, облегчая страдания людей. Ни разу в ее глазах не мелькнул страх, ни разу не вздрогнули маленькие руки. Мы все, бывшие в подвале, готовы были молиться на эту советскую женщину, спасающую столько людей. Она навсегда стала для нас олицетворением великой силы, любви и мужества, которую таит в себе женское сердце!»

В адрес Комитета советских женщин приходили тысячи писем из Чехословакии для знакомых и незнакомых советских женщин. В одном из писем, адресованных матерям советских воинов, погибших в боях за освобождение Чехословакии, женщины этой страны писали, что они считают святым каждый кусок земли, где была пролита кровь советского солдата: «Мы кладем красные розы на эти дорогие могилы и думаем о тех, кто дал жизни этим героям, о Вас, советские матери».

А вот другое письмо, тоже из Чехословакии, полученное в 1957 году. В нем были такие слова: «За 40 лет вы сделали такие чудеса, что они будут для нас всегда ярким примером.

Мы восхищаемся душевной красотой советских людей, восхищаемся вашей работой на заводах и полях, вашей заботой о семьях, вашей борьбой за мир». В честь сорокалетия Октябрьской революции в дар советскому народу было прислано 500 чехословацких знамен. Волнующее впечатление производят эти знамена, сделанные руками простых людей,—символ любви к Советскому Союзу. Каждое знамя готовила какая-либо область, округ. Знамена и ленты к ним женщины вышивали коллективно. Каждая из них стремилась вышить своими руками хотя бы одну букву приветствия, один цветок или лепесток в венке.

Исторический опыт успешного разрешения женского вопроса в СССР и других странах социализма со всей убедительностью показывает женщинам всего мира, что действительное раскрепощение трудящихся женщин и расцвет их духовных и физических сил возможны лишь в условиях социалистического строя. Наш опыт обладает огромной притягательной силой для женщин капиталистических и сбросивших иго колониализма стран, он вдохновляет их на борьбу за свои права, за лучшее будущее.

С огромным волнением приезжали всегда к нам в Советский Союз женщины капиталистических и развивающихся стран. Люди разных профессий и политических убеждений, различных религиозных взглядов — все они с большим интересом знакомились с нашей действительностью, с жизнью советских женщин. Их внимание приковывал и жизненный уровень советских людей, и деятельность женщин в области управления государством, экономики и культуры, и условия женского труда, быта, и многое другое. Посещая промышленные предприятия, колхозы, учебные заведения нашей страны, беседуя с тысячами женщин Советского Союза, они наглядно убеждались в том, что провозглашенное в нашей Конституции равноправие женщин осуществлено в СССР на деле.

Все увиденное помогало нашим зарубежным гостям яснее осознавать все лицемерие провозглашения «равенства» полов в некоторых буржуазных конституциях.

Руководительница делегации итальянских женщин после посещения СССР писала нам о своих чувствах искреннего восхищения советскими женщинами: «Вы являетесь для всех женщин примером и надеждой, так как показали миру, что женщина способна выполнить любое, даже самое трудное, задание и может освободиться от положения низшего существа».

В августе 1958 года в СССР находилась делегация женщин Индии. Ознакомившись с жизнью советских женщин и детей, члены делегации писали: «Из всех чудес самым чудесным и радостным был для нас прогресс таджикских женщин. В прежнее время женщины носили паранджу, были изолированы от внешнего мира, находясь под властью четырех господ — отца, мужа, бога и шариата. Теперь они достойные гражданки прогрессивной страны, принимают участие во всех государственных делах».

В 1956 году в Москве проходил международный семинар «Равноправие женщин в СССР». Он был организован для того, чтобы поделиться с общественностью других стран опытом и достижениями Советского Союза в осуществлении фактического равноправия мужчин и женщин во всех областях жизни. На семинаре присутствовало свыше ста женщин из тридцати семи стран мира. Здесь были представительницы государств — членов комиссии по положению женщин при Организации Объединенных Наций, представительницы государств — наблюдателей в этой комиссии, работники секретариата ООН, занимающиеся женскими проблемами, и многие другие.

Участники семинара заслушали доклады по основным проблемам равноправия женщин в СССР. Затем они ознакомились с тем, как осуществляется это равноправие на практике — посещали предприятия, учреждения, учебные заведения, детские и социально-бытовые учреждения в разных городах, беседовали с широким кругом женщин разных профессий.

Что же увидели участницы семинара у нас? Обратимся к их собственным высказываниям по этому вопросу.

Представительница Индии заявила, что самым важным результатом семинара было то, что женщины, участвовавшие в нем, увезут «такие воспоминания и такие примеры, которые достойны подражания».

Представительница Ирана, оценивая наши успехи, говорила, что «положение женщин в Советском Союзе, их права в области политической, экономической, социальной и в области гражданских прав являются прекрасным примером для женщин азиатских стран, которые в большинстве не добились еще своих неотъемлемых прав».

Представительница Аргентины от души благодарила советских женщин за организацию семинара. «На этом семинаре, — говорила она, — мы получили положительный ответ, мы видели здесь женщин многих стран, которые борются за

те же самые права, которые нам также нужны. Эта изумительная действительность заставила нас убедиться в том, что мы имеем возможность бороться, чтобы изменить положение женщин и обеспечить счастливое будущее детей».

«Я уверена, что уезжаю отсюда обогащенной,— заявила член Бельгийской ассоциации женщин.— Но то, что я приобрела, я не буду хранить только для себя. Я буду делиться этим с другими и усиливать борьбу за дело, которое мы защищаем».

Помыслы и устремления советских женщин, прогрессивных женщин всего мира направлены к одному — не допустить развязывания новой войны. В борьбе за мир воля наших женщин непреклонна.

Женщины нашей страны активно участвуют во всенародной борьбе за претворение в жизнь планов строительства коммунистического общества, идут в первых рядах соревнующихся, проявляют массовый героизм на трудовом фронте.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

АГАДЖАНОВА Н. Ф. (1889—1974), — член КПСС с 1907 г. В дореволюционный период семь раз была в ссылке и неоднократно совершала побег. После Февральской революции — член Выборгского районного и Петроградского городского комитетов РСДРП(б), депутат Петроградского Совета. Активная участница большевистского подполья в г. Новороссийске при деникинщине. Талантливый литератор. По ее сценарию поставлен кинофильм «Броненосец «Потемкин»» — выдающееся произведение советской кинематографии, вошедший в число десяти лучших фильмов мирового кино. Являлась автором сценариев ряда других фильмов.

БЕЛОВА М. И. Род. в 1903 г., член КПСС с 1920 г. В 1919—1920 гг. — участница бессарабского коммунистического подполья; в 1921—1922 гг. на продработе в Балтском уезде, Одесской губ. По окончании лекторских курсов при Одесском губкоме КП(б)У в 1922 г. — преподаватель совпартшкол в Одессе и Елисаветграде (ныне Кировоград), в Молдавской АССР; в 1927—1930 гг. — на партийной работе в Самаре и Пензе. В 1935 г. окончила исторический Институт красной профессуры; в дальнейшем на преподавательской и административной работе в Институте красной профессуры, Московском государственном пединституте имени В. И. Ленина, в вечернем университете марксизма-ленинизма МГК КПСС, в школе рабочей молодежи. Персональный пенсионер.

БИЛЬШАЙ В. Л. Род. в 1903 г., член КПСС с 1920 г. Участница гражданской войны на Украине. В 1920—1923 гг. работала в женотделах уездных, затем губернских комитетов партии. С 1929 г. после окончания юридического факультета Харьковского института народного хозяйства — на преподавательской и пропагандистской работе, являлась начальником политотдела совхоза, находилась на научной работе во Всесоюзном институте юридических наук. Кандидат юридических наук. Делегат I съезда Советов СССР. Персональный пенсионер.

БОНДАРЕНКО М. И. Род. в 1893 г., член КПСС с 1918 г. С 1915 г. — в революционном студенческом движении. Активная участница гражданской войны на Украине; во время германской оккупации работала в подполье в Киеве, при деникинщине и во время войны с буржуазно-помещичьей Польшей находилась в Красной Армии. В дальнейшем на партийной работе на Украине и в Москве. Училась в Институте красной профессуры; затем на преподавательской работе

в Военной академии имени Фрунзе и Высшей школе профдвижения ВЦСПС. Персональный пенсионер.

БУЛЫЧЕВА З. Г. Род. в 1894 г., член КПСС с 1917 г. С декабря 1917 г.— на партийной работе, являлась членом и секретарем Рославльского уездного комитета РКП(б), членом бюро Смоленского губкома РКП(б). С 1933 г. на преподавательской работе в вузах г. Москвы. Делегат IX съезда РКП(б), I съезда Советов Белоруссии. Персональный пенсионер.

БУТУЗОВА Е. В. Род. в 1899 г., член КПСС с 1920 г., активная участница гражданской войны. В последующие годы заведующая женотделом Одесского губкома КП(б)У, затем на работе в аппарате ЦК партии; длительное время находилась на ответственной работе в Центросоюзе (являлась членом правления Центросоюза), в Госплане СССР, на преподавательской работе. Участница Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер.

ВОЛЬФ Е. Д. Род. в 1897 г., член КПСС с 1918 г. С 1915 г.— участница революционных кружков молодежи в г. Чернигове. В 1918 г. работала в Закордонном отделе ЦК КП(б)У. В дальнейшем на ответственной работе в культурно- и политико-просветительных организациях и учреждениях в Самаре, Харькове, Москве, на железнодорожном транспорте и в профсоюзах. В последующие годы работала в редакции газеты «Правда», Партиздате ЦК ВКП(б), редакции «Учительской газеты». Персональный пенсионер.

ГАГАРИНА З. Н. (1901—1972)—член КПСС с 1918 г. В 1919—1926 гг.— заведующая женотделом Южновского уездного комитета партии, заместитель заведующей женотделом Смоленского губернского комитета партии. В 1926—1930 гг.— на партийной работе в г. Саратове. После окончания Института красной профессуры в 1933—1937 гг.— преподаватель и руководитель кафедры политэкономии в Московском геологоразведочном институте имени Орджоникидзе. В 1937—1940 гг.— ответственный контролер Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), заместитель председателя ЦК МОПР и ответственный редактор журнала «Интернациональный маяк». В 1942—1948 гг.— на работе в аппарате ЦК ВКП(б). С 1948 по 1953 г.— заместитель ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС, далее на преподавательской работе в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. С 1945 по 1958 г.— заместитель председателя Комитета советских женщин, член Совета Международной демократической федерации женщин, член Советского комитета защиты мира и Всемирного Совета Мира, участница ряда международных женских конгрессов и международных конгрессов сторонников мира.

ГАГИЕВА М. А. Род. в 1902 г., член КПСС с 1925 г. Окончила Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, являлась заведующей политпросветотделом, затем народным комиссаром просвещения Юго-Осегинской автономной области. В последующие годы инструктор отдела агитации и пропаганды Закавказского крайкома ВКП(б), научный сотрудник Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), инструктор Казахского крайкома партии и заведующая курсами марксизма-ленинизма в Казахстане; инструктор Саратовского обкома ВКП(б). Персональный пенсионер.

ГРИБОВА Е. Н. Род. в 1898 г., член КПСС с 1918 г. С 1920 по 1922 г. работала женорганизатором и секретарем парткома Большой Ивановской-Вознесенской мануфактуры, затем секретарем Ивановского обкома партии. В годы Великой Отечественной войны на советской работе в Москве. Персональный пенсионер.

ГУТМАН Е. И. (1899—1972) — член КПСС с ноября 1917 г. В 1916—1917 г. работала в Петрограде статистиком; в годы гражданской войны на подпольной работе в Чернигове, затем в зафронтбюро ЦК КП(б)У. В дальнейшем на ответственной работе в Черниговском губкоме КП(б)У. По окончании Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева в годы коллективизации работала агрономом; с 1934 по 1957 г. на руководящей работе в Издательстве сельскохозяйственной литературы в г. Москве, была членом редколлегий и главным редактором сельскохозяйственных журналов.

ДРАВКИНА Е. Я. (1901—1974), член КПСС с 1917 г. Родилась в семье профессиональных революционеров. Участница революционных событий и гражданской войны; секретарь Я. М. Свердлова. Окончила Коммунистический университет имени Свердлова в 1921 г. и Институт красной профессуры в 1927 г. Советская писательница, публицист, автор многих книг, посвященных годам революции и становлению Советской власти, выдающимся деятелям российского и международного революционного движения.

ЕВДОКИМОВА Б. М. (1898—1974) — член КПСС с 1918 г. Активная участница гражданской войны, политработник в 1-й армии Восточного фронта и Туркестанского фронта; в дальнейшем на партийной работе и в печати.

ЗЛОБИНСКАЯ Г. Д. Род. в 1900 г., член КПСС с 1919 г. В 1919—1922 гг. — заведующая женотделом Волчанского уездного комитета КП(б)У, секретарь редакции журнала «Работница и крестьянка Украины»; в последующие годы на кооперативной работе на Украине, директор совхоза, уполномоченный ЦК КП(б)У по укреплению колхозов в западных районах УССР. В 1932 г. по направлению ЦК ВКП(б) на работе в системе управления животноводческим хозяйством в Восточной Сибири, в сельскохозяйственных органах.

КАЛМЫКОВА П. И. Род. в 1897 г. в Мордовии, член КПСС с 1921 г. Сельская учительница. По окончании Ленинградского Коммунистического университета, а затем педагогического института в Мордовии находилась на педагогической и партийно-советской работе. Персональный пенсионер.

КАРАСЕВА Л. Е. Род. в 1898 г., член КПСС с 1919 г. Участница гражданской войны в Приуралье. С 1920 по 1924 г. — на работе в Уржумском уездном отделе народного образования, затем в женотделе Вятского губкома партии. По окончании Государственного института журналистики в г. Москве — секретарь редакции журнала «Коммунистическая революция», находилась на ответственной работе в аппарате ЦК партии, являлась редактором, членом редколлегии журнала «Работница». Персональный пенсионер.

КОВАЕВА Н. Х. Род. в 1907 г., член КПСС с 1926 г. В 1922—1924 гг. находилась на учебе, вела комсомольскую работу среди женщин в Калмыкии; в 1924—1928 гг.— заведующая женотделом Мало-Дербетовского улусного комитета ВКП(б), член бюро улускома, затем бюро Калмыцкого областного комитета ВЛКСМ, председатель бюро юных пионеров Калмыкии; в 1928—1935 гг.— директор средней школы в г. Элисте; в дальнейшем на работе в органах печати и в Наркомпросе Калмыцкой АССР. Персональный пенсионер.

КОВНАТОР Р. А. Род. в 1899 г., член КПСС с июля 1917 г. Активная участница Октябрьской революции, в 1917 г.— секретарь райкома партии Петроградской стороны, член Петроградского Совета; затем секретарь Благуше-Лефортовского райкома РКП(б) г. Москвы, Ельнинского уездного комитета РКП(б) Смоленской губ. В дальнейшем на работе в женотделах ЦК и МК партии, являлась членом редколлегии журнала «Звезда», работала редактором в Госполитиздате. Персональный пенсионер.

КОЖИНА К. К. Род. в 1904 г., член КПСС с 1920 г. В 1919 г. вступила в комсомол, была членом Симферопольского подпольного городского комитета РКСМ, заместителем начальника разведки боевой дружины и связной Крымского подпольного областного комитета РКП(б). В 1921—1942 гг.— на комсомольской и партийной работе. Персональный пенсионер.

КУХАРЕНКО Т. А. Род. в 1911 г., член КПСС с 1946 г. По окончании Ленинградского химико-технологического института имени Ленсовета работала на химическом заводе в г. Москве, а с 1936 г.— в Институте горючих ископаемых АН СССР (ныне Министерство угольной промышленности СССР). В годы Великой Отечественной войны руководила лабораторией химии углей АН Казахской ССР. В 1958—1960 гг. работала в КНР. С 1963 г. руководила лабораторией химии окисленных углей в Институте горючих ископаемых. Доктор химических наук; член советской группы Международного торфяного общества; член редколлегии журнала «Химия твердого топлива».

ЛЕВИКОВА Р. О. Род. в 1900 г. в семье рабочего, член КПСС с 1917 г. С 11 лет работала по найму; позднее участвовала в забастовках, в подпольном кружке РСДРП. После Февральской революции участвовала в агитационной кампании по выборам большевиков в Советы рабочих депутатов; осенью 1917 г. вступила в Красную гвардию. Во время германской оккупации Украины и петлюровщины находилась на подпольной работе. При деникинщине — секретарь подпольного райкома партии Амур-Нижнеднепровского района г. Екатеринослава. После гражданской войны на партийной работе: заведующая отделом работниц Днепропетровского губкома партии, заведующая отделом Амур-Нижнеднепровского райкома партии, заведующая орготделом и секретарь Павлоградского райкома партии. В 1931—1935 гг.— инструктор Московского областного и городского комитетов партии. После окончания Академии внешней торговли работала инженером в системе Наркомата и Министерства электростанций СССР. Персональный пенсионер союзного значения.

ЛЕВКОВИЧ М. О. Род. в 1892 г., член КПСС с 1919 г. До Октябрьской революции — сельская учительница; участница большевистского подполья на Украине при денкинской и во время войны с буржуазно-помещичьей Польшей. В 1920—1927 гг.— заведующая женотделом Черкасского уездного комитета партии, Кременчугского и Киевского губкомов и ЦК КП(б)У; в 1927—1930 гг.— председатель Шевченковского окружного исполкома Совета. С 1931 г.— на руководящей партийной и советской работе в Харькове: заведующая территориальным сектором ЦК КП(б)У, секретарь райкома партии, ответственный секретарь ВУЦИК. Делегат XIII, XVI, XVII съездов партии; избиралась членом ЦИК СССР, с 1924 по 1938 г.— член ВУЦИК и член Президиума ВУЦИК. Персональный пенсионер.

ЛЮБИМОВА С. Т. (1898—1970)— член КПСС с 1919 г. С 1920 г.— на руководящей работе среди женщин в Саратове, в женотделе ЦК ВКП(б) и Средней Азии. В 1928 г.— председатель Калужского губисполкома; с 1929 г.— заведующая Московским областным отделом народного образования, затем начальник Московского областного управления связи. В годы Великой Отечественной войны — заместитель парторга ЦК КПСС на заводе; в послевоенные годы — на работе в издательствах «Московский рабочий» и «Детская литература».

НАЗАРОВА А. И. Род. в 1900 г., член КПСС с 1925 г. Активная участница гражданской войны; в последующие годы на работе в органах ВЧК; с 1923 по 1968 г.— на партийной, советской и профсоюзной работе в Казахстане. Персональный пенсионер.

НОВИКОВА П. А. Род. в 1896 г., член КПСС с 1915 г. Ткачиха в г. Твери. Активная участница Февральской и Октябрьской революций в Петрограде и Твери. В последующие годы вела работу среди женщин; работала в профсоюзных организациях и в контрольных органах партии. Персональный пенсионер.

НУХРАТ А. И. Род. в 1900 г., член КПСС с 1919 г. С ноября 1920 г.— завженотделами Башкирского и Чувашского обкомов партии; с 1925 по июль 1928 г.— инструктор, затем заместитель заведующей женотделом ЦК ВКП(б). В 1931—1937 гг.— ответственный секретарь и заместитель редактора журнала «Революция и национальности», органа Совета Национальностей ЦИК СССР. Избиралась кандидатом в члены ВЦИК и ЦИК СССР, участница I съезда Советов СССР, делегат XI съезда РКП(б). Персональный пенсионер.

ПЕТРОВСКАЯ О. Н. Род. в 1902 г., член КПСС с 1920 г. В 1918—1920 гг. принимала активное участие в большевистском подполье в г. Одессе. В дальнейшем на ответственной партийной и советской работе в Харькове, Балте, Одессе и Чернигове; избиралась депутатом Одесского городского Совета, членом Балтского уездного и Черниговского губернского комитетов КП(б)У. С 1935 г. по окончании Инженерно-технической академии имени Подбельского работала в Наркомате обороны СССР, Министерстве радиотехнической промышленности СССР, в Научно-исследовательском институте. Персональный пенсионер.

ПИСМАННИК Е. И. Род. в 1899 г., член КПСС с 1919 г. Активная участница гражданской войны. В последующие годы заведующая

женотделом Витебского губкома, заместитель заведующей женотделом ЦК КП(б) Белоруссии и заместитель редактора журнала «Белорусская работница и селянка», инструктор женотдела Московского комитета ВКП(б), заместитель редактора журнала «Делегатка» (г. Москва). По окончании литературного отделения Института красной профессуры в 1932 г. работала заместителем директора этого института и директором его вечернего отделения, вела преподавательскую и научно-исследовательскую работу. Избиралась членом ЦИК Белоруссии, депутатом Моссовета. Персональный пенсионер.

САНАЛИЕВА Н. С. Род. в 1906 г., член КПСС с 1928 г. Работала женделегаткой и волженорганизатором райкома партии. В последующие годы инструктор женотдела Гурьевского окружкома ВКП(б), помощник прокурора Гурьевского округа, заведующая женотделами Карсакпайского райкома, Актюбинского обкома Казкрайкома ВКП(б), секретарь Саркандского райкома КП Казахстана, заместитель начальника Главного управления овцосовхозов Казахской ССР, инструктор ЦК Коммунистической партии Казахстана, секретарь Семипалатинского обкома партии. С 1946 по 1965 г.— заместитель министра социального обеспечения Казахской ССР. Персональный пенсионер.

СМОРОДКИНА А. Ф. Род. в 1901 г., член КПСС с 1917 г. Участница Октябрьской революции; работала в Петроградском военно-революционном комитете, затем секретарь приемной Совнаркома. В годы гражданской войны участвовала в боях под Псковом, затем на Северном фронте. В дальнейшем на дипломатической работе в Турции, затем в органах печати в Средней Азии, в профсоюзных журналах и газетах, в аппарате ЦК ВКП(б). Училась на литературном отделении Института красной профессуры. Персональный пенсионер.

СОРОКОВА-ЦЕЛЕНКО Р. И., род. в 1901 г. в Кишиневе в семье рабочего, член КПСС с 1919 г. С 1917 г. принимала активное участие в профсоюзном движении, была членом Кишиневского городского бюро профсоюзов; с января 1918 по 1921 г.— на подпольной работе в Бессарабии и Румынии. По возвращении в Советскую страну окончила курсы при Коммунистическом университете имени Свердлова в г. Москве. В 1922 г. работала по организации помощи голодающим в Самаре и Одессе; в 1923 г. в составе пропагандистской группы ЦК ВКП(б) направлена на работу в Луганский округ в Донбасс. С 1930 г. по окончании Московского текстильного института находилась на хозяйственной работе. Персональный пенсионер.

ТАРАНТАЕВА М. В., род. в 1903 г., член КПСС с 1921 г. В 1921—1924 гг.— инструктор Вурятского обкома РКП(б), секретарь Адарского райкома партии в Вурятии, заведующая женотделом Бурятского обкома РКП(б). В 1925—1926 и 1930—1931 гг.— уполномоченная Международного женского секретариата в Монголии. В 1928—1929 гг.— инструктор женотдела ЦК ВКП(б); в 1932—1933 гг.— инструктор орготдела ВЦИК, с 1933 г.— инструктор Политуправления Наркомзема СССР. Персональный пенсионер.

ТАЧАЛОВА В. П. Род. в 1900 г. в г. Кимры Тверской губ. в семье фельдшера земской больницы, член КПСС с 1918 г. С 1916 г. состояла в подпольном кружке учащейся молодежи. С 1918 г.— на работе в

Тверском губфинотделе, на комсомольской работе. С конца 1919 г. — инструктор, а в 1920—1925 гг. — заведующая женотделом (с перерывом) Тверского губкома РКП(б), в 1926—1927 гг. — заведующая женотделом Курского губкома ВКП(б); в 1927—1930 гг. — на работе в Центросоюзе, кандидат в члены правления Центросоюза; в 1933 г. окончила Промакадемию снабжения; в дальнейшем до 1957 г. — на ответственной работе в системе Наркомата, затем Министерства пищевой промышленности. Персональный пенсионер.

ТОПОРОВСКАЯ Х. С. Род. в 1899 г., член КПСС с 1919 г. Активная участница большевистского подполья при денюжинщине в Одессе. В последующие годы на руководящей партийной и профсоюзной работе. После окончания в 1931 г. Технологического института легкой промышленности работала технологом на дубильном заводе, помощником управляющего треста «Дубитель», являлась научным сотрудником Научно-исследовательского института кожевенно-обувной промышленности. Кандидат технических наук. Персональный пенсионер.

ТРОИЦКАЯ Н. И. Род. в 1899 г. в пос. Орли Тверской губ. Весьегонского уезда, член КПСС с февраля 1917 г. В 1916—1917 гг., будучи учащейся Тверской женской гимназии, руководила большевистским пропагандистским кружком. Активная участница Февральской революции в Твери. Принимала участие в вооруженном восстании в Москве в октябре 1917 г.

После Октября — на работе в отделе народного образования Замоскворецкого районного Совета г. Москвы; с осени 1919 г. по 1922 г. — на комсомольской работе в Твери; в 1922—1926 гг. — заведующая женотделом Тверского комитета партии, инструктор по вовлечению женщин в кооперацию. В 1926—1929 гг. училась на Высших кооперативных курсах Центросоюза в Ленинграде; в 1931—1934 гг. — в аспирантуре Высшего педагогического института Центросоюза в Москве. С 1934 по 1941 г. — научный сотрудник Научно-исследовательского института торговли и общественного питания Наркомторга СССР; с ноября 1941 г. по 1955 г. — на ответственной работе в Наркомате, затем Министерстве торговли СССР и Министерстве легкой промышленности СССР. Кандидат экономических наук. Персональный пенсионер.

ЧУДИНОВА К. П. Род. в 1894 г. в семье крестьянина Тобольской губ., член КПСС с 1914 г. С 1910 г. — участница подпольных марксистских кружков политических ссыльных и учащихся Ишима и Тобольска. В 1915—1916 гг. — на нелегальной партийной работе в Москве и Московской области.

После Февральской революции — заместитель председателя Богородского уездного комитета РСДРП(б), член Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октября 1917 г. — продкомиссар Богородского уезда; в 1918 г. — на продовольственной работе в Омске. Во время борьбы с белочехами и колчаковщиной — на подпольной работе в Екатеринбурге, Томске, Иркутске. В 1921—1924 гг. — заместитель уполномоченного Наркомздрава РСФСР по Сибири, с 1930 г. после окончания Московского промышленно-экономического института — на хозяйственной, затем на ответственной партийной работе в г. Москве; была секретарем Октябрьского, Железнодорожного и Свердловского райкомов КПСС г. Москвы, членом МКК ВКП(б). В последую-

щие годы (до 1961 г.) на хозяйственной работе. Делегат VIII Чрезвычайного съезда Советов. Персональный пенсионер.

ШИМЧЕНКО-КСЕНДЗОВА П. М. Род. в 1901 г., член КПСС с 1921 г. Участница гражданской войны. В последующие годы на партийной работе: инструктор Ставропольского городского комитета РКП(б) по работе среди женщин, заведующая женотделом Благодарненского уездного комитета партии, заведующая отделом работниц и крестьянок Ставропольского окружкома ВКП(б). По окончании Московского зоотехнического института с 1934 по 1957 г. работала по специальности. Персональный пенсионер.

ШИРОКОВА-МИЛОВЗОРОВА Е. Н. Род. в 1885 г., член КПСС с 1925 г. Участница революции 1905 г.; с 1910 по 1917 г.— студентка Петроградского женского медицинского института; с 1917 по 1925 г. работала врачом военного госпиталя, затем в больнице в г. Калуге; в последующие годы являлась научным сотрудником института имени Мечникова в г. Москве.

ШУЛЬГА С. И. Род. в 1896 г., член КПСС с 1916 г. После Февральской революции работала в Выборгской районной управе в г. Петрограде; работала в секретариате VI съезда РСДРП(б). В октябрьские дни 1917 г.— в редакции газеты «Рабочий путь» и в Петроградском военно-революционном комитете, затем в Народном комиссариате внутренних дел. Участница гражданской войны. В дальнейшем на партийной и издательской работе. Персональный пенсионер.

ЯНЫШЕВА А. А. Род. в 1894 г., член КПСС с 1910 г. Участница Февральской и Октябрьской революций. После победы Октября — начальник политотдела штаба Московской Красной гвардии, начальник отдела агитации и пропаганды Политического управления Республики, начальник политотдела 15-й Инзенской дивизии. Затем на ответственной партийной и советской работе. В период Великой Отечественной войны — комиссар госпиталя в прифронтовой полосе. В последующие годы на ответственной партийной работе. Персональный пенсионер.

СОДЕРЖАНИЕ

Напутственное слово	3
Н. К. КРУПСКАЯ. За власть Советов	5
Р. А. КОВНАТОР. «Мы построим республику труда»	13
Е. Н. ШИРОКОВА-МИЛОВЗОРОВА. Встреча с Лениным	29
С. И. ШУЛЬГА. Исторические дни	32
А. А. ЯНЬШЕВА. Пережитое	36
П. А. НОВИКОВА. Три сестры	43
Н. Ф. АГАДЖАНОВА. Броненосец «Потемкин»	52
Е. И. ГУТМАН. Командир бронепоезда	59
А. И. НАЗАРОВА. Жестокий бой	64
Л. Е. КАРАСЕВА. Пути-дороги	72
Б. М. ЕВДОКИМОВА. Героическая юность	84
К. П. ЧУДИНОВА. Сибирячки в подполье	91
М. И. БОНДАРЕНКО. На военных дорогах	105
К. К. КОЖИНА. Секретная «должность»	124
Е. Я. ДРАВКИНА. Шапки долой!	138
Р. И. СОРОКОВА-ЦЕЛЕНКО. Мужество молодых	158
М. И. БЕЛОВА. Через две границы	172
Е. Д. ВОЛЬФ. Гимн новой жизни	179
С. Т. ЛЮБИМОВА. Неповторимая	205
Е. Н. ГРИБОВА. Клара Цеткин в Иванове	210
З. Г. БУЛЫЧЕВА. Делегат Смоленщины	214
Н. С. КОКОРЕВА. Охрана материнства	220
А. И. НУХРАТ. Труд до последнего дыхания	228
В. Л. БИЛЬШАЙ. Штаб женского движения	245
М. О. ЛЕВКОВИЧ. «Кто — кого?»	260
В. П. ТАЧАЛОВА, Н. И. ТРОИЦКАЯ. Варя — она же Елена Ивановна	276

П. М. ШИМЧЕНКО-КСЕНДЗОВА. К новой жизни	286
Р. И. ЛЕВИКОВА. По зову гудка	299
Г. Д. ЗЛОБИНСКАЯ. «Босой женотдел»	307
Н. С. САНАЛИЕВА. Запомнилось на всю жизнь	313
П. И. КАЛМЫКОВА. Домострой сдает позиции	319
Н. Х. КОВАЕВА. Далеко от проезжих дорог	329
М. А. ГАГИЕВА. Осетинка в пути	340
В. М. ТАРАНТАЕВА. Поднялись «угнетенные из угнетенных...»	349
А. Ф. СМОРОДКИНА. За освобождение женщин Востока	359
Е. И. ПИСМАННИК. Ступени роста	368
Х. С. ТОПОРОВСКАЯ. Путь в науку	378
Т. А. КУХАРЕНКО. Страницы лет перебирая...	394
Е. В. БУТУЗОВА. Мы за рубежом	407
О. Н. ПЕТРОВСКАЯ. Инженер, профессор, академик	414
З. Н. ГАГАРИНА. Женщины в борьбе за социализм и мир	423
Краткие биографические справки об авторах	438

Без них мы не победили бы

*Воспоминания
женщин — участниц
Октябрьской
революции,
гражданской
войны
и социалистического
строительства*

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Ю. И. Харченко*

Младший редактор *А. С. Кочеткова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. П. Межеричук*

Сдано в набор 8 мая 1975 г. Подписано в печать 25 июля 1975 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 26,04.
Учетно-изд. л. 25,57. Тираж 200 тыс. экз. А00112. Заказ № 4461.
Цена 1 р. 03 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

БЕЗ НУЖНЫХ НЕ ПОБЕДИЛИ БЫ